

В. ЕЖОВ

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Москва
Астрель, АСТ
2004

УДК 291(510)
ББК 82.3(5Кит)
Е41

Оформление и макеты иллюстраций
В. Серебрякова

Подписано в печать с готовых диапозитивов 07.12.2003.
Формат 60х90 1/16. Гарнитура Антиква. Печать офсетная.
Бумага офсетная. 31,0 п. л. Тираж 5 000 экз. Заказ № 8.

Ежов В.В.

Е 41 Мифы древнего Китая / В. В. Ежов; [Предисл. и коммент. И.О. Родина]. — М.: ООО «Издательство Астрель»: 000 «Издательство АСТ», 2004. — 496 с: ил. — (Мифы народов мира).

ISBN 5-17-016851-9 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-05289-3 (ООО «Издательство Астрель»)

Эта книга знакомит читателя с основными сюжетами и персонажами мифов и легенд Древнего Китая.

Китайская мифология — сложная, во многом противоречивая система представлений, образов и сюжетов, формировавшаяся тысячелетиями. Божества и духи, великие герои, жители удивительных стран и простые смертные, чьих судеб коснулось чудо, в образах магов и прорицателей, бесов и оборотней, и фантастических животных — все вместе они составляют единый, но весьма разнообразный, таинственный и причудливый мир, который, несомненно, завладеет воображением внимательного читателя.

УДК 291(510)
ББК 82.3(5Кит)

ISBN 5-17-016851-9 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-05289-3 (ООО «Издательство Астрель»)

© ООО «Издательство Астрель», 2003
© ООО «Родин и К» текст, 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ

Древнекитайская цивилизация, в отличие от большинства других культур, дошла до нас в непрерывной традиции, сведения о ней не являются результатом только археологических и антропологических разысканий на руинах погибшей культуры, но познаются как органический, живущий и поныне феномен, входящий составной частью в культуру нынешнего Китая.

Из чего же состоит духовная культура Китая, какие этапы пришлось ей пройти на пути длиной в несколько тысяч лет? Каким образом формировались мифология и связанная с ней система философско-религиозных представлений о жизни (в том числе и смерти) в Древнем Китае?

Первый этап, который прошла китайская культура, — его можно условно назвать «архаическим» — мало чем отличается от аналогичных периодов развития других народов. Первобытные племена охотников, скотоводов и земледельцев, вне зависимости от того, в какой части света они находились, имели сходные религиозные представления. Это связано с тем, что первобытные люди, не будучи в состоянии объяснить такие явления природы, как восход и заход солнца, приливы и отливы, лесные пожары, наводнения и пр., считали их одушевленными силами, наделенными способностью чувствовать и мыслить, — духами. Поклонялись также духам растений и животных. Одной из арха-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

ичных стадий, которую прошли все культуры, и Китай здесь не исключение, является *тотемизм*, т. е. социально-религиозная система жизни родовой общины, при которой:

1. Все члены общины ведут свое происхождение от животного-первопредка (тотема), что отражается во внешней атрибутике и в ряде ограничений, накладываемых на рядового члена общины.

2. Запрещается охотиться на священное животное (кроме специальных праздников, во время которых это животное торжественно убивают, а затем поедают). Запрет распространяется и на сексуальные отношения между членами одного тотема.

К архаическим можно отнести и еще одну, более позднюю, мировоззренческую систему. Это *шаманизм*. Для него характерно:

1. Многомирие, т. е. разделение бытия на несколько «слоев» — как правило, «мир подземный», «мир наземный» и «мир небесный».

2. Миры взаимосвязаны, основой жизненного благополучия считается гармония между мирами. Идея гармонии воплощается в образе «оси мира», или «мирового древа», проходящего через все миры и поддерживающего их.

3. В каждом из миров есть свои боги — воплощения тех или иных стихийных сил. Из них формируется первоначальный пантеон.

4. Человеческая жизнь протекает одновременно в нескольких измерениях (мирах). После смерти (равно как и во сне, а также в состояниях измененного сознания, вызванных при помощи специальных техник или наркотических средств) человек может путешествовать по иным мирам.

5. Наличие особого сословия жрецов (шаманов), осуществляющих постоянную связь между мирами.

Однако помимо архаичных мировоззренческих систем необходимо назвать и другие, которые, соб-

ственно, и сделали китайскую цивилизацию совершенно особенной. Речь идет о трех религиях Китая — даосизме, конфуцианстве и буддизме (в китайском варианте чань-буддизме).

Даосизм. Название происходит от китайского «дао цзя», т. е. «школа дао». Это учение возникло во 2-й половине I тысячелетия до н. э. Согласно традиции, основателем даосизма считается Лао-цзы. Его книга «Дао дэ цзин» («Каноническая книга о дао и дэ») явилась основополагающим трактатом этой религии. Важнейшим мыслителем даосизма был Чжуан-цзы. Желая поднять престиж своего учения в борьбе с конфуцианством, сторонники даосизма объявили его первооснователем легендарного правителя Хуан-ди (традиционно считается, что он жил в 2697—2598 гг. до н. э.). Особенно широко даосизм распространился в эпоху Тан (618—907 гг.), став неотъемлемой частью национального культа. Религиозный даосизм включал в себя магию, алхимию, врачевание, демонологию и другие элементы.

Исходной идеей философии даосизма является учение о дао — извечном, естественном пути и всеобщем законе возникновения, развития и исчезновения вселенной. Отсюда вытекает принцип следования дао, т. е. поведения, согласующегося в микрокосмосе с дао (природой) человека, а в макрокосмосе — с дао вселенной. При соблюдении этого принципа возможно бездействие (у вэй — недеяние, одна из основных идей даосизма), приводящее, однако, к полной свободе, счастью, успеху и процветанию. Всякое же действие, противоречащее дао, означает пустую трату сил и приводит к неудаче и гибели. Вселенную нельзя привести в порядок искусственным образом, напротив, нужно дать свободу ее врожденным качествам. Поэтому мудрый правитель, следуя дао, не делает ничего, чтобы управлять страной, и тогда она процветает, пребывая в

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

спокойствию и гармонии. Истинный мудрец свободен от пристрастия и предвзятости, он соединяется с вечностью и вселенной и не печалится ни о жизни, ни о смерти, понимая и принимая как должное их естественность и неизбежность. Даосы верили, что существует возможность достижения бессмертия в физическом теле. Поиски бессмертия во многом инициировали разработку таких направлений, как врачевание, алхимия, дыхательная и физическая гимнастики и т. п. Полное собрание произведений даосизма называется «Дао цзан» («Сокровищница даосских писаний»). Канон был опубликован впервые в 1019 г. объемом в 4565 томов.

Конфуцианство («жу цзя» буквально — школа ученых книжников). Философская школа, основанная Конфуцием {*кит.* Кун-цзы, т. е. учитель Кун).

Конфуций родился в обедневшей аристократической семье. В 22 года он начал обучать людей, прославившись в итоге как самый знаменитый педагог Китая. В 50 лет Конфуций начал свою политическую деятельность, став высоким сановником в Лу. Уйдя со службы, в течение 13 лет путешествовал по другим китайским государствам, не найдя, однако, в них применения своим идеям. Главным источником сведений об учении Конфуция является книга «Лунь юй» (беседы и суждения), представляющая собой записи высказываний и бесед Конфуция, сделанные его учениками и их последователями. Конфуций похоронен на кладбище, специально отведенном для него, его потомков, ближайших учеников и последователей; его дом был превращен в храм Конфуция, ставший местом паломничества.

Характерной чертой учения Конфуция является антропоцентризм. Его почти не интересуют проблемы космогонии, он уделяет мало внимания ду-

хам и потустороннему миру («Не ведая еще, что такое жизнь, как можно знать, что такое смерть?»; «Не умея служить людям, как можно служить духам?»), хотя почитает небо не только частью природы, но и высшей духовной определяющей силой в мире, а жертвоприношения предкам — важнейшим выражением почтения к ним. Однако в центре его внимания — проблемы человека, его умственного и нравственного облика. Конфуций первым разработал концепцию идеального человека (цзюнь-цзы), «благородного мужа» не по происхождению, а благодаря воспитанию в себе высоких нравственных качеств и культуры. Такой человек прежде всего должен обладать «жэнь» — гуманностью, человечностью, любовью к людям; проявления жэнь — справедливость, верность, искренность и т. д. Особое место в системе ценностей конфуцианства занимала концепция сяо, суть которой состоит в проявлении исключительной сыновней почитательности, уважения к родителям и к старшим вообще; Конфуций считал сяо основой жэнь и других добродетелей и самым эффективным методом управления страной (ибо страна — это большая семья). Наконец, Конфуций придавал большое значение музыке — лучшему средству изменения плохих нравов и обычаев, а главенствующую роль отводил этикету, т. е. правилам благопристойности, регулирующим поведение человека в разных жизненных ситуациях. Исходной точкой учения Конфуция о четком иерархическом разделении обязанностей в обществе была концепция «чжэн мин» — выпрямления (исправления) имен, т. е. приведения вещей в соответствие с их названием (знаменитое изречение: «Правитель должен быть правителем, а подданный — поданным, отец — отцом, а сын — сыном»).

Буддизм (чань-буддизм). Это школа буддизма махаяны (одна из школ классического буддизма),

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

сформировавшаяся в Китае на рубеже 5—6 вв. Первым китайским патриархом чань-буддизма считается полупоупендарный миссионер Бодхидхарма, принесший с собой из Индии учение Будды. Название школы происходит от сокращенного варианта китайской транскрипции санскритского слова «дхьяна» (*кит.* «чань-на»), что означает мистическое созерцание, сосредоточение, медитация. Уже в момент своего появления в Китае буддизм подвергся существенной трансформации. Например, методы пассивной медитации, заимствованные из традиционной буддийской йоги, сочетались здесь с методами активной, «динамической» медитации, заимствованными из психотехники даосизма. Испытал чань-буддизм и иные влияния, о чем будет сказано ниже.

Все означенные религиозно-этические системы естественным образом взаимодействовали. На древние воззрения наслаивались идеи даосизма, буддизма, конфуцианства. И все эти элементы в основном мирно уживались. Китай — едва ли не единственная страна, дающая пример культурного развития без радикальной ломки устоев прошлого во имя утверждения настоящего. Для мировосприятия китайцев вообще всегда была чужда религиозная нетерпимость (исключая, пожалуй, лишь XX век, ознаменовавшийся «культурной революцией»). Китайцы (в отличие, например, от христиан, иудеев и мусульман) никогда не боролись с чужими богами. Они, скорее, были готовы включить их в свой и без того крайне многочисленный пантеон, лишь бы не нарушать общественного равновесия. Вероятно, это объясняется тем, что религиозным системам, бытовавшим в Китае, во все времена был чужд жесткий монотеизм (т. е. признание единого верховного божества). Верховное космическое божество у китайцев никогда не было персонифицировано.

Скорее, это было некое высшее начало, источник всего, что не может быть познано. Так что китайцы поклонялись, можно сказать, даже не самому боже-ству, а его различным проявлениям в окружающем мире. Это могло быть что угодно — от грозного явления природы или болезни до странно ведущей себя бытовой утвари или рождения близнецов. Подобные примеры были достаточным основанием для канонизации данного явления, возведения кумирни и основания соответствующего культа. Божества были для китайцев своего рода каналами, связывающими миры, при помощи которых высшее начало могло проявляться в мире людей. Именно поэтому основные различия в религиозных системах Китая проявлялись не в вопросах, кому поклоняться и как, но в задачах устройства земной жизни в соответствии с божественным промыслом. Как придать миру вокруг и, соответственно, обществу вид божественной красоты и совершенства? Как уподобить мир Великому Творению, в котором царят гармония и равновесие? Для даосов это был путь постижения дао, для буддистов — постепенное слияние с изначальной сущностью мира (достижение состояния будды) и погружение в нирвану, для конфуцианцев — путь «идеального мужа», свято соблюдающего установления (правила) ли.

Примечательно, что во всех этих случаях человек не оказывался рабом бога, но всегда занимал активную позицию — от выбора самого пути самосовершенствования до темпов продвижения по нему. Замечательно также и то, что человек изначально наделялся возможностью достичь «божественности» благодаря самосовершенствованию, и в том случае, если он делал это успешно, его вполне могли причислить к «лику святых». У даосов такой человек становился бессмертным, у буддистов — буддой, у конфуцианцев — «идеальным мужем» (прави-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

телем, чиновником и проч.) и вполне заслуженно занимал свое место в пантеоне. В основу данных религиозных систем был положен принцип изначальной благодати мира. Идея изначальной греховности (первородного греха) человека, свойственная западным религиозным системам, была чужда китайцам. Соответственно, не было идеи изначальной вины и, как следствие, идеи искупления.

Основой материального мира, самого его существования издревле считался дуализм (двойственность), т. е. наличие во вселенной противоположных начал (инь и ян). Согласно космогоническим представлениям, до этого существовало единое, нерасчлененное состояние бытия (у даосов именуемое «тайцзи»), из которого путем изначальной вибрации возникли противоположности (инь и ян), в свою очередь породившие весь материальный мир.

Помимо этого, интересно отметить, как религиозным сознанием китайцев воспринимается богоборчество. В мировоззренческой системе китайцев сам акт богоборчества ничем не примечателен и не осуждается как таковой по одной простой причине: никому не заказан путь сделаться богом. На первый план выходит не само намерение «сравняться с богом», а адекватность воплощения этого намерения. Если «претендент» оказывался способен явить свою божественную сущность, то он по праву становился богом, заслуженно зачислялся в пантеон, ему строились кумирни, ему поклонялись, у него просили помощи и защиты (таковы, например, все боги — покровители ремесел). Однако если он не подкреплял свои притязания реальным деянием, то он, соответственно, объявлялся самозванцем, подлежащим разоблачению. Характерно, что мотив самозванства — один из центральных в китайской мифологии (например, Чию, прикидывавшийся божеством и выдававший себя за Янь-ди; лисы, пред-

стающие перед людьми то в обликах бессмертных даосов, то различных божеств и проч.). В более широком плане мотив самозванства воплощается в сюжетах, связанных с оборотничеством. Безусловно, своими корнями мифы об оборотнях уходят в архаические верования тотемистического характера. Однако трансформация смысла данных мифов, происходившая под воздействием буддизма, даосизма и конфуцианства, шла именно в таком направлении: человек должен видеть под внешними проявлениями суть вещей, и, соответственно, отличать божественное (истинное) от подделки под божественное (т. е. ложного, в основе чего лежит самозванство). Не случайно в такого рода сюжетах разоблачителями оборотней являются «мужи, глубоко проникшие в суть вещей», т. е. люди, достаточно далеко продвинувшиеся по пути духовного самосовершенствования.

В западном варианте богоборчества (правильнее было бы сказать в монотеистической связке иудаизм-христианство-ислам) наблюдается совершенно иная картина. Монотеизм предполагает изначальную узурпацию божественного статуса и, соответственно, монополизацию религиозных отправлений. В подобных условиях любая богоборческая идея не может оцениваться с точки зрения ее истинности или ложности, так как изначально подпадает под определение «ереси» как нечто, посягающее на божественную монополию. Таким образом, преступным оказывается само намерение «сделаться богом» (например, библейский сюжет о Вавилонской башне). История монотеистических религий представляет собой непрерывную череду религиозных войн (с так называемыми неверными). В аналогичной ситуации в Китае просто образовывалась еще одна школа того или иного религиозного направления.

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Итак, религии в Китае никогда не существовали изолированно, никогда открыто не враждовали между собой, несмотря на то что полемика (в частности, между даосизмом и конфуцианством) велась, и это нашло определенное отражение в источниках, в том числе и в мифах. Постоянно взаимодействуя и взаимообогащая друг друга, все эти составные элементы образовали уникальную религиозно-философскую систему. Именно это обстоятельство затрудняет определение границ собственно китайской мифологии. Во-первых, источники, предоставляющие материалы по мифологии Китая, крайне неоднородны не только по своему составу, но и по характеру. Фиксируя состояние мифологического наследия в какой-то определенный отрезок времени, они вместе с тем содержат и ту или иную степень трансформации этих мифов ведущими религиозными школами (даосами, конфуцианцами, буддистами). Учитывая то, что процесс ассимиляции мифологического наследия начался достаточно давно (еще в I тысячелетии до н. э.), мифология (т. е. архаическая система взглядов, образно изложенная) в китайском варианте может быть лишь результатом реконструкции, скрупулезной ее очистки от позднейших напластований. Процесс этот довольно трудный, так как многие из частей мифологической системы были утрачены в силу своей невостребованности для пропаганды новых религиозных взглядов, а некоторые из них, наоборот, приобрели гораздо большее значение, чем имели изначально. Характернейшим примером могут служить мифы о первых государях (Хуан-ди, Юй и проч.). Сведения о них дошли до настоящего времени в значительной степени благодаря конфуцианству, adeпты которого использовали эти мифологические персонажи для пропаганды собственных идей (в данном случае — для формирования представлений об идеальном правителе).

Именно в силу этих специфических особенностей китайской мифологии нельзя не сказать об источниках, донесших до нас сведения о древних мифах. Их можно разделить на три категории.

1. Письменные источники, дошедшие до нас. Они представляют нам материалы по мифологии Китая, как правило, в наиболее полном виде. Однако письменный источник включает в себя массу напластований и, кроме того, следует учитывать, что фактором, существенно искажающим материал, могут быть личные пристрастия автора, его приверженность тому или иному религиозному направлению.

2. Результаты археологических разысканий. Как известно, материалы археологических раскопок относятся лишь к предметам материальной культуры, соответственно, религиозные представления необходимо реконструировать.

3. Фольклорные, языковые материалы, данные этнографии, т. е. сказки, предания, легенды, топонимические данные, лингвистический анализ архаичных пластов языка, сведения об особенностях быта и социальной организации тех или иных народов.

У каждого из трех источников есть свои достоинства, но вместе с тем и очевидные недостатки. В соответствии с этим более или менее достоверную картину мифологических воззрений можно восстановить лишь при комплексном подходе, используя все три типа источников. Кроме того, восстанавливая утраченные части архаических воззрений, следует привлекать материалы по мифологии других народов — «по аналогии». Подобный комплексный подход стал возможен лишь относительно недавно, когда многие ученые — антропологи, этнографы, фольклористы, археологи, лингвисты и т. д. — начали работать «в связке», открывая новые перспективы на стыке наук. Это в полной мере относится к изучению китайской мифологии.

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Впервые попытка систематизировать и изложить материал по китайской мифологии была сделана русским китаеведом С. М. Георгиевским еще в 1892 г. И хотя в своей работе автор не вышел за рамки русской мифологической школы того времени, этот труд ценен тем, что он написан на уровне современной автору науки. Вслед за этим появляются работы других авторов (например, Н. М. Мацокина «Мифические императоры Китая и тотемизм»), в которых впервые поднимаются вопросы о существовании в Китае материнского рода (отголосок матриархата) на примере женского предка Нюйва и пережитков тотемизма в традиции о древних мудрых предках китайцев. Интересна книга Я. Я. М. де Гроота «Демонология Древнего Китая» (1907), в которой была предпринята попытка дать наиболее полную картину китайской мифологии.

В самом Китае мифология стала объектом изучения сравнительно недавно, лишь в 20-х годах XX столетия. Однако на изучении мифологии в этот период сказался своего рода психологический стресс, который испытали многие китайские ученые, когда в результате археологических раскопок устоявшиеся веками теории и взгляды на древность китайской цивилизации потерпели крушение. Так, археологи доказали, что в IV—III тысячелетиях до н. э. на территории нынешнего Китая была вовсе не Великая китайская империя, как это представлялось веками китайским историкам, а неолитическая культура и племенной мир, очень далекий от идеально устроенного государства мудрых императоров древности, а историческая традиция, которая начинала историю китайского государства с IV тысячелетия до н. э., основывалась исключительно на мифах и легендах. Таким образом, сведения, почерпнутые из источников: «Книга преданий», «Хуайнаньцзы», «Лецзы», «Каталог гор и морей» и др.,

оказались не чем иным, как результатом «историзации» архаических воззрений, т. е. переработки их в форму, удобную владыкам Поднебесной.

Немногим ранее западные ученые пришли к такому же заключению. Одновременно с этим в 20—30-е гг. произошло приобщение китайской интеллигенции к западной науке и ее знакомство с историей мировой культуры. Именно выходом из замкнутости традиций национальной культуры объясняется то, что многие китайские работы 20—30-х годов по мифологии испытали на себе влияние некоторых распространенных на Западе мифологических теорий (в первую очередь тотемической Э. Дюргейма и «номиналистической» Г. Спенсера).

Однако для всех работ этого времени характерно нечеткое понимание самого предмета исследования. В нем объединялись и мифологические темы, и фольклорные, и литературные. Часто в мифологию включались житийная литература, религиозные легенды, фантастические повести и т. д. Кроме того, многие историки 20—30-х годов (поскольку открытие мифологии Китая подорвало традиционные представления о древнейших периодах истории Китая) принялись усиленно «очищать» историю от мифологии. Ранее они видели в мифах ошибки древних историков, принявших названия животных, птиц, растений и т. д. за имена людей, или намеренную фальсификацию истории в идеологических и политических целях. Теперь же исследователи, продолжая видеть в мифах своего рода исторические документы, отождествляли предков-родоначальников и культурных героев не с императорами и их советниками-вельможами, как это делалось в старой исторической традиции, а с вождями племен. Некоторые, напротив, пытались свести все мифологические воззрения к явлениям тотемизма и некоторым видам магии.

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Тем не менее, несмотря на все отмеченные недостатки, именно в период 20—30-х годов были осуществлены основные исследования по мифологии Китая. Совместными усилиями китайских и западных ученых был установлен основной круг героев, тем и сюжетов мифологии.

В конце 30-х годов в связи с китайско-японской войной изучение мифологии прерывается и возобновляется лишь после образования КНР, но в гораздо более скромных масштабах. Следует отметить наиболее крупные исследования этого периода: Юань Кэ «Мифы Древнего Китая» и Сюй Сюйшэна «Легендарный период древнекитайской истории». В книге Юань Кэ как бы подводятся итоги исследований китайских ученых 20—30-х годов. В популярном изложении сюжетов автор учел почти все реконструкции, сделанные в те годы, использовал все источники, введенные в круг исследования мифологии.

В последнее время в Китае оживился интерес к мифологии, появляются новые работы. Тем не менее серьезный комплексный подход — это вопрос хотя и недалекого, но все-таки будущего.

Прежде чем перейти к анализу мифологии, следует вначале определить, что такое миф? Чем отличается миф от других жанров — легенды или поверья, предания, притчи наконец? Исследователи дают на это разные ответы. Для того чтобы попытаться подытожить ответ на этот вопрос, вспомним, из чего состоит любая (а тем более архаичная) философско-этическая система. В любой такой действующей системе всегда присутствуют три компонента, три части.

Первая — сакральное знание, как правило, повествующее о происхождении мира и людей, о появлении социальных установлений и об источнике культурных благ. Сакральное знание являет-

ся достоянием лишь посвященных, людей, прошедших жесточайший отбор. Это вожди, старейшины рода, а также священнослужители (жрецы, шаманы и проч.).

Вторая — ритуал. Это тот инструмент, при помощи которого сакральное знание проецируется на поведение основной массы людей. Ритуал является механизмом, при помощи которого у членов социума закрепляются те или иные поведенческие стереотипы, нормы жизни.

Третья — фольклор. Это результат адаптации ритуала к общепринятым нормам, объяснение ритуала непосвященным, низведение его до бытовых представлений. Выкристаллизовывается своего рода «лубочный» вариант философско-этической системы. Типичным примером подобной «фольклоризации» можно считать процесс вырождения мифа в волшебную сказку.

Следует помнить, что все три компонента — сакральный, ритуальный и фольклорный — присутствуют в любой системе постоянно, претерпевая изменения по мере развития общества и религиозно-этических представлений.

Если исходить из того, что миф — это универсальное знание о мире (нерасчлененное и неспециализированное), то мифом в полном смысле этого слова можно назвать лишь то, что относится к первому слою, т. е. к сакральному знанию. В тот момент, когда миф начинает разлагаться, возникает жанровое многообразие. Так, мифы о тотемах-первопредках, утрачивая свою сакральность, превращаются в предания о первых правителях. При этом миф — «недостоверная история», предание — «более или менее достоверная история» (как правило, от собственно истории отличающееся тем, что описываемые события не датированы или есть серьезные затруднения в их датировке).

Таким образом, мир древних мифов оказывается неизмеримо шире мира рационалистически мыслящего современного человека, так как кроме мира «наземного» (рационального) включает в себя как минимум еще два — подземный и небесный, а также бесчисленное количество путей, связующих их. И если на этих путях человеку вдруг становится понятным время сева или жатвы (т. е. знание находится в том числе и хозяйственное применение), то тем большее величие обретает бог, тем больше его милости изливается на Творение, тем крепче убежденность, что боги довольны, мир находится в гармонии, и правление успешно.

Как видим, перед нами совершенно иная логика, иной внутренний смысл, а соответственно, иная мировоззренческая система, к анализу которой подходить с привычными современному человеку рациональными критериями системы не только неверно с точки зрения смысла, но и просто бесполезно. Все так называемые «архаические» мировоззренческие системы строились именно в соответствии с этой нерационалистической логикой. Не являлась исключением и мировоззренческая система Древнего Китая.

Однако у древнекитайской мифологии есть и другие существенные особенности. Во-первых (и это самое главное), мифологическое мышление Китая не было подвергнуто рационализации, как, например, греко-римское. Даосизм и буддизм вообще ценили «рацио» довольно низко, предпочитая интуитивный способ познания мира. Философия ради философии, как своего рода самолюбование ума, всегда была чужда Востоку. В соответствии с этим мировоззрением истинное знание не может быть высказано словами, поскольку бога невозможно постичь умом. Подавляющее большинство даосских и буддийских текстов является не чем иным, как записью-

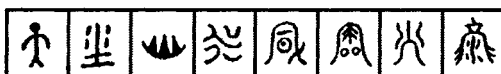
«Отец» китайской
историографии
Сыма Цянь

Основные графические
направления и стили

ГУ ВЭНЬ

«древние письмена», пиктограммы
до IX века до н.э.

небо земля гора вода ветер гром огонь болото

ЧЖОУВЭНЬ

«чжоуские письмена»

ДА ЧЖУАНЬ

«великий стиль», 800—220 гг. до н.э.

СЯО ЧЖУАНЬ

* «малый стиль», до 209 г. до н.э.

Циньские

и ханьские стили

ЛИ ШУ, до 200 г. до н.э.

ЦАО ШУ, 200 г. до н.э. – 200 г. н.э.

БАФЭНЬ ШУ, около 100 г. н.э.

Стандартные

каллиграфические стили

КАЙ ШУ, «уставное письмо»

СИН ШУ, «курсивное письмо»

В таблице наглядно показано, как развивалась
китайская письменность

Справа: древнейшие
китайские письма

Слева: Пиктограммы
эпохи Инь

С неолитической керамики

Каллиграфия Ван Сичжи

Слева направо: каллиграфия, устав, скоропись

游德園積精香潔玉
存作道真柔身獨
餘法對空有豪氣
虎至清如雲石聲

游德園積精香潔玉
存作道真柔身獨

游德園積精香潔玉
存作道真柔身獨

ми учеников о своих беседах и общении с учителем (например, «Лунь юй» — книга о взглядах и беседах Конфуция, записанная его учениками). Это были своего рода «конспекты», которые позволяли еще раз вернуться к тому, что сказал или сделал учитель, дабы обрести лишнюю возможность поразмыслить над увиденным или услышанным. Эти притчи или, в более широком смысле — тексты, ничему не учили. Они лишь позволяли, выражаясь метафорически, ступать туда, куда ступала нога учителя, чтобы облегчить процесс самосовершенствования. Именно поэтому подобных текстов — величайшее множество, как бесконечно количество путей, по мнению китайцев, ведущих к совершенству.

Главными действующими лицами буддизма и даосизма являлись монахи, отшельники, странствующие проповедники — одним словом, люди, удалившиеся от общества с целью обретения внутренней гармонии для постижения и непосредственного переживания божественной сущности мира. Соответственно, общество оставалось как бы вне сферы религиозных интересов, что привело в итоге к нарушению взаимосвязи между сакральным знанием и обществом, которая всегда осуществлялась через ритуал. Ритуал же, как уже отмечалось выше, служил инструментом выработки социальных стереотипов у непосвященных, т. е. основной массы людей. Даосы и буддисты пренебрегали ритуалом, считая, что это отбирает неоправданно большое количество времени и сил у процесса самосовершенствования. В результате данные системы неизбежно теряли свой универсализм и превращались в своего рода «религию для посвященных». В конце концов общественные установления лишались высшего смысла, ритуал, теряя свою почву, неизбежно приходил в упадок, ввергая жизнь самого общества во все больший разлад и хаос.

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

В этой связи вполне логична позиция конфуцианства, которая, напротив, ограничивала свои интересы лишь жизнью общества, делая своим главным объектом «человека социального». Явившись во многом реакцией на упадок «традиционной добродетели», конфуцианство служило, по существу, одной цели — «консервации» ритуала в том виде, в котором он в своих лучших образцах дошел до тех времен. Гениальность Конфуция (если говорить о нем как о реальном персонаже, жившем согласно источникам, в 551—479 гг. до н. э.), собственно, и состояла в том, что он сумел своим учением вывести этическую систему из упадка, при этом сделав ее совершенно самодостаточной. Интересно проследить, каким именно образом он это делает.

Если кратко сформулировать идею социального бытия, существовавшую на момент появления конфуцианства, выглядеть это будет так. Центральной темой были отношения правителя-вана и Неба как источника благодати (магической силы «дэ»), при помощи которой ван (т. е. «Сын Неба») упорядочивал «Поднебесную» (т. е. общество).

Как видим, такое понимание во многом отличается от «шаманского». Дэ, хотя и наличествует в системе, выступает уже не как звено, связующее миры, но лишь в качестве своеобразного обоснования монаршего права. Небеса оказываются доступны лишь монарху, при этом небеса, понимаемые как источник некой высшей воли, без объяснения ее природы.

В этой связи интересно вспомнить миф, повествующий о том, как император Чжуаньшюй (преемник великого Хуан-ди), приказывает разрушить лестницы, «связывающие небеса и землю». Предание гласит, что в результате этого деяния «обитатели земли уже не могли вмешиваться в дела богов и духов». Вполне возможно, что реальным событием,

которое легло в основу этого мифа, была узурпация религиозной власти главой военной знати. Религиозно-этическая система шаманизма, существовавшая на более раннем этапе, предполагала наличие целого общественного слоя священнослужителей (жрецов, шаманов), которые, осуществляя сообщение между мирами, «путешествовали» в состоянии измененного сознания к богам и духам, испрашивая их волю на то или иное земное деяние (описания доживших до нас шаманских культов достаточно полно отражают этот процесс). Акт разрушения «лестниц на небеса» можно вполне трактовать как запрещение шаманских практик и ликвидацию института шаманов в целях сосредоточения «светской» и «религиозной» власти в одних руках — руках императора. Вероятнее всего, до этого власть Сына Неба не была полной, а осуществлялась в пределах ритуала, при помощи которого земля уподоблялась Небу. Согласно логике ритуала, если на Небесах главным субъектом, вокруг которого так или иначе строится бытие, является Солнце, то и в мире людей должно быть его подобие (возможно, отсюда и само название — «Сын Неба», т. е. подобие Солнца на земле). Сын Неба, управляя страной, осуществлял, если так можно выразиться, «тактические» задачи, в то время как за «стратегию» (идеологию) отвечали жрецы. Однако по мере сосредоточения военной и социальной власти в одних руках неизбежно наступал момент, когда «опека» жречества начинала раздражать правителя и его окружение, жаждавших всей полноты власти. Вспыхивала усобица (такими примерами изобилует, например, египетская история), которая могла закончиться как победой жречества, так и победой правителя.

Скорее всего, именно о такого рода борьбе повествует китайский миф о войне легендарного Ху-

ан-ди с «медноголовым Чию». Напомним содержание мифа. Хуан-ди, правитель центрального региона страны (Владыка Центра), обложил данью все остальные уделы. Большинство смирилось, не покорился лишь Владыка Юга — Янь-ди. Хуан-ди собрал тогда «звериное» войско, состоящее из медведей, барсов, тигров и т. д., и отправился воевать с Янь-ди. Вскоре состоялась битва, которую Янь-ди проиграл (после чего бежал на Север). Тогда в бой вступают великан Чию (объявивший, что он и есть настоящий Янь-ди, т. е. бог-солнце) и его 72 брата, имеющие весьма необычный вид — звериные черты соседствуют в них с «многорукостью», «четыреглазостью», «медноголовостью» и «железнодорожностью». Они наделены волшебными свойствами — умеют насыщать чары, летать, создавать оптические иллюзии и проч. Кроме того, они искусные ремесленники — могут делать великолепное оружие — от прочных легких трезубцев до огромных топоров и легких луков и стрел. На их стороне выступает воинственное племя мяо, а кроме того — потусторонние силы. Благодаря своим магическим способностям они выигрывают одну битву за другой у Хуан-ди.

Хуан-ди, ввиду безвыходного положения, обращается за помощью к мудрому старцу Фэн-хоу, который изобретает статую, чья рука всегда указывает на север, и войско Хуан-ди выходит из тумана, насланного врагами. Чтобы победить Чию и его братьев, Хуан-ди обращается к магии. Он прибегает к помощи дракона Инлуна, умеющего вызывать дождь. Инлун располагает дождевые облака над вражеским войском на особой подставке. Однако Чию призывает на помощь духа ветра Фэн-бо и хозяина дождя Юй-ши. Возможно, Инлун неправильно расположил свою подставку или так воздействовала магическая сила Чию, но облака сносит на войско Хуан-ди, над которым и проливается дождь.

Тогда Хуан-ди призывает на помощь Ба, демона засухи. Она обрушивается на неприятеля и сеет смятение в его рядах, Хуан-ди наносит поражение войску Чию и убивает нескольких его братьев.

Чтобы поднять дух своего войска и одержать окончательную победу над Чию, Хуан-ди предпринимает другое магическое действие. Он разыскивает священное животное — одноногого, безрогого пепельно-серого быка Куя, который умеет говорить по-человечьи, и, убив его, делает из его шкуры барабан. Затем, нуждаясь в барабанных палочках, Хуан-ди убивает бога грома Лэй-шэня (он же Лэй-шоу, что означает «зверь-гром», который имел тело дракона, а голову человека) и из его костей делает барабанные палочки. Ударив в барабан, Хуан-ди поднял дух своего войска, оно победило сторонников Чию. Сам Чию был взят в плен, а позже Хуан-ди его публично казнил.

Теперь попробуем понять, о чем же реально повествует этот миф.

Итак, Хуан-ди, Владыка Центра, облагает данью сопредельные земли. Вполне логичное действие в процессе объединения и централизации государства. Вероятнее всего, к этому времени Владыка Центра обладал уже всей полнотой власти, и жречество было оттеснено от управления государством. Южные области, в отличие от остальных, отказываются подчиниться, что естественным образом влечет за собой карательную экспедицию.

Ввиду приближающейся военной кампании, выражаясь современным языком, в строй призываются «резервисты» и заключаются союзнические договоры с соседними племенами. Именно в этом ключе стоит понимать слова о том, что войска Хуан-ди состоят из тигров, медведей, драконов и проч. Речь, конечно же, идет не о реальных диких зверях, а о тотемистических самоназваниях родов, прини-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

мавших участие в походе. На Юге, вероятно, власть не была централизована, и жрецы не только не были отстранены от управления государством, а напротив, являлись его основной опорой. Правитель Юга Янь-ди во главе постоянного войска (которое обычно в мирное время выполняло полицейские, а также пограничные функции) выступил навстречу неприятелю и был разбит. Поняв, что войско Хуан-ди представляет серьезную угрозу, «южане» изгнали на Север своего правителя (другими словами, «уволители»), призвали на службу своих «резервистов» и тоже заключили союзнические договоры (племя мяо), после чего жречество во главе с верховным жрецом Чию повело войско навстречу неприятелю. Предположение, что Чию и его 72 «брата» были жрецами (или, по крайней мере, принадлежали к племени, которое обладало высоким культурным уровнем и управлялось жрецами), подтверждается следующим: 1. Они наделены зооморфными чертами, что свидетельствует об их непосредственном отношении к культам с тотемистической атрибутикой. 2. Они весьма могущественны, т. е. отличаются от обычных людей, это подчеркивается путем многократного умножения обычных человеческих качеств — шесть рук, четыре глаза и т. д. К слову сказать, многие тотемистические зооморфные одеяния шаманов имели эти признаки — четырехглазость, многорукость. 3. Они показаны искусными мастерами, т. е. обладают специфическими знаниями, которые позволяют им делать очень качественные вещи из металла, в частности оружие (а жречество всегда являлось хранителем и фактически монопольным владельцем научных знаний). Возможно, Владыка Центра и кланы, составлявшие его войско, не обладали секретом выплавления из руды металлов (хотя и пользовались им, покупая или захватывая у южан), или их металлургия находилась

не на столь высоком уровне развития. Косвенно это подтверждает фраза о том, что Чию и его братья «питались песком, камнями и кусками железа», т. е. использовали их, выплавляя металл. Возможно и другое. Устранив жречество, Владыка Центра, хотя и обрел власть, тем не менее лишился «научных кадров», которые не только двигали «науку» вперед, но и формировали «кадровый состав» тех, кто обеспечивал «технологию» выплавки металла. А может, просто в силу уничтожения «научной школы» (которой являлось жречество) Владыка Центра лишил свою металлургию возможности двигаться вперед. Впрочем, это предположение не противоречит предыдущему, а скорее дополняет его. 4. Владение всеми секретами «технологии» приписывается самому Чию (подчеркивается, что «он все делал своими руками»). Трудно представить, чтобы правители более позднего периода «своими руками» делали оружие, это стало уделом ремесленников, а сама технология — заботой «ученых», занимавших соответствующие чиновничьи должности. Не было никакой необходимости то же самое делать и Чию. Это оправданно лишь в одном случае — если процесс изготовления оружия был не просто «технологией», а частью магического действия и с ним во время изготовления следовало производить соответствующие манипуляции. Тогда это автоматически становится прерогативой жрецов и как наиболее ответственное дело, от которого зависит жизнь сообщества, — прерогативой верховного жреца. «Медноголовость» и «железнолобость» можно отнести к описанию своеобразной военной экипировки сторонников Чию. С практической стороны дела такая конфигурация шлема весьма логична: сам шлем делается из меди как из наиболее дешевого и, соответственно, доступного материала в то время, а та его часть, на которую приходится основные удары — сверху вниз,

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

если стоять лицом к противнику — из железа, как более твердого, но в то же время более дорогого (из-за в полтора раза большей температуры плавления) материала. 5. Чию и его сторонники ведут войну при помощи магии, т. е. совершают соответствующие магические действия и обряды, которые призваны повлиять на ход событий. Совершенно необязательно, что данные действия имели какое-то реальное влияние на природные силы (об эффективности шаманских практик ведется много споров, особенно в настоящее время). Бесспорно одно — они оказывали влияние на человеческую психику. Те, кто совершал обряд, укреплялись духом, а кроме того, в состоянии измененного сознания — трансе, наркотическом опьянении и т. д. — обретали «сверхвозможности». В качестве более поздней аналогии достаточно вспомнить знаменитых берсерков, воинов-викингов, которые перед началом боя глотали грибы, обладающие наркотическим действием (по утверждению Л. Гумилева, сушеные мухоморы), и тем самым ввергали себя в состояние транса.

Итак, войско Хуан-ди терпит поражение за поражением. Кульминационный момент наступает, когда Хуан-ди, *по* того не обращавшийся к услугам магии, поставленный в безвыходное положение, вынужден пойти «на поклон» к собственным опальным жрецам. «Мудрый старик» по имени Фэн-хоу при помощи железной статуи, чья рука всегда указывает на север (очевидно, аналог компаса), выводит его из тумана (вероятно, речь идет не о каком-то волшебном тумане, а о том, что войско Хуан-ди из-за тумана, причиной которого сочли «колдовство» жрецов Чию, сбилось с дороги и попросту заблудилось).

Другим магическим деянием, к которому прибегает Хуан-ди, становится вызывание дождя.

Производит это действие дракон Инлун. Драконы традиционно были связаны с дождем. В большинстве архаичных религий вода всегда связана с рептилиями, они (в частности, змеи) выступают в качестве ее символа. Вероятнее всего, данный архетип сформировался под воздействием внешнего сходства — змея ползает по земле и извивается, как водный поток (а часто и живет в воде). В соответствии с этим символом «летучей воды» (дождем) должен быть «летучий змей», т. е. дракон (а если присовокупить сюда еще молнию, то получится огнедышащий дракон). Интересно отметить, что сочетание «ветер» и «вода» звучат по-китайски как «фэн-шуй» — понятие также чрезвычайно важное в китайской мифологии и обозначающее некую демоническую силу, а вместе с тем и искусство определять пропорции жилища, соотношение в среде обитания природных элементов с целью уравнивать эту демоническую силу (вероятно, изначально шла речь о магическом ритуале строительства жилища, призванного, как известно, выполнять функцию защиты от дождя и ветра).

Со всей очевидностью из вышесказанного следует, что перед нами вовсе не сказочное существо, а жрец-заклинатель дождя. То, что «дракон» устанавливает облака на «специальной подставке», лишний раз подтверждает, что перед нами магический обряд. Так называемая «симпатическая магия» (термин Д. Фрэзера) основывается на положении, что подобное порождает подобное. Отсюда, например, представление, что если наступить на тень человека, то будет причинен вред самому человеку, что если колоть иглками куклу врага, то раны в конечном итоге образуются у твоего реального недруга. Магическое действо заклинателя дождя, по-видимому, включало в себя разыгрывание соответствующего Действия на «макете» — помещение облаков над

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

войском противника. Отсюда и «специальная подставка». Однако в итоге дождь пошел над войском самого Хуан-ди, что, естественно, было приписано козням противника.

После того как Хуан-ди, обратившись к магии, одерживает первую победу, он, желая закрепить успех и окончательно разгромить противника, прибегает к самому сильному средству — жертвоприношению. При этом характеристики и описания жертвенных животных не носят конкретного характера — они наделяются функциональными чертами того, что из них предстоит сделать: палка, бьющая по барабану, производит гром, соответственно зверь называется «зверь-гром», бык (по крайней мере говорится, что это бык) замечателен своими необычными качествами: одноногий, безрогий, специфического цвета. Вероятно, здесь отразился бытующий у многих народов обычай приносить в жертву животных, особо «отмеченных», т. е. обладающих какой-либо особенностью, отсутствующей у остальных его сородичей. Логика здесь примерно такая: необычность есть проявление божественного, т. е. вещественное свидетельство присутствия иных миров в мире земном, поэтому, выбирая «посланника» в эти иные миры, вполне логично остановиться на том, кто носит на себе их печать, в этом случае «посланец» точно доберется и сделает это быстрее, чем остальные. Ряд источников также свидетельствует, что предметами культа в Китае были камни, имеющие сходство с животным. При подобных жертвоприношениях камни (как и многие другие культовые предметы, в частности колокол и барабан) обмазывались кровью жертвы. Возможно, речь в мифе идет именно о жертвоприношении такому «природному» идолу, являющемуся воплощением тотемистического предка.

В образах жертв, кроме животных, присутствуют и человеческие черты (бык говорит челове-

ческим голосом, у второго зверя — голова человека). Поэтому, возможно, речь идет не о жертвоприношении животных, а о человеческом жертвоприношении. Обряды принесения человеческих жертв восходят к тотемистическим культам, состоявшим, в частности, из ритуального каннибализма, в особенности в отношении плененных во время военных действий (что неоднократно описывалось в литературе), и последующего погружения в экстатическое состояние (под звук барабана), во время которого каждый член сообщества переживал свое непосредственное тождество с тотемистическим животным (божеством-первопредком). В последующую эпоху шаманизма жертва уже рассматривалась как посланец богам, т. е. основная ее функция из пищевой стала социальной.

То, что в данном мифе жертва не объявляется тотемом (ритуальное поедание которого было свойственно тотемизму) и не называется просто жертвенным животным (как это было бы в более поздние времена), а «богом грома», может иметь несколько причин. Первая: на жертву переносятся свойства магического атрибута, который из нее будет сделан, т. е. барабанных палочек (подобие грома как бы «сидит» в барабане, а при помощи палочек его выпускают). Ритуальный барабан всегда считался священным предметом — и при тотемизме и при шаманизме, так как его бой служил инструментом погружения в измененное состояние сознания. В тотемизме это было необходимо для переживания своего тождества с тотемом, а в шаманизме — для перехода из одного мира в другой (тотем здесь превращается в защитника, своего рода «ангела-хранителя» того, кто путешествовал по мирам). Вторая возможная причина того, что жертва именуется «богом грома», — перенос свойств божества, которому приносилась жертва, на саму жертву. В этом

случае перед нами «бог грома», а это предполагает наличие небес, на которых он обитает, т. е. нескольких миров, — соответственно, речь идет уже о времени господства шаманизма.

Заканчивая развернутый анализ мифа о противоборстве Хуан-ди и Чию, а также о последующем разрушении «лестниц на небеса», остается лишь добавить, что посредством обращения к магии и жертвоприношения Хуан-ди поднял дух своего войска, а бой священного барабана вселил в воинов храбрость, и войско Владыки Центра в итоге победило «медноголовых», чей предводитель затем был публично казнен.

Говоря о мифе, повествующем о «разрушении лестниц на небеса», невозможно не отметить его чрезвычайную распространенность в мифологии различных народов. Обычно это связывается с понятием Мирового древа (поддерживающего и связывающего миры) и всевозможными вариантами его повреждения.

На наш взгляд, именно на основе этой мифологемы конструируется миф о первых государях, в исторической плоскости восходящий к такому явлению, как объединение в одном лице (единодержавного правителя) власти светской и религиозной и ликвидации жречества как силы, определяющей стратегические задачи общества и монопольно владеющей сакральным знанием.

В силу объединения (отождествления) власти земной и небесной (сакральной) небеса как бы «опускались на землю», отождествляясь, «слипаясь» с ней. Отсюда, как представляется, прямое отождествление богов и правителей: Хуан-ди одновременно является и правителем, и верховным богом. Первоначально, вне всяких сомнений, правитель, который хотя и являлся ритуальным подобием бога в земном мире, не отождествлялся и не мог

отождествляться с богом. Лишь после сосредоточения в своих руках всей полноты власти он принимает иное самоназвание, т. е., узурпировав полномочия жречества, вполне логичным образом узурпирует и имя бога, делая его своим собственным (то же, например, было в Древнем Египте, где «Ра», слово, обозначающее солнце, входило в полное имя фараона). Подобное отождествление характерно именно для первых государей. Впрочем, многие исследователи считают, что в большинстве цивилизаций «первыми» считали тех государей, которые проводили политику централизации государства и, соответственно, сосредоточивали в своих руках всю полноту власти.

Теперь самое время вернуться к конфуцианству. На момент его создания в мировоззренческой системе Китая явно прослеживается кризис, возникший в результате «слипания» небес и земли. Верховный правитель, сосредоточив всю полноту власти в своих руках, отстранил жречество от реального участия в решении вопросов «стратегии», статус жреца был снижен до уровня «гадателя» или «толкователя». Опальные же жрецы более высокого уровня (обладавшие доступом к вершинам сакрального знания), по всей вероятности, составили основную костяк тех отшельников-изгоев, которые сосредоточили свои поиски именно на магии и познании сакральных истин, решив не возвращаться в общество и не распылять свои силы на ритуал. Преемниками таких «изгоев» вполне можно считать даосов (не случайно в их техниках такое большое внимание уделяется магии), а позже и буддистов. Таким образом, сакральное знание стало делом сугубо частным, индивидуальным. Ритуал, утративший свое сакральное значение, превратился в бессмысленное с точки зрения социально-этической действие, которое тем не менее продолжало су-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

уществовать, все больше и больше переходя в разряд суеверий. Социально-этическая система нуждалась в реформировании, так как божественной санкции на верховную власть («дэ») было явно недостаточно для того, чтобы выстроить на ней новый ритуал.

Именно с такого рода проблемами столкнулся Конфуций, создавая свою философскую систему. И, надо признать, решил он их до гениальности просто. Он предпочел вообще снять вопрос о сакральном с «повестки дня» и, соответственно, стереть небеса вовсе с карты мировоззренческой системы, дабы не апеллировать к ним, объясняя необходимость так или иначе устраивать земные дела. Но чем же тогда мотивировать насаждаемые общественные стереотипы? Ответ гениально прост. Ничем. Они необходимы, потому что необходимы. Чиновник не должен раздумывать над смыслом спущенного ему «сверху» циркуляра, он должен его исполнять. Отсюда основной принцип — следование своему долгу, определяемому положением в обществе, должностью и т. д. — одним словом, социальной иерархией. Основное усилие здесь было направлено на консервацию ритуала в определенном виде, чтобы уберечь его от дальнейшего распада. Для фиксации ритуала следовало создать именно универсальную модель общества, а не просто продекларировать некие общие принципы. Следовало создать в прошлом некий «эталон» общества, которому система должна была уподобляться на каждом новом этапе. Что Конфуций с последователями и проделали, смоделировав эпоху «идеальных государей» (на примере легендарных Яо, Шуня, Вэнь-вана и др.). Окончательной консервации ритуала должен был содействовать так называемый процесс «исправления имен», по которому все должно соответствовать своему имени: правитель должен быть правителем (т. е. вести себя как правитель), подданный — подданным и т. д.

Осуществлять контроль за «исправлением имен», т. е. самовоспроизведением системы, должен «цзюнь-цзы» (благородный муж), наделенный для этого соответствующими качествами: «жэнь», «и», «чжи» и «ли». «Жэнь» (гуманность) означает способ выстраивания отношений между людьми в духе солидарности, аналогичной родственной близости членов семьи. «И» (справедливость) означает исполнение людьми взаимных обязанностей в соответствии с их чином. «Чжи» — знание того, что следует делать и как это сделать. Принцип «ли» было бы правильнее перевести как «самодисциплина», следование правилам благопристойности, вносящим в поведение человека меру и упорядоченность.

Следуя означенным правилам, «благородный муж» поддерживал тем самым «вэнь» — понятие, означающее не что иное, как образец идеального общества, созданный древними правителями (Яо, Шунем и др.). В этом, согласно Конфуцию, состоит «дао», т. е. истинный путь (в отличие от даосов, для которых «дао» — вселенский принцип). Высшее предназначение («дэ») состоит в следовании по этому пути и теперь (в соответствии с отсутствием в системе небес) становится уже не прерогативой правителя (который более не нуждался в оправдании своего статуса), а достоянием каждого члена общества, так как своим исполнением «дэ» он может влиять на положение дел в Поднебесной.

Как бы то ни было, в результате скорого провозглашения конфуцианства государственной религией «небеса» и «земля» оказались разделены окончательно и бесповоротно — они разошлись по разным системам, которые практически не соприкасались друг с другом. Все «дискуссии» между даосами и конфуцианцами касались в основном истолкования тех или иных мифологем прошлого — в частности, деяний правителей. Из-за отсутствия

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

реального пересечения интересов полемика в целом была довольно беззлобной. Человек был волен выбирать свой путь самостоятельно: путь «земной» (продвижения по ступенькам социальной иерархии), т. е. путь конфуцианства, или путь «небесный», т. е. постижения бога (даосы, буддисты), путь отшельника, странствующего монаха или монаха, живущего в монастыре. Лишь намного позже, уже в чань-буддизме, это разделение частично преодолевается, хотя и в полном соответствии с принципом «богу — богово, а кесарю — кесарево». Не этим ли объясняется повышенный интерес жителей западных стран к восточным учениям в наше время?

В завершение хотелось бы сказать, что мы не стремились дать исчерпывающую характеристику мифологии, но хотели, чтобы у читателя сложилось представление о тех процессах, которые ее формировали, об их взаимообусловленности. Другими словами, попытались показать, насколько разнообразная информация содержится в мифах, а также реконструировать реальные события, легшие в их основу. А насколько это увлекательное занятие, читатель может судить, познакомившись с мифами Древнего Китая и попытавшись это проделать самостоятельно.

И. О. Родин

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

МИР ВОЗНИКАЕТ ИЗ ХАОСА

Инь и ян

Согласно общеизвестному мифу, в глубокой древности, когда не существовало еще ни земли, ни неба, в мире царил мрачный, бесформенный хаос. Постепенно в этом мраке возникли два великих духа — Инь и Ян, которым предстояло упорядочить мир. Дух Ян стал управлять небом, дух Инь — землею. Предполагается, что первоначально понятие инь символизировало северный склон горы, ее теневую часть. Соответственно ян означало южный, светлый склон горы. Впоследствии инь трансформировалось в символ женского начала, севера, тьмы, смерти, земли, луны, четных чисел и т. п. Ян же стало символизировать мужское начало, юг, свет, жизнь, небо, солнце, нечетные числа.

Инь и ян графически изображают обычно в виде двух запятых, вписанных в круг и напоминающих головастика или рыб, причем в каждой из них заметна точка другого цвета — символ зарождения ян внутри инь и инь внутри ян.

**Хуньдунь — воплощение
первобытного хаоса**

В древнекитайской мифологии существует образ Хуньдунь, воплощающий в себе идею недифференцированного хаоса, бывшего до того, как Вселенная обрела свое существование. Это образ первобытного яйца или мешка, расщепление которого дает возможность его неразделенному ранее содержимому обрести форму в виде организованной Вселенной*. Хуньдунь, или Хаос, не имел обычных семи отверстий, присущих людям (глаза, уши, ноздри, рот). С этим необычным мифологическим персонажем связана полукомическая притча, содержащая, однако, глубокий философский подтекст.

Вот ее содержание: «Владыку Южного моря звали Шу — Быстрый, владыку Северного моря звали Ху — Внезапный, а владыку Центра — Хуньдунь — Хаос. Шу и Ху часто ради развлечения навешали Хуньдуня, Хуньдунь встречал их необычайно приветливо и предупредительно. Однажды Шу и Ху задумались о том, как отплатить ему за его доброту. Каждый человек, сказали они, имеет глаза, уши, рот, нос — семь отверстий в голове для того, чтобы видеть, слышать, есть и обонять. Но Хуньдунь** не имел ни одного из них, и жизнь его не была по-настоящему прекрасной. Самое лучшее, решили они, просверлить в нем несколько отверстий. Взяли Шу и Ху орудия, подобные нашим топору и сверлу, и отправились к Хуньдуню. Один день — одно отверстие, семь дней — семь отверстий. Но бедный Хуньдунь, которого лучшие его друзья так издырявили, горестно вскрикнул и приказал долго жить». Вместо Хуньдуня, в котором Шу и Ху, символизирующие быстротечность времени, просверлили семь отверстий, возникли Вселенная и Земля.

Паньгу — творец мира

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Существует и другое мифологическое предание о сотворении мира. В нем, так же как в мифе о Хуньдуне, мир изначально представлял собой подобие куриного яйца, но впоследствии в нем зародился первопредок человечества — Паньгу*. Когда Паньгу вырос, он заснул и проспал в этом огромном яйце восемнадцать тысяч лет. Проснувшись, Паньгу не увидел ничего: вокруг был непроницаемый мрак, и сердце человека онемело от страха. Но вот его руки нащупали какой-то предмет. Это был невесть откуда взявшийся топор. Паньгу размахнулся что было сил и ударил перед собой. Раздался оглушительный грохот, как будто от того, что надвое раскололась гора. Неподвижный мир, в котором находился Паньгу, пришел в движение. Все легкое и чистое тотчас же поднялось вверх и образовало небо, а тяжелое и грязное опустилось вниз и образовало землю. Так небо и земля, представлявшие вначале сплошной хаос, благодаря удару топором отделились друг от друга. После того как Паньгу отделил небо от земли, он, опасаясь, что они вновь соединятся, уперся ногами в землю и подпер головой небо. Так он и стоял, изменяясь вместе с ними, ибо каждый день небо становилось выше на один чжан, а земля — толще на один чжан, и Паньгу вырастал на один чжан. Прошло еще восемнадцать тысяч лет — небо поднялось очень высоко, земля стала очень толстой, и тело Паньгу также выросло необычайно. Как высочайший столб, стоял великан Паньгу между небом и землей, не позволяя им вновь превратиться в хаос. Когда Паньгу понял, что мир завершен, он радостно вздохнул. С этим вздохом родились ветер и дождь. Он открыл глаза — и начался день. Но жизнь Паньгу была в росте, и, прекратив расти, он должен был умереть. Его тело стало све-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

том и жизнью. Левый глаз засиял солнцем, правый заблестел луной. Четыре конечности и пять внутренних частей тела стали четырьмя сторонами света и пятью священными горами. Кровь превратилась в реки и ручьи, жилы и вены — в дороги, покрывшие землю. Плоть стала почвой, а волосы на голове и усы — растительностью на ней. Зубы и кости обратились в золото и драгоценные камни, костный мозг — в жемчуг и нефрит, предсмертный пот, выступивший на теле Паньгу, стал дождем и росой.

Стоит упомянуть еще об одной легенде, мотивы которой воплотились в некоторых графических изображениях Паньгу — его иногда рисовали с солнцем в одной руке и луной в другой. Создавая Вселенную**, Паньгу якобы неверно расположил солнце и луну, которые одновременно скрылись за морем, и земля погрузилась во мрак. Тогда Паньгу начертал на левой ладони иероглиф «солнце», а на правой — «луна». Вытянув вперед левую руку, он позвал к себе солнце, потом вытянул правую и позвал луну. Так он повторил семь раз, после чего солнце и луна поделили сутки и стали поочередно освещать землю.

НЮЙВА СОЗДАЕТ И ОПЕКАЕТ ЛЮДЕЙ

Богиня Нюйва лепит людей из глины

Земля тогда уже отделилась от неба. Ввысь поднялись священные горы. К морям текли реки. Леса и степи были наполнены животными, а реки — рыбой. Над лугами парили птицы. Но мир еще не был завершен: не было людей.

Однажды прародительница Нюйва* — богиня с туловищем змеи и человеческим лицом и руками — подползла к пруду, набрала горсть желтой глины и, *глядя* на колеблющееся в воде изображение верхней части своего тела, вылепила небольшую фигурку, а потом вылепила ей ножки. Как только богиня закончила работу, фигурка ожила и весело запрыгала.

Нюйва обрадовалась, что ей удалось создать человека. Продолжая свой труд, она вылепила еще несколько сотен человечков обоего пола. Нюйва понимала, что у нее не хватит ни сил, ни времени вылепить столько людей, чтобы населить ими землю. Тогда она сорвала свисавшую с обрыва лиану, опустила ее в топь пруда и, когда лиана покрылась глиной, стряхнула ее на землю. Падая, кусочки глины превращались в человечков**.

Но со временем люди умирали, а создавать их всякий раз заново было слишком утомительно. Поэтому Нюйва, соединив мужчин и женщин, заставила их самих продолжать свой род.

Нюйва — богиня любви и брака

Нюйва установила для людей брачные отношения и сама стала первой свахой. Поэтому последующие поколения почитали ее как богиню сватовства и бракосочетания. Люди приносили жертвы этой богине, причем церемонии в ее честь были необычайно пышными: за городом в поле строили алтарь, воздвигали храм и во время праздника приносили ей в жертву свиней, быков и баранов. Из года в год во втором месяце весны юноши и девушки, собравшись вместе около храма, развлекались и веселились. По взаимному согласию влюбленные могли без соблюдения каких-либо социальных обрядов свободно вступить в брак. Под открытым небом при свете звезд и луны они сооружали шалаши, ковер из зеленой травы служил им постелью.

Это было «соединение по воле неба». Во время этих встреч исполнялись красивые песни и танцы, посвященные богине. Те, у кого не было сыновей, приходили к храму просить мужское потомство. Так Нюйва стала не только богиней бракосочетания, но и богиней, дарующей детей. В каждом царстве подобные жертвоприношения совершались в разных местах: в горах или лесах, на берегах озер или рек, но непременно в какой-либо красивой местности.

В преданиях сказано, что Нюйва еще создала музыкальный инструмент шэнхуан и подарила его людям. Это был губной органчик (шэн), с тоненькими листочками-язычками (хуан); стоило только подуть, как из него лились звуки. Он имел тринадцать трубочек, которые были вставлены в полую полови-

ну тыквы-горлянки. По форме органчик напоминал хвост феникса.

Известно, что под аккомпанемент шэнхуана в древности проводились веселые праздники, посвященные чистой юношеской любви. Каждый год весной, когда цветут персики и сливы, а небо безоблачно, ночью, при ярком свете луны, люди выбирали среди полей ровное место, которое называли «лунной площадкой». Юноши и девушки надевали праздничные одежды, собирались на этой площадке, играли на шэне веселые мелодии, становились в круг, пели и исполняли «лунные танцы». Иногда танцевали парами: юноша шел впереди, играя на шэне, а девушка следовала за ним, звеня колокольчиками. Так они кружились в танце всю ночь без усталости. Если их чувства были взаимными, они могли, взявшись за руки, уйти от остальных в какое-либо укромное место. Эти танцы были очень похожи на пляски и песнопения юношей и девушек, которые исполнялись в древности перед храмом высшего божества бракосочетания. Ведь создание шэна первоначально было тесно связано с любовью и бракосочетанием.

Нюйва спасает мир от гибели

Затем жила Нюйва какое-то время, не зная забот. Но землю охватили великие бедствия. В некоторых местах обрушился небосвод, и через огромные черные дыры просочился жар, и загорелись леса. От этого образовались провалы, через которые хлынули подземные воды. Забыв на время вражду, Вода и Огонь объединились, чтобы уничтожить людей.

Видя, как страдают ее создания, Нюйва принялась за работу*. Она собрала множество разноцветных камней и, расплавив их на огне, заделала полуценной массой небесные дыры. Нюйва поймала и убила гигантскую черепаху, отрубила у нее четыре

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

ноги и поставила их в четырех частях света в качестве подпорок, державших небосвод**. Впрочем, небосвод не вернулся в свое прежнее состояние. Он несколько покосился, и это отразилось на движении солнца, луны и звезд. К юго-востоку от Поднебесной страны образовалась огромная впадина, которую заполнили воды всех морей и рек. Ее называли Океаном. Люди вновь заселили землю.

Рассказывают, что к этому времени часть диких зверей давно уже погибла, а те, что остались, были постепенно приручены и стали друзьями человека. Наступила для людей счастливая жизнь без печалей и забот. На обширных просторах росли съедобные растения, которые не нужно было выращивать, а есть можно было вволю. Если рождался ребенок, его клали в птичье гнездо, висевшее на дереве, и ветер качал гнездо, как люльку. Люди могли таскать тигров и барсов за хвосты и наступать на змей, не опасаясь укусов. По-видимому, это было время еще более древнее, чем «золотой век», воспоминания о котором сохранились в памяти и воображении людей.

Нюйва радовалась, видя, что ее детям живется хорошо.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ВОЗРОЖДАЕТСЯ ПОСЛЕ ПОТОПА

Дети спасаются от потопа

Имя Нюйва принадлежало не только богине, но и легендарной девочке, которая вместе со своим братом Фуси (его также нужно отличать от одноименного божества) избежала гибели во время всемирного потопа. Народности Юго-Западного Китая яо и мяо сохранили для потомков рассказ о них. Вот эта история.

Однажды летом небо стало покрываться тучами, поднялся сильный ветер, загрохотал гром. Все предвещало ливень. Но люди, работавшие в поле, не спешили возвращаться домой. В этом не было ничего удивительного: ведь летом грозы бывают часто.

В тот день один мужчина решил починить крытую древесной корой крышу, которая протекала. Двое его детей, мальчик и девочка, в возрасте немногим более десяти лет, играли на улице и смотрели, как их отец работает. Закончив работу, он позвал детей в дом. И в это время хлынул дождь. Отец и дети закрыли двери и окна. Они радовались теплу и домашнему уюту. Дождь становился все сильнее,

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

завывал ветер, раскаты грома усиливались, как будто бог грома Лэй-гун разгневался на людей и решил ниспослать на них тяжелое бедствие.

Отец словно предвидел приближение большого несчастья: под карнизом крыши его дома была припрятана железная клетка. Теперь он открыл ее, а сам, взяв в руки рогатину, бесстрашно встал рядом. И вот вслед за вспышкой молнии и мощным ударом грома повелитель стихии Лэй-гун, с синим лицом, держа в руках деревянный топор, быстро спустился на крышу дома. Он взмахивал крыльями, и глаза его излучали яркий свет.

Мужчина, увидев Лэй-гуна, не теряя времени, бросился на него, зацепил рогатиной за пояс, запер в клетку и втащил в дом. Затем человек позвал своих детей посмотреть на плененного Лэй-гуна. Дети сначала очень испугались при виде этого странного синеликого бога, но потом успокоились.

Отец решил убить Лэй-гуна и приготовить из него еду. На следующее утро он отправился на рынок за ароматными палочками. Перед уходом он сказал детям: «Ни в коем случае не давайте ему пить».

Когда мужчина ушел, Лэй-гун притворно застонал, прикинулся тяжело страдающим и попросил детей дать ему чашку воды. Но дети, помня запрет отца, отказались выполнить его просьбу. Тогда Лэй-гун стал умолять их принести ему хоть несколько капель, иначе он совсем умрет от жажды.

Девочка пожалела страждущего и предложила брату дать пленнику несколько капель. Брат, подумав, что от нескольких капель ничего плохого не может произойти, согласился. Они вышли на кухню, зачерпнули из котла немного воды и напоили ею Лэй-гуна. Лэй-гун сразу повеселел, поблагодарил детей и попросил их ненадолго выйти из комнаты.

Как только дети вышли, раздался оглушительный грохот. Лэй-гун, сломав клетку, вылетел из дома, на лету вырвал изо рта зуб и велел детям посадить зуб в землю. Если случится беда, они смогут спрятаться в плодах дерева, которое из него вырастет. Снова загремел гром, и Лэй-гун взлетел на небо. Дети стояли как вкопанные, глядя ему вслед.

Тем временем, купив благовоний и всего необходимого для приготовления еды, вернулся домой отец. Увидев сломанную клетку, из которой исчез Лэй-гун, он разыскал сына и дочь и расспросил их о том, что произошло. Отец не стал наказывать неразумных детей. Чувствуя, что приближается большая беда, он взялся за работу: днем и ночью человек мастерил железную лодку.

Дети же, играя, посадили в землю подаренный Лэй-гуном зуб. Не успели они это сделать, как из глины появился нежный зеленый росток. Он прямо на глазах стал расти, и в тот же день появилась завязь, а на следующий день утром — огромный плод, невиданная по величине тыква-горлянка. Брат и сестра взяли из дома нож и пилу и отделили от тыквы верхушку. Внутри горлянки тесными рядами росли бесчисленные зубы. Дети не испугались, вырвали эти зубы и выбросили их, а сами залезли в полую тыкву. Оказалось, что места в ней как раз столько, чтобы поместиться им обоим. Они перетаскивали тыкву в укромное место, чтобы прятаться в ней.

На третий день, когда отец уже закончил мастерить железную лодку, погода внезапно резко переменилась: со всех сторон подул жестокий ветер. Ливень хлынул с неба. На земле забурили потоки воды. Холмы, высокие горы, поля, сады, жилища, леса и деревни — все превратилось в бескрайнее МОЖ.. Это наводнение устроил Лэй-гун.

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Как только начался ливень, дети быстро забрались в тыкву-горлянку, а отец сел в свою железную лодку. Вскоре поток подхватил лодку, и волны начали бросать ее из стороны в сторону.

Не переставшая прибывать вода достигла, наконец, небосвода. Отец, смело управляя железной лодкой под ветром и дождем среди бушующих волн, приплыл прямо к небесным воротам. Он встал на носу лодки и начал громко стучать кулаками в ворота и кричать, чтобы егопустили. Громкие звуки «пэн-пэн!» разнеслись по небосводу.

Дух неба испугался и приказал духу вод немедленно отогнать воды. Приказание было исполнено, и через несколько мгновений дождь прекратился и ветер стих. Вода спала, и появилась суша. Когда наводнение прекратилось, смельчак вместе со своей лодкой упал с неба на землю. Железная лодка разбилась на мелкие кусочки. Такая же участь постигла и отца, вступившего в борьбу с Лэй-гуном: он разбился насмерть. Дети же, сидевшие в тыкве-горлянке, остались в живых. Упрутая тыква, упав на землю, подпрыгнула несколько раз, но не разбилась.

Во время потопа все люди на земле погибли. В живых остались только эти двое детей, спасшиеся в тыкве-горлянке.

Прошли годы, дети стали взрослыми. Брат надумал жениться на сестре, но та не согласилась из-за их кровного родства. Брат просил снова и снова, и тогда сестра предложила: если брат сумеет ее догнать, то они поженятся. Она была ловкой и быстрой, и брат не смог бы ее поймать, если бы не схитрил: он неожиданно обежал девушку стороной, и сестра, не ожидая этого, столкнулась с ним лицом к лицу и оказалась в его объятиях. Вскоре они стали мужем и женой.

Прошло некоторое время, и женщина родила комочек мяса. Супруги очень удивились, но тут вне-

запно налетел порыв сильного ветра, и кусочки мяса разлетелись во все стороны. Падая на землю, они превращались в людей. Так в мире, пережившем потоп, вновь появились люди.

Нюйва и ее брат Фуси

Фуси и Нюйва как прародители людей действуют также в более древнем мифе, где они являются скорее полубогами, причем обладают соответствующей «составной» внешностью.

Когда Вселенная была только что создана, Нюйва жила со своим братом (подразумевается Фуси) в горах Куньлунь. Они решили стать мужем и женой, но устыдились. Тогда брат привел Нюйву на вершину Куньлуня и произнес заклинание: «Если небу угодно, чтобы мы поженились, пусть дым устремится столбом ввысь; если нет — пусть дым рассеется». Дым поднялся столбом.

В резьбе по камню и кирпичу можно часто увидеть фигуры Фуси и Нюйвы, имеющих голову человека и туловище змеи. Фуси и Нюйва изображаются до пояса в образе человека в головных уборах и в халатах, а ниже пояса — в виде змеи (иногда дракона) с крепко переплетенными хвостами и с лицами, обращенными друг к другу, или же спиной друг к другу. Фуси держит в руках угольник, Нюйва — циркуль. На некоторых барельефах он держит солнце, в которое вписана золотая ворона, а у нее в руках луна с изображением жабы. Нюйва и Фуси изображаются также оружейные облаками, среди которых парят крылатые посланцы неба с человеческими головами и змеиными телами. Встречаются рельефы, на которых изображен маленький мальчик, который тянет двух взрослых за рукава, что символизирует семейное счастье.

Такие изображения свидетельствуют о том, что Фуси и Нюйва в древних преданиях представляли му-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

жем и женой, что подтверждают также записи в древних книгах. Все это позволяет нам сделать вывод, что, согласно китайской мифологии, род человеческий пошел от небесных божеств — полулюдей-полуживотных.

Образы Нюйвы и Фуси восходят к обожествленным первопредкам, а позже они превратились в духов-охранителей могил*.

УДИВИТЕЛЬНЫЕ СУЩЕСТВА, НАСЕЛЯВШИЕ ДРЕВНИЙ МИР

Удивительные жители неведомых стран

Мир, описанный в древнекитайских мифах, был, разумеется, наполнен чудесными и удивительными созданиями. Согласно легендам, в многочисленных дальних странах жили люди и другие существа, обладавшие поразительными свойствами.

Так, например, все жители Страны Благородных были исполнены гуманности, любви и добродетели. О жителях этой страны рассказывалось много любопытного. Одежда и шапки, которые они носили, были у них очень аккуратные, на поясе висел меч. У каждого жителя были в услужении два полосатых тигра. Все жители были скромны, вежливы и никогда не затевали ссор. Тигры тоже были ручными и смирными, как наши домашние кошки. Рынки там были переполнены, но никакого беспорядка и сутолоки не было, хотя люди и тигры сновали взад-вперед.

У жителей Страны Трудолюбивых лицо, руки и ноги были черными. Они всегда находились в состо-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

янии смятения, что бы они ни делали — ходили, стояли, сидели, лежали, — все время они были неспокойны. У них был озабоченный вид, даже если никаких дел у них не было, поэтому их прозвали трудолюбивыми. Постепенно это название стало относиться и ко всей их стране.

Страна Чернозубых была населена людьми, чьи зубы были черны, как черный лак. Чернозубые питались рисом, а приправу готовили из змей.

У жителей Страны Темноногих ноги и бедра были черными. Они жили на берегу моря, одежду делали из рыбьей кожи и питались буревестниками.

Обитатели Страны Огнедышащих имели черную кожу, походили на обезьян и способны были изрыгать огонь.

У жителей Страны Белых Людей все тело было белое, и даже волосы на голове были белыми.

В другой необыкновенной стране жили люди с красными до колен ногами, как будто они были обуты в красные сапоги.

Согласно преданию, один из самых удивительных народов появился после того, как в древние времена брат и сестра стали мужем и женой. Небесный владыка в пылу гнева сослал нарушителей обычаев в отдаленную и безлюдную горную местность, где они, обнявшись, умерли в глубоком ущелье от голода и жажды. Свидетелем трагедии оказалась некая волшебная птица. Увидев, как умерли двое влюбленных, она сжалась над ними: принесла в клюве траву бессмертия и прикрыла их ею. Прошло семь лет, и к усопшим вернулась жизнь, но тела их уже срослись, и когда супруги ожили, то превратились в странного человека с двумя головами, четырьмя руками и четырьмя ногами. Их дети и внуки были похожи на родителей, и эти странные люди стали родоначальниками народа Сросшихся.

Где-то далеко существовала также Страна Людей, Ходивших на Цыпочках. Жители ее отличались высоким ростом и большими ногами. При ходьбе они становились на пальцы и не касались пятками земли. Говорят еще, что ступни у них были выворочены так, что если они шли на юг, то их следы показывали на север. Поэтому их еще называли «люди с пятками навыворот».

Другую страну населяли люди с переплетенными ногами. Жители этой страны были ростом не более четырех чи (т. е. около метра), ноги у них были кривые и переплетенные между собой. Если они ложились, то встать без посторонней помощи уже не могли.

В Стране Длинноруких жили существа с туловищем, как у обычных людей, но руки их были необыкновенной длины. Одни говорили, что их руки доставали до земли, другие — что их длина была три чжана (то есть около десяти метров). Длиннорукие обычно ловили рыбу на берегу моря. С такими длинными руками было, конечно, очень удобно заниматься рыболовством. Поэтому можно было часто видеть, как они руками вытаскивали из моря бьющуюся рыбу.

У жителей Страны Длинноногих ноги были необычайной длины — ничуть не короче, чем руки у Длинноруких. Рассказывали, будто кто-то видел, что Длинноногие с Длиннорукими на спине ходили в море ловить рыбу.

Одну из дальних стран населяли Люди с Языками Навыворот. По преданию, у них языки росли в обратном направлении — к горлу. Поэтому, когда они разговаривали между собой, другие ничего не понимали.

Поблизости находилась Страна Людей с Зубами-Сверлами, у жителей которой один зуб выдавался изо рта и напоминал сверло. Были они свирепы.

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Существовало также племя людей, чьи лица напоминали свиные морды. Это была Страна Свинорылых.

У жителей Страны Одноглазых был только один глаз посредине лица. Иногда ее несправедливо называли Страной Бесов: настолько жутким казался вид ее обитателей.

Кроме людей с пугающей внешностью, в дальних странах можно было встретить забавные лица. Такова была Страна Длинноухих: у ее жителей были длинные, до плеч, уши. Во время ходьбы они их придерживали руками. Обитатели Страны Людей, Держащих Завязки, тоже все время держали руки у подбородка — чтобы ветер не унес их шапки. О жителях Страны Людей С Запавшими Глазами было известно, что питались они рыбой и в руке постоянно держали рыбу, как бы намереваясь ее съесть.

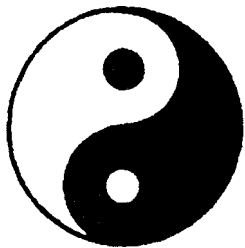
В Стране Твердогрудых люди имели одну характерную особенность: кости у них на груди выдавались вперед, как кадык у мужчин.

Страну Людей с Дырявой Грудью населяли удивительные люди, у которых в груди было круглое отверстие. По преданию, они извлекли из этой своей особенности выгоду: при передвижении им не нужен был паланкин. Они брали бамбуковый шест, продевали его сквозь отверстие в груди, и два человека вполне могли нести что угодно.

У жителей Страны Одноруких была одна рука, один глаз и одна ноздря. В стране водились желтые, полосатые, как тигры, лошади, у которых тоже был один глаз и одна передняя нога.

Страна Одноногих была знаменита тем, что ее жители умели делать различные хитроумные приспособления для ловли зверей и птиц. Кроме того, они умели мастерить летающие колесницы. Однажды такая колесница залетела в дальние края и была уничтожена местным правителем. Только спустя

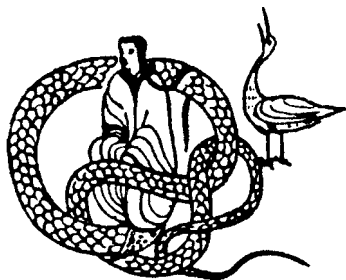

Знак «инь-ян» —
один из основополагающих
символов китайской
философии и мифологии

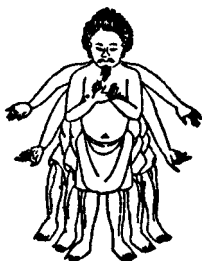
Голова богини
Эпоханеолита

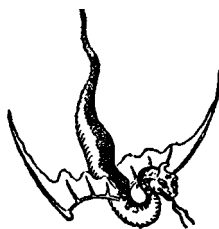
Великая Богиня эпохи Чу
/—// века до и. э.

Фуси и Нюйва — брат и сестра
Со старинной китайской гравюры

Обитатели чужеземных стран
(Птицелюди, Трехтелые, Дырявогрудые, Рыболоуди)

Чудесные существа
(зверь дицзян, птицеконь, летучая змея)

Крылатый дракон
V—III века до н. э.

десять лет, когда подул попутный ветер, вновь была изготовлена такая же колесница. На ней прилетевшие на первой колеснице жители Страны Одноногих смогли вернуться к себе домой.

У жителей Страны Мягкотелых не было костей, и они имели по одной руке и ноге. Руки и ноги у них были мягкими, как кусок мяса, и гнулись в разные стороны.

Племя трехголовых людей поражало воображение, но гораздо более удивительной была Страна Трехтелых. В этой стране Люди имели одну голову и три туловища.

Нелегко представить себе, каким образом избегали голодной смерти обитатели Страны Безутробных. Они были высокого роста, но в животе у них не было кишок. Съеденная ими пища не переваривалась, а сразу проскакивала наружу. Жители другой далекой страны, стоя под солнцем, не отбрасывали тени, а когда кто-нибудь из них кричал, ничего не было слышно.

Племя Людей с Падающими Головами отличалось тем, что их головы могли отделяться от туловища и летать, пользуясь ушами, как крыльями. Случилось так, что захваченная на войне женщина из этого племени попала в служанки к одному китайскому полководцу. Каждую ночь, едва она ложилась, голова у нее улетала, выбираясь наружу и возвращаясь к рассвету либо через собачий лаз, либо через дымоход в крыше. Однажды ночью увидели тело этой служанки без головы. Тело было чуть теплым, а дыхание почти незаметным. Тогда на тело накинули покрывало. С приближением рассвета голова вернулась, но приладиться никак не могла: мешало покрывало. После нескольких попыток голова упала на землю и жалобно зарыдала. А тело задыхалось часто-часто. Тогда покрывало откинули, голова взлетела, прилепилась к шее, и через некоторое

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

время все затихло. Хозяин решил, что это опасный оборотень, испугался, что не сможет с ним справиться, и вскоре отослал служанку из своего дома. Однако женщина не была оборотнем: летающая голова была ее природным качеством, как у всех ее родичей. В доме другого военачальника такая же служанка погибла, потому что ее тело в отсутствие головы тоже накрыли, но на этот раз медным тазом, вследствие чего голова не сумела занять на рассвете свое место.

Народы, удивительным образом производящие потомство

Некоторые удивительные народы отличались тем, что необычным способом производили на свет потомство. В одной из стран мужчины и женщины жили двумя обособленными группами. Мужчины не брали жен. Женщинам также не нужны были мужья. Потомство появлялось у них чудесным образом. Стоило им лишь посмотреть друг на друга, и у них сразу появлялись дети.

Среди населения Страны Женщин не было ни одного мужчины. Достигшие совершеннолетия девушки отправлялись купаться на Желтый пруд, после чего они зачинали потомство. Если рождался мальчик, то года через три его умерщвляли; оставляли только одних девочек.

В Стране Мужчин не было ни одной женщины. Одежда у них была всегда в порядке, а на поясе висел меч. Они были олицетворением мужской доблести и имели внушительный вид. По преданию, это племя возникло, когда отряд воинов отправился на поиски снадобья бессмертия и в пути у них кончился провиант. Идти дальше они не могли, и им пришлось поселиться среди гор и лесов. Питались они плодами деревьев, из коры стали делать себе одежду. Так возникла Страна Мужчин. Жен у

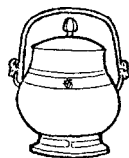

них не было, но каждый из них мог породить из своего тела двух детей. Эти дети при рождении представляли собой тени, а когда они переставали быть бесплотной тенью, мужчины, породившие их, умирали. Говорили также, что эти дети рождались у них из подмышек.

Страну Людей Без Потомства населяли люди, которые вели самый простой образ жизни. Иногда они питались одним воздухом, иногда мелкой рыбешкой, которую ловили в реках, иногда употребляли в пищу землю и глину. Они не разделялись на мужчин и женщин. После смерти их тела закапывали в землю, но сердце у них продолжало биться. Через сто двадцать лет они оживали и выходили наружу, чтобы снова наслаждаться радостями жизни. За жизнью у них следовала смерть, за смертью — жизнь, а сама смерть была долгим сном.

В одной из самых необычных стран на Серебряной горе росло дерево-женщина. Как только небо начинало светлеть, на ветвях дерева появлялись маленькие голые дети. После восхода солнца эти дети спускались на землю, начинали бегать и резвиться. После того как солнце заходило за гору, дети скрывались под землей и больше не появлялись, а на следующий день на ветвях дерева рождались новые дети. В другой стране на прибрежных скалах росли деревья с зелеными ветвями и красными листьями. На таком дереве рождалось много маленьких детей ростом шесть-семь вершков, они висели, приросшие к веткам, наподобие перевернутых луковиц. Увидев людей, они начинали смеяться и болтать руками и ногами. Стоило только их снять с дерева, как они сразу же умирали.

В Стране Крылатых обитали люди с вытянутыми головами, красными глазами и птичьим клювом. Волосы у них были белые, а за спиной росли крылья, и они могли летать, правда, совсем недале-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

ко. Они, как птенцы, вылуплялись из яиц. В их стране водились красивые птицы, похожие на фениксов, с длинными яркими перьями. Крылатые питались яйцами этих птиц и потому сами походили на небожителей. Вблизи Страны Крылатых находилась Страна Яйцекладущих. Жители этой страны не имели крыльев, но тоже рождались из яиц и сами несли яйца. У жителей другой страны были клювы и крылья, и они выглядели почти так же, как и крылатые. Но они не могли летать, и крылья служили им лишь опорой, словно костыли. Опираясь на крылья, они бродили группами по морскому побережью, вылавливая из моря клювами рыб и креветок. Еще одну страну населяли люди, у которых под мышками росли небольшие крылья, но летать они тоже не могли.

Рассказывают также, что на высоких горах в юго-западной части области Шу живут существа, сходные с обезьянами, ростом в семь чи (более двух метров). Они могут делать все то же, что и люди, а ходят (из-за своего, надо полагать, большого роста) очень быстро. Называются они Цзяго, или Махуа, или еще Цзюэюань. Эти существа подкарауливают проходящих женщин покрасивее, нападают на них и уводят, а куда — никто не знает. Если женщина идет не одна, существа утаскивают ее длинной веревкой, так что спастись от них очень трудно. Эти существа различают мужчин и женщин по запаху, поэтому берут только женщин, а мужчин не трогают. Поймав человеческих дочерей, эти существа составляют с ними семью. Тем из женщин, которые остаются бездетными, до конца жизни не разрешают вернуться. По прошествии десяти лет эти женщины по облику совершенно уподобляются им, разум их мутнеет, и они сами уже не хотят возвращаться. Если же женщина родит сына, то ее тут же вместе с младенцем отсыла-

ют домой. Рожденные этими женщинами сыновья почти совсем не отличаются от людей по внешности. Согласно поверью, если мать такого ребенка не станет кормить его, то она вскоре погибнет. Поэтому ни одна из них не отказывается кормить дитя. Вырастая, дети уже и вовсе ничем от людей не отличаются*.

Страны, населенные людьми необычного роста

Далеко за морем находилась Страна Пигмеев. Самые высокие люди там были ростом три чи (не больше метра), а самые маленькие — всего лишь несколько цуней (не больше десяти сантиметров). Возделывая поля, карлики очень боялись, что их схватят свирепые белые журавли. Но, к счастью, в соседней стране жили здоровенные детины десяти чжанов ростом (то есть около тридцати метров), и они помогали карликам прогонять журавлей.

В Стране Лебедей жили карлики, чей рост не превышал семи цуней (около двадцати сантиметров). Эти малыши были очень вежливыми: завидят человека — и отвешивают низкий поклон. Они двигались со скоростью ветра и за день могли пройти тысячу ли (примерно пятьсот километров). Карлики очень боялись морских лебедей, так как эти птицы проглатывали их живьем, но они продолжали жить в животах лебедей.

Если были страны, населенные крошечными людьми, то были, разумеется, и страны, населенные великанами. Про этих огромных людей рассказывали много занимательных историй.

Племя великанов куафу обитало в большой пустыне на севере. Люди этого племени были огромного роста и обладали величайшей силой, но были чрезвычайно добры и миролюбивы. Жил среди них один великан, который совершил безрассудное, но

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

впечатляющее деяние. Этот смельчак однажды загорелся великим желанием догнать солнце и посостязаться с ним в беге. Великан помчался по равнине огромными шагами, подобно ветру, вдогонку за уходящим на запад солнцем. В конце концов он настиг светило в долине Юйгу — на самом краю света, где солнце завершает свой дневной путь. Огненно-красный шар был перед ним. Великан оказался в его лучах, радостно расправил богатырские плечи, намереваясь схватить солнце. Но он целый день бежал и сильно устал, да и солнце жгло его так, что небывалая тяжесть сковала все тело великана и во рту у него пересохло. Лег он тогда на землю и стал пить воду из рек Хуанхэ и Вэйшуй — в один миг пересохли обе реки, а великана все еще терзала жажда. Побежал он на север, чтобы испить воды Великого озера — Дацзэ. Но силы уже оставили его, и великан умер на полпути. Слово гора, упал он на землю, и грохот от его падения разнесся по равнине, потряс горы и реки. Перед смертью он бросил палку, и она тотчас превратилась в густую зеленую рощу персиковых деревьев с сочными плодами. Эти плоды были предназначены для тех, которые вслед за ним пустились бы догонять солнце.

Не меньшей настойчивостью и упорством в достижении поставленной цели отличался соплеменник великана, гнавшегося за солнцем. В Северных горах жил девяностолетний великан, которого люди называли Юй-гун — Глупый дед. Прямо напротив его дома стояли две большие горы, и ему было очень неудобно каждый раз обходить их. Он позвал всех своих домашних — и взрослых, и юных — и стал держать совет. Старик предложил родичам перенести надоевшие горы в другое место, чтобы они не закрывали дорогу. Сыновья и внуки поддержали Юйгуна. Только Сяньи, жена старика, была рассудительнее. Услышала она, что муж собирается

передвинуть горы, и попыталась его образумить, говоря: «Ну ладно, допустим, ты сдвинешь их, а куда же ты денешь столько камней и глины?» Но глупые внуки Юй-гуна сказали: «Отнесем к заливу Бохай, разве это не выход?» К работе приступили безотлагательно. Взрослые и юные великаны копали землю, таскали в корзинах глину, а собранные комья глины и камни перетаскивали к заливу Бохай, куда приходилось добираться больше полугода. Один из соплеменников Юй-гуна, мудрый старец Чжи-соу, отправился к Глупому деду, чтоб урезонить его: «Утихомирься, старый, в твои-то годы что ты можешь сделать с этими горами?» Но Юй-гун уверенно возразил: «Разве ты не понимаешь, что умру я, — так ведь есть сыновья, умрут сыновья — останутся внуки, у внуков родятся дети. Если мы из поколения в поколение будем трудиться, так чего уж бояться, что не сравняем гору!» Ничего не ответил мудрый старец, потому что не нашел слов, чтобы возразить ему. Но слова Глупого деда случайно услышал некий небесный дух. Испугавшись, что действительно так и будет и от обеих гор ничего не останется, он поспешил доложить об этом Небесному владыке. Однако Небесного правителя тронула решимость Юй-гуна, и он послал на помощь старику двух невероятно могучих великанов, которые смогли взвалить на плечи эти горы и перенести одну из них на север, а другую — на юг.

Похоже, великаны вообще отличались силой духа. Но, пожалуй, всех превзошел в этом отношении великан Синтянь, который дерзнул бороться с самим Верховным небесным владыкой Хуан-ди за власть над миром. Хуан-ди отрубил мятежнику голову и закопал ее у подножия горы. Тогда обезглавленный великан сделал из своих сосцов глаза, из пупка — рот, взял в руки щит и копье и стал исполнять воинственный танец.

**Фантастические существа —
полулюди-полузвери**

Среди фантастических существ, населявших древний мир, встречались полулюди-полузвери.

В стране Сяоян жили дикари. Ростом они были больше чжана (около трех метров), и называли их глупыми великанами. У них было человеческое лицо, а черное, блестящее, словно лак, тело сплошь покрывали длинные волосы. Ноги у дикарей сгибались в обратную сторону, и они бегали быстро, как ветер. Нрава эти существа были жестокого: они ловили и ели людей. Глупые великаны страны Сяоян подстерегали в горах одиноких путников, раскрывали свою песью пасть, выворачивая до лба огромные губы, и начинали хохотать. Насмеявшись вдоволь, дикари пожирали свою добычу. Однако люди придумали способ, как уберечься от них. Надо было надеть на руки полые бамбуковые стволы, за которые ухватится глупый людоед. Дождавшись, когда чудовище начнет смеяться, следовало выхватить из ствола кинжал и пригвоздить им кроваво-красную губу великана ко лбу. После этого не составляло труда захватить чудовище живьем: ведь теперь его глаза и нос были закрыты губой, и он, ничего не понимая, продолжал сидеть, держа в лапах бамбуковые трубки.

В окрестностях страны Сяоян водились замечательные животные синсин с песьим туловищем и человеческим лицом. Глаза у них были очень строгими. Эти звери, в отличие от великанов-людоедов, были чрезвычайно умны, могли разговаривать по-человечески и даже окликать проходивших мимо людей по именам и фамилиям, хотя обычно при виде людей они скрывались. Но даже такое умное и пугливое существо можно было обмануть и изловить. Чтобы поймать синсин, люди в

глухих горах ставили несколько кувшинов с вином, возле них оставляли несколько чашек, черпаков и деревянные сандалии, а сами прятались и следили за тем, что произойдет дальше. Синсин, увидев расставленные вещи, догадывались, что люди поставили какие-то ловушки, и начинали всячески бранить людей, перебирая всех их родственников до восьмого колена. Они ругались так долго, что у них пересыхало горло. Синсин боялись попасть в ловушку, но жажда оказывалась сильнее страха. Животные решались чуть-чуть попробовать напиток, чтобы убедиться, не таится ли в вине что-нибудь опасное. Самые смелые из них подходили поближе к кувшинам, пытаясь попробовать вино. Потом в ход шли черпаки, а затем и чашки. Синсин постепенно теряли осторожность, поднимали шум и крик, пили вина столько, сколько могли. Опустошив до дна все кувшины, они обнаруживали на земле деревянные сандалии. Все наперебой кидались надевать их, разыгрывая из себя людей. Не пройдя и нескольких шагов, опьяневшие синсин спотыкались и падали на землю. Спрятавшиеся вблизи люди выбегали и крепко связывали их веревками.

Полузвери-полулюди водились и во многих других местах. В стране Динлин жили богатыри с человеческими туловищами и лошадиными ногами, покрытые длинной шерстью. На бегу они хлестали сами себя нагайками по ногам и носились по степи быстрее ветра с криками «га, га, га!», как дикие гуси в осеннем небе.

У жителей страны Хужэнь лица были человеческие, а туловища рыбы. Они имели только руки и не имели ног, а нижняя часть туловища напоминала рыбий хвост. Они могли передвигаться на облаках, управлять дождем, легко подниматься на небо и спускаться с него на землю. Это были потомки сол-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

вечного божества Янь-ди, и жили они бесконечно долго, а возможно, были бессмертными.

В южных областях Древнего Китая можно было встретить горных сяо. Эти подобные людям существа с одной-единственной ногой, вывернутой в обратную сторону, не только вили себе гнезда на больших дуплистых деревьях, но ставили также деревянные ширмы с закрепленными в них занавесками для защиты от ветра. Путешественники, отправлявшиеся в те края, где обитали горные сяо, старались брать с собой в дорогу какие-нибудь подарки для них. Однажды некий путник, опасаясь встретиться с тигром, забрался на дерево, чтобы провести там ночь, и столкнулся с самкой горного сяо. Он спустился с дерева, поклонился несколько раз и почтительно назвал самку «горной женой». Когда же она спросила его, что он несет с собой, он подарил ей румяна и пудру. Обрадованная сяо велела путнику, ничего не опасаясь, устраиваться на ночлег. Тот заснул прямо под деревом. Ночью появились два свирепых тигра, но горная сяо спустилась с дерева и, шлепнув хищников по головам, приказала им убираться восвояси и не тревожить ее гостя. Тигры ушли. Наутро, прощаясь с путешественником, она горячо поблагодарила его за подарки.

Так называемые Живущие на Деревьях (похожее на горных сяо племя полулюдей-полуживотных) раскалывали деревья на доски и затем складывали их, привязывая к стволам деревьев. Хотя эти существа и не общались с людьми, но торговали с ними. В старину люди, ходившие к ним за досками, оставляли у подножия деревьев различные предметы для обмена примерно равной ценности. Живущие на Деревьях забирали эти предметы и, если они им нравились, приносили доски без всякого обмана, по справедливости. Однако участники подобного обмена никогда не сталкивались лицом к лицу.

Мифы и легенды о драконах

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Из всех мифических существ наибольшей популярностью (даже благоговением) у китайского народа пользовались драконы.

Начертание иероглифа «лун» (дракон), представляющее собой пиктограмму, изображающую животное с длинным телом и головой, увенчанной рогами (или гребнем), обнаружено уже в надписях на гадательных костях эпохи Инь (с XIV в. до н. э.). Существуют предположения о том, что прообразом этих пиктограмм была ящерица, а также о связи образа луна (дракона) с крокодилом.

Изображения дракона отличались разнообразием и причудливостью форм. Но во всех случаях облик чудовища был величественным, суровым и воинственным.

Вот одно из описаний: «Глаза дракона похожи на кроличьи, а уши — • на коровьи; над его пастью растут длинные усы; туловище походит на тело змеи, покрытое чешуей; четыре тигровые лапы имеют орлиные когти».

Иногда дракона изображали в виде большой змеи или животного, напоминавшего одновременно и тигра и лошадь. Часто вокруг дракона рисовали облака, густой туман или бушующие волны, чтобы создать представление о его необычайной силе и способности вызывать стихийные бедствия. Дракон взмывал в небо и парил в облаках, скалил клыки и выпускал когти. Дракон обладал способностью к перевоплощению, он мог бегать, плавать, летать. -

Изображение дракона использовалось в качестве геральдической эмблемы на знаменах знатных родов. В средневековом Китае дракон был символом императора, его изображали на троне, на халате государя. Высшие сановники и придворные носили халаты с изображением дракона с четырьмя когтями,

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

и лишь за особые заслуги кому-либо из сановников жаловалось право носить халат с пятикоготным драконом — как на халате императора.

Кульτ драконов был связан прежде всего с водой. Драконы, олицетворявшие собой дождевые облака, которые приносили необходимые для посевов дожди, представлялись китайцам благодетельными богами, дарующими «сладкий», «хлебный» дождь. Драконы почитались также в качестве хранителей рек, озер и водоемов, воды которых использовались для орошения (искусственного и естественного). Драконы, дарующие дождь, могли быть в то же время виновниками слишком обильных дождей, вредных для посевов. В таких случаях они оборачивались к людям своей «темной», «злой» стороной. Но особенно страшны были драконы-божества рек. Это они, по представлениям древних китайцев, были виновниками страшных разливов китайских рек, сметающих на своем пути сотни селений, несущих гибель посевам и тысячам людей. Именно с этим связаны представления людей о злобности и кровожадности драконов. Обезумевшие от страха люди приносили многочисленные жертвы повелителям этой страшной стихии, в том числе человеческие. Этот обычай сохранялся очень долго. Невероятная и необъяснимая сила драконов способствовала необыкновенной популярности этих существ в мифических сказаниях. В более позднее время в фольклоре появляются мотивы обуздания рек и их повелителей — драконов-богов, единоборства героев-борцов с наводнениями и потопами.

Существует много преданий о царе драконов Лун-ване. Согласно одной из легенд, однажды царь драконов заболел. Среди обитателей водного царства не нашлось лекаря, который мог бы его вылечить, и Лун-вану не оставалось ничего другого, как принять облик старика и отправиться к людям. У

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

многих врачей побывал владыка моря, но ни один из них не мог определить, что у него за болезнь. Наконец он попал к знаменитому целителю, который, пощупав пульс пациента, очень удивился, обнаружив, что сердце бьется совсем не так, как у обычных людей.

Врач сказал об этом старику. И тот был вынужден признаться, что он царь драконов. Целитель заявил, что определить болезнь и вылечить его он сможет лишь в том случае, если старик снова превратится в дракона. Хотя обычно драконы людям не показываются, на этот раз владыка вод, чтобы исцелиться от недуга, согласился выполнить требование целителя. В условленный день врач пришел на берег моря, и дракон появился над волнами. Лекарь осмотрел его и обнаружил, что за чешую дракона на поясице заползла сколопендра, которая и причиняла ему сильную боль.

Удалив сколопендру, врач смазал поврежденную чешую мазью, и боль прошла. В знак благодарности за исцеление царь драконов обещал целителю ниспосылать людям по их просьбе хорошую погоду, благодатные дожди и полное благополучие. С тех пор каждый год в этот день (День исцеления) по всему Китаю исполняется танец дракона.

По традиционным представлениям, дракон символизирует счастье. Засуха и наводнение приносили китайскому народу разорение, нищету, голод. Кто мог помочь в борьбе со стихийными бедствиями? Конечно же, царь драконов. Если какой-нибудь район подвергался засухе или наводнению, местные жители исполняли ритуальный танец дракона, умоляя владыку моря ниспослать дождь. Продолжительная засуха рассматривалась как отказ дракона послать дождь. Тогда перед изображением дракона устраивались молебствия. Если же и после этого поля оставались сухими, то исполнялся обряд «би-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

чевания дракона»: по сделанному из глины или из другого материала изображению дракона наносили удары плетью или бамбуковой палкой, требуя ниспослать дождь.

Култ Лун-вана был чрезвычайно распространен в старом Китае. Храмы, посвященные ему, строились в городах, деревнях, близ рек, озер, переправ и колодцев. Его заступничества просили моряки, рыбаки, земледельцы, а также водоносы, которые считали, что подземные источники в колодцах управляют Лун-ваном и соединяются под землей с морем. Во время засухи статую Лун-вана выносили из храма и ставили на солнцепеке, а во время наводнения ее носили по окрестностям, чтобы показать Лун-вану размеры бедствия и усовестить его. Если это не помогало, то статую топили в воде.

И наконец, говоря о драконах, нельзя не вспомнить о духе Чжунлу — Драконе со Свечой с горы Чжуншань, который, согласно одному из вариантов мифа о создании, был творцом Вселенной. Рассказ о нем записан в древней «Книге гор и морей». Этот дух с лицом человека, телом змеи и кожей красного цвета был ростом в тысячу ли. У него были глаза, напоминавшие два оливковых дерева. Когда он закрывал их, то они превращались в две прямые вертикальные щели. Стоило ему открыть их, как в мире наступал день, а когда веки его смыкались, на землю спускалась ночь. При малейшем дуновении дракона появлялась пелена облаков, падал хлопьями обильный снег и наступала зима. Стоило емудохнуть жаром — и тотчас наступало лето, а солнце начинало палить так, что плавись металлы и камни. Дракон лежал свернувшись, подобно змее. У него не было потребности ни в еде, ни в питье, ни в сне, ни в дыхании. Но от одного его вдоха поднимался ветер на добрых десять тысяч ли в округе. Светом свечи, которую Чжунлу держал во рту, он мог освещать

шать высочайшие сферы неба и глубочайшие недра земли, где царил вечный мрак. А так как он всегда держал во рту свечу и освещал мрак в небесных вратах на севере, то его еще называли Чжуинь, т. е. «Освещающий мрак»*.

Феникс

Примерно так же, как драконы выделялись среди зверей, среди птиц выделялись фениксы* (этим словом европейцы привыкли заменять китайское название «фэнхуан»). Согласно одному из описаний, «спереди феникс напоминает лебедя, со спины он похож на единорога-цилиндя. У него шея змеи, хвост рыбы, окраска дракона, туловище черепахи, горло ласточки, петушиный клюв». На бронзовых сосудах с рельефами фэнхуан изображалась с пышным хвостом, огромными глазами и гребнем в виде трезубца. Фэнхуан принадлежала к типу царских животных: она считалась символом императора (чаще — императрицы). Что касается происхождения этого сказочного образа, то наиболее достоверной представляется версия, согласно которой первоначально это были павлины, которые водились в Китае вместе со слонами и носорогами в незапамятные времена, до изменения климата.

В числе четырех священных животных, издревле особо почитавшихся китайцами, наряду с драконом и фениксом, были единорог-цилиндя и черепаха.

Единорог-цилиндя, как полагали китайцы, являлся людям лишь раз в несколько столетий. Он символизировал мир и процветание и обычно возвещал о рождении великого мудреца (существует легенда, что он появился незадолго до рождения Конфуция), поэтому почитание цилиндя было связано с надеждами на рождение мудрых и добродетельных людей. Традиция предписывала изображать его непременно с младенцем «на руках»**.

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

«Великая черепаха» — единственное реальное животное рядом с тремя остальными священными существами. Она была наиболее почитаемой еще со времени эпохи Инь, когда панцири считались надежным материалом для гадания, т. е. для общения со сверхъестественным миром. Позже черепаха стала символом долголетия, силы и выносливости. Каменные изваяния черепахи служили излюбленным фундаментом для стел (быть может, не без влияния индийских легенд о черепахах, на которых стояли слоны, державшие на своих плечах мир). Такие же каменные изваяния стали затем сооружаться и на берегах рек — черепаха почиталась в качестве духа-покровителя речных дамб. Кроме того, считалось, будто самка черепахи обладает сверхъестественными способностями и может производить на свет детенышей без участия самца***.

Другие удивительные животные

Объектами благоговейного почитания в Китае, подчас даже культа, были и другие животные, причем насчитывалось их довольно много. Вот наиболее популярные.

Пожалуй, первое место среди них всегда занимал тигр, в представлении китайцев — царь зверей. Тигр почитался в первую очередь как гроза демонов: почти все великие маги-устрашители демонов изображались сидящими на тигре. На лбу тигра часто изображали иероглиф «ван» (царь). Кроме того, тигр считался грозой демонов болезней, а следовательно, в какой-то мере покровителем здоровья. Его клыки и когти, изящно обрамленные в серебро, служили ценными амулетами; истолченные в порошок кости тигра добавляли в воду или в чай в качестве лекарства от лихорадки и других болезней. Даже просто вышитые на детских туфельках морды

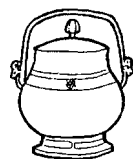

тигра, по поверьям китайцев, могли спасти малыша от напастей.

Подобно тигру, грозой вредителей и демонов в Китае с древности почитался кот. Поскольку главным вредителем шелководства считались крысы, кот рассматривался в качестве покровителя этого ремесла. В ряде местностей духу кота даже приносили жертвы в специально построенных для этого кумирнях. Потеря домашнего кота воспринималась как признак несчастья. Однако появление в доме чужого кота тоже было предвестием беды — полагали, что кот предвидит обилие крыс и мышей в доме, а это, в свою очередь, явный признак обнищания и бедности хозяйства. Кроме того, считалось, что кот, как и тигр, обладает магической силой: его способность видеть в темноте воспринималась как доказательство умения общаться с демонами. Сохранились даже легенды о том, что после смерти можно превратиться (переродиться) в кота, чтобы отомстить своим преследователям и врагам.

Важным объектом ритуального почитания в Китае был и петух. Во-первых, он рассматривался как символ солнца, глашатай прихода божества дня, во-вторых, как защитник от огня и пожара. Изображение красного петуха, обычно на высоком шесте, воздвигалось каждый Новый год у дверей дома. Петух, как и тигр с котом, тоже был грозой демонов: живого белого петуха привязывали к крышке гроба в дни погребальных процессий для отпугивания демонов. Подарить петуха или хотя бы леденец в виде петушка было принято в момент брачной церемонии.

Кроме перечисленных выше животных, можно упомянуть льва, обезьяну** и змею (в ее честь иногда воздвигали специальные кумирни, где монахи разводили змей).

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Наряду с драконом тигр, кот, петух, обезьяна и змея стали символами 12-летнего календарного цикла китайцев, где каждому из этих животных отведено по одному году (т. е. год проходит под покровительством этого животного).

Лиса

Но, пожалуй, самое заметное место во всем «зверином» фольклоре занимали лисы. Культ лисы, лисы-демона, лисы-монстра, был необычайно распространен в Китае. Прodelкам лис, «лисыим чарам», многочисленным историям о вмешательстве лис в жизнь людей посвящена в Китае специальная литература, возглавляемая «лисыим эпосом» Ляо Чжая. Начало культа лисы в Китае уходит в глубокую древность. Поскольку лисьи норы нередко бывали по соседству с могилами, выползающий из-под старых могил лис считался мистическим воплощением души мертвеца. Лисам приписывали искусство перевоплощения: в возрасте 50 лет лиса может превращаться в женщину*, в **500** лет — в обольстительную девушку, а в **1000** — становиться «небесным лисом», владеющим всеми тайнами природы.

Любая встреча с лисой, как правило, плохо заканчивалась для человека. Попасть в лапы к лисе, поддаться «лисыим чарам» считалось последним делом в глазах каждого китайца, тратившего обычно немало сил и средств, чтобы обзавестись амулетами, призванными обезопасить его от влияния лис. Даже иероглиф лисы нередко избегали писать, заменяя его другим, сходным по звучанию. Страх перед лисой и накликаемыми ею бедами всегда был очень велик**. На первый взгляд лиса, этот своеобразный «царь демонов», должна была бы стать в Китае чем-то вроде европейского черта. Однако получилось все совершенно иначе. Лиса, невзирая на

все ее злые чары, была объектом ритуального почитания. В ее честь по всей стране воздвигали кумирни, ей приносили немалые жертвы, Конечно, в какой-то степени это объяснялось страхом, желанием задобрить злого демона. Однако была и другая причина — лиса считалась существом, которому ведомы все тайны природы и которая может поэтому (если к ней отнестись соответствующим образом) вылечить от болезни, избавить от беды, даже поспособствовать обогащению.

Чудесные птицы

Бытовали в Китае представления и о других фантастических животных.

Например, встречались предания о чудесных птицах (наряду с фениксом).

Так, чудесные птицы бииняо («птицы, соединившие крылья») были похожи на дикую утку с красно-зеленым оперением. У каждой птицы было по одному крылу, одной ноге и одному глазу. Они могли летать по небу только парами, а поодиночке могли лишь ковылять по земле на одной лапе мелкими шажками. По некоторым источникам, в каждой паре одна из птиц была зеленая, другая — красная. Из-за своей неразлучности птицы бииняо считались символом счастливого супружества. Поэты слагали о них стихи.

Появление птицы бифан обычно сопровождалось вспышкой удивительного пламени. Птица бифан походила на журавля, но при этом была зеленая, с красными полосами, белым клювом и одной ногой.

Чудесная птица чунмин («двойной свет») поселилась во дворце императора Поднебесной в древние времена, когда государством правил легендарный Яо. Дивную птицу, в каждом глазу которой было по два зрачка, подарили Яо жители страны

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Чжичжи. Чунмин напоминала петуха, но пела, как феникс. Когда наступало время линять, она сбрасывала все свое оперение и улетала. Птица чунмин могла изгонять нечистую силу и прогонять волков, тигров, барсов и шакалов. Питалась она лишь нефритовой пастой. После того как птица поселилась у Яо, она по-прежнему часто улетала к себе на родину и иногда не возвращалась по нескольку лет. Если она не прилетала вовремя, то люди делали ее изображение из дерева или металла и ставили в воротах для того, чтобы отгонять злых духов. Позже изображения чунмин, в том числе рисунки, стали ставить на окнах в первый день Нового года с такими же целями.

Некоторые, совсем разные животные составляли удивительные пары. Так, рассказывали о птице Ту и мыши Ту, живших на горе с Норой Птицы и Мыши. Эти птица и мышь вместе выкопали в горе нору глубиной около четырех чи (т. е. несколько глубже метра) и жили там вдвоем в полном согласии, как любящие супруги. Птица выходила наружу добывать пищу, а мышь в норе занималась домашним хозяйством.

Совсем иную пару составляли разноцветный феникс и черная змея, жившие на двух разных горах, находившихся по соседству. Феникс все время наблюдал за змеей и не позволял ей совершать злых дел.

Странные существа

Сохранилось множество рассказов о странных живых существах, внешний вид которых поражал своей неестественностью. Это были, например, черные пчелы и красные мотыльки, размерами превосходившие слона, и летающий заяц с мышьиной головой, крыльями которому служила шерсть на спине. Не менее странно выглядела похожая на фазана

**Различные изображения
драконов — лунов**
С гравюр XV—XVII веков

Два изображения
фэнхуана, которого
европейцы называют
фениксом
Со старинных гравюр

Изображение чудесной
птицы **бифана** — она
напоминает журавля,
однако зеленая, с
красными полосами, белым
клювом и одной ногой
Со старинных гравюр

Птица **биння**, от
которой пошла легенда о
двух половинках —
символе счастливого
супружества
Со старинной гравюры

Два изображения **цилиня** (единорога)
Со старинных гравюр

птица, у которой росли усы по обе стороны головы, заменявшие ей крылья. Говорили, что мясо этой птицы исцеляло глазные болезни. А еще существовала одноглазая четырехкрылая птица с собачьим хвостом. Согласно преданию, тот, кто съедал ее, навсегда излечивался от болей в животе.

Многие странные животные были отнюдь не безобидны. Например, птица, подобная пчеле, но величиной с утку, несла смерть зверям и пернатым; стоило ей клюнуть дерево, и оно засыхало. Чудовищами-людоедами были зеленый зверь, напоминавший собаку, и крылатый тигр, чье тело покрывали иглы, как у ежа. Появление полосатого, как тигр, быка сопровождалось сильнейшим наводнением. Бык с белой головой, одним глазом и змеиным хвостом, на пути которого пересыхали реки и увядала трава, предвещал мор повсюду в Поднебесной. А когда на землю какого-либо царства опускалась пятицветная птица с человеческим лицом и длинными волосами, то это царство погибало. Как только в небе появлялась змея, называемая фэйи, с шестью ногами и четырьмя крыльями, на земле тотчас начиналась страшная засуха. Появлялась и другая птица, похожая на змею, с четырьмя крыльями, шестью глазами и тремя ногами; куда бы она ни прилетала, там обязательно начиналось общее смятение.

Мифические существа — неиссякаемый источник пищи

Особую группу мифических существ составляли животные, служившие для людей неиссякаемым источником пищи. Чаще других упоминается волшебное животное шижоу. Это было живое существо, совершенно лишенное костей и конечностей, представлявшее собой только ком мяса, но с парой маленьких глаз. Согласно преданию, его мясо нель-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

зя было съесть без остатка: съешь кусок, а на этом месте вырастает такой же, и шижоу вновь обретает прежнюю форму. Рассказывали также о корове, от которой отрезали большой кусок мяса, а через день оно снова нарастало на прежнем месте. Ее тело было черного цвета, рога тонкие и длинные — более четырех чи (то есть почти полтора метра). По меньшей мере, через каждые десять дней нужно было срезать у нее часть мяса, иначе она могла погибнуть. А еще сохранилось предание об овцах с необычайно толстым и жирным хвостом, который весил около десяти цзиней (пять килограммов), люди отрезали этот хвост и готовили из него пищу. Через некоторое время у этих овец вновь вырастал такой же хвост.

Фантастические морские обитатели

Встречались фантастические существа и среди обитателей моря.

Однажды некий купец отправился на судне в море по своим торговым делам. Далеко в открытом море он увидел маленький островок, поросший изумрудно-зелеными деревьями. Купец велел морякам пристать к острову. Все выпрыгнули на берег и привязали судно. Затем нарубили веток и разожгли костер, чтобы сварить еду. Но вода еще не успела закипеть, как они почувствовали, что островок задвигался и деревья стали погружаться в воду. Перепуганные люди в смятении бросились к судну, перерубили канат и, спасая свою жизнь, поплыли прочь от тонущего островка. Оказалось, что это был вовсе не остров, а огромный краб, которому огонь костра опалил панцирь.

Рассказывали также, что в южных морях жили люди-рыбы. И хотя они обитали в море, но занимались обычным человеческим трудом. В тихую ночь,

когда море спокойно и нет волн, на берегу был слышен исходящий из глубины моря шум ткацких станков. Изумительные по красоте морские жемчужины, каких немало в глубинах южных морей, — не что иное, как следы людей-рыб.

Люди-рыбы были очень похожи на обычных людей, причем все они — и мужчины и женщины — отличались необычайной красотой. Их тонкая белая кожа напоминала нефрит, а их волосы, похожие на конские хвосты, достигали пяти-шести (более полутора метров) в длину. Когда у прибрежных жителей умирала жена или муж, они ловили человека-рыбу, поселяли в маленьком пруду и нарекали ее своей женой или мужем.

Циньский знак военной власти.

Бронза с инкрустацией золотом. V—III вв. до н. э.

ЧУДЕСНЫЕ РАСТЕНИЯ

Чудесные деревья

Оbjectами культа и ритуального почитания в Китае были и многие растения. Особенно это относилось к старым могучим деревьям: их никогда не срубали и даже приносили жертвы в честь обитавших в них духов. В некоторых местах считалось, что из столетних деревьев, если их срубить, может потечь кровь. Из крупных деревьев наиболее почитаемой была сосна, символ долголетия и бессмертия. Из плодовых — слива (ее ветвям приписывалось свойство изгонять злых духов), гранат (его плод с множеством зерен всегда символизировал возможность получения обильного потомства), каштан (был также символом многодетности). И все же первое место среди всех деревьев принадлежало персиковому дереву и его плоду, легендарному персику бессмертия. В представлениях китайцев чудодейственными свойствами наделялось и само дерево, и его ветки, и цветы, и уж тем более плоды. Все это использовалось для изгнания демонов, лечения болезней, а также в качестве амулетов. Почитание персика и персикового дерева в более поздние времена усилилось ле-

гендами о Си-ванму и ее садах с персиками бессмертия*, якобы созревавшими раз в три тысячи лет. Впоследствии персик стал одним из главных символов бессмертия: нередко на картинах божество бессмертия и долголетия предстает как бы рождающимся из персика. Нежный персиковый цвет является символом прекрасной женщины, невесты: весной в дни свадеб невестам обязательно дарили ветки с цветком персика.

Почитали в Китае и многие другие растения** за те *блага*, которые они приносили человеку. Среди них были не только растения, существующие в действительности, но и фантастические, дарящие людям, которые отведали их плодов, различные необычайные свойства и качества.

Чудесные плоды

Такие деревья приносили плоды своеобразной формы и цвета и произрастали в различных местностях. Рассказывали о деревьях, у которых было по пять ветвей, раскинувшихся в разные стороны наподобие расходящихся дорог; их листья напоминали листья тополя, цвели эти деревья желтыми цветами и приносили черные плоды. По преданию, стоило съесть сваренный из их листьев и плодов суп, как человек становился спокойным, и его трудно было рассердить. Деревья, напоминающие дикие груши с круглыми листьями, приносили красноватые плоды, похожие на древесную тыкву-папайю. Тот, кто съел этот плод, приобретал необыкновенную силу — мог вырывать деревья и сокрушать горы. Другое дерево, также похожее на дикую грушу, приносило плоды вроде сливы без косточек, съев которые человек получал способность не тонуть. Подобными свойствами обладали не только деревья, но и травы. Их было очень много, но, пожалуй, самая интересная из них — трава с красными стеблями и белыми

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

цветами, с листьями, как у подсолнечника, и плодами, напоминавшими дикий виноград. Глупые, отведав этой травы, становились умными.

Среди мифических растений совершенно особое место принадлежит дереву под названием цзяньму*. Оно росло на равнине Дугуан, где, как считалось, находился центр неба и земли. Невообразимо высокий ствол дерева цзяньму в глубочайшей древности служил небесной лестницей: духи разных мест поднимались по нему на небо и спускались на землю. Цзяньму не отбрасывало тени и не давало эха. Даже в полдень, когда солнце освещало его вершину, от дерева не было никакой тени. Самые громкие звуки терялись в пустоте, и эхо не повторяло их. Дерево цзяньму имело тонкий длинный ствол, который врезался прямо в облака, на нем не было ветвей, и только на верхушке имелось несколько изогнутых и кривых веток наподобие каркаса зонта; корни дерева были тоже изогнутыми и переплетались между собой. Кора его отличалась чрезвычайной прочностью и эластичностью.

Вокруг дерева цзяньму на равнине Дугуан раскинулся удивительный сад, подобный райскому. Там круглый год росли рис, просо, бобы, пшеница, зерна которых были белые и гладкие, будто лоснящиеся от жира. Там пели и танцевали волшебные птицы, туда приходили самые разные животные. Деревья и травы зеленели в Дугуане зимой и летом.

Вдалеке от райского сада, в Зыбучих песках, рос удивительный каменный лотос, крепкий и легкий, на нем было сто листков, а раз в тысячу лет распускался только один цветок. Листья его были зелеными, и, когда они раскачивались на ветру и заклоняли склоны Зыбучих песков, растение на этом фоне выглядело необычайно красиво.

Деревья с драгоценными камнями вместо плодов

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Среди удивительных растений, о которых рассказывают древнекитайские легенды, выделялись деревья, плодами которых были драгоценные камни. Они росли на горе Куньлунь, там, где находилась резиденция повелителя всех божеств, духов и людей — Верховного владыки Хуан-ди. Там росли бирюзовое, яшмовое, жемчужное и черное нефритовое деревья. На них зрели жемчуг и красивая яшма, а на дереве узорного нефрита — разноцветный пятнистый нефрит.

Неподалеку от Куньлуня на горе Мишань находились залежи мягкого белого нефрита. Мягкая белая и блестящая паста была фонтанчиком; ею ежедневно питался Хуан-ди. Остатками пасты поливали даньму — киноварное дерево, и раз в пять лет на нем распускались благоухающие цветы всевозможных расцветок, а затем созревали ароматные плоды, приятные на вкус. Хуан-ди пересадил нефриты с горы Мишань на солнечный склон горы Чжуншань, и там выросло множество сверкающих всеми цветами радуги прекрасных нефритов. Духи и бесы, земные и небесные, стали лакомиться ими. Когда людям удавалось добыть кусочек нефрита, они вырезали из него украшения и носили их на поясе, так как считалось, что такие талисманы защищали от нечистой силы.

На дереве лангань рос самый прекрасный драгоценный камень, подобный нефриту и жемчугу. Хуан-ди послал трехглавого духа Личжу охранять его. Личжу поселился на дереве фучан, которое росло рядом с деревом лангань. И днем и ночью он зорко следил за малейшим движением около дерева. Личжу лежал на дереве, а три его головы по очереди засыпали и просыпались. Глаза его, излучавшие яркий свет, прекрасно видели даже в темное осен-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

нее время. Хуан-ди любил путешествовать по Кунь-луню. Однажды, возвращаясь из такого путешествия, он по неосторожности уронил свою самую любимую черную жемчужину* поблизости от Красной реки. Огорченный потерей, Хуан-ди послал на поиски драгоценности одного из самых умных небесных духов по имени Чжи. Тот вернулся с пустыми руками. Тогда Хуан-ди послал духа Личжу, что лежал на дереве фучан и стерег нефритовое дерево лангань. Но и тот не нашел жемчужины, хоть и было у него три головы и шесть глаз, излучавших удивительный свет. Посланному затем на поиски самому сильному из небесных духов Чигоу негде было применить свою силу в столь тонком деле. Безуспешно обыскав окрестности и потеряв надежду, Чигоу вернулся ни с чем. В конце концов Хуан-ди послал духа Сянва, известного в небесном царстве своей беспечностью и рассеянностью. Сянва полетел к Красной реке, бросил рассеянный взгляд на ее берега и сразу же заметил, что черная сверкающая жемчужина преспокойно лежит в густой траве. Сянва подобрал ее, прилетел к Хуан-ди и вернул ему драгоценность. Приятно удивленный, Хуан-ди поручил беречь свое сокровище удачливому Сянва, и тот, взяв жемчужину, беспечно бросил ее в свой широкий рукав. Об этом узнала одна хитрая девица и выкрала жемчужину. Разгневанный Хуан-ди провел расследование и послал небесных духов схватить воровку. Девушка, испугавшись наказания, проглотила жемчужину, прыгнула в реку и превратилась в чудище с телом дракона и лошадиной головой. Она стала речным духом.

По другой версии, Хуан-ди не удалось найти своей черной жемчужины, но там, где он ее потерял, выросло Тройное жемчужное дерево — чудесное дерево с тремя стволами и жемчужинами вместо листьев.

НЕБЕСНЫЕ ВЛАДЫКИ

Боги четырех стран света

У каждой страны света — Востока, Запада, Юга и Севера, а также Центра — были свои верховные правители. Владыкой Востока был Тайхао (Фуси), а его помощником — дух дерева Гоуман, который держал в руках циркуль и ведал весной. Владыкой Юга был Янь-ди, а его помощником — дух огня Чжужун, державший в руках весы и управлявший летом. Владыкой Запада был Шаохао, а помогал ему дух металла Жу-шоу, державший в руках плотничий угольник и управлявший осенью. Владыкой Севера был Чжуаньсюй, его помощником — дух воды Сюаньмин, иначе называемый Юйцян, дух моря и ветра, в руках он держал гири и управлял зимой. Владыкой Центра и одновременно Верховным правителем мира был Хуан-ди, а его помощником — дух земли Хоу-ту, который держал в руках веревку и управлял всеми частями света.

Все небесные владыки, включая Хуан-ди, имели в своем имени тот или иной цвет: Владыка Центра Хуан-ди именовался Желтым, владыка Востока Тайхао (Фуси) — Зеленым, владыка Юга Янь-ди —

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Красным, владыка Запада Шаохао — Белым, владыка Севера Чжуаньсюй — Черным.

С четырьмя странами света были связаны символические животные: с востоком — дракон, с западом — тигр, с севером — черепаха, с югом — феникс (фэнхуан).

Согласно преданиям, в те древние времена, к которым относятся истории владык стран света, не было непроходимой границы между землей и небом. Кроме того, божества, люди и животные могли иметь внешние черты и свойства друг друга.

Чудесное происхождение небесных владык

Несказанно далеко к северо-западу от Китая находилась процветающая страна и называлась она Страной рода Хуасюй. В той стране не было ни правителей, ни вождей, люди не имели ни стремлений, ни страстей, следовали лишь своим естественным желаниям, и поэтому все жили очень долго, красиво и весело. Жители этой страны могли ходить по воде и не тонуть, проходить через огонь и не сгорать, летать по воздуху так же свободно, как и ходить по земле. Облака и туманы не мешали им видеть, раскаты грома не тревожили их слуха. Люди Страны рода Хуасюй были и людьми, и божествами одновременно.

В этой райской стране жила девушка. У нее не было имени, и все ее звали Хуасюй-ши («Рожденная в Хуасюй»). Однажды она отправилась на восток погулять к красивому, заросшему травой и деревьями огромному озеру Грома — Лэйцзэ — и увидела на берегу след ноги какого-то великана. Она удивилась и, шутки ради, наступила на этот след. Ступила — и тотчас почувствовала какое-то волнение, после чего забеременела и родила мальчика, которого назвала Фуси. Великан, оставив-

ший свои следы на берегу озера Грома, был Лэй-шэнь — дух грома, существо с человеческой головой и телом дракона.

У самого же легендарного Фуси, ставшего владыкой Востока под именем Тайхао, также было, согласно разным преданиям, либо лицо человека и тело змеи, либо тело дракона и голова человека. Помощник владыки Востока — дух дерева Гоуман — имел квадратное лицо и тело птицы. Рассказывают, что Гоуман был сыном владыки Запада Шаохао.

Рождение Шаохао было также необычным. Согласно преданию, его мать Хуанъэ была небесной феей. Она жила в небесном дворце и усердно ткала полотно, частенько засиживаясь до глубокой ночи. Однажды она, устав от работы, отправилась на деревянном плоту прогуляться по Серебряной реке (Млечному Пути). Обычно она доплывала вверх по течению до дерева Цюнсан, которое росло на берегу Западного моря. Это было огромное тутовое дерево высотой в десять тысяч чжанов. Листья его были красные, как у клена, ягоды — будто блестящие пурпурные кристаллы, крупные и сочные. Это дерево приносило плоды лишь один раз в десять тысяч лет, и тот, кто съедал его плод, мог жить значительно дольше, чем ему предназначалось природой. Хуанъэ очень любила кружиться под этим тутовым деревом. В те времена жил один юноша, выделявшийся своим обликом среди обычных людей: он называл себя сыном Белого Государя и был на самом деле не человеком, а звездой. Юноша спускался с неба к воде, играл на цитре и пел песни, веселился и шутил с Хуанъэ. Постепенно между ними зародилась взаимная любовь, и однажды, развлекаясь, они забыли о возвращении домой. Юноша вскочил на деревянный плот Хуанъэ, на котором она плыла по Серебряной реке, и дво-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

ем они приплыли к морю, освещенному луной. Они сделали мачту из ветви коричневого дерева, из ароматных трав сплели флажок и прикрепили его к мачте. Влюбленные вырезали из нефрита горлицу и укрепили ее на самой вершине мачты, чтобы она могла показывать направление ветра во все четыре времени года. Предание гласит, что птица-флюгер, которую впоследствии стали устанавливать на мачтах или крышах домов, происходит от этой нефритовой горлицы. Так двое сидели бок о бок на плоту, играя на гуслях, сделанных из лучших пород дерева — тунгового и катальпы. Как только девушка начинала петь, юноша вторил ей, и радость их была беспредельна. Впоследствии у Хуангэ родился сын — плод их любви — по имени Шаохао, которого еще называли Цюнсан-ши («Рожденный у дерева Цюнсан»).

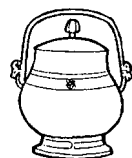
Когда сын вырос, он далеко не сразу стал повелевать Западом. Юный Шаохао отправился за Восточное море и основал там волшебную страну — царство птиц. Его сановниками и чиновниками являлись различные птицы — ласточки, балабаны, перепела, голуби и фазаны, которые поочередно управляли временами года, а самым главным правителем был феникс. Голубь ведал просвещением, орел управлял войсками, кукушка — строительными работами, сокол ведал законами и налагал наказания. Маленькая короткохвостая птичка с пятнистой, словно вышитой шейкой, без отдыха ворковавшая весь день с утра до вечера, представляла доклады трону. Пять фазанов ведали плотницким ремеслом, обработкой металлов, гончарным, кожевенным и красильным делами. Девять куропаток ведали посевами и сбором урожая. В древних книгах нет ясных описаний облика самого Шаохао, но, вероятнее всего, он был похож на хищную птицу, наподобие сокола.

Со временем Шаохао покинул Восток и вернулся на родину, на Запад. Один из его сыновей, Гоуман, остался на Востоке помогать Фуси, а другой, Жу-шоу, стал помощником отца на Западе. Жу-шоу изображали как существо с человеческим лицом, белыми волосами и с когтями тигра, в которых он держит секиру.

Владыка Севера Чжуаньшюй родился от луча звезды, пронзившего луну, словно радуга. Он родился со щитом и копьем на голове. Ему подчинялся Юйцян, дух моря и ветра. У Юйцяна было человеческое лицо, а тело птицы или рыбы (в зависимости от того, какой из двух стихий он в данный момент повелевал).

Битва между Хуан-ди и Янь-ди. Восстание медноголового Чию

С образами владык Центра и Юга связан сюжет о жестокой битве между ними. Хуан-ди — владыка Центра — был высочайшим правителем в царстве богов. Обликом Хуан-ди был весьма необычен, ибо, по преданию, у него было четыре лица. Это было очень удобно для него как для Верховного правителя Центра, так как он мог одновременно наблюдать за всеми четырьмя странами света. Всякое событие, где бы оно ни происходило, не могло укрыться от его взора, и он был самым справедливым судьей всех своевольных духов, по вине которых возникали ссоры, часто переходившие в кровопролития. Он искусно владел копьем и щитом и однажды собрался покарать всех правителей, не явившихся к нему с данью. Однако, узнав о его намерениях, все пришли с дарами. Один только правитель Юга — бог солнца Янь-ди не пожелал подчиниться. Тогда Хуан-ди собрал тигров, барсов, медведей и других хищных зверей и сразился с Янь-ди. Из битвы Хуан-ди вышел победителем.

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

После того как Янь-ди был разбит и отступил с войском на юг, в борьбу владык включился один из его потомков — великан Чию.

У Чию было восемьдесят один или семьдесят два брата, каждый из них был страшен и необычен, имел медную голову с железным лбом, звериное тело, коровьи копыта, четыре глаза и шесть рук, все братья умели говорить по-человечески. Сам же Чию имел человеческое тело, коровьи копыта, четыре глаза и шесть рук. На голове у Чию рос крепкий и острый рог. Обычной пищей Чию были песок, камни и куски железа. Он был искусен в изготовлении различного оружия: остроконечных копий, прочных и острых трезубцев, гигантских топоров, крепких щитов, легких луков и стрел. Все это он делал своими руками. Кроме того, он был наделен сверхъестественной силой. Чию поставил перед собой цель добиться господства над Вселенной. Прежде всего Чию решил отобрать престол у своего предка Янь-ди и тем укрепить свое могущество для дальнейших битв. Чию поднял своих братьев, а также множество призраков и злых духов гор, рек, деревьев и скал и внезапно напал на старого бога. Солнечный владыка Юга Янь-ди оказался не готов отразить внезапное нападение Чию. Кроме того, Янь-ди опасался применять всю свою божественную силу: разбушевавшаяся стихия огня могла выйти из-под контроля и погубить мир. Янь-ди уступил Юг Чию и бежал на Север.

Без труда завладев престолом повелителя Юга и считая себя истинным владыкой этой стороны света, Чию стал называть себя Янь-ди. Замыслы самозванца были велики и обширны, он вознамерился захватить престол Верховного владыки Центра — Хуан-ди.

Чтобы усилить свои войска и осуществить свои коварные планы, Чию всяческими способами под-

стрекал живший на юге храбрый народ мяо подняться вместе с ним против Хуан-ди. И в конце концов эти отважные люди стали союзниками Чию.

Во главе огромного войска, состоявшего из медноголовых и железнолобых братьев, воинственного народа мяо и несметного числа злых духов Чию направился к знаменитому древнему полю брани — Чжолу, находившемуся во владениях Хуан-ди. Ранее бежавший туда Янь-ди, видя, что Чию с юга пришел воевать на север, вынужден был собрать свое войско и сразиться с ним в Чжолу. Но Янь-ди не мог противостоять силе Чию и послал гонца к Хуан-ди с просьбой о помощи. Верховный владыка Центра сначала попытался уговорить Чию отказаться от своих притязаний, но упрямый великан был непреклонен, и Хуан-ди ничего не оставалось, как начать с ним войну.

На стороне Хуан-ди выступила огромная армия диких зверей, многие добрые и злые духи четырех сторон света и некоторые народы, но несмотря на это он не мог одолеть Чию и его армия потерпела подряд несколько поражений. Силы противников были приблизительно равны, и конца жестокому противостоянию не было видно.

Однажды, когда враги сошлись на поле брани в жестокой схватке, Чию, окружив войско Хуан-ди, прибег к какому-то колдовству и напустил такой густой туман на небо и землю, что нельзя было разобрать, где север и где юг, где восток и где запад. В этом безбрежном белом тумане медноголовые и железнолобые воины Чию и он сам с рогом на голове выглядели еще страшнее. Они то возникали из тумана, то исчезали, то появлялись, то словно тонули. Кого бы ни увидели великаны, всех тотчас убивали. В войске Хуан-ди жалобно ржали кони, кричали люди; тигры попрятались, волки сбежали. «Вперед! На врага!» — громко воскликнул Хуан-ди, стоя на бое-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

вой колеснице и воинственно размахивая мечом. «Вперед! На врага!» — вторили ему добрые и злые духи всех четырех сторон света, и крики их сливались в единый мощный клич. Рычали тигры и медведи. Все хотели поскорее вырваться из этого страшного, опасного тумана.

Добрые и злые духи четырех сторон света, однако, не могли ничего поделать. Не находил выхода из создавшегося положения и сам Хуан-ди. Вокруг был словно и не туман, а огромное покрывало из белого полотна, накрывшее и небо, и всю землю.

Хуан-ди пребывал в унынии. Один из его сановников, по имени Фэн-хоу, маленький, очень умный старик, сидел на боевой колеснице, слегка прикрыв глаза, и, казалось, дремал. Когда Хуан-ди спросил у него, почему он спокойно дремлет в самое напряженное время битвы, Фэн-хоу открыл глаза и отчетливо произнес: «Разве я сплю? Я ищу выход!» И действительно, этот маленький старик думал, как вырваться из тумана. Он размышлял о том, что ручка ковши Большой Медведицы всегда показывает на север независимо от времени и всяких изменений. Фэн-хоу решил изобрести такое приспособление, которое всегда указывало бы одно и то же направление, чтобы куда бы ты ни повернулся, на восток или на запад, приспособление указывало бы только на юг. А раз будет известно одно направление, то можно легко определить и остальные три. Наконец Фэн-хоу благодаря своим необычайным способностям удалось смастерить «колесницу, указывающую на юг». Впереди на колеснице стоял маленький железный человек с рукой, протянутой как раз на юг. Благодаря этому Хуан-ди и смог вывести свои войска из сплошного тумана.

Состоявшие в войске Чию призраки, злые духи, оборотни и демоны могли издавать удивительные звуки, заволаживавшие людей. Слыша их, люди

становились беспомощными и глупыми, теряли разум, шли туда, куда манили их эти звуки, и не могли более принимать самостоятельные решения. Пользуясь своими способностями, демоны околдовывали воинов Хуан-ди, заставляя их долго плутать без дороги. Но Хуан-ди знал, что сами все эти призраки и злые духи больше всего на свете боятся рева дракона. Тогда он приказал воинам взять сигнальные бычьи и бараньи рога и дуть в них так, чтобы раздавались звуки, напоминающие рев дракона. Звуки эти пронеслись над полем, оборотни и прочая нечисть из войска Чию задрожали, потом застыли, словно опьяненные или одурманенные, и тотчас утратили свои волшебные чары. Войска Хуан-ди ринулись вперед и потеснили врага.

Среди помощников Хуан-ди был дракон по имени Инлун, который умел накапливать воду и изливать ее дождем. Призывая на помощь Инлуна, Хуан-ди рассчитывал, во-первых, еще больше запугать нечисть, а во-вторых, поразить противника при помощи грандиозного ливня, который может вызвать Инлун. Достигнув поля брани, дракон сразу же вступил в бой с Чию. Он расправил крылья, взлетел ввысь и там разложил на особой подставке дождевые тучи. Однако по какой-то причине Инлун установил подставку не так, как следует, а Чию тем временем пригласил духа ветра Фэн-бо и хозяина дождя Юй-ши, чтобы они первыми проявили свою силу. И вот поднялся небывало свирепый ветер и хлынул дождь. Инлун упустил инициативу и не мог спасти положение. Бешеный ветер и ливень обрушились на войско Хуан-ди, воины падали с ног и в конце концов разбежались в разные стороны.

Хуан-ди наблюдал за битвой с вершины небольшой горы. Он видел, что Инлун не в состоянии помочь делу и что все его надежды напрасны. Тог-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

да он призвал на помощь свою дочь Ба, которая была демоном засухи. Где бы ни появлялось это быстрое, как ветер, существо с глазами на макушке, там тут же все высыхало на много верст вокруг и земля становилась красной. Только появилась она на поле брани — в тот же миг и ветер и ливень прекратились, даже следов их не осталось, а в небе прямо над головой засветилось яркое, горячее солнце, и стало еще жарче, чем было до дождя. Братья Чию пришли в ужас, а дракон Инлун, увидев момент, бросился вперед и стал крушить врагов. Так были перебиты несколько братьев Чию и часть народа мяо.

Чию обладал способностью летать по небу и ходить по самым опасным горным хребтам. Хотя он потерял несколько братьев и часть народа мяо, у него осталось еще много воинов, он не пал духом, и его мощь по-прежнему возрастала. Хуан-ди все печалился о том, что у него нет возможности расправиться со злыми мятежниками и что его воины после столь долгой битвы пали духом. Наконец он придумал хороший способ поднять дух своих воинов и одолеть врагов и изготовил необыкновенный боевой барабан из особого материала. Вот как это было.

На горе посреди Восточного моря обитал дикий зверь — одноногий и безрогий пепельно-синий бык, которого звали Куй. Он мог свободно ходить по морю, при этом тотчас же поднимался сильный ветер и начинался ливень. Глаза Куя излучали блеск, подобный свету солнца и луны. Он умел говорить, и его устрашающий голос был слышен на огромном расстоянии. Хуан-ди приказал содрать с Куя шкуру и сделать из нее чудесный барабан.

Теперь дело было за палочками. Тогда Хуан-ди вспомнил о боге грома Лэй-шэне, который жил в

Лэйцзэ — озере Грома. Лэй-шэнь, которого называли еще Лэй-шоу — «Зверь-гром», был чудовищем с телом дракона и головой человека. Частенько, беззаботно забавляясь, он хлопал себя по животу, и каждый хлопок разносился по небу громовым раскатом. Стремясь во что бы то ни стало одолеть врагов, Хуан-ди послал людей, которые схватили Лэй-шэня. Хуан-ди без лишних разговоров убил его, вытащил из него самую большую кость и сделал палочку для барабана. Теперь был барабан, была и палочка. Когда Хуан-ди ударил костью Лэй-шэня по барабану, сделанному из кожи Куя, раздался грохот намного сильнее грома. Этот барабан доставили на боевые позиции, ударили девять раз подряд — и в ответ загудели горы, им откликнулись долины, изменился цвет земли и неба, воспрянули духом воины Хуан-ди, а Чию и его воинство перепугались насмерть. От страха не мог больше Чию ни летать, ни ходить. Под оглушительные удары барабана воины Хуан-ди стали теснить войско Чию и одержали великую победу. Было схвачено и перебито немало братьев Чию и множество людей мяо.

На этот раз поражение Чию было крайне тяжелым. И тогда кто-то предложил призвать на помощь с севера племя великанов куафу*. Этот совет понравился всем, и тотчас же на север был послан гонец. Люди куафу не отличались воинственностью, но они славились физической силой. Некоторые из великанов решили оказать помощь Чию. Когда они вступили в бой, силы противников вновь оказались примерно равными.

Но тут неведомо откуда появилась женщина по имени Сюань-нуй, с человеческой головой и туловищем птицы. Это была фея, изучившая на небесах магическое искусство. Она научила Хуан-ди, как расположить войска, чтобы их нельзя было застиг-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

нуть врасплох. По ее совету Хуан-ди выковал чудесный сияющий меч, которым можно было резать камни, словно глину. Как ни храбры были Чию и люди куафу, но они обладали только силой и не могли противостоять хитроумным планам Хуан-ди. В итоге они были разбиты. В последнем бою остатки отрядов Чию и куафу оказались окруженными воинами Хуан-ди. В этот момент парящий в небе дракон Инлун с устрашающим криком стал кидаться на воинов Чию и великанов куафу и тех, кто не мог спастись от него бегством, убивал.

Желтый владыка считал плененного Чию воплощением десяти тысяч зол и поэтому казнил его в Чжолу**. Все опасались, что Чию может убежать во время казни, и не посмели снять с его рук и ног колодки. Их сняли, только когда он умер, и окровавленные бросили в голой степи. Колодки тотчас же превратились в кленовый лес с кроваво-красными листьями. Этот лес и по сей день, как гласит легенда, жалуется на несправедливость приговора.

Чжуаньсюй закрывает людям путь на небо

Даже одержав победу над Чию и казнив его, Хуан-ди не был уверен, что установившийся покой и порядок будут долгими. Верховный владыка даже намеревался истребить народ мяо, но по тем или иным причинам этого не произошло.

Рассказывают, что вскоре после победы над мятежными великанами Хуан-ди уступил верховную власть Владыке Севера Чжуаньсюю, а сам удалился на покой.

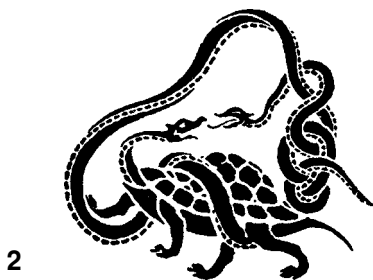
Став Верховным Небесным Правителем, Чжуаньсюй увидел, что могущество южных мяо вновь возросло, и тогда он повелел двум великим духам — Чжуну и Ли — перерезать лестницы, соединявшие

Покровители (символы) четырех сторон света:

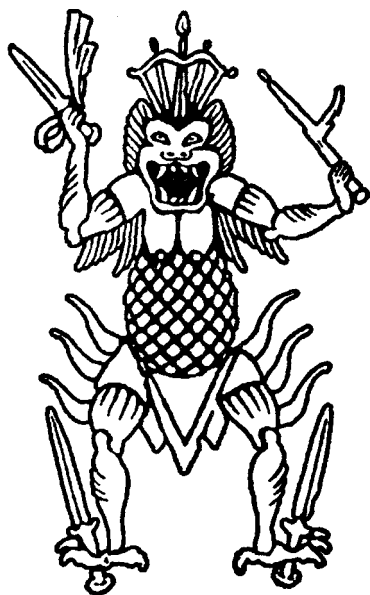
1. Символ **Юга** — красная птица **Чиняо**
2. Символ **Севера** — сокровенный воин **Сюаньзу**
3. Символ **Востока** — бирюзовый дракон **Цанлун**
4. Символ **Запада** — белый тигр **Байху**

С гравюр XV—XVII веков

Изображение **Фуси**,
первого Бпадыки Востока

Изображение
медноголового **Чию**,
поднявшего восстание
против Верховного
впадыки **Шань-ди**

Божество грома **Лэй-гун**

небо и землю*. С той поры обитатели земли уже не могли вмешиваться в дела богов и духов.

С течением времени изменялись представления людей о небесных правителях и владыках стран света. Хотя Хуан-ди оставался в их памяти самым знаменитым и могущественным из правителей мира, его владычество, как видно из мифов, в какой-то момент кончилось.

Представления о божествах претерпевали изменения, но постоянным и неизменным почитанием пользовался небесный государь, который в ряде сказаний уже не имел имени, однако всем всегда было ясно, что на небе пребывает верховный властитель всего сущего. Столь же неизменным оставалось представление о существовании владык сторон света: севера, юга, востока и запада. Эти роли могли исполнять разные мифологические герои, но остаться вовсе без богов или духов страны света не должны были.

Владычица Запада Си-ванму

Одно из наиболее известных и почитаемых божеств в китайском пантеоне — Си-ванму, владычица Запада, обладательница снадобья бессмертия. В древнейших мифах Си-ванму была богиней страны Мертвых, которая располагалась на западе. Она была похожа на человека, но имела хвост барса и клыки тигра; она любила свистеть, в ее растрепанных волосах торчала заколка. Си-ванму ведала небесными карами и наказаниями, насылала эпидемии, болезни и стихийные бедствия. Богиня жила в пещере, пищу ей приносили три синие птицы. Однако со временем представление о внешности Си-ванму сильно изменилось, ее стали изображать красавицей, царицей западной страны.

На каменном рельефе, датируемом II веком н. э., Си-ванму имеет вполне человеческий облик.

Верховный Владыка —
Шан-ди

Владыка Востока —
Дун-вангун

Два изображения
Бпадычицы Запада,
покровительницы даосских
бессмертных — **Си-ванму**

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

В волосах у нее большая заколка. Она сидит на центральном пике горы. Рядом с богиней изображен тигр, а также зайцы, толкущие в ступах снадобье бессмертия.

Служанки Си-ванму, называемые ванму шичжэ («посланницы матушки-владычицы»), согласно древнейшим преданиям, выглядели как три синие или зеленые птицы с красными головами и черными глазами. В более поздних рассказах это существа с телом птицы, но с человеческими лицами. Еще позднее они становятся прекрасными девами, имеющими свои имена.

В средние века появляются упоминания о муже Си-ванму — Дун-вангуне. Согласно одному преданию, богиня встречается с ним один раз в году на крыле гигантской птицы.

Дун-вангун — владыка Востока, обитает в большом каменном жилище, ростом он в один чжан (около трех метров), волосы на голове белые, облик человеческий, лицо птичье, а хвост тигра.

Священные горы Куньлунь — обитель богов

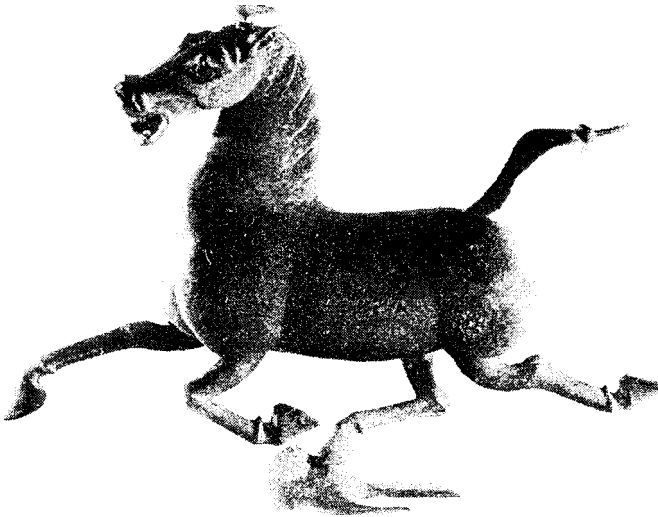
Владычица Си-ванму была особенно почитаема как покровительница бессмертных* (так принято называть даосских святых — людей, познавших «истинный путь» и обретших полную власть над своим телом). Резиденцией богини считались горы Куньлунь на западе Китая.

В тех же горах, согласно преданию, находился земной дворец Верховного Небесного владыки Хуан-ди. Внизу, у подножия хребта, протекала глубокая река Жошуй («слабая вода»); вода в этой реке не держала на поверхности даже легкого лебединого перышка. Хребет кольцом опоясывали огненные горы, на которых росли деревья, никогда не сторавшие дотла.

**МИФЫ
ДРЕВНЕГО
КИТАЯ**

Во многих мифах, преданиях и легендах верховное божество не имеет такого конкретного облика, каким обладали описанные в этой главе боги. Повелитель Вселенной выступает просто как Верховный Небесный владыка, занимающий во всем мире такое же положение, которое в китайском государстве занимал император. Единовластного Небесного правителя называли по-разному: Шан-ди (Верховный владыка), Юй-хуан (Нефритовый государь), Юй-ди, Юйхуан-шанди.

Лошадь в галопе.
Бронза. Эпоха Хань.

ДРЕВНЕЙШИЕ ПРАВИТЕЛИ ПОДНЕБЕСНОЙ ИМПЕРИИ

Легендарный правитель Ди-Ку

Кроме небесных владык, с незапамятных времен китайцы почитали древнейших властителей своей страны, первые из которых были не только государями, но и божествами. Сходство преданий об императорах, носивших имена Ди-цзюнь и Ди-Ку, позволяет предполагать, что речь идет об одном и том же лице. Возможно, люди, передававшие друг другу легенды о древнейших государях, представляли их себе то небесными, то земными владыками. Например, наряду с рассказом о том, что поочередно освещавшие мир десять братьев-солнц были сыновьями Ди-цзюня, существует предание, что жена Ди-Ку перед рождением очередного сына видела во сне, как глотает солнце.

Янь-бо и Ши-чжэ — правители звезд

Широко известна была история о двух сыновьях Ди-Ку, Янь-бо и Ши-чжэ, которые вечно спорили, не желая ни в чем уступать друг другу. Они

жили в дремучем лесу среди гор, своевольничали и целыми днями дрались палками и пускали в ход копья, угрожая друг другу беспощадной расправой. Их отец, Ди-Ку, просто не знал, что с ними делать. В конце концов он послал одного из них управлять звездой Шан, а другого звездой Шэнь. Звезды эти никогда одновременно не светили на небе: когда одна зажигалась на востоке, на западе другая заходила.

Чудесный пес Паньху

Не менее известна история о чудесном псе Паньху, жившем во дворце императора Гаосинь-вана (это одно из имен Ди-Ку). Однажды у государыни заболело ухо. Ровно три года не прекращались боли, сотни лекарей пытались вылечить ее, но безуспешно. Потом из уха выскочил маленький, напоминающий гусеницу шелкопряда золотистый червячок длиной около трех вершков, и болезнь тотчас же прошла. Государыня очень удивилась, посадила этого червячка в тыкву-горлянку и прикрыла блюдом. Со временем червячок под блюдом превратился в красивейшего пса, покрытого шерстью-парчой с ослепительно блестящими разноцветными узорами. Чудесный пес получил имя, сложенное из слов «пань» — блюдо и «ху» — тыква. Гаосинь-ван очень обрадовался появлению Паньху и не отпускал его от себя ни на шаг.

В то время князь Фан-ван неожиданно поднял мятеж. Гаосинь-ван испугался за судьбу государства и обратился к сановникам со словами: «Если найдется человек, который принесет мне голову Фан-вана, я отдам ему в жены свою дочь».

Сановники знали, что войско у Фан-вана сильное, победить его трудно, и не решались отправиться навстречу опасности. Рассказывают, что в т. ; же день Паньху исчез из дворца и никто не знал, ку-

да он убежал. Искали несколько дней подряд, но не нашли никаких следов, и Гаосинь-ван был очень опечален.

Тем временем Паньху, оставив дворец Гаосинь-вана, напрямик направился в военный лагерь Фан-вана. Увидев Фан-вана, он завилял хвостом и завертел головой. Фан-ван чрезвычайно обрадовался и, обратившись к своим сановникам, сказал: «Думаю, что Гаосинь-ван скоро погибнет. Даже его собака бросила его и прибежала служить мне. Посмотрите, это принесет мне успех!»

Фан-ван устроил большой пир по случаю счастливого предзнаменования. Вечером захмелевший Фан-ван крепко заснул в своем шатре. Воспользовавшись этим, Паньху подкрался к нему, впился ему зубами в горло, отгрыз голову и стремглав бросился обратно во дворец. Увидел Гаосинь-ван, что его любимый пес с головой врага в зубах вернулся во дворец, несказанно обрадовался и приказал дать псу побольше мелко нарубленного мяса. Но Паньху только понюхал блюдо, отошел прочь и с печальным видом улегся в углу комнаты. Паньху перестал есть и все время лежал без движения, а когда Гаосинь-ван звал его, он не вставал на зов. Так продолжалось три дня.

Гаосинь-ван не знал, что и делать, и, наконец, спросил Паньху: «Пес, почему ты ничего не ешь и не подходишь ко мне, когда я зову тебя? Неужели ты надеешься получить в жены мою дочь и сердишься на меня за то, что я не сдержал своего обещания? Не в том дело, что я не хочу сдерживать обещания, но ведь пес и в самом деле не может взять в жены женщину». И вдруг Паньху отозвался человеческим голосом: «Не печалься об этом, а только посади меня на семь дней и семь ночей под золотой колокол, и тогда я смогу превратиться в человека».

Очень удивился Гаосинь-ван, услышав такие слова, но исполнил и эту просьбу: посадил Паньху под золотой колокол, чтобы посмотреть, произойдет ли превращение.

Когда наступил шестой день, невеста Паньху, с нетерпением ожидавшая свадьбы, из опасения, что пес умрет от голода, тихонько приподняла колокол, чтобы посмотреть на Паньху. Тело Паньху уже превратилось в человеческое, и только голова все еще была собачьей, но превращение тотчас же прекратилось и голова уже не могла стать человеческой. Паньху выбежал из-под колокола, накинул на себя одежды, а императорская дочь надела шапку в форме собачьей головы. Они стали супругами. Потом Паньху со своей женой ушел в Южные горы и поселился в пещере среди диких гор, где никогда не ступала нога человека.

Императорская дочь сняла дорогие и красивые одежды, надела простое крестьянское платье, принялась безропотно трудиться, а Паньху каждый день уходил на охоту. Так они и жили в мире и счастье. Через несколько лет у них родились три сына и дочь. Однажды они, взяв детей, отправились во дворец навестить родителей. А так как у детей еще не было имен, то молодые супруги попросили Гаосинь-вана дать им имена. Старшего сына после рождения положили на блюдо, и поэтому его назвали Пань — «Блюдо», второго сына после рождения положили в корзину и назвали его Лань — «Корзина». Младшему сыну никак не могли придумать подходящего имени. Неожиданно небо разверзлось и загрохотал гром, поэтому мальчика назвали Лэй — «Гром». Когда дочь стала взрослой, ее выдали замуж за отважного воина, и она получила его фамилию — Чжун — «Колокол». Впоследствии люди из этих четырех родов — Пань, Лань, Лэй и Чжун — переженились между собой, и от их сыновей и вну-

ков возник народ, среди которого все почитали Паньху как общего предка*.

Император Яо

Император Поднебесной Яо, сын и наследник Ди-Ку, прославился необыкновенной скромностью*. Как свидетельствует предание, жил он в простой хижине, крытой камышом, питался отваром из диких трав и вареным неочищенным рисом, одежду носил самую непритязательную. «Наверное, даже у привратника жизнь лучше, чем была у Яо!» — говорили после его смерти люди.

Но не только за скромность любил его народ. Рассказывают, что если в стране был кто-нибудь голоден, то Яо обязательно говорил: «Это я виноват, что ему нечего есть». Если кому-нибудь было не во что одеться, Яо заявлял: «Это я виноват, что ему нечего надеть». «Это я довел его до преступления», — говорил Яо, узнав о злодеянии, совершенном кем-нибудь из его подданных. Поэтому даже во время страшной засухи и последовавшего за ней великого наводнения люди продолжали по-прежнему всей душой почитать доброго правителя и ни в коей мере не сетовали на него.

Рассказывают, что в хижине Яо — в его дворце — время от времени появлялись счастливые предзнаменования. В один прекрасный день на камнях выросло дерево Минцзя, имевшее интересную особенность. В начале месяца на нем каждый день вырастал новый стручок, и через пятнадцать дней, к середине месяца, их было пятнадцать. А со второй половины месяца стручки начинали опадать, и к концу месяца их не оставалось. Если в месяце было двадцать девять дней, то оставшийся на верхушке стручок засыхал и не опадал. С началом следующего месяца все повторялось снова. Людям достаточно было посмотреть на стручки, чтобы уз-

нать, какой сегодня день. Появление «живого календаря» считалось счастливым предзнаменованием, помогавшим Яо.

Было еще одно чудесное растение — шапу. Выросло оно на кухне. Его листья были похожи на веер. При каждом движении возникал свежий ветер, который прогонял мух и комаров и в жару сохранял от порчи припасы. Экономному Яо такое растение очень помогало.

Притча о старике, играющем в цзижан

Большинство подданных искренне почитали государя Яо и привыкли отзываться о нем с величайшим уважением. Однако жил в те далекие времена один старик, которому было уже за восемьдесят, а он все продолжал на досуге играть в цзижан. Эта игра состояла в бросании палок и напоминала кегли или городки. Старик прекрасно играл в эту игру и всегда добивался успеха. Однажды один из зрителей, наблюдавших за игрой, заметил: «Сколь велика благодать нашего правителя Яо, которая простирается и над этим стариком». Старик отозвался: «Я не понимаю, о чем ты говоришь. Каждый день я начинал работать с восходом солнца и отдыхал лишь тогда, когда солнце пряталось за гору. Я сам вырыл колодец, чтобы пить из него воду, сам пахал поле, чтобы добывать себе пропитание. Скажи, в чем заключаются благодеяния Яо по отношению ко мне?» Тот не нашелся, что ответить*.

Сюй Ю и пастух

Шло время, и Яо постепенно старел. В своем сыне Даньчжу, который был непочтителен, он не видел достойного наследника: Яо не хотел, чтобы весь народ страдал из-за его сына. Поэтому он осо-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

бенно внимательно относился к способным людям в Поднебесной и искал среди них самого мудрого, чтобы еще при жизни уступить ему престол.

В те времена среди мудрецов самой громкой славой пользовался человек по имени Сюй Ю. Яо лично отправился к Сюй Ю, чтобы объявить ему о своем намерении уступить ему престол. Но Сюй Ю был человеком возвышенного образа мыслей и, не желая обладать властью, убежал и поселился на берегу реки Иншуй. Здесь нашли его посланцы государя, которые стали просить мудреца вступить в управление государством. Тогда Сюй Ю поспешил на реку Иншуй и начал промывать уши. В это время его друг по имени Чао-фу гнал теленка на водопой. Увидев, что Сюй Ю моет уши, Чао-фу удивился и спросил, в чем дело. Сюй Ю ответил, что хочет очистить свой слух от уговоров принять власть. Тут Чао-фу усмехнулся и сказал, что если бы Сюй Ю постоянно жил в уединении, как отшельник, то его никто бы и не тревожил; он же нарочно скитался повсюду, создал себе славу, а теперь моет уши. «Мой теленок не станет здесь пачкать морду!» — сказал Чао-фу и повел скотину пить воду вверх по течению*.

Легенда о добродетельном Шуне

Долго и тщательно Яо искал себе преемника, и вот однажды услышал он о Шуне — добром к людям, почтительном к родителям сыне. Заинтересовала Яо и чудесная история рождения юноши. Согласно преданиям, в племени Шан в стародавние времена жил слепой старец Гу-соу со своей женой. Не имели они детей и от этого очень страдали. И вот как-то ночью Гу-соу приснился феникс с зернышком риса в клюве. Владевший человеческой речью феникс дал старику проглотить зернышко. Сказав, что от него пойдет в роду Гу-соу

потомство, чудесная птица взмахнула крыльями и скрылась.

Вскоре у супругов родился мальчик, не похожий на обычных людей. Его называли Шунем («Зорким»), потому что в каждом глазу у него было по два зрачка. Вскоре мать Шуня умерла, а отец взял в жены злую женщину. Она родила мальчика, которому дали имя Сян («Слон»). Характером он был в мать — злобный и вредный. Если Сян проходил рядом с соседским участком, на котором колосилось просо, он не мог его не вытоптать. Следы разрушителя всегда вели в дом Гу-соу. Люди не раз приходили с жалобой на младшего сына, но мать благосклонно относилась к его проступкам, считая их обычными детскими шалостями. Отец же, человек безвольный, ни в чем жене не перечил. И только Шуню терпением и убеждением удалось перевоспитать своего дикого брата. С Сяном он обходился в высшей степени вежливо и внимательно. Если Шунь видел, что Сян радовался, то и он начинал радоваться. Видя, что Сян печален, Шунь тоже становился грустным: он знал, что после капризов Сяна обязательно будут неприятности. Вскоре изумленные соседи увидели, как Сян, вместо того чтобы вытаптывать поля, начал помогать старшему брату выкорчевывать пни.

И все же жестокая мачеха решила известить Шуня. Глупец Гу-соу и Сян стали ей помогать. Шунь не мог больше жить в родном доме и ушел к горе Лишань, близ реки Гуйшуй. Там он построил тростниковую хижину, вспахал немного земли и зажил в одиночестве. Шунь часто думал о том, что он сирота, рано потерявший мать и терпевший от мачехи жестокие побои, и незаметно для себя слагал печальные песни.

Местные крестьяне, растроганные его добротой, начали уступать ему свои поля. Через не-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

которое время Шунь переселился на озеро Грома — Лэйцзэ, где занялся рыболовством. Рыбаки также полюбили его. Затем Шунь стал гончаром в Хэбине. Прошло немного времени, и, ко всеобщему удивлению, оказалось, что глиняные сосуды, изготовленные в Хэбине, самые красивые и прочные. По соседству с Шунем стали селиться люди. Через год в этом месте образовалось маленькое поселение, еще через год оно превратилось в большой поселок, а через три года там вырос столичный город.

Услышав обо всем этом от старейшин, в один голос говоривших, что именно Шунь достоин наследовать трон, Яо пригласил юношу к себе. Впервые Шунь увидел фениксов, бродивших по двору вместе с курами и петухом. Но более всего Шуня поразило дерево-календарь. Яо восседал за трапезой вместе с дочерьми и сыновьями. Шунь обратил внимание на то, что царь, царевичи и царевны ели не из золотой и не из серебряной, а из глиняной посуды.

Яо отдал Шуню в жены двух своих дочерей, Эхуан и Нюйин. Он поселил Шуня вместе со своими девятью сыновьями, чтобы убедиться, действительно ли юноша так талантлив, как о нем говорят. Яо подарил ему одежду из волокон пуэрарии и цитру, приказал соорудить для него несколько амбаров и дал ему стадо коров и овец.

В одно прекрасное утро Шунь покинул царский дом с двумя женами, с луком в одной руке, цитрой — в другой. Сундук же везли на волах. Так простой крестьянин Шунь сделался зятем правителя и внезапно стал знаменитым и богатым.

Поселился Шунь отдельно от царя и от своих родителей. Но родительский дом был недалеко. Отец и мачеха, видя, что Шунь, издавна вызывавший у них ненависть, вдруг возвысился, стал богатым и знатным, начали ему завидовать. Мачехе уда-

лось настроить против Шуня отца, который беспресловенно слушался супругу и исполнял все ее желания и капризы.

Однако Шунь к своему семейству не питал никакой злобы. Он с молодыми женами пришел навестить родителей, принес им подарки и обращался с ними так же почтительно и с любовью, как раньше, не кичась своим богатством. Жены Шуня не были заносчивыми, хотя и происходили из знатного рода. Они выполняли все домашние работы, ухаживали за свекровью и были примерными невестками. Но все это не рассеяло злобы семейства Шуня. Скорее наоборот, известность Шуня усилила ее до крайности. Орудием в руках мачехи стал злобный Сян. Его свела с ума небесная красота жен Шуня, и он был заинтересован в смерти своего брата, так как по обычаям того времени в этом случае все состояние Шуня и его жены перешли бы именно к Сяну.

Гу-соу как-то пригласил сына починить прохудившуюся кровлю амбара. Перед тем как отправиться к отцу, юноша заглянул к женам, чтобы они знали, куда он идет. Услышав о приглашении отца, красавицы переглянулись.

— Не ходи! — сказали они в один голос. — Тебя замыслили сжечь.

— Но могу ли я отказать тому, кто меня родил?! — возразил Шунь.

Эхуан и Ньюин, подумав, ответили:

— Ну ладно, иди. Только завтра утром сними старую одежду. Мы дадим тебе новую, и тогда тебе нечего бояться.

Эти две девушки из богатого рода были обучены волшебству. Они умели предсказывать будущее, обладали чудесными талисманами и решили использовать свою волшебную силу, чтобы спасти любимого мужа. На другой день сестры достали из сундука яркую разноцветную одежду с узорами, изоб-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

ражавшими птиц. Шунь облачился в нее и отправился помогать отцу чинить амбар.

Отец, мать и брат встретили Шуня ласково. Они сами принесли лестницу и установили ее так, что Шуню оставалось лишь подняться на крышу. Когда он срывал прогнившие доски, злоумышленники незаметно забрали лестницу, подбросили к стенам заранее припасенный хворост и подожгли его. Увидев пламя, Шунь заметался в поисках лестницы. Не найдя ее, он понял, что его хотят погубить. Тогда он поднял руки к небу и стал взывать о помощи. Внезапно тело его покрылось разноцветными перьями, руки превратились в крылья, уста — в петушинный клюв. Став фениксом, из зернышка которого он когда-то родился, Шунь взлетел в небо. Вскоре он опустился неподалеку от пылающего амбара без своего одеяния, но в человеческом облике.

Злодеи не могли примириться с тем, что не убили Шуня, и попытались погубить его во второй раз. На этот раз к Шуню отец явился сам. Безо всякого смущения он попросил сына вычистить колодец. Шунь, будучи почтительным сыном, не отказался, но рассказал обо всем женам.

Утром они достали из сундука одеяние с вышитым на нем драконом и посоветовали супругу надеть его под старое платье. В случае опасности надо было только снять старое платье, и чудеса произойдут сами собой. Выполнив это, Шунь простился с женами и отправился в родительский дом. Злые родственники, видя, что на Шуне нет чудесного платья, втайне радовались тому, что на этот раз незадачливый Шунь обязательно погибнет. Они мигом сбегали за канатом и, прикрепив его, опустили в колодец, так что Шуню оставалось лишь взять лопату и спуститься. Но не успел он добраться до воды, как сверху обрушились камни. Шунь вначале растерялся, а

затем, придя в себя и не обращая внимания на помехи, снял старую одежду и превратился в прекрасного дракона, покрытого чешуей. Дракон поплыл по подземным источникам и через другой колодец выплыл наружу. Между тем родичи продолжали сверху заваливать колодец камнями и глиной. Засыпав его до уровня земли, все, кроме Сяна, отошли, он же стал втоптывать землю в колодец всей своей тяжестью, так что вскоре уже нельзя было различить и место, где было углубление.

После этого все, оживленно беседуя, двинулись к дому Шуня.

Услышав печальную весть и не зная, правда ли это, жены Шуня, закрыв лица руками, удалились в задние покои. Радостный Сян, добившийся исполнения своих желаний, договаривался с матерью о разделе имущества брата.

— Ведь эту мысль подал я, — сказал он, оживленно размахивая руками, — но из имущества мне ничего не надо, пусть скот, земля и дом отойдут родителям. Я хочу лишь цитру, лук и его жен.

Вслед за этим Сян схватил со стены цитру Шуня и, исполненный радости, заиграл на ней. Мачеха и во всем подражавший ей отец радостно ходили по дому, шупая и выбирая вещи. В это время, как ни в чем не бывало, вошел в дом Шунь.

— Дорогие гости! Я вас не ждал в доме! — сказал он окаменевшим от ужаса злодеям. — А вы, жены, подайте моим родителям и брату угощение.

Больше не было сказано ни слова. Шунь, искренний от природы, несмотря на испытания, сохранил по-прежнему почтительность и любовь к родителям и брату, как будто ничего не случилось.

Злодеи, досадуя, что Шунь не погиб, не успокоились и придумали новый коварный план: пригласить Шуня в гости и, напоив, убить его. Вернувшись домой, мачеха занялась приготовлением яда,

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

заставив мужа толочь в ступе какие-то крупинки. Наутро Сян отправился к Шуню, чтобы пригласить его в гости.

Едва Сян покинул дом Шуня, как он обратился к женам:

— Что же теперь мне надеть? — спросил он. — Я уверен, что они не думают мириться со мною, а намерены меня погубить.

Жены вынули из сундука с приданным порошок и дали его Шуню с наказом:

— Возьми это снадобье и умойся им. Тогда ты можешь пить завтра вино, — ручаемся, все будет в порядке. На кухне для тебя уже подогрета вода.

Шунь послушался своих жен, умылся приготовленным зельем и на другой день в новом платье отправился к родителям.

Его ожидал стол, уставленный яствами, и радостные лица родственников. Усадив Шуня на почетное место, злодеи стали потчевать гостя. Шунь не заставил себя долго уговаривать и принялся опустошать преподносимые ему кубки и чаши с вином. Он пил много. Несмотря на это, когда все, кто уговаривал его выпить, совершенно опьянели, Шунь по-прежнему сидел прямо. Он продолжал пить вино как ни в чем не бывало.

Было выпито несколько кувшинов вина, съедены все закуски, и на столе не осталось никаких угощений. После этого Шунь встал, свысока поглядев на родичей, которые уже не могли связать двух слов, и вышел из их дома.

За всем происходящим наблюдали сыновья Яо и рассказывали обо всем отцу. Правитель решил, что Шунь может быть его наследником. Но, будучи человеком осторожным, все же решил сам устроить зятю испытание. Он предложил Шуню отправиться в глухой лес, населенный дикими зверями и жуткими призраками, и, пройдя через него, вер-

нуться к утру. Когда стемнело, Шунь бесстрашно направился в Лес Ужасов, который еще никому не удавалось перейти. В древних записях говорится, что Шунь, идя по лесу, совершенно не испытывал страха. Ядовитые змеи при виде его уползали, тигры, барсы, шакалы и волки не осмеливались причинить ему вреда.

Выдержав последнее испытание, Шунь принял верховную власть из рук Яо. После этого он сразу же отправился на колеснице, запряженной драконами, в родную деревню. Мачеха уже умерла. С отцом, который к тому времени понял, какой у него благодетельный сын, Шунь помирился. Искренне раскаялся и Сян. Впоследствии Шунь назначил Сяна князем в области, где было много слонов.

Став Сыном Неба, Шунь прежде всего занялся преобразованиями в области музыки, и не только потому, что очень ее любил. Шунь в своей жизни успел убедиться, что ни один вор и злоумышленник не любит музыку, если не считать звона золотых и серебряных монет. Музыка, по мнению Шуня, способна лучше исправлять нравы, чем самые жесткие законы. Музыка оставалась любимым занятием Сына Неба до конца его дней.

Шунь, как и Яо, правил несколько десятков лет и сделал для людей очень много. Потом он, подобно императору Яо, передал трон не своему сыну Шанцкюню, увлекавшемуся лишь пением и танцами, а Юю, который прославился тем, что усмирил потоп. В конце жизни Шунь поехал осматривать южные земли и по дороге скончался*. Печальная весть вызвала великую скорбь у людей во всей стране. Жены Шуня скорбели так, что сердца их разрывались от горя. Они тотчас же направились на юг. По дороге они не переставали горько плакать, их горькие слезы падали на стволы бамбука. От этого на деревьях

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

оставались крапинки. С тех пор на юге и растет пятнистый бамбук, называющийся «бамбук фей реки Сян». При переправе через реку Сян лодка опрокинулась, женщины утонули и стали феями этой реки. Издалека можно было видеть блеск их красивых глаз, вызывающий сочувствие у людей. Если у них было плохое настроение из-за горестных воспоминаний, они входили в воды реки, тотчас поднимался ветер и начиналась буря. Появлялось множество удивительных существ, похожих на людей. Одни стояли на змеях, другие со змеями в руках носились по волнам.

Сосуд из красной тины.
Неолитическая культура.

Середина IV — конец III тысячелетия до н. э.

СТРЕЛОК И — ПОСЛАННИК И ИЗГНАННИК НЕБЕС

Стрелок И расстреливает из лука девять солнц

В древнейшие времена существовало не одно, а десять солнц, сыновей богини Сихэ. Они жили в Тангу — Кипящей долине за Восточным морем. Десять солнц обычно омывались в море, поэтому вода там бурлила и клочкотала, как кипяток. В бурлящем море росло огромное дерево Фусан. На этом дереве и жили десять братьев-солнц. Под наблюдением своей матери они каждый день по очереди выходили совершать свой строго определенный путь, выезжая на небо в колеснице, которой правила сама Сихэ. Солнца появлялись на небе строго по очереди. Они каждый день сменяли друг друга на колеснице, но так как братья были близнецами, люди думали, что им с неба всегда улыбается одно и то же солнце. Перед наступлением утра очередное солнце выходило из Тангу, омывалось в озере Сяньчи — Соленом озере — и перебиралось с нижних ветвей на верхние. Оттуда оно взбиралось на колесницу. Шесть запряженных в нее драконов вывозили солнце на небо, и там Сихэ останавлива-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

ла колесницу. Оставшийся путь сын проделывал самостоятельно, но мать продолжала следить за ним, сидя в колеснице. Лишь с наступлением ночи возвращалась она на пустой колеснице в Тангу, чтобы на следующий день начать путешествие снова и сопровождать другого сына.

За многие тысячи лет этот строгий порядок братьям-солнцам надоел. И как-то вечером все вместе они взлетели на вершину дерева и стали шептаться, чтобы не услышала мать. На следующее утро они вылетели на небо вместе, не желая садиться в надоевшую колесницу. Весело резвясь, братья-солнца разлетелись по всему небосводу. Сихэ, сидя в колеснице, в волнении упрасивала сыновей вернуться, потому что понимала, что они могут погубить мир. Однако озорные и непослушные сыновья не обращали внимания на призывы матери. Они установили для себя новый порядок. Каждый день они поднимались вместе, больше не желая разлучаться. Небо сияло в десять солнц. В мире наступила засуха, какой еще никогда не бывало. Леса, покрывавшие тогда большую часть земли, вспыхнули, как сухой тростник от искры. Звери, преследуемые огнем и удушливым дымом, бежали из чащ и дебрей и искали спасения в реках. Но и реки вскипали от солнечного неистовства. Рыба всплывала брюхом вверх. Птицы, опалив крылья, падали на землю обуглившимися комочками.

Голодные, страдающие от жары люди не могли больше переносить ужасный зной. По обычаю того времени, они обратились за помощью к колдунье засухи Нюйчоу. Считалось, что при помощи определенного ритуала и особых заклинаний ей удавалось вызвать дождь. Толпа почерневших и похудевших людей собралась на равнине и с паланкином из веток и лиан, ударяя в колокола и гонги, двинулась к холму правительницы. Нюйчоу надела костюм ду-

ха засухи и села в разукрашенный паланкин. Она подняла свое худое лицо, покрытое каплями пота, и, устремив беспокойный взгляд ввысь, начала бормотать заклинания. По дрожащему от страха голосу было заметно, что в душе у нее страшное предчувствие боролось со смутной надеждой. Люди, дойдя до вершины холма, стали плясать и кричать, ударяя в каменные гонги и колокола. Колдунью посадили на циновку на вершине холма. После этого люди скрылись в пещерах или в тени деревьев от палящих лучей и стали ждать чуда. Прошел час, другой, а на небе не появлялось ни малейшего облака. Колдунья вначале сидела, шепча заклинания. Затем она вытянула шею, приоткрыла рот и, с трудом глотая воздух, подняла руки, закрыв широкими рукавами голову и лицо. Это не соответствовало ритуалу моления о дожде, и ее хотели заставить опустить рукава, но она начала качаться вправо и влево, как пьяная, и неожиданно упала на землю. Тело ее свела судорога. Внезапно колдунья безжизненно вытянулась и больше не шевелилась. Подбежавшие люди убедились, что беспощадные раскаленные лучи разгулявшихся братьев-солнц убили знаменитую колдунью.

После гибели Нюйчоу люди потеряли всякую надежду на избавление. Зной сжигал посевы и так накалил землю, что плавились камни и металлы. Было невозможно дышать, иссыкали съестные припасы. Люди страдали от жестокого голода. В это время правитель Яо, живший в простой тростниковой хижине, как и все люди, страдал от голода и испытывал не только физические, но и моральные мучения. Он любил свой народ и все время думал, как избавить его от нестерпимых страданий. Эта задача легла тяжким бременем на его плечи. Но он не мог ничего сделать с ужасными светилами. Смерть колдуньи еще больше опечалила его. Он

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

вновь и вновь обращался с молитвой к Верховному Небесному владыке. Молитвы Яо, конечно, достигали его ушей, но верховное божество не спешило вмешиваться.

Наконец Небесный владыка сжалился над несчастными людьми и послал на землю одного из богов — искусного стрелка по имени И — с наказом усмирить братьев-солнц и избавить землю от бедствий. По преданию, И мог попасть стрелой в любую летящую птицу. Такой необычайной меткости стрелка И помогало то, что его левая рука была длиннее правой: это было большим преимуществом при стрельбе. Небесный владыка подарил И красный лук и колчан красивых белых стрел, очень прочных и острых. И должен был только напугать братьев-солнц, не причиняя им большего зла, чем легкие раны. И спустился на землю вместе со своей женой Чангэ, которая тоже была одним из небесных божеств. Оказавшись на земле, И тотчас отправился к государю Яо. Как только Яо узнал, что И послан с неба Верховным владыкой, его беспредельная печаль сменилась радостью, и правитель повел И и его жену посмотреть, во что превратили братья-солнца землю и ее обитателей. Слух о появлении божественного стрелка вселил надежду в сердца измученных и павших духом людей. Со всех сторон шли они к хижине правителя и, собравшись на площади, стали громко просить стрелка И избавить их от неминуемой смерти.

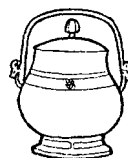
Сердце И исполнилось жалостью к людям и ненавистью к братьям-солнцам. Несмотря на повеление Небесного правителя соблюдать осторожность, он решил раз и навсегда положить конец неприятностям. Стрелок вышел на середину площади, вынул из-за спины лук, достал из колчана стрелу, натянул тетиву до отказа, прицелился в одно из солнц и выпустил стрелу. Прошло мгнове-

ние — и огненный шар в вышине лопнул и полетел вниз, рассыпая вокруг себя золотые искры. Люди посмотрели на небо, увидели, что там осталось лишь девять солнц, и почувствовали, что стало прохладнее. И вновь и вновь без устали натягивал лук, и стрелы летели в солнца, которые разбежались в разные стороны, пытаясь спастись. Все небо было заполнено струями пламени. Люди радовались и подбадривали меткого стрелка криками. Только мудрый правитель Яо понял, что, если не остановить увлекшегося стрелка, он перебьет все солнца и земля погрузится во мрак. Яо подошел к И и незаметно для него вытащил у него из колчана одну стрелу. На небе, обезумев, металось последнее солнце. Стрелок И хотел убить и его, да не нашел стрелы. Ища спасения, бросилось солнце в объятия своей матери Сихэ. С тех пор оно больше не смеет сходить с предназначенной ему колеи и долго задерживаться на небе*.

Другие подвиги стрелка И

С прекращением засухи не кончились бедствия людей. Во время небывалой жары из горящих лесов, из закипевших вод выползли разнообразные чудовища. Все они нападали на смертных. Божественный стрелок И, умирив солнца, решил избавить землю и от чудовищ. В центре страны свирепствовал красный бык-людоед Яюй с человеческим лицом и лошадиными ногами, издававший пронзительные звуки, похожие на плач ребенка. Одно его появление или звук его голоса вызывали трепет у окружающих и заставляли людей бежать без оглядки. По легенде, Яюй когда-то был небесным божеством. По неизвестной причине враждебный ему небесный дух Эрфу со своим приближенным по имени Вэй пытались убить Яюя, но некий колдун спас ему жизнь: бросившись в реку Жошуй,

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Яюй превратился в чудовищного быка. И поразил Яюя одной стрелой.

На юге страны, в пустоши Чоу-хуа, водилось чудовище Цзочи со звериной головой и человеческим телом, обладавшее громopodobным голосом. Из его пасти торчал огромный клык, похожий на бурав, приводивший в ужас всех встречных. Никто из людей не осмеливался приблизиться к Цзочи, приносившему много вреда. Стрелок И взял лук, подаренный ему Небесным правителем, и бесстрашно вступил в борьбу с чудовищем. Он подошел к Цзочи на расстояние полета стрелы. Цзочи поднял копье, чтобы поразить стрелка, но пущенная героем стрела угодила в древко копья и расщепила его. Видя такую необыкновенную меткость, чудовище в растерянности бросило копье и подняло щит, чтобы защититься от стрел. Однако новая стрела поразила Цзочи даже через щит. После этого И направился на север Поднебесной империи, к реке Сюншуй, где досаждал людям Цзюин, зверь о девяти головах, изрыгавший из каждой пасти пламя и воду. Поразил И девятью стрелами каждую из голов Цзюина и швырнул поверженного зверя в реку. Во время странствий И по странам Севера на его глазах неожиданно со страшным грохотом обрушилась гора Силушань. Зоркий взгляд стрелка заметил среди обломков перстень из целого куска красивого необработанного нефрита. Стрелок надел перстень на большой палец правой руки, чтобы удобнее было натягивать тетиву. Раньше у него было для этого кольцо из слоновой кости. Перстень оказался как раз впору, и стрелок понял, что это дар небес. На обратном пути, когда И проходил мимо озера Цинцю — Озера Зеленого Холма, — на него обрушился такой ураган, что он едва удержался на ногах. Стрелок увидел поднимавшуюся над зарослями огромную птицу Дафэн с пестрым опере-

Стрелок И убивает солнц-
воронов, сидящих на
Солнечной шелковице
С гравюр XV—XVII веков

Солярный (солнечный)
СИМВОЛ
*Вышивка парадного
императорского одеяния*

**Изготовление
эликсира бессмертия**

**Знаменитые даосские
бессмертные**

1. Царевич **Цяо** верхом на журавле
2. Старец **Пэн-цзу**
3. Фея **Ма-гу**

нием, как у павлина. Само имя птицы Дафэн означало дословно «большой ветер». При полете птицы ветер, возникавший от взмаха ее крыльев, опустошал окрестности. Поднятый ураган разрушал хижины и даже уносил детей. Стрелок И знал, что чудовищная птица очень быстро летает, и боялся, что если он не сможет сразу насмерть поразить ее и Дафэн улетит с вонзенной в туловище стрелой, то догнать ее будет уже невозможно. Птица залечит рану, и стрелку снова придется сражаться с ней. Поэтому И сплел из зеленого шелка крепкую нить и привязал ее к стреле. Дафэн пролетела у него над головой, И пустил стрелу и угодил ею прямо в грудь птицы. Нить не дала ей улететь. Стрелок притянул птицу к земле и разрубил мечом на несколько кусков. Так люди были избавлены и от этого зла.

Затем И снова отправился на юг, к озеру Дунтинху, где скрывался огромный удав Баше, причинявший людям, которые жили у озера, бесконечные страдания. Поднимая на озере громадные волны, он опрокидывал лодки и проглатывал рыбаков. Никто не знал, сколько всего людей проглотил удав. Люди дали И лодку, и он отправился на розыски змея. Наконец он увидел высывающуюся из воды зеленую голову. Она приближалась, вздымая огромные волны. Выпустил И несколько стрел одну за другой, и, хотя они попали в цель, удав продолжал плыть как ни в чем не бывало. Пришлось И спрыгнуть в воду и вступить с Баше в бой, нанося удары мечом. Наконец зеленая голова опустилась, а из чрева удава хлынула зловонная жидкость. Рыбаки, наблюдавшие за схваткой с берега, радостно приветствовали победителя. Они вытащили останки огромного змея из воды. По преданию, из его костей образовался большой холм.

Последним из чудовищ, наносивших людям вред, был гигантский кабан Фэнси, обитавший в Ту-

товом лесу. Чудовище было величиною с быка, а свирепостью превосходило тигра. Кабан портил посевы, пожирал людей и домашних животных. Нашел И кабана по огромным зарубкам, которые тот оставлял клыками на деревьях. Стрелы угодили зверю в ляжку, лишив его возможности убежать. После этого И взвалил кабана на плечо и, еще живого, пронес по всей округе. Потом И убил кабана, разрубил его на мелкие куски и принес в жертву Небесному владыке.

О том, как стрелок И лишился бессмертия

Но Небесный владыка, огорченный гибелью девяти солнц, не захотел даже видеть И. пылая гневом, он изгнал стрелка и его жену Чаньэ из сонма богов. Стрелок смирился с этим и готов был навсегда остаться на земле, но его самолюбивая и строптивая жена не могла перенести того, что из небожительницы она превратилась в обычную смертную, и, считая мужа виновником всех несчастий, постоянно попрекала его. Удрученному И трудно было сносить беспрестанные упреки жены, часто и надолго покидал он свой дом. Чтобы хоть немного рассеять грусть, он носился в колеснице по равнинам со своими слугами или охотился в горных лесах. Сильный свистящий ветер развеивал его печаль. Воодушевление, которое он испытывал на охоте, на время смягчало его горе. Тем временем слава его среди людей несколько померкла. Пришлось И отправиться на гору Куньлунь, где возле нефритового пруда обитала Владычица Запада Си-ванму, обладавшая снадобьем бессмертия.

Труден был путь к Си-ванму. Преодолев пучину смерти и кольцо огнедышащих гор, извергавших кипящую лаву, И оказался у ворот, охраняемых чудовищным драконом. Но Си-ванму, увидев пришель-

ца, о подвигах которого слышала, приказала его выпустить. Стрелок И рассказал богине о постигших его несчастьях и объяснил цель своего прихода. Си-ванму прониклась симпатией к нему. Она приказала трехногой священной птице принести тыкву-горлянку, наполненную снадобьем. Когда служанка-птица принесла тыкву, Си-ванму торжественно передала ее И со словами: «Этого достаточно, чтобы вам с женой получить бессмертие. Если все содержимое выпьет один человек, то он станет божеством и вознесется на небо. Если его выпьют два человека, то они станут бессмертными, но жить будут на земле». Богиня предупредила И, чтобы он обращался со снадобьем бережно, так как у нее его больше не осталось.

Вернувшись домой, И отдал тыкву-горлянку на хранение жене. Они решили принять снадобье вместе во время праздника. Стрелок И не хотел возвращаться на небо, так как жизнь там мало чем отличалась от земной, и был доволен уже тем, что не попадет в подземное царство. У Чанъэ намерения были иные. Она вспоминала, что была небесной феей, и ей казалось, что если теперь она не попадет на небо, то всегда будет зависеть от мужа. Чанъэ решила не ждать праздника а вместо этого, когда И не будет дома, принять самой все лекарство. Но сначала она решила пойти за советом к колдунье Юхуан, которая жила в окрестностях столицы, в пещере на небольшом холме. Колдунья достала панцирь черной черепахи, прожившей, по преданию, тысячу лет, вынула несколько десятков стеблей тысячелистника, который караулила тысячелетняя черепаха. Юхуан положила траву в панцирь, взяла его двумя руками и, опустившись на колени, стала его трясти, бормоча что-то. После этого она высыпала траву на каменный стол и начала ворошить ее пальцем. Прикрыв глаза, она го-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

ворила нараспев: «Поздравляю госпожу с великим счастьем, большой удачей. Тебе выпало предопределение, и тебя ждет великое будущее». Чанъэ, поверив словам колдуньи, решилась. Вечером, когда И не было дома, она достала тыкву-горлянку и проглотила все снадобье. И вдруг стали происходить чудеса. Чанъэ почувствовала, что ее тело стало легким, а ноги отделяются от земли. Она вылетела через окно в синее ночное небо. Там сияла луна, окруженная золотыми звездами. Чанъэ подумала, что, если она полетит в небесный дворец, боги осудят ее за то, что она предала мужа. И она решила укрыться в лунном дворце. Долетев до лунного дворца, Чанъэ вдруг почувствовала, что с ее телом происходят изменения. Чанъэ от испуга хотела закричать, но голос у нее пропал. Прекрасная небесная дева, когда-то славившаяся своей красотой, из-за своей корысти превратилась в мерзкую жабу. В более поздних преданиях говорится, что она, прилетев в лунный дворец, не превратилась в жабу или какое-либо другое существо, а сохранила свой прежний облик. Но в лунном дворце было пусто и одиноко. Только белый заяц* круглый год толоч в ступке снадобье бессмертия да росло коричное дерево. Лишь много лет спустя на луне появился некто Утан, стремившийся к бессмертию. За свои проступки он был отправлен в лунный дворец. Чтобы искупить свою вину, он должен был срубить коричное дерево, но это было нелегко: он рубил дерево, а оно вновь срасталось, и никак ему не удавалось срубить его. Живя в одиночестве в лунном дворце, Чанъэ с тоской вспоминала о потерянном навсегда семейном счастье с добрым, любящим мужем. Чанъэ раскаивалась в своем предательстве, ей хотелось вернуться домой, попросить у мужа прощения и молить его, чтобы он любил ее по-прежнему. Но это было невозможно.

Стрелок И вернулся в тот вечер домой и, увидев, что его жены нет, а на полу валяется пустая тыква, понял, что случилось. В гневе он взглянул в окно: жена его возносилась на небо, усеянное звездами, в поисках счастья только для себя одной. После этих событий И как-то переменялся: он стал думать о том, что и на небе царит несправедливость. Охваченный отчаянием, он перестал бояться смерти и ждал ее, как избавления. Он не хотел бессмертия. Каждый день он продолжал ходить на прогулки и на охоту, чтобы чем-то заполнить остаток жизни. Перенесенные испытания наложили на него свой отпечаток. Скорбь порождала гнев, а от его гнева страдали ни в чем не повинные люди. Слугам надоело выслушивать брань и терпеть побои. Многие из них убежали, а остальные старались лишний раз не попадаться хозяину на глаза. И сердился из-за плохого отношения к нему слуг, но не задумывался о причинах.

Гибель стрелка И

Однако к одному из слуг, по имени Фэнмэн, умному и смелому, И относился как к сыну. Он решил передать ему свое искусство стрельбы из лука. Перед началом обучения Фэнмэна И объявил ему: «Сначала ты должен научиться не моргать. Когда научишься, возвращайся». Отправившись домой, Фэнмэн целыми днями лежал у ткацкого станка жены и, не отрываясь, смотрел на крутящиеся педали, стараясь не моргать. Вскоре он этому научился и попросил жену неожиданно подносить к его глазам что-нибудь острое. Через некоторое время он не моргал даже в том случае, если к его глазам подносили острое шило или иглу. Тогда Фэнмэн прибежал к господину и попросил дать ему лук со стрелами. «Еще рано! — проговорил И, улыбаясь. — Хороший стрелок должен видеть совсем маленькую вещь

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

как большую, а вовсе не различимую глазом — как заметную. Когда будешь это уметь, приходи!» Фэнмэн вырвал из хвоста быка тончайший волосок и с трудом привязал к нему пойманную блоху. После этого он прикрепил волос к потолку над постелью и устремил на него взгляд. Много дней он провел так без питья и еды. Жена, решив, что он сошел с ума, пошла за знахарем. Но Фэнмэн крикнул, что убьет первого, кто к нему войдет. Через какое-то время он с радостью заметил, что блоха стала казаться ему размером с пуговицу. Прошло еще три дня, и она стала казаться ему колесом. Фэнмэн смотрел на другие предметы: они вырастали до размеров гор и холмов. Он попросил жену принести ему еду и питье. Утолив голод, Фэнмэн побежал к своему господину, чтобы рассказать ему о своих успехах. На этот раз И обрадовался и сказал: «Вот теперь ты можешь учиться стрелять из лука!»

Стрелок И передал Фэнмэну почти все свое искусство, и скоро Фэнмэн стрелял из лука почти так же хорошо, как сам И. Теперь, когда говорили о лучших стрелках из лука, то имена И и Фэнмэна ставили вместе. И был очень рад успехам ученика. По преданию, однажды И устроил дружеское состязание в стрельбе с Фэнмэном. Увидев пролетающую по небу стаю гусей, И велел Фэнмэну стрелять первым. Фэнмэн выстрелил подряд три раза. Три головных гуся с жалобным криком упали на землю: все стрелы попали им в головы. Остальные гуси в испуге разлетелись во все стороны. Тогда И, не целясь, выстрелил три раза, и три других гуся упали на землю. Все стрелы тоже попали им в головы. Поняв, что учитель стреляет гораздо лучше, чем он, и ему нелегко сравняться с ним в умении, Фэнмэн начал мучительно завидовать И.

С каждым днем зависть становилась все сильнее, и Фэнмэну в голову пришла мысль погубить

учителя. Завел себе Фэнмэн колчан больше, чем у И, и наполнил его стрелами. Однажды после полудня И верхом на лошади возвращался с охоты. Вдруг он увидел, что на опушке леса мелькнула человеческая тень (это был вероломный Фэнмэн), и в тот же миг в него полетела стрела. Почти одновременно И схватил лук и выстрелил. Послышался треск: обе стрелы столкнулись в воздухе, выбили сноп искр и, кувyrкаясь, упали на землю. Оба противника раз за разом выпустили по девять стрел: они тоже сталкивались в воздухе и падали на землю. Но вскоре стрелы у И иссякли, а у Фэнмэна их осталось более дюжины. Фэнмэн воспользовался этим, натянул лук и стрела со свистом улетела с тетивы, угодив И прямо в рот. И упал с лошади. Полагая, что И мертв, Фэнмэн приблизился к нему, чтобы в этом убедиться. Но как только он подошел, И раскрыл глаза и неожиданно сел. «Рано ты решил меня убить! — проговорил И, выплевывая наконечник стрелы. — Ведь я не успел тебя обучить, как ловить ртом и перекусывать стрелы. Чтобы научиться этому, надо долго-долго тренироваться». Фэнмэн, уронив лук, упал на колени и обхватил ноги И, умолая о прощении. «Иди и больше этого не делай», — промолвил И, презрительно махнул рукой, вскочил на коня и умчался.

После того как И великодушно отпустил его, Фэнмэн не осмеливался вредить учителю. Страх, ненависть и одновременно угрызения совести терзали его сердце. Между тем И продолжал грубо обращаться со своими слугами. Фэнмэн, оставшийся жить в его доме, решил этим воспользоваться. Он подговорил слуг И поднять мятеж против хозяина.

Однажды утром И с несколькими слугами отправился охотиться. Верхом и в колесницах гоня-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

лись они по полю за зайцами и лисицами. И на время забыл о своей горе. Но тут несколько слуг по указанию Фэнмэна принесли из леса большую дубину из персикового дерева* и ударили ею что было сил по незащищенной голове И, державшего в руках поводья. Так погиб великий герой. Подвиги его сохранились в памяти народа, хотя жизнь его была несчастливой, а смерть глупой. После смерти его стали почитать как божество Цзунбу, избавляющее от нечисти: ведь он еще при жизни отгонял от людей зло**.

ЮЙ — УСМИРИТЕЛЬ ВЕЛИКОГО ПОТОПА

**Божества и великаны —
усмирители водной стихии**

Из всех китайских мифологических сюжетов самыми распространенными являются мифы о наводнении. Герой одного из преданий — небесный дух Цзюйлин («гигантский дух», «огромный холм»). Был он настолько всемогущ, что создавал горы и долины, пускал реки и менял их течение. В одном из древних преданий рассказывается, что когда-то очень давно гора Хуашань преграждала путь течению Хуанхэ. Чтобы река потекла прямо, Цзюйлин расколол гору пополам, расшатывая ее руками и ударяя по ней ногами. На склонах горы Хуашань долгое время оставались следы, напоминающие отпечатки ладоней и ступней этого мифического героя.

В другом древнем предании рассказывается о великане Пуфу и его жене, которые не имели себе равных по росту и обхвату. После того как земля отделилась от неба и начался потоп, Верховный Владыка приказал им усмирить разлившиеся воды. Однако работу свою великаны дела-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

ли кое-как: русла рек они прорыли где-то глубоко, а где-то мелко. Стихия не была покорена. Тогда Небесный владыка жестоко наказал провинившихся: он поставил их обнаженными рядом друг с другом посреди обширной пустыни на юго-востоке. Ни в холод, ни в жару они не пили и не ели, и лишь небесная роса время от времени утоляла их жажду и голод.

Сделать то, что не сделали великаны, предстояло сначала Гуню, а потом его сыну Юю*, героям еще одного мифологического предания, — центрального, по мнению ученых, в серии мифов об умирении наводнений.

Великий Гунь, строитель плотины, и его сын Юй

Бушующие водные потоки залили все пространство земли, кроме Пяти гор. Многим людям не удалось спастись, они погибли. О судьбах оставшихся в живых никто из богов не подумал. Тогда Гунь поднялся над землей и, укоряя Повелителя Неба, попросил у него разрешения построить плотину, чтобы преградить путь потоку.

Верховный владыка ответил согласием, но при этом не скрывал усмешки: он знал, что дамба, возведенная из обычной земли, не сможет выдержать напора воды и будет размыва. Так и случилось. Девять лет упорно пытался Гунь, строя плотины, остановить воду, но так и не смог этого добиться. Узнав, что прочные дамбы можно будет соорудить только из сижана — волшебной саморастущей земли, Гунь вновь поднялся на небо, но не стал больше просить Повелителя Неба о помощи, а, улучив момент, когда тот спал, похитил сижан и принес его на землю. Сижан, соединившись с водой, вздулся и превратился в камень.

Вода, заливавшая горы, стала отступать. Люди принялись бросать зерна в грязь, чтобы вырастить хлеб, начали строить хижины и дома. Повелитель, разгневавшись на Гуня за воровство, казнил его на горе Перьев, в лишенном солнца месте на крайнем севере.

По преданию, после смерти Гуня его труп в течение трех лет не разлагался, потом некто (имя его в преданиях не названо) вскрыл его мечом, после чего из живота отца появился Юй. Гунь вслед за рождением Юя превратился в животное* (в разных источниках называются: желтый медведь, черная рыба, трехногая черепаха, желтый дракон) и нырнул в Омут Перьев. В соответствии с другой версией Юй родился из камня, и это может указывать на то, что тело Гуня превратилось в камень. В некоторых источниках говорится, что Юй «сошел с высоты», чтобы продолжить дело отца**.

Юй обошел всю землю, спасенную от потопа Гунем. По суше он ездил на четырехколесной повозке, запряженной конями, на высокие неприступные горы взбирался в обуви с шипами. Всюду он рыл каналы, отводя воду, возводил плотины, прорывал русла рек. Правда, у Юя были замечательные помощники. Крылатый дракон, двигаясь впереди, тащил по земле свой хвост и так намечал направление каналов. Огромная черепаха, двигаясь сзади, несла на своей широкой спине волшебную глину. Юй мог менять свой облик: чтобы прорыть проход сквозь одну из гор, он обратился в медведя. Когда, умирив воды, Юй дошел до реки Хуанхэ, из нее вышел дух реки Хэ-бо и дал ему карту рек, благодаря которой Юй догадался, как нужно бороться с потопом. Когда он буравил проход сквозь гору Лунмынь («ворота дракона»), то существо со светящейся жемчужиной во рту (по одной версии, кабан, по другой — черная змея) освещало ему путь.

Усмиритель потопа Юй и прекрасная фея Яо-цзи

Помогала усмирять потоп Юю и прекрасная фея Яо-цзи. Она постигла даосское искусство управлять ветром, совершенствовать свой дух и летать, принимая облик разных существ.

Однажды, возвращаясь с Восточного моря, фея пролетала над горой Ушань и не могла оторвать от нее зачарованного взгляда, любясь вздымающимися пиками и темными лесистыми ущельями. Как раз в это время под горой остановился Юй. От внезапно налетевшего ветра затряслись скалы, стали осыпаться склоны ущелий. Тогда Юй приблизился к госпоже и с поклоном попросил у нее помощи. Она передала Юю письма, с помощью которых он мог бы пользоваться волшебной силой. Затем Яо-цзи приказала добрым духам помочь Юю дробить камни, отводить воды и убирать завалы.

В преданиях говорится, что фея принимала тысячи обличей и форм: обращалась то в скользящего дракона, то в парящего аиста, то плавно улетала и рассыпалась тучами, то легко останавливалась и изливалась вечерним дождем.

Когда впоследствии Юй пришел к фее, перед его взором предстали облачные терема и нефритовые террасы. Прислуживали в этом сказочном жилище чудесные существа: львы сторожили ворота, кони влекли колесницу, а драконы и изрыгающие молнии чудища охраняли фею. Юй поклонился Яо-цзи и попросил раскрыть ему тайны истинного учения. Она распорядилась, чтобы служанка подала ящичек из пурпурной яшмы и достала оттуда чудесные письма. С их помощью Юй отвел воды, расчистил реки и завершил свой подвиг*.

Путешествие Юя. Юй и его жена

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Усмиряя потоп, Юй обошел весь Китай и другие земли. Он посетил край земли, где растет дерево Фусан (там всходит солнце), а также земли народа Чернозубых, народа Крылатых, народа Голых и многие другие. Не желая нарушать местных обычаев, Юй в Стране Голых снял с себя одежду, чтобы не выделяться среди туземцев. Покинув же страну, он тотчас оделся. Однако не везде ему удавалось следовать местным обычаям. Так, в Стране Безголовых он остался с головой, чем вызвал немалое удивление туземцев, а в земле Чернозубых безуспешно попытался найти такой стойкий лак, который не пачкал бы пищу. За ним ходило множество людей, упрасывая улыбнуться. Сверх этого Юй был еще мощным воителем, который покориł отъявленных разбойников и добился покорности десяти тысяч стран.

Как-то во время странствий Юя мимо него пробежала, дразня девятью пушистыми хвостами, белая лисица. Вспомнил тогда Юй предание о том, что каждый, увидевший такое редкое животное, будет счастлив, обретет хорошую жену и станет правителем. Вспомнил Юй и то, что ему уже тридцать лет, а он еще не женат. А так как он был человеком, дорожившим временем и не любившим откладывать дела, он не стал искать невесты по всей Поднебесной, а тут же, на горе Тушань, где ему предстала лисица, объявил повстречавшейся ему девушке, что хочет взять ее в жены. Едва дождавшись ее согласия, Юй удалился, ибо нельзя было давать водам Юга разливаться. Девушка также полюбила Юя с первого взгляда, и хотя она не успела рассказать суженому о своей любви и выслушать его объяснения, терпеливо ждала героя и даже послала на гору служанку, чтобы та возвестила о возвращении Юя. Юй действительно вернулся на гору Тушань, так как мимо

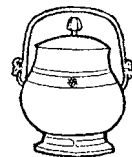
этой горы пролегала дорога с Севера на Юг и с Юга на Север. Выслушав от служанки сообщенные госпожой слова любви, герой встретился с девушкой вновь, и она стала его женой. Брачная церемония, однако, не состоялась, так как Юй торопился на Север, где вновь разлились воды. Видя, как занят супруг, жена попросила взять ее с собой. У Юя было немало сомнений на этот счет, но времени для объяснений не оставалось, и он кивнул головой. Так он странствовал с женой. Она с трудом за ним поспевала. Предание говорит, что Юй так много работал и так много ходил по стране, что даже стер ногти на пальцах рук и ног и волосы на голених, приобретя особую хромающую походку, которая в позднейшие времена стала известна как «походка Юя».

Однажды Юй и его жена пришли к высокой, круто поднимавшейся вверх горе. Из горы, звеня по камням, вытекал тоненький ручеек. Юй тотчас решил, что следует пробить через гору широкий проход для потока. Поэтому он попросил жену удалиться, объяснив, что ему предстоит тяжелая работа, о завершении которой он известит барабаном. Работа была и впрямь тяжелой. Человеку, даже такому сильному, как Юй, с ней не справиться. Поэтому Юй превратился в огромного черного медведя* и, рыча, стал пробивать гору. Отвалившийся сверху камень упал на барабан. Женщина, наскоро собрав пищу, поспешила к мужу. Он же не услышал звука и продолжал яростно вгрызаться в гору, раскидывая камни. Выйдя из-за поворота тропинки, женщина увидела медведя и, разумеется, не догадавшись, что это Юй, помчалась стремглав прочь. Он, оставив работу и совершенно забыв о том, что принял облик медведя, бросился за ней вдогонку. Слыша рев и топот, женщина пустилась бежать еще быстрее. Когда силы иссякли, она упала и превратилась в камень, сохранивший форму женщины. Увидев это, Юй очень

рассердился на самого себя**. Он хотел оставить наследника, но времени, чтобы отыскать другую жену, не имел. Из глотки Юя раздался такой оглушительный рев, что камень раскололся и выскочил мальчик, которого нарекли Ци («Осколок»). Так, несмотря на несчастье, у Юя появился наследник.

Однажды Юй заблудился и, вместо того чтобы идти на Юг, отправился на Север. Там он набрел на плоскую равнину без единого деревца. Не слышалось ни щебетания птиц, ни голосов зверей. Вся местность, насколько хватало глаз, была изрезана реками и впадавшими в них речками и ручьями. На берегах сидели, лежали или прогуливались люди. Сколько ни вглядывался Юй, ему не удалось увидеть каких-либо хижин или домов. Земля не была засеяна, не пасся скот. Оказалось, что в пахоте и севе не было необходимости. Людям служила пищей вода: она была сытной, сладкой, ароматной и вдобавок хмельной. Выпив, люди входили в раж, начинали петь и плясать, а утомившись, засыпали, чтобы, проснувшись, нежиться, а потом снова есть и плясать. Юй мог бы остаться в этой удивительнейшей из стран, чтобы жить, не зная забот. Но жизнь без преодоления преград, без труда казалась ему бессмысленной и скучной, да и на родине, в Поднебесной империи, у него еще осталось много невыполненных дел.

Государь Шунь, восхищаясь мудростью и трудолюбием Юя, передал ему престол, и Юй стал основателем легендарной династии Ся***. Его атрибутами считались уровень и веревка, которые всегда находились у него слева, а также циркуль и угольник, находившиеся справа. Заслуги Юя**** отмечены в историческом труде «Цзо чжуань» под 541 г. до н. э. Там говорится, что некий знатный человек воскликнул: «Если бы не было Юя, мы бы, верно, стали рыбами!»

ТРИ РЕЛИГИИ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

В религиозном сознании китайского народа на протяжении столетий складывалось единство трех религий, противоречия между которыми сглаживались, а взаимопроникновение усиливалось. Конфуцианство, даосизм и буддизм в сочетании с традиционными верованиями сложились в систему религиозных воззрений*, определяющих своеобразие духовной жизни страны.

Конфуций и его учение

Конфуций — под этим именем Западный мир знает древнего мудреца Кун Фу-цзы (цзы означает здесь «учитель»), жил на рубеже VI и V веков до нашей эры в маленьком северокитайском княжестве Лу. С детских лет он чрезвычайно охотно подражал взрослым в совершении домашних жертвоприношений, стремился как можно правильнее исполнять все ритуалы и обряды, предписанные культурной традицией того времени. В возрасте 19 лет Конфуций женился и поступил на должность хранителя хлебных амбаров. Однако в дальнейшем он оставил чиновничью карьеру и посвятил всю

свою жизнь проповеди учения, впоследствии названного его именем.

Конфуций жил в смутные времена. Императорская династия Чжоу, правившая на протяжении шести столетий, лишь формально объединяла под своей властью огромную страну, раздираемую княжескими междоусобицами. Восстановление порядка и благоденствия, по мысли Конфуция, было достижимо лишь при соблюдении морально-этических норм всеми людьми: правителями, чиновниками, крестьянами.

Конфуций разъезжал по княжествам, проповедуя свои идеи и подавая советы правителям, как разумнее управлять подданными. Мудрец вскоре приобрел популярность, в первую очередь среди служилого чиновничества. Многие чиновники приходили к Конфуцию для участия в назидательных беседах. Согласно преданию, у него было три тысячи учеников, семьдесят два ученика были особенно близки к Учителю, а двенадцать из них находились при нем почти безотлучно.

«Не поговорить с человеком, который достоин разговора, — значит потерять человека. Говорить с человеком, который разговора не достоин, — значит потерять слова. Мудрый не теряет ни людей, ни слов», — говорил Учитель. Он передавал свою мудрость исключительно в беседах и не писал книг. Главная конфуцианская книга «Беседы и суждения» содержит записи разговоров Конфуция с его учениками.

В эпоху, когда жил Конфуций, вся общественная и культурная жизнь людей строилась вокруг ритуала. Природа ритуального действия была главным предметом размышлений Учителя, который стремился совместить в ритуале моральное усилие и жизненную непосредственность, превратить ритуал в способ самовыражения «совершенного человека».

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Конфуций видел жизненный идеал в том, чтобы «следовать влечениям сердца, не нарушая правил». Двумя важнейшими достоинствами «совершенного человека» Учитель считал человечность и чувство долга. Человечность означала скромность, справедливость, сдержанность, бескорыстие, любовь к людям, решимость «не делать другому того, чего себе не желаешь». Чувство долга, по мнению Конфуция, должно выражаться в моральных обязательствах, которые человек признает за собой.

Воплощением «совершенного человека» Учитель считал трех легендарных китайских императоров — Яо, Шуня и Юя*, правивших в глубочайшей древности. Таким образом Конфуций переосмыслил издревле существовавший культ предков, углубив при этом его смысл.

Конфуций твердо верил в неодолимую силу нравственного воздействия. Человечность, начинаясь с усвоения традиционных семейных добродетелей, должна была, по мысли Учителя, распространиться на более широкие сферы общественной жизни и окончательно восторжествовать, воплотившись в идеальном правителе.

Важнейшей частью учения Конфуция было «исправление имен». Многое в Поднебесной перепуталось и находилось не на своих местах. Неправильно толковались многие понятия и заветы древности. Чиновники занимали не соответствовавшие их способностям посты. Даже сам Ритуал зачастую превращался в поверхностную церемонию, лишенную внутренней глубины и переживания.

«Исправление имен» должно было привести права и обязанности человека в соответствие с нормами традиции. По словам Конфуция, правитель должен быть правителем, подданный — подданным, отец — отцом, сын — сыном. Иными словами, люди должны проявить себя в нравственных жестах, в

том числе ритуальных, которые соответствовали бы их «имени» и положению в обществе. При всей кажущейся простоте «исправления имен» речь шла ни много ни мало о самоосознании личности.

Конфуций не сделал карьеры на государственной службе, хотя он несколько раз занимал официальные посты, а однажды в течение трех месяцев исполнял обязанности старшего судьи в княжестве Лу. Видимо, Конфуций понимал, что государственные должности не помогут ему добиться воплощения своего нравственного идеала, и больше полагался на проповедь. Однажды его прямо спросили: «Почему вы не занимаете высокий пост?» Конфуций ответил, что человек, искренне почитающий ближних, тем самым уже участвует в управлении.

В другой раз влиятельный и высокопоставленный чиновник Ян Хо сумел найти аргументы, чтобы убедить Конфуция принять пост. Ян Хо спросил Учителя: «Можно ли назвать мудрым того человека, который, будучи всегда готовым участвовать в общественной жизни, всегда отклоняет такую возможность?» Вероятно, Ян Хо удалось затронуть присущую Учителю готовность следовать не букве, но духу собственных суждений.

Будучи старшим судьей в княжестве Лу, Конфуций столкнулся с тем, что его советам не следовали, и наконец в отношении Учителя был грубо нарушен Ритуал. Приняв участие в жертвоприношении, Конфуций, вопреки обычаю, не получил после этого часть жертвенного животного. Тогда Учитель покинул пределы княжества, даже не дожидаясь официального освобождения от должности. И дело было не в куске жертвенного мяса — не имея возможности правильно завершить ритуальное действие, Конфуций мог почувствовать себя отлучаемым от Неба.

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

О том, какое большое значение придавал Конфуций внутреннему содержанию Ритуала, нравственному движению души при его исполнении, свидетельствует еще одна история.

Ученики Конфуция хорошо знали, какое значение придавал Учитель похоронному обряду. Однако, когда скончался ученик Конфуция Янь Юань и остальные ученики хотели устроить пышные похороны, усмотрев в этом соответствие истинному Ритуалу, Учитель возразил, заявив, что обряд похорон должен быть обставлен скромно. Он боялся, что внешняя торжественность помешает внутреннему, личностному переживанию. Но ученики поступили по-своему. Когда обряд был совершен, Конфуций лишь сдержанно посетовал: «Янь Юань видел во мне родного отца. А я теперь не могу видеть в нем сына. И это не мой грех, дети, а ваш».

Неотъемлемой частью Ритуала Конфуций считал музыку — совершенное проявление высшей упорядоченности, которое облагораживает души и смягчает нравы. Ученикам своим он говорил, что, слушая музыку, видит перед собой великих мудрецов древности.

Конфуций неплохо пел и хорошо играл на цине — традиционном китайском струнном инструменте. Обучаясь музыке у некоего Ши Сяна, Конфуций усердно разучивал даже самые простые мелодии, стараясь проникнуть в их сокровенное содержание. Как-то раз Ши Сян уговаривал своего ученика приступить к новой мелодии, а Конфуций все еще занимался прежней. Наконец, после глубокого размышления он как бы очнулся и сказал, что попытался представить себе автора мелодии и это мог быть только Вэнь-ван, древний правитель Чжоу, мудрый и добродетельный. Догадка Конфуция оказалась верной, и пораженный Ши Сян почтительно склонился перед ним.

Конфуций не проявлял интереса к общению с духами, шаманизму и гаданиям, считая подобные занятия ниже достоинства благородного человека. Самому Конфуцию духовной опорой служила глубокая вера в Небо, которому мудрец был обязан своим предназначением и на поддержку которого Учитель полагался в трудные моменты. Сохранилось свидетельство, что однажды, когда могущественный чиновник по имени Хуань Туй вознамерился уничтожить Конфуция, кто-то предупредил Учителя об опасности. Конфуций тогда сказал: «Небо породило силу, которая во мне. Должен ли я бояться такого человека, как Хуань Туй?»

Конфуций верил в духов, но полагал, что они неспособны помочь человеку в его внутреннем совершенствовании. Учитель видел мудрость в том, чтобы почитать духов и души умерших, но держаться при этом от них подальше. Но, видимо, это утверждение не следовало понимать буквально.

Как-то раз Конфуций тяжело заболел. Его ученик Цзы Лу пришел к наставнику и стал умолять его обратиться к духам с молитвой об исцелении. «А принято ли поступать так?» — спросил Конфуций. «Конечно да, — уверенно ответил Цзы Лу, — людям предписано молиться духам неба и земли!» — «А я уже давно молюсь, — промолвил Учитель.

Несмотря на то что Конфуций очень сдержанно относился ко всему мистическому, народная молва наделила его разнообразными сверхъестественными способностями. Рассказывали, в частности, что Учитель при помощи своей мудрости мог одолевать нечисть и делать предсказания об отдаленном будущем.

Однажды Конфуций с учениками остановился на постоялом дворе. Наступили сумерки. Учитель, погруженный в печаль, напевал что-то, accompa-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

нируя себе на цине. Вдруг невесть откуда появился человек огромного роста, в черной одежде и высокой шапке. Великан издал громкий крик, так что все кругом задрожало. Цзы Гун, один из учеников Конфуция, выступил вперед и спросил: «Ты кто такой?» Но незнакомец схватил его и зажал под мышкой.

Тогда в бой вступил другой ученик — Цзы Лу. Они долго боролись, причем Цзы Лу никак не мог одолеть противника. Конфуций, внимательно наблюдавший за ними, заметил, что в кольчуге великана зияют бреши размером с ладонь. «Потяни и подними вверх», — сказал он Цзы Лу. Тот последовал совету Учителя и без особого труда швырнул человека на землю. Оказалось, что это даже не человек, а огромная рыба-оборотень.

«Зачем явилось сюда это существо? — промолвил Конфуций. — Говорят, что одержимые бесами твари приходят туда, где царит несчастье. Не связано ли это с моей грустью и болезнями моих спутников? Однако убитая тварь уже не опасна, и не стоит из-за этого прерывать музыку».

Тем временем Цзы Лу отварил рыбину, которая источала приятный аромат и была необыкновенно вкусна. Отведав этого блюда, испытывавшие недомогание спутники Конфуция выздоровели, и на следующий день все смогли продолжить путь.

Сменилось много поколений после смерти Конфуция, прежде чем наместником в Лу, на родине мудреца, стал человек по имени Чжунли И, который тотчас по прибытии на место службы поспешил выказать почтение его памяти. Чжунли И выделил из собственных средств значительную сумму на ремонт повозки Учителя, а войдя в храм Конфуция, наместник собственноручно стер пыль со столика и циновки, с меча и туфель Учителя.

Некто Чжан Бо, выпалывая траву возле храма, нашел в земле семь нефритовых дисков. Один из них Чжан Бо спрятал за пазухой, а о шести доложил Чжунли И. Наместник приказал главному письмоводителю разложить драгоценные диски в храме.

Там же, на полочке возле молельни, стоял жбан, некогда принадлежавший Учителю. Было известно, что в нем спрятана сделанная самим Конфуцием запись, но никто не осмеливался вскрыть ее. Наместник Чжунли И рассудил, что эта запись была сделана в наставление потомкам, и достал из жбана написанное.

Оказалось, что Конфуций оставил письменное предсказание только что свершившихся событий. Древний текст гласил, что человек по имени Чжунли И починит сберегаемую в храме повозку и вскрыет находящийся там же жбан, а человек по имени Чжан Бо найдет семь нефритовых дисков, один из которых тайком присвоит. Наместник вызвал к себе Чжан Бо. Тот сознался в краже и вернул седьмой диск.

После смерти Конфуция остались записи его бесед и предания, которые сложил об Учителе народ. Шли десятилетия, память о Конфуции не ослабевала, а уважение к его легендарной мудрости росло. Со временем ему стали поклоняться, как поклонялись божествам. Храмы, посвященные Конфуцию, были возведены в каждом городе, и в них совершались регулярные жертвоприношения. Сперва в таких храмах стояли поминальные таблички с именем Конфуция, а также с именами его учеников и последователей; позднее таблички были заменены скульптурами. На храмовых воротах была надпись: «Учитель и пример для десяти тысяч поколений, равный небу и земле». В столичном храме Конфуция поклонение духу великого мудреца совершал сам император.

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Храм, построенный в Цюйфу на месте дома, где жил Конфуций, неоднократно перестраивался и расширялся. Постепенно сложился целый ансамбль храмовых зданий, главное из которых называется Дворец высшего совершенства. Там, в центре зала, находится статуя Конфуция, сидящего со сложенными руками: в них мудрец держит дощечку для записей, с которой отправлялся на доклад к правителю. На пьедестале написано: «Самый святой, одаренный даром предвидения мудрец Конфуций — место успокоения его духа». По сторонам размещены скульптурные изображения наиболее известных учеников и последователей* Учителя.

Лао-цзы и даосизм

Старшим современником Конфуция был, согласно преданию, Лао-цзы, легендарный основатель даосизма, обожествленный впоследствии как Лао-цзюнь («господь Лао»).

- Лао-цзы какое-то время служил хранителем архивов при дворе государя. Когда Лао-цзы решил уехать из Китая куда-то на Запад, начальник пограничной заставы уговорил мудреца написать перед отъездом сочинение, излагающее его учение.

Так появилась на свет «Дао дэ цзин» («Книга о дао и дэ», иначе — «Канон Пути и его Силы»). Бамбуковые планки, покрытые пятью тысячами иероглифов, заняли три телеги.

«Дао дэ цзин» содержит основную суть учения даосизма. Дао — это всеобщий закон природы, первопричина всего сущего, источник всех явлений материальной и духовной жизни. Дао никем не создано; все, что существует, произошло от дао, чтобы затем, совершив кругооборот, снова в него вернуться. Дэ — это проявление дао, его сила. Все, что порождает дао, проявляется через дэ. Дао нельзя постичь напрямую: то, что можно услышать, увидеть, ощу-

тить, понять, — это не дао. Чтобы все-таки познать дао, человек должен встать на путь «естественности», стать предельно податливым по отношению к дао, проникнуть в закономерности бытия путем полного подчинения им.

Рассказывали, будто бы основатель даосизма родился на свет уже седовласым. Самое имя Лао-цзы можно перевести как «старый ребенок». Это отражает одну из важнейших мыслей «Дао дэ цзин»: истинный мудрец подобен младенцу.

Самым известным духовным последователем Лао-цзы был Чжуан Чжоу (Чжуан-цзы), живший столетие спустя. Книга, носящая его имя, содержит рассуждения и притчи, раскрывающие сущность даосского мировоззрения.

По мысли автора, все вещи и формы в этом мире подвержены бесконечным превращениям, нет ничего постоянного или вечного. Однако иной мир — мир нетленных сущностей, где пребывает дао, — не подвержен изменениям. Чтобы постичь его, человек должен отказаться от устоявшихся взглядов, преодолеть привычку все время выносить суждения о вещах.

Чжуан-цзы подчеркивал, что противоположности взаимно порождают друг друга и поэтому их противоположность относительна. Например, для спящего человека сновидение — такая же реальность, как состояние бодрствования для того, кто не спит.

Чжуан-цзы рассказывает, как однажды ему приснилось, что он — бабочка, порхающая вокруг цветов. Увлеченная своими полетами, его душа не сознавала своей человеческой природы. Внезапно пробудившись, Чжуан-цзы не мог понять, кто он на самом деле: человек, которому снилось, что он — бабочка, или бабочка, которой снится, что она — человек.

Конфуций и Лао-цзы

Очевидно, что идеалы Конфуция и Лао-цзы не совпадают: «совершенный человек» и «естественный человек» — это не одно и то же. Споры между конфуцианцами и даосами имели место, однако длительной конфронтации не было, и в конечном итоге два учения приспособились друг к другу. Об этом рассказывают следующие две истории.

Как-то у известного мистика Ван Би, жившего на несколько столетий позже обоих мудрецов, спросили: «Небытие — воистину исток всех вещей, но мудрец Конфуций не желает обсуждать это. Так почему же Лао-цзы постоянно говорил о нем?» — «Конфуций, — ответил Ван Би, — воплощал собой небытие, а о небытии невозможно рассказать. Поэтому мудрец даже не рассуждал о нем. А вот Лао-цзы принадлежал к миру бытия и постоянно говорил о его недостаточности».

Однажды Конфуций посетил Лао-цзы и задал ему вопрос о сущности Ритуала. Лао-цзы ответил ему: «То, о чем вы говорите, напоминает мне человека, кости которого давно уже сгнили в могиле, и лишь памятливы его слова. Совершенный человек в благоприятные для него времена разъезжает в колеснице, а в неблагоприятные времена странствует с места на место пешком. Слышал я, что хороший купец скрывает от людей накопленные им богатства. Добродетельный человек старается показать, что он глуп. Бросьте свою заносчивость и страсти — они не принесут вам никакой пользы. Вот что я хотел бы вам поведать». Распровавшись с Лао-цзы, Конфуций сказал своим ученикам: «Я знаю, что птица летает, зверь бежит, рыба плавает. Бегающего можно поймать в тенета, плавающего — в сети, летающего — сбить стрелой. Что же касается дракона — то я еще не знаю, как его мож-

но поймать! Ныне я встретился с Лао-цзы, и он напомнил мне дракона».

Учение Будды в Китае

Конфуцианство и даосизм возникли и оформились на собственно китайской почве; буддизм ведет свое происхождение из Индии и был принесен в Китай индийскими миссионерами. Однако это не помешало новой религии занять достойное место в одном ряду с первыми двумя.

Примерно в ту же эпоху, когда в Китае жили Конфуций и Лао-цзы, в Индии родился принц Сиддхартха Гаутама, называемый также Шакьямуни («мудрец из рода Шакья»). Он был сыном повелителя одного из небольших государств на северо-востоке Индии. В момент рождения принца падали с неба цветы, неведомо откуда доносилась прекрасная музыка и разливалось необыкновенное сияние. Множество других знамений свидетельствовало о великом будущем, уготованном младенцу: он мог стать либо могучим и праведным правителем, либо великим отшельником. Отец, желая видеть Сиддхартху царем и боясь, что он изберет путь духовного подвижничества, окружил сына роскошью и позаботился о том, чтобы принц никогда не видел несчастных, больных и старых людей. Сиддхартха вырос, не покидая дворца, в атмосфере вечного праздника. Женился он на прекрасной девушке, и у молодой четы родился сын.

Прошло еще какое-то время, и принц решил наконец нарушить отцовский запрет и с помощью своего слуги несколько раз тайно выбирался из дворца. Оказавшись среди обычных людей, он увидел больного человека, потом старика, затем встретил похоронную процессию. Так Сиддхартха узнал, что мир полон страданий. Наконец он увидел отшельника, и это навело его на мысль о воз-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

возможности преодолеть страдания этого мира, ведя уединенный и созерцательный образ жизни. В возрасте двадцати девяти лет Сиддхартха покинул дворец, отца, жену и маленького сына и стал бродячим аскетом.

Сиддхартха быстро овладел искусством контроля над дыханием и чувствами, научился переносить голод, жару и холод, постигать своим сознанием высшие миры. Но за шесть лет напряженной практики он убедился, что путь самоистязания не ведет к истине. Тогда Сиддхартха восстановил силы, нашел уединенное место на берегу реки, сел под дерево и, дав себе слово не сходить с места, пока не постигнет тайну жизни и смерти, погрузился в созерцание.

Перед внутренним взором Сиддхартхи прошли его собственные прошлые жизни, потом жизни всех живых существ, и наконец ему открылась высшая истина — дхарма. В этот миг он стал Буддой — «просветленным», «пробудившимся».

Остаток жизни, с тридцати пяти до восьмидесяти лет, Будда Шакьямуни прожил как странствующий проповедник. Его окружало множество учеников, которых Будда наставлял в дхарме. А после его смерти проповедь дхармы продолжили ученики.

Будда учил людей избегать равно самоистязания и погруженности в мирские наслаждения — придерживаться «срединного пути».

Высшую цель жизни буддизм видит в освобождении от кармы и выходе из круга сансары. Такое состояние человека, достигшего освобождения, в буддизме и называется нирваной. Люди, поверхностно знакомые с буддизмом, считают, что нирвана — это смерть. Но это не так. Нирвана — это угасание обычных желаний и страстей. Это не смерть, а жизнь, только в ином качестве. Буддизм не относится ни к монотеистическим (признающим едино-

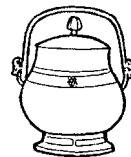
го Бога), ни к политеистическим (основанным на вере во многих богов) религиям.

В своей первой проповеди Будда изложил «четыре благородные истины»: о страдании и причине страдания, об устранении причины страдания и о пути к прекращению страданий. Будда указал путь к преодолению бесконечной череды рождений (сансары) и переходу в нирвану — жизнь совершенного, свободного духа, не подверженного обычным желаниям и страстям.

Слово «будда» не является именем и означает лишь качество сознания. Считалось, что Шакьямуни, переживший до этого много жизней — воплощений в теле человека, а иногда и животного, в своей последней перед уходом в нирвану жизни осуществил высший прорыв сознания к истине, облагодетельствовав таким образом все живые существа.

Будды приходят в мир проповедовать дхарму, когда это необходимо. Следующим Буддой должен стать Майтрейя — Будда Грядущего. В Китае его называют Милэ и часто изображают с бритой головой, смеющимся лицом, глазами, полными радости, и с большим животом. Его обычно называют «Смеющийся Будда», а в народе его прозвали «Толстобрхий Милэ».

Согласно одной из легенд, Будда Грядущего воплотился однажды в теле монаха по имени Ци Цы, носившего за плечами мешок. Когда люди спрашивали, что у него в мешке, Ци Цы отвечал: «Весь мир!» Монах нес людям правду, учил их любить и верить, указывал им путь к спасению. Смерть пришла к нему на веранде, у входа в один из буддийских храмов. Умирая, он воскликнул: «О люди! Вы не узнали меня! Ведь я — Майтрейя!» С тех пор облик Ци Цы часто запечатлевали в изображениях Будды Грядущего. Его огромный живот и заплечный ме-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

шок стали воспринимать как символ неисчерпаемых возможностей добродетели.

Другим высокопочитаемым Буддой (просветленным) в Китае* был Амиитаба — правитель «Западного рая». Ситянь («западное небо», «страна под западным небом») — это земля наивысшей радости, расположенная на крайнем западе, где жили люди, избавившиеся от страданий. Страна Ситянь украшена драгоценностями, с неба идет дождь из цветов, звучат музыка и пение необыкновенных птиц. Здесь обретали перерождение люди, совершившие при жизни множество благих деяний.

На картинах, изображавших Ситянь, Амиитаба сидел в окружении сонма святых, среди которых выделялись двое его помощников — бодхисатвы Гуаньинь и Дашичжи. Перед Буддой Амиитабой — пруд с лотосами, вокруг которого разгуливают птицы, играют музыканты и пляшут танцоры.

Поклонение Амиитабе, как правило, сводилось к вере и молитве, которые вознаграждались райскими благами. Считалось достаточным прочитать над гробом предписанное количество сутр, чтобы человек попал в рай. Даже можно было вместо чтения сутр бесконечно произносить одно только имя Амиитабы.

Удостоившиеся пребывания в стране Ситянь могли предварительно проходить очищение от мирской грязи с помощью заключения на некоторый срок в бутоне лотоса — символа чистоты, не загрязняемой мирской скверной.

Просветленными существами, стоящими на ступень ниже, чем будды, были бодхисатвы* — святые души, воздержавшиеся от ухода в нирвану, чтобы иметь больше возможностей помогать живым существам.

Бодхисатва Гуаньинь, чрезвычайно широко почитаемая китайским народом, была олицетворе-

нием безграничного сострадания, изливаемого богиней на весь мир. Само ее имя означало «внемлющая звукам мира». Считалось, что произносящий ее имя получает избавление от бед: она может облегчить страдания, утешить, спасти, простить, отпустить грехи.

Рассказывали, что при жизни Гуаньинь была дочерью князя Мяо Чжуан-вана и носила имя Мяошань. Юная принцесса, вопреки воле отца, отказалась от замужества и ушла в монастырь. Рассерженный отец приказал Мяошань покончить с собой, но меч, который должен был поразить ее, распался на тысячу кусков. Тогда отец приказал ей удушиться. После этого душа принцессы попала в ад, но при этом ад моментально превратился в рай. Перепуганный повелитель ада вернул ей жизнь. Поселившись на островах Путо, сострадательная святая исцеляла больных и спасала моряков от кораблекрушения. Как-то ей стало известно, что ее отец тяжело заболел. Мяошань отрезала кусок мяса от своей руки и этим вылечила его. Исцелившийся отец воздвиг в ее честь статую, и это стало началом культа богини.

Помимо заботы о страждущих вообще, Гуаньинь была богиней-покровительницей женщин, материнства, младенчества, богиней-подательницей детей. Гуаньинь часто изображали стоящей в окружении детей или как сидящую в свободной позе женщину, внимательно прислушивающуюся к чему-то. Другой ее характерный облик — тысячерукая богиня с изображением глаза на каждой ладони; глазами она видит одновременно всех находящихся в беде, руками спасает их.

На древней китайской земле расцвело целое направление буддизма, основание которого заложил, по преданию, сам Будда Шакьямуни. Однажды он взял в руки цветок, показал ученикам и улыбнул-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

ся. Это была бессловесная передача дхармы, высшего сокровенного знания. Один лишь Махакашьяпа понял смысл действий учителя. Так возникла традиция передачи учения «от сердца к сердцу», по прямой линии от Будды. Людей, получивших такую передачу и, как следствие, обладавших «полнотой истины», стали называть патриархами. Махакашьяпа стал первым буддийским патриархом, а много веков спустя из Индии в Китай пришел Бодхидхарма. Он стал двадцать восьмым буддийским патриархом. Его имя означало «закон просветления», на китайском языке — Дамо.

Бодхидхарма (Дамо) считал, что китайские монахи исказили буддизм, подменив духовную работу механическим ритуалом. Он хотел научить их созерцанию собственной изначальной природы, которая и есть природа Будды.

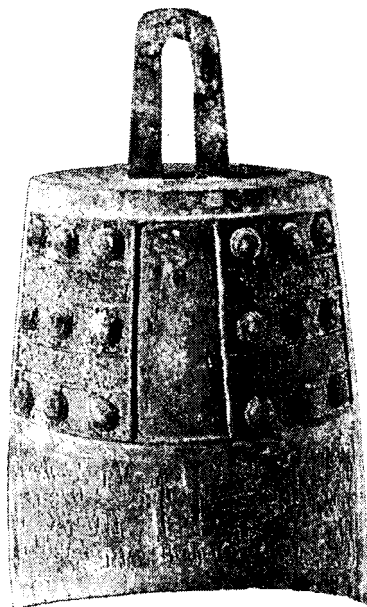
После долгих странствий Бодхидхарма пришел в небольшой монастырь Шаолинь. Тамошние монахи, истощая себя долгим чтением и заучиванием священных текстов, уходили все дальше от истинного просветления. Бодхидхарма объявил им, что цель буддизма — найти и пробудить Будду в самом себе. Монахи не поняли наставлений Бодхидхармы, и тот удалился в пещеру, расположенную недалеко от монастыря. Здесь он девять лет просидел в медитации, повернувшись лицом к стене. Облик патриарха был пронизан такой глубокой духовностью, такой сокровенной тайной бытия, что монахи приняли его учение. По легенде, один из них, Хуэйкэ, отрубил себе руку и положил ее перед сидящим у стены Бодхидхармой, демонстрируя таким образом свою непреклонную решимость постичь учение. Он и стал впоследствии двадцать девятым буддийским патриархом.

Так было положено начало чань-буддизму. Китайское слово «чань» происходит от санскрит-

ского слова «дхьяна» — так в Индии называли созерцание, медитацию. Позже, придя в Японию, это учение получило название дзен-буддизм и в таком звучании стало известно на Западе. Бодхидхарма был первым патриархом чань-буддизма, Хуэйкэ — вторым.

Выйдя из девятилетней медитации, Бодхидхарма, используя особый комплекс упражнений, восстановил жизненную активность своего тела и научил монахов сочетать практику молчаливого сидячего созерцания с физическими упражнениями.

Ритуальный колокол.
Бронза. IV в. до н. э.

ПОИСКИ БЕССМЕРТИЯ

Даосы и поиск бессмертия

Судя по разнообразным легендам и преданиям, даосское бессмертие было неоднозначным понятием и не сводилось к неопределенно долгой жизни в обычном понимании этого слова. Надо полагать, что души людей, постигших дао, достигали такой независимости от тела и одновременно власти над ним, что само слово «смерть» теряло для них смысл. К достижению такого бессмертия, видимо, вел путь, в котором духовные и материальные факторы тесно переплетались и взаимопроникали. Поэтому в народе ходили легенды о разнообразных средствах и снадобьях, которые надо только суметь добыть — и тогда бессмертие или как минимум долголетие в обычном смысле слова обеспечены.

Колодец долголетия

Некогда семья Ляо из уезда Линьфань славилась долголетием. Потом семья переменила место жительства, и после этого ее новые поколения жили не дольше большинства людей. А в их прежнем жилище поселились другие люди, которые, в свою

очередь, стали долгожителями. Тогда стали гадать, в чем секрет этого жилища. Заметили, что вода в колоде красноватого цвета, начали копать вокруг колодца. Оказалось, что древние люди захоронили там большое количество киновари. Сок киновари проникал в колодец, и поэтому тот, кто пил из него воду, обретал долголетие.

Плавучие Острова Бессмертных

В восточной части залива Бохай, на огромном расстоянии от берега находилась бездонная пропасть Гуйсюй. В нее стекали воды всех рек, морей, океанов и даже Небесной реки (Млечного Пути). При этом пучина не увеличивалась и не уменьшалась. В бездне Гуйсюй, согласно преданиям, плавало пять священных гор-островов: Дайюй, Юаныцзяо, Фанчжан, Инчжоу и Пэнлай. На вершинах гор возвышались золотые дворцы с лестницами из белого нефрита. Во дворцах жили бессмертные. Все звери и птицы на островах были белого цвета, на деревьях росли драгоценные камни. Вода по вкусу напоминала вино. Жизнь на островах была веселой и счастливой. Однако, поскольку пропасть Гуйсюй не имела дна, острова были плавучими, и их носило по волнам, что причиняло бессмертным большое беспокойство. Наконец бессмертные обратились с жалобой к Верховному Небесному Владыке, и он послал пятнадцать гигантских черепах, чтобы они держали горы на головах. Одна черепаха держала на голове гору, а две другие поддерживали ее. Но вот однажды великан из страны Лунбо поймал на крючок шесть черепах, две горы — Юаныцзяо и Дайюй — унесло в северный океан, остались только Пэнлай, Фанчжан и Инчжоу. Небесный владыка, узнав об этом, разгневался и превратил жителей страны Лунбо из великанов в карли-

ков. Слава о горах Бессмертных постепенно распространилась по свету. В надежде раздобыть волшебное снадобье, дарующее вечную жизнь, правители царств и княжеств снаряжали корабли на поиск священных гор, но безуспешно. Те, кто возвращался после тщетных поисков, рассказывали, что горы Бессмертных похожи издали на плывущие по краю неба облака. Но как только люди приближались к ним, горы-острова уходили под воду. Неожиданно налетал порыв ветра, и кораблям приходилось поворачивать обратно.

Сказания о восьми бессмертных

Сказания о бессмертных отнюдь не ограничиваются легендой о плавучих островах в бездне Гуйсуй. Бессмертные часто жили или появлялись на время среди обыкновенных людей. О таких бессмертных рассказывали удивительные истории и даже поклонялись им как божествам.

Среди множества бессмертных есть несколько, которые пользовались в народе особой любовью. Это так называемые «восемь бессмертных», рассказы о которых чрезвычайно популярны в Китае. Вот их имена — Чжунли Цюань, Чжан Го, Люй Дунбинь, Ли Тегуай, Хань Сян, Цао Гоцзю, Лань Цайхэ и Хэ Сяньгу.

1

Старейший из восьми бессмертных — Чжунли Цюань. Согласно преданию, в момент его рождения вся комната озарилась странным светом. Семь первых дней новорожденный ничего не ел и не плакал. Эти знамения предсказывали ему необыкновенное будущее. И действительно, проявив недюжинные способности, Чжунли уже в молодости стал известным полководцем, одержавшим мно-

го знаменитых побед. Это принесло ему громкую славу. Только вмешательство небесных сил, которые знали уготованную ему судьбу и боялись, что постоянные успехи и награды вскружат ему голову и отвлекут от пути истинного, от дао, заставило его познать горечь поражения. Однажды Чжунли был послан императором во главе войска против тибетских племен. Когда его воины вот-вот должны были победить, пролетавший над полем брани бессмертный решил наставить его на путь (дао) и подсказал неприятелю, как одержать победу над Чжунли. Потерпев неудачу в сражении с тибетцами, Чжунли в отчаянии ушел в горы. Там он встретился с даосским отшельником. Монах отвел его к владыке Востока Дун-вангуну, покровителю всех бессмертных мужского пола, который посоветовал Чжунли отказаться от карьеры и отдать все свои силы и способности постижению дао. Чжунли занялся алхимией и научился превращать медь и олово в золото и серебро, их он раздавал беднякам в голодные годы. Однажды перед Чжунли раскололась каменная стена, в конце которой он нашел нефритовую шкатулку, а в ней наставления, как сделаться бессмертным. Чжунли внял им, и тотчас к нему спустился журавль, который и унес его в страну бессмертных. На рисунках Чжунли обычно изображается с веером, якобы обладающим мистической способностью возвращать жизнь и оживлять умерших.

2

Следующий из восьми бессмертных, Чжан Го, интересен тем, что нет никаких сведений о его происхождении, никто не видел его ребенком, никто не знал его родни, все общались с ним, когда ему было уже много сотен лет. Чжан ездил на белом осле, способном пробежать в день 10 тысяч ли

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

(почти 5 тысяч километров). Остановившись на отдых, Чжан складывал его, словно бумажного. Когда осел снова был нужен, Чжан брызгал водой на его сложенную фигурку, и тот оживал. Согласно наиболее ранней из легенд, связанных с жизнью Чжана при дворе императора Сюаньцзуна, Чжан таким же образом оживил мага Шэ Фашана. Шэ Фашан раскрыл государю тайну о том, что Чжан на самом деле не человек, а дух-оборотень белой летучей мыши, появившейся в период сотворения мира из хаоса. Поведав это, Шэ Фашан вновь скончался.

Чжану Го приписывалась также способность предугадывать будущее и сообщать о событиях далекого прошлого. Рассказывали, что иногда он «умирал», его хоронили и оплакивали безутешные ученики, а затем «воскресал» вновь (его гроб оказывался пустым). Чжан Го изображается обычно в виде старца-даоса, сидящего на осле лицом к хвосту, с бамбуковой трещоткой в руках.

3

Рождение бессмертного Люй Дунбиня сопровождалось небесным знамением: в момент зачатия к постели его матери с неба спустился на миг белый журавль. Через положенный срок на свет появился крепкий малыш. Мальчик был необычайно способным, не по летам развитым. Люй мог запоминать в день по 10 тысяч иероглифов. Он успешно сдал экзамены, и впереди его ждала блестящая карьера на государственной службе. Но однажды он неожиданно повстречался в горах с отшельником — бессмертным Чжунли Цюанем, который десять раз испытал его и, убедившись в стойкости Люя, увел юношу в горы, научил его магии, фехтованию и искусству делаться невидимым. Постигнув тайны даосизма, Люй обрел бес-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

смертие. Его волшебный меч обладал чудесным могуществом, и с его помощью Люй смело вступал в жестокие схватки с драконами и тиграми и всегда выходил победителем. Свыше 400 лет, согласно легендам, странствовал он по Китаю, совершая различные подвиги. Очень популярна была версия легенды, согласно которой молодой ученый Люй Дунбинь на постоялом дворе встречается с даосом, который велит хозяйке сварить кашу из проса и в ожидании заказанной еды заводит с Люем разговор о тщете мирских желаний. Люй не соглашается, но вдруг засыпает и видит во сне свою будущую жизнь, полную взлетов и разочарований, страшных испытаний и несчастий. Когда ему грозит смерть, он просыпается и видит себя на том же дворе, хозяйка варит кашу, а даос ждет еду. Прозревший Люй становится даосским отшельником. Известно немало рассказов о появлении Люя среди людей. В народных верованиях Люй — святой подвижник, познавший в мирской жизни страдания и решивший служить людям в качестве заклинателя демонов, преследующих беспомощный народ. На лубках он изображается обычно с мечом, разрубающим нечисть, и мухобойкой — атрибутом беспечного бессмертного, рядом с ним его ученик Лю («Ива»), из острокопечной головы которого растет ветка ивы (по преданию, это дух старой ивы-оборотня, которого Люй обратил в свою веру). Люю приписывалась способность указывать путь к излечению или спасению.

4

Про Ли Тегуая рассказывали, что однажды он собрался совершить путешествие по небу в обществе легендарного основателя даосизма Лао-цзы. Отправляясь на эту прогулку, Ли Тегуай освободился

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

от своей телесной оболочки и доверил ее своему ученику, попросив сжечь его тело, если он не вернется через семь дней.

Шесть дней ученик терпеливо ждал своего учителя, а на седьмой неожиданно получил известие о тяжелой болезни матери. Почтительный сын не мог медлить ни минуты. Не колеблясь, он сжег тело Ли несколько раньше срока и поспешил домой.

Вернувшаяся на землю душа Ли была вынуждена вселиться в телесную оболочку только что умершего хромого нищего. Впоследствии он явился в дом ученика, оживил его мать, а через двести лет взял и ученика на небо. Бессмертный Ли так и остался хромым, и поэтому изображается он всегда с железным посохом, название которого стало частью его имени (тегуай — «железный посох»).

Существуют рассказы о том, как Ли переплыл реку на листке бамбука, как умчался в небо верхом на драконе, в которого превратился подброшенный вверх железный посох Ли Тегуая. Рассказывали также, что он продавал на базаре чудотворные лекарства, излечивавшие от всех болезней. Поэтому, кроме посоха, атрибутом Ли Тегуая стала тыква-горлянка, висящая на спине, в которой он носил чудесные снадобья.

5

Рассказы о бессмертном по имени Хань Сян повествуют в основном о его отношениях с собственным дядей, которого звали Хань Юй, мыслителем и литератором. Хань Юй был конфуцианцем-рационалистом и не верил ни в буддийские, ни в даосские чудеса. Его племянник Хань Сян являл полную противоположность дяде: уже с рождения мальчик имел задатки будущего бессмертного. Рано увлекшись алхимией, он стал затем ревностным учеником и последователем Чжунли Цюаня и Люй

Дунбиня. Рассказывали, что Хань Сян обрел бессмертие при парадоксальных обстоятельствах. Как-то раз, пытаясь вскарабкаться на священное дерево в поисках персиков бессмертия, он упал и разбился. В тот же момент Хань Сян превратился в бессмертного.

Основные легенды о Хань Сяне посвящены показу превосходства даосов над конфуцианцами. Все, что он предсказывал, в точности сбывалось. Однажды во время засухи его дядя Хань Юй безуспешно пытался вызвать по повелению государя дождь. Тогда Хань Сян, приняв облик даоса, вызвал дождь и снег, специально оставив усадьбу дяди без осадков.

В другой раз на пиру у дяди Хань Сян наполнил таз землей и вырастил на глазах у гостей два прекрасных цветка, на которых были видны золотые иероглифы, образующие двустигшие: «Облака на хребте **Циньлин** преградили путь, где же дом и семья? Снег замел перевал Ланьгуань, конь не идет вперед». Смысл этих строк Хань Юй понял позже, когда впал в немилость у государя и был отправлен в ссылку на юг. Добравшись до хребта Циньлин, он попал в пургу, а явившийся в облике даоса Хань Сян напомнил ему о пророческих стихах. Там, среди гор, племянник целую ночь рассказывал дяде о даосских таинствах, доказывая превосходство своего учения. На прощание Хань Сян подарил Хань Юю фляжку из тыквы-горлянки с пилюлями от малярии и исчез навсегда.

Хань Сян обычно изображается с корзиной цветов в руках. Со временем его стали почитать как покровителя садовников.

Бессмертный Цао Гоцзю выделялся благородным происхождением: он был сыном первого мини-

стра и братом императрицы. Придворная жизнь с ее роскошью и интригами была чужда Цао Гоцзю, и он отправился бродить по свету, надеясь встретить даосского наставника и постичь «чистую пустоту» этого учения. На прощание император подарил ему золотую пластину с надписью: «Гоцзю повсюду может проезжать, как сам государь».

Когда Цао переправлялся через реку Хуанхэ, перевозчик потребовал с него деньги. Он предложил вместо платы пластину, и спутники, прочитав надпись, стали кричать ему здравицу, а перевозчик обер от испуга. Но тут один из сидевших в лодке (одетый в рубище даос) гневно воскликнул: «Если ты ушел в монахи, зачем демонстрируешь свое могущество и пугаешь людей?»

Низко поклонившись, Цао ответил: «Как смеет ваш ученик являть свое могущество!» «Можешь ли ты бросить золотую пластину в реку?» — спросил даос.

Цао тут же швырнул пластину в воду. Даос (это был Люй Дунбинь) принял бывшего царедворца в ученики.

Бессмертный Цао Гоцзю обычно изображается с парой кастаньет, нередко в придворном костюме. Он считается одним из покровителей актеров.

7

К группе восьми бессмертных принадлежит также Лань Цайхэ — своеобразный даосский юродивый. Он носил рваное синее платье, широкий пояс с шестью бляхами черного дерева, на одной ноге сапог, другая — босая. Он ходил по рынкам, распевал песни, которые сочинял сам, импровизируя во время представления, и просил милостыню.

Лань Цайхэ говорил странные вещи, совершал странные поступки. Летом утеплял халат ватой, зимой валялся на снегу. Иногда он носил на себе не-

что вроде вериг из больших брусков дерева. Деньги, которые ему давали люди, Лань нанизывал на длинный шнур и тащил его за собой. Временами он терял монеты, раздавал их встречным беднякам или пропивал в винных лавках.

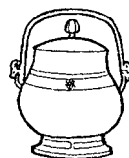
Лань Цайхэ видели везде и в разные времена, но он никогда не старел, всегда оставался неизменным. Считалось, что он способен возноситься на небо, летать на облаках. Однажды, когда он пел и плясал подле озера Хаолян и пил вино в винной лавке, в облаках показался журавль и слышались звуки тростниковой свирели и флейты. В тот же миг Лань поднялся на облако и, сбросив вниз свой сапог, платье, пояс и кастаньеты, исчез.

Первоначально Лань Цайхэ изображался с флейтой и считался покровителем музыкантов. Позднее его атрибутом стала корзина, а в ней — хризантемы, ветки бамбука, то есть те растения, которые ассоциировались с бессмертием, и Лань Цайхэ стали почитать как покровителя садоводства.

8

К числу восьми бессмертных принадлежит одна женщина — Хэ Сяньгу («Бессмертная дева Хэ»).

Дом ее отца стоял у Слюдяного ручья. Когда девочке было 14—15 лет, она увидела чудесный сон: к ней явился святой, который посоветовал ей питаться размельченной слюдой и не есть земной пищи, чтобы подготовить тело к бессмертию. Следуя этому совету и почти ничего не употребляя в пищу, девочка все дни проводила в одиночестве. Как-то раз она повстречала незнакомца, который протянул ей персик. По возвращении домой Хэ Сяньгу обнаружила, что отсутствовала не день, как ей казалось, а целый месяц, — и весь месяц она провела без пищи.

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Хэ Сяньгу решила не выходить замуж, вскоре она покинула родительский дом и ушла в горы. О ней стали складывать легенды. Рассказывали, например, что ее видели летящей на облаке. Впоследствии она среди бела дня вознеслась на небеса, но потом не раз появлялась на земле. В честь Хэ Сяньгу стали сооружать храмы, ее считали способной предсказывать судьбу. Святым, наставившим ее на путь бессмертия, был, по преданию, Люй Дунбинь.

Хэ Сяньгу часто изображали с бамбуковым черпаком в руках, поскольку злая мачеха заставляла девочку трудиться на кухне целыми днями. Такова была одна из версий предания, немного напоминающая историю Золушки. Хэ проявляла исключительное терпение, чем тронула Люя, и тот помог ей вознестись на небеса. В спешке она захватила с собой черпак, поэтому иногда Хэ почитают как покровительницу домашнего хозяйства.

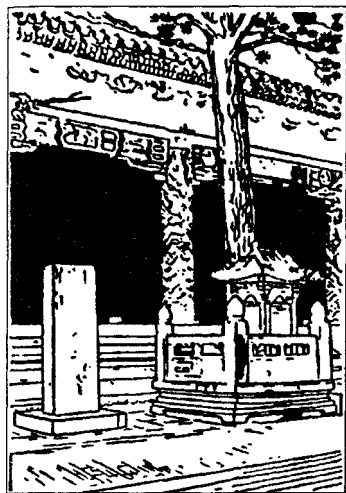
Предания о совместных деяниях восьми бессмертных

Кроме отдельных преданий о каждом из восьми бессмертных в отдельности, существуют также рассказы и об их совместных деяниях.

Однажды все они были приглашены к владычице Запада Си-ванму. Сам Лао-цзы согласился надписать свиток, который Восемь Бессмертных решили преподнести богине.

После пира у Си-ванму восемь бессмертных отправились через море к Дун-вангуну, владыке Востока. И тут каждый из них продемонстрировал свое магическое искусство: Ли Тегуай поплыл на железном посохе, Чжунли Цюань — на веере, Чжан Го — на бумажном осле, Хань Сян — в корзине с цветами, Люй Дунбинь воспользовался бамбуковой ручкой от мухобойки, Цао Гоцзю — каста-

Храм, построенный на
месте дома **Конфуция**
г. *Цюйфу*

Внизу: классическое
изображение **Конфуция**
Гравюра с портрета эпохи
Мин

Слева: **Мо-цзы** — один из
выдающихся
последователей Конфуция
V век до н. э.

Вверху: последователь
Конфуция **Сюнь-цзы**
IV—III века до н. э.

Классическое изображение
полулегендарного
основателя даосизма
Лао-цзы, уезжающего
на Запад

Внизу слева: главный духовный последователь Пао-цзы
Чжуан-цзы

вторая половина IV — начало III века до и. э.

Внизу справа: **Ван Би**, известный философ-мистик, удачно
сравнивший Конфуция и Пао-цзы

1

2

3

4

Четыре из восьми бессмертных:
 1. Хань Сян, 2. Цао Гоцзю, 3. Хэ Сяньгу,
 4. Люй Дунбинь

Два изображения еще
одного бессмертного —
Ли Тегуая

Будда в позе поучения Закону

**Китайско-буддийские проповедники
Хуэйюань (слева), Даоань (справа)**

Бодхисатва Гуаньинь, помощница будды Амитабы

Сюаньцзан в храме

Шестой патриарх
школы чань Хуэинэн

ньетами, Хэ Сяньгу — плоской бамбуковой корзиной, а Лань Цайхэ встал на нефритовую пластину, инкрустированную чудесными камнями, излучающими свет.

Бессмертные братья Мао

Большой популярностью пользовались в народе бессмертные братья Мао. Старший из них по имени Ин, когда ему исполнилось 18 лет, ушел от родителей и поселился в горах, где стал учеником даосского святого Ван-цзюня. Мао Ин год за годом воспитывал свой дух, постепенно перестал нуждаться в еде и научился становиться легким. В возрасте 49 лет, окончательно постигнув законы дао и путь самоусовершенствования, Мао Ин вернулся в родной дом. Отец хотел поколотить сына палкой за его самовольный уход из дома, но палка разлетелась на куски, которые вошли в стену. Мао Ин вернулся в горы, где продолжал совершенствоваться в даосской магии, и наконец улетел в небо на облаке.

Его братья, Гу и Чжун, также отправились в горы, вслед за старшим братом. Тан Ин научил их секрету долголетия, и они остались в горах, чтобы заниматься даосской практикой. Через несколько лет Гу и Чжун на желтых журавлях среди бела дня вознеслись на небеса.

История бессмертных братьев положила начало целому культу. Люди построили в честь трех братьев храм и назвали его Сань Мао («трое Мао») или Сань Мао-цзюнь («три государя Мао»). Гора, на которой старший брат делился мудростью с младшими, получила название Саньмаошань («гора трех Мао»).

Считалось, что сам Лао-цзы, глава всех бессмертных, возложил на братьев Мао почетные и ответственные обязанности: Ин стал управлять судь-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

бами людей, Гу — устанавливать чины в мире бессмертных, а Чжун — охранять человеческую жизнь.

Легенды о других бессмертных

Разумеется, не менее интересные истории рассказывали и про многих других бессмертных, не входящих в знаменитую восьмерку.

Ванцзы Цяо был царевичем, наследником престола. Много лет он учился искусству магии у даоса Фуцю-гуна и однажды продемонстрировал родителям свои успехи, пролетев над ними на белом журавле в заранее назначенный день.

Ванцзы Цяо, кроме того, славился искусством превращений. У него был ученик по имени Цуй Вэньцзы, и однажды Цяо решил проверить, насколько продвинулся Цуй по пути постижения дао. Наставник превратился в белую цикаду и, взяв в лапку чашу со снадобьем, поднес ее Цую. Тот страшно испугался, схватил попавшееся под руку копье и принялся колотить странное создание. Чаша с лекарством упала на пол и разбилась, а на месте цикады оказалась туфля. Цуй накрыл ее бамбуковой корзиной, но из корзины раздался птичий крик. Цуй поднял корзину, и птица улетела.

Провалившись на своеобразном экзамене и похнув своего наставника, Цуй Вэньцзы тем не менее прожил отнюдь не бесполезную жизнь. Он стал торговать лекарствами, которые вылечили немало больных во время мора.

Что же касается волшебника-царевича, то он в один прекрасный день попрощался с родными, поднялся на вершину горы и улетел в небо на белом журавле.

В незапамятные легендарные времена, когда Поднебесной правил мудрый и справедливый государь Яо, жил старик по имени Воцюань, собиравший в горах целебные травы. Воцюань изготавливал и сам принимал лекарство бессмертия, отчего все его тело обросло белыми волосами, а оба глаза стали квадратными. Старик прожил невероятно много лет, но оставался крепким и сильным, мог остановить коня на скаку. Он также умел летать и, подобно дикому зверю, быстро мчаться по земле.

Воцюань обратил внимание на то, что многочисленные государственные дела и заботы истощают силы правителя Яо, и поднес ему чудодейственные семена сосны: те из людей, кто принимал эти семена, жили по двести—триста лет. Яо с благодарностью принял дар Воцюаня, но потом у него не нашлось времени на то, чтобы съесть эти семена, и правитель прожил всего сто с небольшим лет. Можно предположить, что государь Яо не заботился о собственном долголетии потому, что твердо решил еще при жизни уступить престол достойному преемнику, которого после долгих поисков обрел в лице Шуня.

3

Однажды человек по имени Тан Гунфан изготовил пилюли бессмертия, проглотил одну из них и вознесся на небо. Его собака и курица тоже отведали этих пилюль и тоже поднялись в небеса, курица кудахтала в небе, собака тьякала в облаках. Однако в доме Тан Гунфана осталась крыса, которая не смогла отведать чудесного лекарства бессмертия. Так как крыса была вредной тварью, то Тан Гунфан специально спрятал от нее пилюли, и она не смогла вознестись на небо.

Ханьский князь Лю Ань был внуком императора Гао-ди. В те времена все княжичи, пользуясь благородным происхождением и богатством, почитали за дело увеселение в кругу красавиц, охоту с собаками и скачки. И только Ань был сдержан и скромн, усердно изучал науки, совмещая это с занятиями гаданием и алхимией. По всей Поднебесной отыскивал он даосских книжников и ученых алхимиков и просил их за высокую плату прийти ко двору, не считаясь с расстоянием. И вот однажды у его ворот появился Багун — убеленный сединами старец. Привратник доложил князю, и тот повелел испытать старца трудными вопросами, сказав: «Мой князь прежде всего ищет учение, продлевающее жизнь, открывающее путь к долголетию и вечной юности. Но вы, преждежденный, уже стары и, значит, не владеете искусством предотвращать разрушение, и нет в вас силы юности. Как же сможете пронзить умом дела Трех великих предков и установления Пяти владык, тонкости восьми триграмм и учение девяти пиков, проникнуть в самые глубины, достичь далеких окраин? Не истощит ли это ваш разум, не исчерпает ли природные силы? Это я сказал еще только о самом незначительном, а об остальном не смею и поведать!» Багун, улыбаясь, ответил: «Я слышал, что князь почитает достойных людей и спешит им навстречу, бросая все дела. Вот и я, дожив до дряхлости, все еще не нашел того, что искал. Потому-то и добирался к нему издалека, хотел только взглянуть разок. Может, я и не принесу пользы, но ведь и убытка не будет? Почему нужно сомневаться во мне только из-за возраста? Я, несчастный, стар — а вот и мал!» И только ска-

зал, как превратился в отрока лет 14—15. Волосы темные, лицо как персиковый цвет. Князь принял странного гостя. Тогда отрок вновь обратился в старца и сказал князю: «Я обладаю лишь скудными познаниями и готов у вас поучиться. Я слышал, князь любит ученых, и потому пришел сюда. Не знаю, что именно хотел бы князь получить от меня. Я могу, не сходя с места, передвигаться вместе с ветром и дождем, встав с места, подняться в облака и в туман; чертить на земле и таким образом прорывать русла рек; насыпать землю и так возводить горы и пики. Я могу обрушить высокую гору, заткнуть глубокий источник, скрутить тигра и барса, вызвать дракона и повелевать духами. Я могу разделять тело и изменять внешность. Существовать или исчезать, белый день превращать в ночь. Я могу оседлать облако и ступать по пустоте, пересекать моря, всходить по волнам. Я могу ступать в огонь и не гореть, в воде не промокать. Ни нож, ни стрела меня не берут. В зимние холода мне не холодно, в летнюю жару — не жарко. По моему помышлению звери и птицы, травы и деревья, тьма вещей рождаются и созревают. Я могу переплавить глину в золото, а свинец в серебро, парить в пространстве выше Великой Чистоты, быть всем, чем князь пожелает...». Затем, Багун и Лю Ань днями и ночами демонстрировали друг другу свои умения, после чего Багун вручил Аню «Канон о нефритовом соке и киноварной пилюле» из 36 свитков — пособие по изготовлению эликсира бессмертия. А через какое-то время Багун и Ань, свершив великое жертвоприношение и поднявшись на гору, среди бела дня вознеслись на небо. На камнях, по которым они ступали, остались следы; они видны и поныне. После того как Ань отправился на небо, став бессмертным, люди поведали, что это достижимо.

Обитавшая на звездах Большой Медведицы богиня Доу-му («Матушка ковша») ведала жизнью и смертью. Доу-му молились, прося охранить от преждевременной смерти и от тяжелых болезней. У нее был муж Доу-фу («Батюшка ковша») и девять звезд-сыновей, предстающих в человеческом облике. Двое из них — Бэйдоу и Наньдоу — считались божествами Северного и Южного ковшей. Один в белом одеянии ведал смертями, другой, в красном, — рождениями. Считалось, что после рождения людей, которым ведал Наньдоу, их судьбы попадали в руки Бэйдоу. Однажды некий Янь, которому гадатель предсказал, что его сын умрет в возрасте девятнадцати лет, отправился искать Бэйдоу, взяв с собой вино и оленье мясо. По дороге он встретил двух человек, игравших в шашки под тутовым деревом. Янь молча поставил перед ними вино и мясо. Увлеченные игроки — это были Бэйдоу и Наньдоу — принялись пить и есть и не сразу заметили Яня. Бэйдоу решил отблагодарить его и поменял цифры в книге судеб: вместо девятнадцати лет сыну Яня суждено было прожить целых девяносто.

2

Одним из самых знаменитых долгожителей был Пэн-цзу («Старец Пэн»). Его мать была беременна три года и никак не могла разродиться. Ей пришлось сделать ножом надрез под левой подмышкой. Так родились три сына, а когда вскрыли с правой стороны — появились еще трое, и Пэн-цзу был одним из этих детей. По легенде, он прожил более 800 лет. Рассказывают, что, когда Пэн-цзу уже было семьсот шестьдесят семь лет, он не выглядел ста-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

рым и немощным. Знатные и простые люди пытались узнать, чему он обязан своим фантастическим долголетием, но Пэн-цзу не выдал своего секрета даже самому императору, и люди строили всевозможные догадки. Некоторые считали, что он принимал лекарство из гриба коричневого дерева; другие видели секрет его долголетия в умении глубоко дышать. Наконец утвердилась легенда, согласно которой Пэн-цзу однажды преподнес Верховному Небесному Владыке необыкновенно вкусный суп из фазанов и за это был награжден необычайным долголетием. Согласно другому преданию, некая дева Цай-ньюй выпросила у старика секрет долголетия и передала его императору. Тот воспользовался им, но потом отдал приказ казнить всех, кто будет распространять учение Пэн-цзу. Узнав об этом, старик ушел из страны в неизвестном направлении. Но и через 70 с лишним лет его будто бы видели на далеком западе.

Керамический сосуд в форме утки.
V в. до н. э.

РАССКАЗЫ О МАГАХ И ВОЛШЕБНИКАХ

1

Мудрецы и подвижники, достигшие даосского совершенства, как правило, обретали некоторые сверхъестественные способности, которые они время от времени проявляли, приводя в изумление простых смертных.

Человек по имени Цзе Янь, овладевший даосской премудростью, умел с помощью перевоплощений скрывать свой истинный облик. Путешествуя, он как-то задержался в столице государства У, где беседовал с тамошним правителем. Князь хотел оставить мудреца у себя и даже оборудовал для него во дворце особый храм. Много раз посылал он к Яню гонцов, желая получить наставления. Даос являлся то отроком, то старцем, не вкушал предложенных угощений и не принимал подношений. Он не приступал к обучению князя, ссылаясь на то, что правитель слишком много времени уделяет праздным развлечениям. Повелитель У разгневался и приказал связать Яня. Своим воинам он повелел стрелять в мудреца из арбалета. Арбалет выстрелил, но на том месте, где

только что стоял связанный Цзе Янь, оказались только веревки. А даос-волшебник исчез неизвестно куда.

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Полководец Цзя Юн, владевший искусством духов, был убит разбойниками и лишился головы. И все-таки верхом на коне он возвратился в свою ставку, и все следовавшие за ним видели, что ведет их Юн. Обезглавленный полководец обратился к своим спутникам: «Как красивее — с головой или без головы?» Безутешные приближенные отвечали: «С головой красивее». «Да нет, — возразил Юн, — без головы тоже красиво!» С этими словами он умер.

Искусный маг по имени Фэй Чанфан прославился своей властью над демонами и призраками, которые не могли ни обмануть его, ни противиться его воле.

Однажды, совершая прогулку вместе со спутником, Чан-фан увидел даосского ученика в желтом платке и меховой одежде, ехавшего на лошади без седла. Ученик слез с лошади и приветствовал Чан-фана земным поклоном. «Если вернешь ему его лошадь, — сказал Фэй Чанфан, — я освобожу тебя от смертной кары». Удивленный спутник попросил объяснить, что значили эти непонятные слова. Чанфан ответил: «На самом деле он — лис и украл лошадь у духа, охраняющего здешние места».

В другой раз Фэй Чанфан разоблачил и укротил призрака, который принимал облик губернатора и, пользуясь этим, чинил козни. Но как-то раз Чанфан столкнулся на дороге с призраком как раз в то время, когда он направлялся с визитом к настоящему губернатору. Перепуганный призраком оцепе-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

нел и не мог даже сдвинуться с места. Потом он снял официальное платье и шапочку, преклонил колени и, ударяя лбом о землю, стал просить пощады. Чанфан укорил его и приказал немедленно принять свой истинный облик. Призрак тут же превратился в огромную черепаху. Потом Чанфан приказал чудовищу явиться к губернатору и покаяться во всех своих преступлениях. Кроме того, маг вручил черепахе письмо для передачи хозяину дамбы. Призрак со слезами принял письмо, отправился к дамбе, положил письмо на землю, лег рядом, вытянул вокруг него шею и тут же испустил дух.

Человек по имени Сюй Дэн совершенствовался в магическом искусстве. Говорили, что сначала он был девицей, а потом превратился в мужчину.

У Сюй Дэна был друг по имени Чжао Бин. Чжао Бин был моложе и относился к Сюй Дэну как к наставнику. Оба даоса обладали богатством и высоким положением, однако отличались простотой и неприхотливостью. Для молений к духам они брали воду из рек, текущих на восток, а вместо мяса обдирали и ели кору шелковичных деревьев.

Однажды, встретившись на горной речке, Сюй Дэн и Чжао Бин стали показывать друг другу свое умение. Сначала Сюй Дэн заговорил воду в речке — и она перестала течь. Потом Чжао Бин заговорил сухой тополь — и дерево покрылось свежими ростками. Оба друга весело смеялись, глядя на свои проделки.

Когда Сюй Дэн покинул свое тело, Чжао Бин уехал в другие края, где простой народ еще ничего о нем не слыхал. Чжао Бин начал с того, что пошутил над хозяином тростниковой хижины. Возбравшись на крышу его жилища, Чжао Бин установил на ней треножник, развел огонь и начал на нем варить себе

пищу. Хозяин перепугался, но Чжао Бин только смеялся и ничего не отвечал. При этом хижина ничуть не пострадала.

Какое-то время спустя Чжао Бин хотел переправиться через речку, но лодочники отказались его перевозить. Тогда Чжао Бин развернул шатер, уселся внутри него, продолжительным свистом вызвал ветер и так переправился через бурное течение реки.

После этого простые люди стали относиться к нему с почтением. Множество учеников искали его наставлений. Местный правитель, разгневанный тем, что он смущает народ, схватил Чжао Бина и казнил. Народ же установил в его честь кумирню, которая впоследствии оказалась достойной удивления и восхищения — туда не мог влететь ни один москит.

Искусные и могущественные маги часто казались на первый взгляд людьми слабыми и ничтожными. Мальчик-нищий по имени Хань Иньшэн жил под мостом и постоянно просил милостыню на рынке. Люди на рынке издевались над ним, обливали его помоями, но вскоре он появлялся там вновь, все так же просил милостыню, а на одежде не видно было никаких следов грязи. Старший смотритель рынка приказал сковать ему руки и ноги колодками, но он опять появился на рынке и продолжал собирать подаяние. Тогда смотритель снова заковал его в колодки и собирался казнить, но мальчик вновь сумел уйти. А в семьях тех, кто обливал его помоями, сами собой обрушились крыши, задавив несколько десятков человек. В окрестных селениях даже сложили песенку о том, как почтительно надо обращаться с мальчиком-нищим, чтобы не навлечь на себя беду.

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

В эпоху, отмеченную ожесточенной борьбой за власть в Поднебесной империи, жил в царстве У даос-волшебник по имени Сюй Гуан.

Как-то он решил показать на рынке свое магическое искусство. Сюй Гуан попросил у одного торговца тыкву, но тот не дал. Тогда даос попросил одно-единственное тыквенное семечко и получил его. Взрыхлив посохом землю, Сюй Гуан посадил семечко. Тыква тут же проросла, сплела стебли, раскрыла цветы, завязала плоды. Сорвав одну тыкву, Сюй Гуан поел сам и угостил всех смотревших. Пока торговцы, отвернувшись от своих товаров, глазели на чудеса, их прилавки опустели.

Как и положено даосскому мудрецу, Сюй Гуан мог предвидеть будущее. Однажды ему пришлось идти мимо ворот старшего полководца Сунь Чэня, которому предстояло стать виновником дворцового переворота. Сюй Гуан подобрал полы одежды и поспешил прочь, отплевываясь во все стороны. Прохожий спросил его, в чем дело. Мудрец ответил, что не может вынести запаха льющейся крови. Старшему полководцу передали эти слова, и он, разгневавшись, приказал казнить Гуана. Ему отрубили голову, но крови не было.

Предвиденное Сюй Гуаном сбылось. Полководец Сунь Чэнь сместил малолетнего государя и возвел на престол своего ставленника. Совершив это злодеяние, могущественный сановник собрался на поклонение могилам императоров. В дороге ветер налетел на повозку Чэня, и она перевернулась. И тут Сунь Чэнь увидел казненного Сюй Гуана, сидевшего на сосне. Волшебник ударял в ладони и со смехом показывал пальцем на полководца. Чэнь спросил у приближенных, что видели они. Но никто из его свиты ничего не заметил. Однако вскоре стало

понятно, почему даос смеялся: новый император казнил Чэня.

7

Мудрый отшельник Фань Ин сидел в окружении своих учеников, когда с юго-запада налетела буря. Ин сказал, что в городе Чэнду бушует пожар, после чего набрал в рот воды, дунул ею и велел записать день и час, когда это было проделано. Впоследствии кто-то приехал из Чэнду и рассказал, что в тот самый день был великий пожар, но вдруг с востока поднялась туча, в тот же миг полил ливень, и огонь сразу потух.

8

Однажды правитель Цао-гун устроил пир, на котором в числе гостей был Цзо Цы, даосский маг, еще в молодости проникший в тайны духов.

— Для высокого собрания приготовлены сегодня редкие яства, — с улыбкой сказал правитель, — не хватает только фарша из окуня реки Усун.

— Нет ничего проще, чем добыть этих окуней! — отозвался Цзо Цы. Он взял медный таз, наполнил его водой и, вооружившись бамбуковой удочкой, стал удить рыбу. Через мгновение Цзо Цы вытащил окуня, приведя в изумление хозяина и всех гостей.

— Вряд ли хватит одной рыбины для нашего стола, — сказал Цао-гун, — хорошо бы добыть еще парочку.

Цзо Цы вновь закинул удочку в таз и вытащил еще несколько огромных окуней.

— Теперь у нас достаточно рыбы, — сказал правитель. — Жаль только, что нет свежего имбиря из Шу.

— Достать его тоже не составит труда, — заявил кудесник. — Сейчас я пошлю туда своего человека.

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Зная, как далека дорога до Шу, и желая исключить возможность, чтобы слуга Цзо Цы купил имбирь где-нибудь поблизости, Цао-гун сказал:

— Как раз на пути в Шу уже не первый день находятся мои люди, которым приказано купить там парчи. Пусть ваш слуга, который помчится за имбирем, заодно передаст моим людям, чтобы они приобрели на два куса больше.

Человек, посланный магом, ушел и тотчас же вернулся со свежим имбирем. Он доложил правителю, что, прибыв в Шу, нашел его посланцев в парчовой лавке и передал приказ купить два лишних куса ткани. Много недель спустя вернулись посланцы Цао-гуна, которые подтвердили факт своей встречи со слугой Цзо Цы.

В другой раз Цао-гун выехал за стены города в сопровождении многочисленной свиты, и Цзо Цы поднес им большой жбан вина и кусок мяса. Каждому чиновнику он своими руками поднес вино и мясо, и каждому хватило и того и другого. Видимо, прежних чудес недоверчивому правителю было мало, и он приказал расследовать, откуда взялось это обильное угощение. Оказалось, что еще накануне во всех окрестных лавках исчезло вино и мясо, так что подозрения правителя, видимо, не были безосновательными. Даже если Цзо Цы очистил лавки при помощи магии, воровство оставалось воровством. Цао-гун разгневался и втайне задумал казнить Цзо Цы. Хотели его схватить прямо у правителя на пиру, но Цзо Цы вошел в стену и исчез. Объявили повсеместный розыск кудесника. И вот поступило сообщение, что его видели на рынке. Бросились туда, чтобы схватить его, но все люди, бывшие на рынке, непостижимым образом вдруг приняли облик Цзо Цы, и люди Цао-гуна не знали, кого хватать.

Некоторое время спустя застигли Цзо Цы в горах и стали преследовать, но тот скрылся в стаде ба-

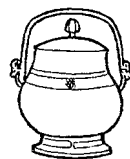

ранов. Тогда Цао-гун велел огласить среди баранов такой указ, адресованный Цзо Цы: «Правитель не собирался убивать вас, он лишь испытывал ваше искусство. Теперь, когда ваше мастерство доказано, правитель желает вас увидеть». Тут один старый баран согнул передние ноги и поднялся на задние, став по-человечески. «Спешу на зов!» — произнес баран. «Это он!» — закричали люди и бросились его ловить. Но тут все огромное стадо превратилось в точно таких же старых баранов. Все эти животные поднялись на задние ноги, согнули передние и закричали: «Спешу на зов!» — так что изловить мага опять не удалось.

9

Как-то раз на пиру в доме некого Гэ Сюаня гости попросили хозяина показать им что-нибудь не только чудесное, но и забавное. В ответ он выпустил изо рта целый рой крупных пчел, которые стали летать вокруг гостей, но никого не жалили. Через некоторое время Гэ Сюань разинул рот, и пчелы все туда влетели. Потом он стал указывать пальцем на птиц и насекомых, заставляя их плясать ритмично, как это делают люди, танцуя под музыку.

Впоследствии Гэ Сюань еще много раз являл свое искусство. Среди зимы он выращивал тыквы, а летом создавал лед и снег. Как-то он принес пригоршню монет и попросил гостей бросить их в колодец. Потом Гэ Сюань поставил на край колодца какую-то посудину, громко позвал, и монеты одна за другой выпрыгнули из колодца и собрались в посудину. В другой раз он угощал гостей вином, причем чарка сама по себе переходила от одного гостя к другому. Однажды, когда Гэ Сюань находился в палатах повелителя государства У, появились местные жители, совершавшие моление о дожде. «Нельзя ли помочь им получить желаемое?» — обратился государь к Гэ Сюаню. Маг тут же написал заклинание и

положил его на алтарный столик. Незамедлительно с неба полил дождь. «Если есть вода, — заметил государь, — то в ней должна водиться рыба». Гэ Сюань написал еще одно заклинание — и в воде появилось множество больших рыб; люди собрали их и приготовили кушанье.

10

Маг Цзи Цзысюнь, приехав в город Лоян, нанес визит местным сановникам и пригласил каждого на скромное угощение, заранее извинившись за то, что яства не будут обильны: ведь он приехал издалека и не располагает сколько-нибудь значительными средствами. Однако на его пиру несколько сот человек пили и ели целый день, а угощение все не иссякало. Когда же радушный хозяин уехал, белые облака клубились в небе с раннего утра до позднего вечера. И тогда один древний старик вспомнил, что еще в детстве видел Цзи Цзысюня, покупавшего снадобья на рынке, и что с тех давних пор внешность мага нисколько не изменилась.

Позднее, посещая другие края, Цзи Цзысюнь как-то остановился возле медной статуи и, разговарившись с каким-то почтенным старцем, вспоминал, что лет пятьсот назад видел, как эту статую отливали. Однажды кто-то окликнул идущего впереди Цзи Цзысюня, прося его задержаться. Тот замедлил шаг, но, хотя видно было, что он совсем не торопится, догнать мага вряд ли смогла бы даже беговая лошадь.

11

Однажды с Го Пу поделился своим несчастьем человек, у которого вдруг издохла любимая лошадь. Тогда гадатель сказал: «Нужно послать людей с бамбуковыми палками в восточном направлении. Добравшись до горного леса, они увидят дуплистое дерево. Пусть стучат по нему изо всех сил. Из дупла вы-

скачут странное существо, которое надо будет схватить и привезти к вам». Сделали все так, как сказал Го Пу. Из дупла действительно выскочило существо, напоминавшее обезьяну. Когда его внесли во двор и оно увидело мертвую лошадь, существо приблизилось к голове издохшего животного и дунуло ему в ноздри. Вскоре лошадь начала двигаться, подала голос и дальше вела себя так, будто никогда не умирала. А волшебное существо куда-то исчезло. Изумленный и обрадованный хозяин щедро одарил гадалателя.

Благодаря своей способности предвидеть наступающие события Го Пу знал, что округ Луцзян ожидают великие потрясения. Он решил предупредить местного правителя и дать ему совет, как вести себя, чтобы избежать беды. Правитель округа не внял предостережениям, и Го Пу уже собирался уезжать. Но ему приглянулась одна рабыня, служившая в доме по соседству. Зная, что хозяин не хочет ее продавать, гадалец пошел на хитрость: разбросал вокруг того дома мелкую фасоль и, видимо, заговорил ее, потому что хозяин, проснувшись утром, с удивлением обнаружил, что дом его окружен множеством людей в красной одежде. Но видение исчезло так же внезапно, как и появилось. Не зная, как истолковать этот мираж, он пригласил Го Пу, который был известен как толкователь видений. Го Пу пришел и, совершив гадание, сказал, что отвести от дома несчастье можно лишь удалив из него ту самую служанку. «Вы должны побыстрее продать ее и ни в коем случае не торговаться», — заявил он. Через своих людей гадалец купил служанку по дешевке. Потом, чтобы снять им самим насланные чары, Го Пу кинул в колодец дощечку с заклинанием, и красные призраки один за другим попрыгали в колодец. Хозяин, продавший служанку, ликовал, а Го Пу увез ее с собой. Предсказание гадалателя относительно судьбы округа Луцзян также сбылось: очень скоро город пал под ударами чужеземцев.

Вэй Чжао был одним из тех, кого называли «искусными в переменах». Умея предвидеть будущее* и ощущая приближение собственной смерти, он сделал запись на дощечке, которую вручил своей жене. «Когда меня не будет, — сказал он при этом, — настанут большие бедствия. Но что бы ни случилось, не продавай дом. А на пятый год после моей смерти, весной, сюда прибудет императорский посланник Гун. Этот человек должен будет вернуть мне деньги. Ты возьмешь эту дощечку и покажешь ему. Хоршенько запомни все, что я сказал». После смерти Вэй Чжао жена его действительно испытала горькую нужду и несколько раз хотела продать дом, однако вспоминала слова мужа и удерживалась от продажи. Прошло пять лет, и в те края действительно прибыл проездом императорский посланник Гун. Женщина тут же вручила ему дощечку, полученную от покойного мужа, и попросила вернуть долг. Посланник ответил, что никогда и ни у кого не занимал денег. Однако он внимательно прочитал написанное на дощечке и приказал совершить гадание, после чего воскликнул: «Сколь велика мудрость господина Вэй!» Посланник объяснил женщине, что дощечка понадобилась ее покойному мужу, чтобы скрыть от нее до поры до времени клад золотых монет, который он закопал в своем доме. Вэй Чжао не объявил об этом жене, чтобы она не истратила золото прежде, чем настанут благоприятные времена. В противном случае она впала бы в нужду, из которой ей не выбраться. Вэй Чжао сумел предвидеть приезд посланника Гуна, столь же искусного в переменах, как и он сам, и не сомневался, что тот сумеет разгадать его завещание. Вдова же, придя домой, стала искать клад там, где указал посланник, и убедилась в справедливости его слов.

БОЖЕСТВА — ПОКРОВИТЕЛИ ЛЮДЕЙ

Боги — покровители земледелия и податели культурных благ

Уже самые древние божества — небесные владыки — были не только повелителями, но и покровителями человечества. С их именами связывают зарождение цивилизации: начало земледелия, создание орудий труда, многочисленные изобретения.

Солнечный бог Янь-ди научил людей сеять и выращивать злаки, изобрел сельскохозяйственные орудия. После этого благодарные люди стали называть его Шэнь-нуом («Божественным земледельцем»). Он же создал рынки, где люди выменивали друг у друга необходимые им вещи, а также научил их исчислять время.

Верховный владыка Хуан-ди изобрел для человечества топор, ступку, лук и стрелы, платье и туфли. Он научил людей отливать колокола и треножники, бурить колодцы, мастерить телеги и лодки, а также некоторые музыкальные инструменты.

Владыка Фуси впервые сплел из веревок сети и научил людей ловить рыбу. Его же считают со-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

здателем иероглифической письменности*. Кроме того, Фуси научил людей пользоваться огнем для приготовления пищи. Это был природный огонь, возникавший в результате пожара в лесу после грозы.

Наука добывания огня трением из страны Суймин

Что же касается еще одного важнейшего изобретения — добывания огня трением, то об этом рассказывали следующую легенду.

В глубокой древности один мудрец отправился путешествовать и зашел очень далеко — туда, где не было ни солнца, ни луны. Это была страна Суймин, жители которой не знали ни дня, ни ночи. Там росло огромное дерево суйму, и мудрец решил отдохнуть под сенью его ветвей.

В стране Суймин не было солнечного света, но среди мрака здесь и там постоянно зажигались огоньки, освещавшие местность. Мудрец захотел узнать причину возникновения этих огоньков и выяснил, что появлялись огоньки оттого, что большие птицы с длинными когтями на лапах, черной спинкой и белым брюшком били своими короткими и твердыми клювами по стволам деревьев. При каждом ударе клювом по дереву вспыхивал яркий огонек. Это и навело мудреца на мысль, как добыть огонь: взять маленькую веточку и, подобно птицам, буравить ею дерево. Вернувшись в свою страну, он передал людям способ добывания огня трением. Теперь люди могли добывать огонь сами, не дожидаясь грозы. Больше не нужно было охранять костер круглый год, опасаясь, что он погаснет. И люди назвали мудреца именем Суйжэнь, что значит «человек, добывший огонь трением».

Чэн-хуаны и туди-шэни — божества-покровители территорий

МИФЫ
ДРЕВНЕГО
КИТАЯ

Локальные божества-покровители определенных территорий — чэн-хуаны в городах и туди-шэни в сельской местности — были наиболее широко распространены в древности.

Все города страны, как большие, так и маленькие, обзавелись своими чэн-хуанами и храмами, сооруженными в их честь. Чэн-хуан играл очень важную роль в жизни города и всей округи. Он контролировал духов своей области, заставляя их охранять город от засухи и эпидемий. Чэн-хуан должен был выступать не только как покровитель, но и в качестве управителя города и округи, а также и мирового судьи. Это был местный представитель верховных небесных и подземных сил. Чэн-хуан участвовал в совершении правосудия над душами умерших. Считалось, что чэн-хуан является в масштабе данной местности своеобразным посредником между людьми, которыми он управляет, и сверхъестественными силами, которым он подчиняется и обязан давать регулярные отчеты о положении дел на вверенной ему территории. Чэн-хуан обычно изображался в облике чиновника высшего ранга. В храме чэн-хуана его статуя всегда была окружена десятками идолов — его помощников и секретарей, нередко изображенных сидящими за столом с кистью для письма в руке. Все эти помощники были призваны тщательно фиксировать все события в городе и сообщать о них на небо и в подземное царство. В качестве чэн-хуана в каждом городе почитали какого-либо деятеля, спасшего данный город или прославившегося своей службой в нем.

Обожествление чэн-хуанов проходило обычно следующим образом. Личность одного из благород-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

ных и добродетельных чиновников-управителей данного города после смерти постепенно обрастала легендами, восхвалявшими его добродетели и приписывавшими ему чудодейственные свойства. Люди верили, что он помогает землякам и своему городу в загробном мире, заступает за них, является в снах с благими вестями и предупреждениями. Как и всякий чиновник, божественный чиновник-покровитель чэн-хуан не только управлял своими подопечными и передавал информацию об их делах по инстанции, но и обязан был заботиться об их благополучии, рассудить их в случае конфликта. Чэн-хуан занимал настолько важное место в сознании китайцев, что в Пекине был создан специальный храм чэн-хуанов для жителей чужих районов, оказывавшихся по тем или иным причинам на длительные сроки оторванными от своего дома. В этом храме гости города Пекина могли обратиться за помощью к божеству своей местности. Для этого достаточно было совершить обычный обряд жертвоприношения перед табличкой с соответствующим наименованием. Чэн-хуан вызывал почтительный страх. Считалось, что он все видит и все знает, все записывает и всю информацию передает дальше по инстанции. Его нельзя ни обмануть, ни подкупить. Поэтому в храме чэн-хуана обычно решались наиболее трудные судебные дела. Согласие принести клятву перед образом чэн-хуана рассматривалось как свидетельство невиновности поклявшегося и обычно предусматривало решение дела в его пользу. Страх перед божеством, боязнь ужасной судьбы на том свете бывали обычно настолько сильны, что ложные клятвы, как правило, представляли исключение.

В деревне аналогом должности чэн-хуана было божество-покровитель территории туди-шэнь. В его функции также входило быть в курсе всех дел де-

ревни, отвечать за них, заботиться о местных жителях и своевременно информировать высшие небесные и загробные инстанции обо всем случившемся. Словом, туди-шэни, как и чэн-хуаны, служили божествами-чиновниками, божествами-посредниками между миром людей и миром богов в пределах подведомственной им территории.

Обычно глиняные фигурки, изображавшие туди-шэня и его жену, помещались в небольшой деревянной кумирне, возводившейся где-либо на возвышенном месте близ деревни. Фигурки туди-шэня и его жены находились в центре кумирни, а по бокам могли располагаться изображения или таблички с именами других божеств. В эту кумирню местные крестьяне приходили со своими мольбами и просьбами (обычно написанными на лоскутках красной материи) и скромными подношениями. Крестьяне нередко обращались с мольбами и к другим богам, однако перед своим деревенским божеством-покровителем они всегда задерживались. Все обязаны были информировать его о текущих изменениях в жизни деревни — о свадьбах, рождениях, смертях и т. п., а также обо всех более или менее значительных событиях. Это и понятно, ибо отвечавший за судьбы своих подопечных туди-шэнь был обязан знать все. Туди-шэню были подвластны все строения данной местности, он считался охранителем жителей от всякого зла, включая и хищников (тигров, барсов), ему молились об урожае, о выздоровлении, благополучном путешествии. Люди верили, что туди-шэнь после смерти их односельчанина делает в особой книге отметку душе умершего и сообщает о ней своему начальнику чэн-хуану. Считалось, что туди-шэнь может быть смещен и заменен другим, если он плохо выполняет свои обязанности. Изображался туди-шэнь в виде старика в шапке гражданского чиновника древних времен. Рядом с

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

ним один или два прислужника. Изображения туди-шэня наклеивались на стену комнаты, фигурку туди-шэня (иногда деревянную дощечку с его именем) ставили на стол. В Новый год в жертву туди-шэню приносили ошипанного петуха и живую рыбу в сосуде с водой.

Множество «постов» чэн-хуанов и туди-шэней, выступавших в качестве местных божеств-покровителей, ответственных перед Верховным правителем мира божеств и духов (нефритовым императором Юйхуаном шанди) было в мире сверхъестественных сил как бы зеркальным отражением того порядка, который существовал в мире людей. Иными словами, чэн-хуаны и туди-шэни исполняли роли реальных действующих чиновников в конфуцианской бюрократической империи, где все они, вплоть до самых низших, были ответственны перед императором за управление подведомственной им территорией.

Легенда о Цзян-хоу

Если в какой-либо области появлялось и демонстрировало свое могущество новое божество или дух, то столь важное событие, разумеется, требовало правильного к себе отношения. И простой народ, и местные власти вынуждены были считаться с проявлением потусторонних сил.

Когда в истории Китая наступил период Троецарствия, город Молин оказался в составе государства У. А еще ранее, в конце царствования династии Хань, правившей единой империей, в Молине служил начальником стражи Цзян Цзы-вэнь. Как-то, преследуя разбойников, Цзян Цзы-вэнь оказался возле горы Чжуншань. Разбойники ранили его в лоб, и вскоре он умер.

И вот уже в начале правления Сунь Цюаня — первого повелителя У и основателя династии

Сунь — один чиновник увидел на дороге Цзян Цзы-вэня. Покойный начальник стражи, как и при жизни, ехал на белой лошади, с веером из белых перьев в руке, в сопровождении слуг. Перепуганный чиновник хотел бежать, но Цзян Цзы-вэнь нагнал его и сказал: «Я должен стать духом этой местности и принести счастье здешнему народу. Пусть соорудят для меня кумирню. В противном случае наступят бедствия». Однако местные власти пренебрегли указанием духа. В том же году случилось моровое поветрие, и, хотя правитель У упорствовал в неверии, многие простые люди стали втайне поклоняться Цзян Цзы-вэню.

Свое очередное послание могущественный дух объявил через шаманку. Он обещал свое покровительство правящему дому, если будут установлены кумирни. В противном случае появятся насекомые, которые будут залезать людям в уши. Государь бездействовал, и вскоре появились насекомые вроде пыльных мушек. Все, кому они залезали в уши, умирали, и врачи не могли никому помочь.

Вновь было объявлено через шаманку: если не будут поклоняться Цзян Цзы-вэню, то начнутся пожары. Так и случилось. Когда огонь уже подступал к дворцам государя, Сунь Цюань уступил, пожаловал грозному духу высокий титул хоу, подобающий начальнику местности, и повелел оказать новому божеству все подобающие почести. На горе, возле которой некогда погиб начальник стражи, воздвигли храм, а сама гора получила новое название — Цзяншань — гора Цзяна.

Однажды чиновник по имени Лю Чифу увидел во сне, что Цзян-хоу призывает его в потусторонний мир, чтобы тот исполнял при нем должность главного письмоводителя. Наутро Лю Чифу поспешил: ^ храм Цзяна. Там он взмолился, чтобы его оставили

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

на земле. Он говорил, что должен еще заботиться о своей старой матери, и просил, чтобы Цзян призвал на должность главного письмоводителя другого человека, наделенного множеством талантов и искусного в служении духам. Молясь таким образом, Лю Чифу ударил лбом так, что потекла кровь. Из храма послышался гневный голос божества, возмущенного тем, что чиновник осмелился ему перечить. Но Лю Чифу продолжать умолять все об одном, пока не испустил дух.

Незавидна была участь тех, кто осмеливался проявлять неуважение к Цзян-хоу. Однажды трое подвыпивших молодых людей вместе прогуливались у храма на горе Цзяншань. В храме же были изображения девушек. Трое гуляк в шутку указали каждый на одно из изображений, как бы выбирая себе супругу. В ту же ночь им приснился один и тот же сон: человек, присланный от Цзян-хоу, сообщал, что его господин согласен отдать девушек из своего дома в жены посватавшимся юношам и невесты будут им вручены в такой-то день. Наутро, подробно расспросив друг друга, молодые люди убедились, что их сны совпадают в мельчайших деталях. Тут они перепугались, приготовили жертвоприношения и отправились в храм отмаливать свой грех и просить божество о снисхождении. В ответ на их молитвы Цзян-хоу лично явился к ним и сказал: «Вы выразили желание заключить союз с моими дочерьми, и я снизошел к вам. Удобно ли теперь отказываться?» Очень скоро все трое скончались.

Прекрасная шестнадцатилетняя девушка Ванцзы получила послание от божества, опекавшего местность, где она жила. Дух повелел, чтобы она пришла к нему, и девушка с легким сердцем отправилась в его храм. На полпути, обходя по плотине пруд, Ванцзы увидела знатного и красивого госпо-

дина, сидевшего в лодке, которую тянули десять слуг. Она издала поклонилась ему, и господин послал своих людей спросить, куда Ванцзы направляется. Она ответила им на все вопросы, и знатный человек пригласил ее в лодку, сказав, что он тоже держит туда путь. Ванцзы отказалась, и господин вдруг исчез. Когда Ванцзы добралась до храма и стала совершать обряд поклонения перед изваянием духа, она увидела того самого господина, что сидел в лодке, только здесь он держался прямо и неподвижно — ведь это была статуя Цзян-хоу. Он спросил у Ванцзы: «Почему ты пришла так поздно?» — и бросил ей два мандарина.

В дальнейшем Цзян-хоу много раз являлся к Ванцзы как к своей возлюбленной. Жизнь девушки превратилась в сказку. Стоило только пожелать чего-нибудь, как все сразу же падало с неба — например, свежие карпы, когда ей захотелось отведать рыбы. Много было и других знаков присутствия духа. Даже от тела Ванцзы исходило благоухание. Но прошло три года, сердце и ум Ванцзы наполнились другими мечтами, и дух прекратил свои посещения.

Дух домашнего очага Цзао-шэнь

Дух домашнего очага Цзао-шэнь был наряду с предками главным защитником и покровителем дома, семьи, всех домочадцев. Функции его были совершенно аналогичны функциям чэн-хуанов и туди-шэней: в качестве своеобразного божественного чиновника-посредника между семьей и верховным божеством Юйхуаном шанди он призван был заботиться о благополучии семьи, охранять ее покой, заступаться за нее в случае бедствий и несчастий. Вместе с тем Цзао-шэнь, как и всякий чиновник, нес и немалые обязанности иного порядка. Он следил за всем, что происходит в

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

доме, а в конце года — 23-го или 24-го числа 12-го месяца по лунному календарю отправлялся на небо к Юй-ди, которому докладывал обо всех новостях, происшедших в его доме. Проводы и встреча его в момент наступления Нового года всегда были центральными событиями этого праздника. Накануне отправления духа домашнего очага с докладом на небо близ его изображения, обязательно висевшего в каждом доме в кухне над очагом, ставились дары: самому духу предлагали различные сладости (дабы он говорил о приятных делах), а его коню, на котором он должен был ехать, приносили пучки сена и чистую воду, иногда даже горсть ячменя. Кроме того, на самом изображении Цзао-шэня обычно мазали губы духа медом или сладкой клейкой патокой, дабы рот было нелегко открывать и опять-таки не появлялось желания говорить неприятные вещи. Затем, после отъезда Цзао-шэня, его старое бумажное изображение торжественно сжигалось. Во время отсутствия духа домашнего очага семья обычно производила тщательную уборку дома, запасалась продуктами, готовясь к Новому году и к встрече своего божественного представителя. Считалось, что Цзао-шэнь возвращается обратно 1-ю числа нового года. Его торжественно встречали под гром хлопушек и вспышки фейерверков. В этот праздничный момент над очагом вешали новое, заблаговременно купленное изображение духа. Популярность этого домашнего божества соперничала с популярностью самых влиятельных персон китайского пантеона.

В народе бытовали различные легенды, объяснявшие происхождение Цзао-шэня. Например, рассказывали о бедном лентяе по имени Чжан, который кормился за счет жены. Под Новый год жена послала его к своим родителям за рисом, а те, жалая бедствующую дочь, положили на дно мешка серебро.

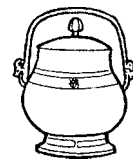
Лентяю надоело тащить тяжелую ношу, и он отдал мешок встречному нищему. Разъяренная жена забила его насмерть, но так как дело было в новогоднюю ночь, временно закопала труп под очагом. Сожалея о содеянном, она потом повесила над очагом поминальную табличку с именем мужа и стала молиться перед ней. С тех пор обычай почитания Чжана в качестве Цзао-шэня распространился, по преданию, по всему Китаю.

Образ Цзао-шэня был чрезвычайно популярен в народном искусстве, бумажные картины с изображением Цзао-шэня, его супруги и помощников печатались с досок в большом количестве экземпляров. Существовали и картины с портретом одного Цзао-шэня, ибо некоторые китайцы полагали, что если повесить изображение Цзао-шэня с его супругой, то в доме не будет согласия.

В ряду территориальных и домашних божеств и духов наиболее скромное место занимал дух — покровитель индивидуальной судьбы. Его культ обычно связывался с культом звезды, под которой человек родился. Этой звезде было принято совершать индивидуальное поклонение в день рождения и в новогоднюю ночь. Соответственно, дух-покровитель этой звезды всегда оказывал помощь своему крестнику, должен был заботиться о нем.

Божество Паньгуань — распорядитель человеческих судеб

В древнем китайском пантеоне богов Паньгуань ведал судьбами людей. Его считали помощником бога города — чэн-хуана. Считалось, что в качестве Паньгуаня обожествлен после своей смерти ученый, служивший правителем одной из областей и ставший впоследствии министром церемоний при императорском дворе. Согласно преданию, основное знаменитое деяние Паньгуаня — продление

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

жизни императора. Паньгуань исправил единицу на тройку в записи о сроке *его* жизни, и благодаря этому император прожил лишние 20 лет. На картинах Паньгуаня обычно рисовали в красном халате с поясом, украшенным нефритом, с магическим мечом, с изображением семи звезд (Большой Медведицы) в руке. На картинах Паньгуань замахивался на летучую мышь, что истолковывалось как выражение досады по поводу того, что счастье пришло слишком поздно (слова «счастье» и «летучая мышь» в китайском языке сходны по звучанию). Сочетание гражданского халата с кольчугой, в которую он облачен (признак военного чиновника), означает полное совершенство Паньгуаня и в гражданских, и в военных делах, его всестороннее могущество. Этого бога, вершителя человеческих судеб, изображали то разрубающим мечом чертей, то в виде веселящегося повелителя бесов, коему последние демонстрируют полнейшее послушание: катают его на повозке, угощают вином, танцуют перед ним или разыгрывают пьесы. Нередко на народных картинах Паньгуаня рисовали с обнаженным большим животом — символом полного довольства. Изображения Паньгуаня вешали на створках дверей, считая, что таким образом можно защитить комнату от проникновения нечисти.

Божества-покровители профессий и ремесел

В более поздние времена количество божественных покровителей, которым поклонялись жители Поднебесной империи, неуклонно росло, по мере того как все сложнее и разнообразнее становилась человеческая деятельность.

Божества-патроны, то есть покровители, содействующие той или иной группе лиц, объединенных главным образом по профессиональному при-

знаку, были в Китае чрезвычайно многочисленны. Своих патронов имели буквально все: чиновники, врачеватели, музыканты, торговцы, ремесленники, крестьяне и даже нищие. Процесс обожествления того или иного покровителя был чрезвычайно прост. Всякий раз, когда та или иная группа людей нуждалась в божественном патроне, находился древний мудрец или герой, бессмертный даос или обычный человек, тем или иным образом прославившийся. Количество патронов сильно возрастало за счет огромных размеров страны и довольно сильной обособленности различных ее районов, во многом отличавшихся друг от друга. Это означало, что патроны одних и тех же групп людей могли быть разными в многочисленных провинциях Китая. Разумеется, некоторые из наиболее значительных и известных божеств-патронов имели всекитайское распространение и одинаково почитались по всей стране. Как правило, этими патронами были наиболее известные личности, как легендарные, так и исторические.

Гуань-ди

Одним из самых популярных, всенародно чтимых божеств-патронов был Гуань-ди, чье покровительство простиралось над целым рядом профессиональных и социальных групп населения Китая.

Историческим прототипом Гуань-ди был полководец Гуань Юй, прославившийся бесстрашием и верностью своему правителю Лю Бэю. Отважный воин, смелый борец за справедливость, Гуань Юй прославился в веках безукоризненной честностью и верностью. Дав клятву на верность своему другу Лю Бэю, позже ставшему правителем одного из трех государств эпохи Троецарствия, Гуань Юй остался верен ей, даже будучи в плену у врагов.

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Эта легендарная верность и честность вкупе с другими традиционными добродетелями, приписанными молвой Гуань Юю, получили со временем широкую известность в народе. Слава Гуань Юя впоследствии переросла в настоящий культ религиозного типа.

Возникли легенды о его чудесном рождении из крови казненного дракона, которую набрал в свою чашу буддийский монах. По другой версии, перед рождением Гуань-ди над домом его родителей кружил дракон. Родившийся младенец обладал настолько буйной, неистовой силой, что родители заперли его в пустом доме. Однако Юй-ди сбежал и совершил свой первый подвиг, убив начальника уезда, творившего произвол. Чтобы стража не узнала его и не могла схватить как убийцу, Гуань-ди вымыл лицо водой из источника, и оно сразу же стало темно-красным. По другой версии, лицо его было красным от рождения, так как чашу с кровью дракона, где шло превращение, открыли на день раньше срока.

Императоры различных династий, принимая во внимание именно его конфуцианские добродетели, а отнюдь не военные доблести, жаловали Гуань Юю один за другим высокие почетные титулы, пока, наконец, в 1594 году он не был удостоен высочайшего в стране титула ди (император). Гуань-ди стал почитаться в качестве могущественного бога войны. По повелению императора изображения Гуань-ди должны были висеть в каждом воинском шатре и использоваться солдатами в качестве талисманов. Хотя за свою долгую историю Китай вел немало войн, образ полководца в Китае никогда не был окружен романтикой. Военный никогда не был социальным идеалом в стране — им всегда был грамотей-чиновник. Поэтому и в божестве войны ценились прежде всего его гражданские, «мораль-

ные» добродетели, а не воинские доблести. Среди почитателей Гуань-ди преобладали люди весьма мирных профессий, он чаще рассматривался в качестве покровителя страждущих, патрона литературы, защитника торговли и богатства, даже покровителя буддизма. При таком обилии патронажных функций основное занятие бога войны отходило на второй план. Буддисты изображали его в качестве грозного стража в своих монастырях, а даосы приписывали ему способность отвращать демонов. Конфуцианцы чтили Гуань-ди как покровителя ученых-литераторов, что, видимо, связано с рассказами о его особой любви к летописи «Вёсны и Осени». Поскольку Гуань-ди одно время жил продажей соевого сыра, торговцы этим товаром почитали его своим богом-покровителем. Все торговцы почитали его в качестве бога богатства, его изображения висели в лавках, ему клялись, создавая дело на паях. В деревне его почитали и как бога-заступника, исцелителя от болезней, даже бога-подателя дождя. По крестьянским поверьям, он появляется у постели больного, дает ему золотые пилюли, прикладывает руку к телу, способствуя выздоровлению.

Храмов в честь Гуань-ди было построено необычайно много. Они строились почти в каждом городе и по обилию соперничали с храмами Конфуция и Гуаньинь. Даже в небольших деревенских храмах и кумирнях, где обычно размещались все важнейшие и популярнейшие божества, помощь которых может понадобиться посетителям, почти всегда находилось изображение (или табличка с именем) Гуань-ди. В день торжественных жертвоприношений в честь Гуань-ди размах праздничных торжеств и количество праздничных хлопушек-фейерверков были сравнимы лишь с новогодними праздничными традициями — настолько популяр-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

но было это божество в его функции покровителя страждущих и носителя благ для людей. В храмах Гуань-ди изображался обычно сидящим в центре с любимой книгой — летописью «Вёсны и Осени» Конфуция в руках, а по бокам стояли с оружием его помощник военачальник Чжоу Цан и приемный сын Гуань Пин. Особую магическую роль прорицателя предписывали Гуань-ди гадатели. Гадание в храмах Гуань-ди по жребию считалось весьма действенным.

Божество-покровитель шелководства

Однажды человек по имени Чжан Чэн проснулся ночью и увидел, что в южном углу дома стоит какая-то женщина. Неожиданно она поманила Чжан Чэна рукой и, назвавшись духом местности, сказала ему, что в этой комнате следует разводить шелковичных червей.

Она велела Чжан Чэну на будущий год в пятнадцатый день первой луны принести на ее алтарь кашину из белого риса, обильно сдобренную жиром. Если он выполнит повеление, то шелковичных червей у него станет в сто раз больше. Сказав это, она исчезла.

Чжан Чэн последовал указаниям духа, после чего шелковичные черви каждый год рождались в большом количестве.

Боги-покровители человеческого здоровья

Особая группа божеств заботилась о здоровье людей. Имя Яо-ван («князь лекарств», «царь лекарей») присваивалось в качестве почетного титула знаменитым медикам древности, многие из которых почитались как боги-покровители аптекарей и врачей.

Медик Сунь Сымяо уже в детстве и юности отличался незаурядными способностями и усердием в учебе. Ему удавалось заучивать по тысяче слов в день, он изучал труды даосских классиков Лао-цзы и Чжуан-цзы, жил отшельником в горах и прославился своей способностью излечивать многочисленные недуги. Согласно легенде, однажды Сунь Сымяо, когда ему был сто один год, совершив омовение и приведя в порядок одежду и шапку, сказал, что он отправляется путешествовать в неведомые земли. Тут дыхание его прервалось. Больше месяца его тело было неподвижно, без признаков жизни, но не подвергалось тлению. Его положили в гроб, но когда заглянули туда, то увидели лишь одежду. Рассказывали, что несколько десятков лет спустя Сунь Сымяо видели в горах.

Сунь Сымяо приписывалось составление трактата по медицине «Тысяча золотых рецептов с комментариями». Сохранилась легенда, что Сунь Сымяо получил эти знания чудесным образом. Однажды некий буддийский монах, совершавший ритуал, чтобы вызвать дождь во время засухи, ранил озерного дракона, и тот, явившись в облике старца к Сунь Сымяо, попросил излечить его. Сунь Сымяо поставил условие — дать ему тридцать священных рецептов, хранящихся у дракона в подводном дворце. Дракон, несмотря на строжайший запрет Верховного небесного владыки передавать эти рецепты, выдал их Сунь Сымяо, который включил их в свой трактат.

В позднейшие времена эту историю рассказывали несколько иначе. Сунь Сымяо увидел однажды пастуха, когда тот пытался убить змею. Из сострадания к животному Сунь Сымяо спас змею, отдав пастуху свой плащ, смазал змее раны и отпустил в траву. Через десять дней перед ним появился всадник на белом коне, который от имени своего отца

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

пригласил Сунь Сымяо в гости. Он посадил Сунь Сымяо на своего коня, и они немедленно очутились в подводном дворце Лун-вана, который хотел одарить гостя золотом и драгоценными камнями. Однако Сунь Сымяо отказался их взять. Тогда царь драконов преподнес ему медицинское сочинение, которое и легло впоследствии в основу трактата «Тысяча золотых рецептов».

Согласно другой версии, однажды Сунь Сымяо явился во сне императору и попросил 80 ляпов (около трех килограммов) порошка, исцелявшего от укуса ядовитой змеи. Проснувшись, государь послал человека с порошком в горы, и тот встретил Сунь Сымяо и вручил ему дар. Получив порошок, Сунь Сымяо указал пальцем на лежащий рядом камень, и на нем тотчас же проступили красные иероглифы — благодарность императору. Пока посол переписывал их, Сунь Сымяо исчез.

В храмах и на народных картинах Сунь Сымяо часто изображается с двумя юными помощниками, один из которых держит тыкву-горлянку с чудотворными пилюлями, а другой — листья целебных растений.

Другой обожествленный врачеватель, Бянь Цяо, получил *от* одного из бессмертных чудесные капли, благодаря которым уже через месяц Бянь Цяо мог видеть сквозь стены и проникать взором во внутренности человека. Впоследствии Бянь Цяо, согласно преданию, оживил принца царства Го, после чего слава о его искусстве распространилась по всему Китаю.

Покровителем медицины считался также Вэй Гу. Этот человек явился однажды в китайскую столицу в головном уборе из тонкого шелка, в шерстяной одежде, с посохом и дюжиной флажков с лекарствами, висевшими у него на поясе и за спиной. Он щедро раздавал свои снадобья боль-

ным. Император призвал его ко двору и пожаловал ему титул Яо-ван.

Яо-ваном величали в народе также и Вэй Шанцзюня. Это был даос, который бродил по стране с черным псом по имени Черный Дракон и занимался врачеванием. По легенде, один из высокопоставленных сановников лежал тяжело больной уже шесть лет. Однажды, очнувшись ото сна, он поведал окружающим, что ему явился даос с собакой на поводке и дал отведать какое-то снадобье. Болезнь отступила. Сановник нарисовал портрет даоса и совершил жертвоприношения в его честь. С тех пор Вэй Шанцзюню поклоняются как божеству-покровителю здоровья людей.

Кульм Ло-шэнь («духи Ло») обязан своим происхождением удивительной истории, которая произошла с чиновником по имени Фан Энь, который попал в немилость и был сослан в отдаленную провинцию. Там он увидел, что народ страдает от бесчинств пяти братьев Ло, которые, однако, вдруг раскаялись и покончили жизнь самоубийством. Впоследствии Фэн Энь был помилован и собрался домой, но в это время у него на глазах появилась катаракта. Однажды во сне ему явились духи пяти братьев Ло, а когда он проснулся, то почувствовал, что зрение восстановилось. Фэн Энь построил храм в их честь, и туда стали приходить с просьбой об исцелении все, кто страдал болезнями глаз.

Древний солнечный бог Янь-ди, которого под именем Шэнь-нуна чтили как покровителя земледелия, считался также и богом-исцелителем. Шэнь-нун, проходя по земле, хлестал травы своей волшебной красной плетью, которая при этом меняла свой цвет в зависимости от того, какой травы касалась — ядовитой, целебной или бесполезной.

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Согласно другому преданию, он пробовал различные травы на вкус, чтобы определить их свойства, и за один лишь день отравлялся семьдесят раз. Однако его сильное тело превозмогало яд. Рассказывали, будто у Шэнь-нуна тело было из прозрачного нефрита и можно было видеть все его внутренности.

Но однажды Шэнь-нун набрел на ползучее растение с маленькими желтыми цветами, выходящее по стенам и изгородям. Яд этой травы оказался настолько силен, что от него умер даже Шэнь-нун. Так божественный земледelec и врачеватель пожертвовал своей жизнью ради блага человечества.

Богибогатствацай-шэнь

Боги богатства, называемые цай-шэнь, особенно почитались торговцами. Цай-шэнь, как и китайские чиновники, делились на гражданских и военных. В качестве гражданского цай-шэня в одних местах чтили легендарного героя Биганя, а в других — знаменитого богача Ши Чуна, славившегося также и своей ученостью. Основным военным цай-шэнем в большинстве районов Китая считали полководца Гуань Юя (Гуань-ди), но в некоторых местах в таком качестве выступал полководец и сановник Го Цзый. На народных картинах обычно изображали одновременно обоих цай-шэней (одного в одежде полководца вверху, другого в одеянии сановника — внизу) или сцену встречи гражданским цай-шэнем как хозяина дома военного цай-шэня. Такое изображение сулило его обладателю двойное богатство.

В качестве цай-шэня почитались и некоторые другие персонажи. Кроме того, боги богатства имели свою свиту. В нее входил, например, Лю Хай — бог монет. Когда-то, будучи простым смертным, он служил при княжеском дворе, но однажды к нему

явился бессмертный даос Люй Дунбинь, который наставил Лю Хая на путь даосского учения. Лю Хай стал отшельником. Он притворялся безумным, юродивым, пел и плясал. Изготовив пилюлю вечной жизни и приняв ее, он тотчас же упал бездыханный, а тело его начало постепенно исчезать. Так Лю Хай превратился в журавля и улетел в небо. Причина почитания Лю Хая в качестве бога монет была следующая. По народной легенде, бессмертный Люй Дунбинь однажды опустил свой пояс с привязанной на конце золотой монетой в колодец и велел Лю Хаю удить в колодце жабу. Это был враг Лю Хая, переродившийся в жабу и бывший в прежней жизни стяжателем. Жаба закусила монету, и Лю Хай вытащил ее из колодца. Вот почему он всегда изображался с трехлапой жабой — эмблемой наживания денег (слова «деньги» и «жаба» в китайском языке близки по звучанию). На народных картинах бог монет обычно изображался в виде смеющегося человека с распущенными волосами (символ отрешения от мира), с открытыми вислыми грудями и животом (символы святого, презревшего мир), одетого у чресел в лиственный покров и босого (признак отшельника, стремящегося стать небожителем). Одна нога у него поднята как бы для скорого и резкого движения, в руках шнур с нанизанными на него монетами, за последнюю из них держится, кусая ее, трехлапая жаба. Иногда бог монет стоит на жабе. Часто изображается также разбрасывающим монеты.

К свите цай-шэня принадлежат также Хэ-Хэ — божественные двойники. Их часто изображали на народных картинах улыбающимися, с распущенными волосами, блаженным взглядом, с рядом черт, напоминающих Лю Хая. Их постоянные атрибуты — лотос (хэ) и коробка (хэ) с сокровищами или деньгами. Изображения Хэ-Хэ веша-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

ли в доме во время свадьбы с целью пожелания согласия и единения супругам. Нередко Хэ-Хэ держат чудесное монетное дерево, поднос с драгоценностями.

Один из атрибутов божеств богатства — цзюйбаопэнь («ваза, или таз, собирающая сокровища»). Этот волшебный предмет представлял собой своеобразный вариант рога изобилия. Согласно одному из преданий, рыбак Шэнь Ваньсань ловил рыбу в реке Янцзы. В сети ему попала плоская ваза для цветов. Рыбак подобрал вазу и решил кормить из нее собаку. Положит туда корм, собака ест, а еда не убывает. Однажды его старуха наклонилась над вазой и уронила туда золотую шпильку, и ваза тотчас же наполнилась до краев золотыми шпильками. Бросили в вазу монету, и она тотчас наполнилась деньгами. Вазу перенесли в дом и стали ею пользоваться для добывания денег и ценностей. Собрав огромное богатство, старики стали помогать своим близким, за что старик был назван живым Цай-шэнем.

В свиту бога богатства часто включали божество радости Си-шэня, которого изображали на народных картинах позади бога богатства со свитком бумаги, на котором крупно написан иероглиф «си» — «радость». Иногда Си-шэнь с улыбкой сгребал золотые и серебряные слитки в большую корзину.

В качестве одного из богов счастья почитался также Го Цзый — историческое лицо, прославленный сановник и полководец, дом которого считался образцом семейного благочестия. Все его сыновья и зятья занимали высокие посты в государстве, а сын Го Аи был женат на одной из принцесс. Го Цзый изображался на народных лубках в окружении семи сыновей с их семьями, живущими вместе с ним одним большим патриархальным домом, или с малолетним Го Аем, которого отец ведет ко двору.

Легенда о золотом крючке

**МИФЫ
ДРЕВНЕГО
КИТАЯ**

Очевидно, не обошлось без вмешательства духов богатства и счастья чудесное происшествие с некой госпожой Чжан, в чей дом однажды залетела горлица. Птица остановилась возле постели хозяйки, и тогда госпожа Чжан произнесла заклинание: «Если твое появление, горлица, сулит мне беду, тогда взлети вверх, поднимая пыль. Если же это счастливый знак — заберись ко мне за пазуху».

Горлица залетела ей за пазуху. Госпожа Чжан стала ее нащупывать, но птица внезапно исчезла. Вместо нее женщина нашла на своей груди талисман — золотой крючок. С этого времени дети и внуки госпожи Чжан стали постепенно богатеть. Семья сделалась невероятно состоятельной.

Об этой истории узнал один купец. Желая завладеть волшебным крючком, он подкупил служанку госпожи Чжан. Служанка похитила крючок и отдала его купцу. Как только госпожа Чжан лишилась своего талисмана, она стала понемногу разоряться. Но, странное дело, купец не получил никакой пользы от золотого крючка. В его жизни наступила череда невзгод, и он познал бедность. Наконец кто-то объяснил ему, что силой или хитростью невозможно обрести благоволение Небес. Купец вернул талисман законной владелице, и дела ее семьи снова пошли в гору.

Вэнь Чан — покровитель литературы и ученых

Одним из наиболее популярных и высокопоставленных богов-патронов был Вэнь Чан, покровитель литературы и ученых (вэнь — «литература», чан — «блестящий»). Он ведал всеми литературными делами, в том числе и экзаменами, сдача которых давала право занять чиновничий пост.

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Считалось, что исторический прототип Вэнь Чана с юности выделялся блестящими способностями, занимая высокие должности. После смерти он был обожествлен в качестве бога литераторов и учености. Фигура Вэнь Чана ставилась в отдельном киоте в конфуцианских храмах, во многих местах в его честь строились храмы. Обычно Вэнь Чан изображался сидящим в одеянии чиновника со скипетром в руке, символизирувавшим исполнение желаний. Рядом двое помощников — Куй-син и Чжу-и.

Чжу-и («красное платье») — земной представитель Вэнь Чана. Получение ученой степени, как считали, зависит главным образом от судьбы, которой и ведал Чжу-и — старик с длинной бородой, одетый во все красное. Он заглядывал через плечо экзаменуемого и тайно кивал головой, указывая, что следует писать в сочинении.

Другой помощник бога литературы — Куй-син («первая звезда») — отождествлялся с первой звездой созвездия Большой Медведицы. Куй-син изображался стоящим на правой ноге, при этом левая нога была согнута в колене и приподнята сзади. В правой руке у него была кисть, в левой — казенная печать или ковш Большой Медведицы. Его одежда состояла из повязки вокруг бедер и развевающегося шарфа на шее. Часто он изображался стоящим на спине гигантской черепахи Ао. По преданию, у Куй-сина было безобразное лицо. Когда он выдержал первым экзамены на ученую степень, ему полагалась аудиенция у государя, но, увидев его, император отказал ему в этой чести. В отчаянии Куй-син бросился в море, но Ао вынесла его на поверхность и спасла. Изображение Куй-сина ставили в особой башне на экзаменационном дворе.

О большом значении, которое придавалось грамотности и образованности, свидетельствует

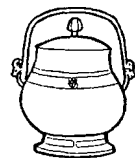

тот факт, что один из реальных полководцев, Мэн Тянь, был обожествлен в качестве бога кистей для письма, изобретение которых ему приписывалось.

***Лу Бань — покровитель
архитекторов и плотников***

Среди божеств, покровительствовавших ремеслам, выделялся знаменитый мастер древности Лу Бань — патрон плотников, архитекторов и мастеров по лаку. Его статус был очень высок среди других патронов: некоторые легенды называют его одним из министров общественных работ при Юйхуан шанди. Лу Баню приписывали изобретение различных инструментов: пилы, рубанка, бура. Он научил людей навешивать двери. По одной из легенд, Лу Бань ходил к великому дракону Восточного моря и взял у него на время его прекрасный дворец, прикрепил его кольями к земле и оставил так навеки. С тех пор в Китае появилась мода строить дворцы с драконами на крышах. Древнее предание приписывает Лу Баню изготовление летающей деревянной птицы. По одной из версий, он сделал деревянного коршуна, на котором его отец приехал в город Ухуэй (современный город Сучжоу), где люди убили старика, приняв его за оборотня. В гневе Лу Бань смастерил деревянного человека, который указывал рукой на юго-восток, то есть на Ухуэй, и там началась страшная засуха. Местные жители умоляли простить их. Тогда Лу Бань отрубил у статуи руку, и пошел дождь.

Лу Бань также сделал для своей матери самодвигающуюся механическую деревянную повозку. Некоторые легенды приписывают чудесное мастерство и жене Лу Баня, а также его сестрам. Однако когда Лу Баню минуло 40 лет, он удалился в

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

горы Лишань (провинция Шаньдун), где изучал секреты магии. Ему приписывали постройку дворца для богини Си-ванму, ремонт небесных столбов и т. п. При постройке зданий зажигались ароматные куренья в его честь, а даосские монахи читали молитвы в то время, когда рабочие клали балки. Крестьяне почитали Лу Баня как создателя деревянного колеса для подъема воды на поля, а корабельщики — как изобретателя лодки и весла. Его нередко почитали также кузнецы и гончары. Многочисленные храмы, посвященные Лу Баню, были построены по всей стране, что объяснялось широким распространением профессий, которым Лу Бань покровительствовал. В старом Пекине его день рождения праздновали в знаменитой Белой пагоде. Лу Бань в свое время реставрировал эту пагоду, когда ее крыша дала трещину и была готова обвалиться. Обе его жены — одна в черном одеянии, другая — в красном, считались покровительницами мастеров лаковых изделий (из черного и красного лака).

Боги-покровители ювелиров, золотых и серебряных дел мастеров

Историческим прототипом Бянь Хэ, покровителя ювелиров, был чиновник времен династии Чжоу. По преданию, Бянь Хэ однажды нашел на горе Цзиншань драгоценный нефрит и поднес его государю. Правитель не распознал в куске необработанной породы драгоценность, обвинил Бянь Хэ в мошенничестве и велел отрубить ему левую ногу. Когда на престол вступил другой государь, Бянь Хэ пытался поднести камень новому правителю, но тот велел отрубить ему правую ногу. По воцарении третьего государя Бянь Хэ, прижав к груди своей камень, зарыдал у подножия горы Цзиншань. Правитель послал человека спросить

Бянь Хэ о причине его печали, и тот ответил: «Я скорблю не о том, что потерял обе ноги, а о том, что драгоценный нефрит называют простым камнем, а честного подданного — мошенником». Тогда государь приказал отшлифовать камень, и получился превосходный диск драгоценного нефрита (символ неба), который в его честь назвали Хэби — «диск Хэ».

Покровителем золотых и серебряных дел мастеров был даосский святой Дунфан Шо. Прообразом его был некий сановник, прославившийся как истолкователь чудес. Мать Дунфан Шо умерла на третий день после его рождения, а отец бросил его на дороге. Младенца на рассвете подобрала соседка.

Дунфан Шо уже в детстве творил чудеса: побывал в столице мрака, мчался верхом на тигре, повесил на дерево полоску материи, которая превратилась в дракона, встречался с богиней Си-ванму. Затем Дунфан Шо стал сановником императора У-ди, который беседовал с ним о достижении бессмертия и различных знамениях. Дунфан Шо не раз дарил государю чудесные диковины: звучащее дерево о десяти ветвях, волшебного скакуна, который некогда возил колесницу Си-ванму, разноцветную росу — напиток бессмертных. Однажды с неба спустился зеленый дракон, Дунфан Шо сел на него и поднялся на небеса.

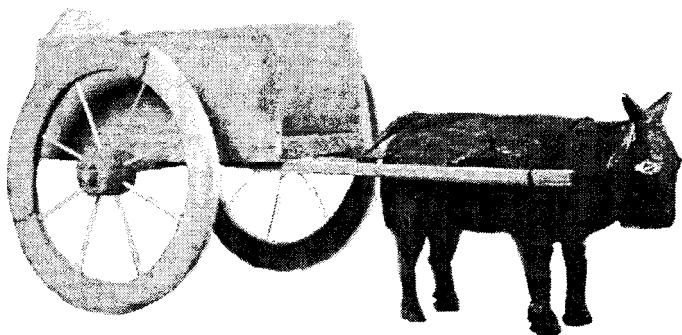
***Сунь Бинь — покровитель
сапожников и кожевников***

Патроном сапожников и кожевников считался знаменитый полководец древности Сунь Бинь, который, по преданию, сам сделал кожаные протезы, заменившие ему отрубленные ноги. Согласно преданию, Сунь Бинь, обучавшийся военному делу, был ложно обвинен в преступлении, за кото-

*Ню-ван — бог-покровитель
крестьянского труда*

К числу божеств, покровительствовавших крестьянскому труду, принадлежал Ню-ван («князь вол» — покровитель крупного рогатого скота. Историческим прототипом Ню-вана считался ученый, живший в суровую и беспокойную эпоху. Так случилось, что он разорился и лишился привычных занятий. Став земледельцем, он никогда не бил своего вола, на котором пахал. Если вол останавливался, ученый опускался перед ним на колени, и вол тянул плуг дальше. Изображения Ню-вана вешали подле конюшни или в помещениях для скота с охранительной целью.

БОЖЕСТВА — ПОКРОВИТЕЛИ СЕМЬИ

Большое количество божеств и духов покровительствовали супружеским парам, стремившимся иметь потомство, опекали маленьких детей и заботились об их здоровье.

Божеством бракосочетаний был Юэ-Ся Лаожэнь («подлунный старец»). Согласно народному поверью, он хранил в мешке свадебные красные нити (красный цвет — цвет огня, рожденного молнией, освещающей брачный союз Неба и Земли). Юэ-Ся Лаожэнь при свете луны изучал книгу бракосочетаний, в которую занесены предопределения небес. Доставая из мешка нити, он связывал ими ноги тех, кому суждено стать супругами.

Близ супружеского ложа, особенно у молодоженов, висели изображения божества брачной постели и его супруги, которых звали Чуангун («господин кровати») и Чуанму, или Чуанпо («матушка кровати»). Они должны были способствовать нормальному браку, охранять спальню и даровать потомство. Родившийся ребенок представлялся именно этой божественной паре.

Важнейшими богинями-чадоподательницами были Бися Юаныцзюнь и Сунцзы няннан. Культ

рое по закону ему отрубили ноги. Сунь Бинь сумел свести знакомство с послом царства Ци. Посол увез его к своему князю, и тот назначил Сунь Биня военным советником. Сунь Бинь сделал себе кожаные сапоги — своеобразные кожаные протезы, и следовал за войском в повозке. Поскольку ему было трудно вскакивать на коня, он изобрел седло. На народных картинах его изображали опирающимся на костыли и в сапогах с высокими голенищами.

*Ли Саньнян —
богиня-покровительница мельников*

Мельники поклонялись богине Ли Саньнян («третья дочь Ли»). Это была обожествленная супруга основателя одной из императорских династий. Еще будучи молодым и безвестным, ее муж ушел в армию и оставил Ли Саньнян жить в семье своего старшего брата. Жена брата сурово обращалась с Ли и заставляла ее крутить вместо осла тяжелый жернов, а также пыталась утопить ее младенца, но тот был спасен соседом. Впоследствии Ли Саньнян стала императрицей, а после смерти ее почитали как богиню мельников.

*Янь-гун и Тянь-хоу —
боги-покровители моряков*

Одним из покровителей моряков считался Янь-гун («князь Янь»). Согласно одной версии, под этим именем был обожествлен сановник Янь Сюйцзы, который однажды заболел, был отпущен со службы домой и по дороге утонул во время бури. Его слуги положили труп в гроб, но в тот же день Янь Сюйцзы явился жителям родного уезда. Родители, сочтя, что он стал святым, воздвигли храм в его честь. С тех пор моряки и торговцы, перевозившие на лодках свои товары, стали просить у него защиты во время

шторма. Предание приписывает Янь-гуну чудесное спасение Шанхая в 1522 году от нападения морских пиратов. В полночь страшный морской прилив потопил 80 разбойников, и осада города была снята. Янь-гуна почитали и рыбаки.

Другим покровителем моряков была Тянь-хоу («небесная императрица»). Ее прототипом считается девушка, которая якобы умела плавать по морю на циновке, переправляться на острова на облаках. Она летала спасать братьев, терпящих бедствие. Ей молились перед выходом в море. Тянь-хоу изображается восседающей на волнах, на облаках или на троне. У нее два помощника: у первого рука приложена к уху, а у другого — поднесена к глазам.

***Удай-юаньшуай —
бог-покровитель музыкантов***

Удай-юаньшуай, бог-покровитель музыкантов, при жизни был подающим большие надежды молодым ученым. Школьные друзья сыграли над ним грубую шутку. Однажды во время послеобеденного сна студента шутники нарисовали у него на лбу краба, а за уши ему воткнули перья фазаньего хвоста. Проснувшись и увидев себя в таком виде, студент был так огорчен, что покончил с собой.

***Ло-цзу — бог-покровитель
нищих и цирюльников***

Даосский святой Ло-цзу, бог-покровитель нищих и цирюльников, был учеником Лао-цзы, который вернулся в бренный мир и зарабатывал себе на жизнь как уличный цирюльник. В старом Китае в каждом доме вешали его портрет, на котором он был изображен с красным лицом, голыми ногами и засученными рукавами. В храмах Ло-цзу изображали с книгой по парикмахерскому искусству в руках.

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

обеих богинь часто отождествлялся с культом Бодисатвы Гуаньинь.

Бися Юаньцзюнь («госпожа лазоревой зари») известна также под именем Тайшань няннан («матушка горы Тайшань»). Бися Юаньцзюнь была дочерью повелителя горы Тайшань. Ее появление обычно сопровождалось ураганным ветром и ливнем. Однажды князь Вэнь-ван, основатель династии Чжоу, увидел во сне плачущую богиню Тайшаня, которая сказала, что она была выдана замуж за владыку Западного моря, а теперь не может вернуться на Восток. Так получилось потому, что путь ее лежит через провинцию, начальником которой назначен кудесник Цзян-тайгун, и она не осмеливается пронестись там с бурей и дождем. На другой день Вэнь-ван отозвал Цзян-тайгуна. Тотчас разразился ливень. Это богиня промчалась на родину. Такая погода была символом слияния неба и земли, которое дает жизнь всему на земле, поэтому Бися Юаньцзюнь становилась все более популярной чадоподательницей. В храмах ее обычно изображали матроной, сидящей на красном троне, в особом головном уборе в виде трех птиц с распростертыми крыльями. Богиню окружали помощницы — целая группа «матушек» (няннан): Сунцзы няннан («государыня, приносящая детей»), Пэйттай няннан («матушка, содействующая зачатию»), Цуйшэн няннан («матушка, ускоряющая роды»), Яньгуан няннан («государыня божественного зрения») с огромным глазом в руках, охранявшая младенцев от глазных болезней, Доу-шэнь, уберегавшая от оспы, и другие покровительницы различных периодов детства.

Сунцзы няннан, наряду с Бися Юаньцзюнь и Гуаньинь, часто почиталась верховной главой всех божеств-покровителей деторождения. Под этим именем была обожествлена супруга легендарного

правителя Вэнь-вана. По преданию, у них было более ста сыновей. В некоторых храмах Сунцзы нян-нян изображалась рядом с Вэнь-ваном, им поклонялись как счастливым супругам. В храмах Сунцзы нян-нян обычно восседает в окружении кукол-приношений. К Сунцзы нян-нян женщины обращались с мольбой о даровании сыновей. Они брали с собой из храма одну из кукол, изображающих мальчика, в качестве талисмана и после рождения сына приносили в храм собственные подобные куклы. Считалось также, что Сунцзы нян-нян наделяет новобрачных даром плодовитости, поэтому во время свадебной церемонии музыканты исполняли в ее честь особый гимн.

В разных¹ китайских провинциях продолжали появляться богини-чадоподательницы, которые выступали под различными именами и ассоциировались с различными реально существовавшими личностями-прототипами. Так, например, в провинции Фуцзянь в позднем средневековье был очень популярен официально признанный культ обожествленной Линь Шуй-най, которой молились о ниспослании детей, о легких и благополучных родах. В храмы богини по обычаю приходили бесплодные женщины или женщины, еще не успевшие родить, с тем чтобы взять у алтаря Линь Шуй-най детский башмачок, служивший талисманом и залогом исполнения желаемого. После рождения ребенка, особенно сына, на алтарь возвращалось несколько таких башмачков, так что талисманы божества никогда не иссякали.

Покровительницей повивальных бабок считалась Гэ-гу («тетушка Гэ»). Это была реальная женщина из провинции Аньхой. За искусство принимать роды ее почитали как богиню, и после смерти в честь Гэ-гу был воздвигнут храм. Ее дочь впоследствии тоже признали богиней и поместили ее изобра-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

жение в том же храме рядом с матерью. Изображения Гэ-гу помещали и в других храмах в числе других покровительниц детства. Дощечки с именем Гэ-гу обычно приносили в комнату, где проходили тяжелые роды.

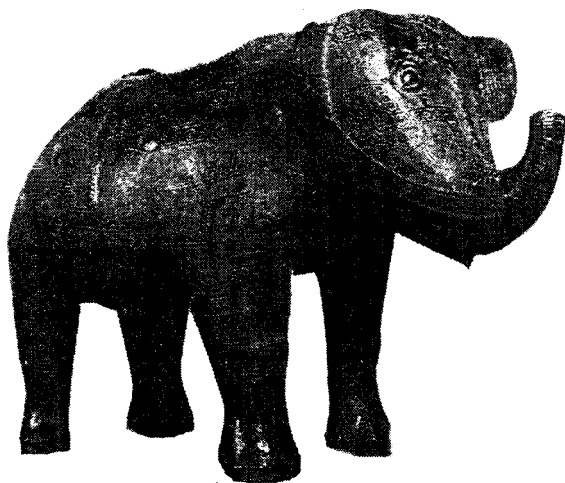
Данай Фужэнь («госпожа великая бабушка»), согласно традиции происходившая из провинции Фуцзянь, оказала помощь при родах одной из китайских императриц и была канонизирована под именем Цуйшэн няннан («матушка, ускоряющая роды»). Сложилась легенда, согласно которой своим рождением она была обязана бодхисатве Гуаньинь, оплодотворившей мать Данай Фужэнь лучом света, в который богиня превратила один из своих пальцев. Поэтому девочку называли Цзинь-гу («девочка, принесенная богиней»). На лубках Данай Фужэнь часто изображалась с ребенком (цзы) на левой руке и веткой коричневого дерева гуй («корица») в правой. При этом ребенок держал в правой руке губной органчик (шэн), а в левой — цветок лотоса (лянь). Из этих сочетаний слогов складывалось выражение, означавшее пожелание «непрерывно рожать знатных сыновей».

Однако кроме покровителей у младенцев был опасный враг, обитавший на звездном небе. Согласно легенде о Небесном Псе, в древности одна девушка умерла, не успев выйти замуж, и, став небесным демоном, обосновалась на одной из звезд. Для возвращения звездному демону человеческого облика было нужно, чтобы кто-нибудь занял его место в качестве небесного духа, поэтому Небесный Пес задался целью убивать детей. Чтобы уберечься от козней кровожадного демона, в одежду ребенка обычно вшивали специальный талисман — волосы ребенка и собаки, смешанные в один пучок. Кроме того, китайцы постоянно изображали стрелков, выпускавших стрелы в Пса. Существовало божество Чжан

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Сянь, которое выступало в качестве патрона бездетных и беременных женщин*. В отличие от всех других божеств этого профиля, Чжан Сянь был мужским божеством и имел в качестве атрибута лук и стрелы. Считалось, что Чжан Сянь поражает стрелами Небесного Пса, чье влияние препятствует рождению сыновей или сокращает срок жизни новорожденных. При рождении мальчика вывешивали на левой створке дверей (левая сторона считалась более почетной и связывалась с мужским началом ян) лук. Потом из этого лука стреляли в небо, землю и четыре стороны света, чтобы охранить ребенка от несчастья. Все эти меры предосторожности, видимо, приводили Небесного Пса в отчаяние. Время от времени он пытался проглотить солнце (так объяснялись солнечные затмения). Считалось, что расстроить этот замысел Пса могут отпугивающие его звуки гонгов и барабанов.

Сосуд дня возлияний в форме спона.
Бронза. Вторая половина II тысячелетия до н. э.

ПРИРОДНЫЕ БОЖЕСТВА

Божества священных гор

Люди поклонялись божествам священных гор, как бы распределенным по сторонам света. Гора Хэншань (в провинции Шаньси) была символом севера, гора Хуашань (в Шэньси) — запада, Хэншань (в Хунани) — юга, Тайшань (в Шаньдуне) — востока, Суншань (в Хэнани) — центра. Фактически первое место среди них принадлежало горе Тайшань, на которой с древнейших времен императоры различных династий приносили жертвы Небу. Постепенно гора оказалась застроена различными культовыми сооружениями. В народе божество горы Тайшань считалось одним из вершителей человеческих судеб. Именно здесь видели вход в подземный мир. Богу горы Тайшань поклонялись как главе одной из судебных палат загробного царства или даже как владыке всего подземного мира. Считалось, что на горе Тайшань хранятся золотые шкатулки с нефритовыми пластинами, на которых записаны сроки жизни людей. К владыке Тайшань стекались все сведения о живых и все души умерших. Почти по всей стране можно

было встретить храмы в честь божества Тайшань, а его пекинский храм пользовался особым покровительством властей.

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Духи звезд

Судьбы людей зависели также и от духов звезд. Считалось, что тридцати шести благодетельным звездным духам противостоят семьдесят два зловредных. Повелителем и укротителем этих последних считался юноша-маг. Он расправлялся со зловредными звездными духами, пронзая их вилами и бросая в земляные кувшины. Затем он относил их в пустынные земли и бросал в огонь, очертив круг известкой, чтобы духи не могли выбраться из огня.

Божества солнца и луны

Издревле поклоняясь Солнцу и Луне как божествам, люди со временем стали видеть в этой роли легендарного стрелка И и его коварную жену Чанъэ. Как известно, выпив тайком от мужа эликсир бессмертия, Чанъэ взлетела на луну и осталась там навечно. Позднее возникла легенда о том, что в поисках пропавшей жены И как-то попал во дворец Дун-вангуна, который назначил И божеством солнца. Таким образом, возникла божественная пара, подобная той, которую составляли Си-ванму и Дун-вангун.

Тай-суй — повелитель времени

Божество планеты Юпитер Тай-суй считалось также повелителем времени. Это было связано с тем, что Юпитер совершает почти двенадцатилетний цикл обращения вокруг Солнца. Как противодействие божеству Тай-суй, так и стремление обрести его расположение равно приводили к несчастью: ведь ход времени неизменен и неумолим.

Тай-суй изображался в виде грозного полководца. В его честь совершались жертвоприношения перед началом всех значительных работ, в частности строительных. В распоряжении бога времени был немалый штат помощников: духов года, месяца, дня и пары часов (сутки делились не на двадцать четыре, а на двенадцать частей).

Божественные «небесные управы»

Подобно земным чиновникам, управлявшим различными отраслями общественной жизни, духи стихий зачастую объединялись в «небесные управы».

«Управу огня» возглавлял Ло Сюань, считавшийся также повелителем планеты Марс. Его изображали трехглазым, с красными волосами и красной бородой, кроваво-красным лицом, страшными стальными клыками, в ярко-красной одежде. Его боевой конь красной масти изрыгал огонь. Среди помощников Ло Сюаня — дух Чи-цзинцзы, с красным телом, красными волосами и бородой, в одежде из красных листьев. Другой дух огня, Лю Хуань, изображался с желтым лицом, в черном одеянии. К «Управе огня» был также причислен древнейший бог огня Чжужун и многие местные огненные божества.

Главой «управы грома» был Лэй-цзу («Патриарх грома»). Его три сверкающих глаза, казалось, испепеляли все вокруг. Лэй-цзу изображали верхом на черном единороге. Подчиненный ему бог грома Лэй-гун изображался с черными крыльями летучей мыши, с птичьими когтями и головой, с человеческим туловищем синего цвета. Он одет обычно только в штаны, на плечах связка барабанов, в правой руке деревянный молоток, который бьет по ним.

Богиня Дянь-му («матушка-молния»), облаченная в сине-зелено-красно-белое платье, парила среди туч с двумя зеркалами, которые она держала в поднятых над головой руках. Стоя на облаке, она то сближала, то разводила зеркала, отчего возникала молния.

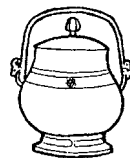
Юй-ши («повелитель дождей») изображался в виде могучего военачальника в желтых доспехах, с черной бородой. Он восседал на облаке или драконе и держал в руке сосуд, из которого на землю лился дождь.

Противоположную роль играла Саоцин-нян («матушка, разметающая тучи»). Это была богиня хорошей погоды, не принадлежавшая ни к какой «управе». Саоцин-нян, засучив рукава, разгоняла тучи веником. В период затяжных дождей ее изображения вешали под стрехой дома.

В «управу грома» входили еще божества ветра. Имя одного из них — Фэн-бо — означало просто «дядюшка-ветер». Другого звали Фэйлянь (фэй — «летать», лян — «бескорыстный»). Это было существо с телом оленя, головой птицы, но с рогами, хвостом змеи и пятнами барса.

Юйцян — бог ветра и моря

Один из древнейших повелителей стихий, Юйцян, был одновременно также богом ветра и моря. В образе бога ветра у него было лицо человека и тело птицы. Стоило ему взмахнуть огромными крыльями, как поднимался страшный ураган. Когда же Юйцян являлся в образе бога моря, он имел тело рыбы, руки и ноги человека и восседал на двух драконах.

Бог приливов У Цзысюй

В образе бога приливов был увековечен У Цзысюй — сановник при дворе правителя царства У. Государь, поверив клевете придворных, послал У Цзысюя меч и велел ему покончить жизнь самоубийством. Перед смертью тот предсказал падение царства У под натиском войск из царства Юэ. Тело У Цзысюя в мешке из рыбьей кожи бросили в реку Янцзы. Когда войска царства Юэ вторглись в У, дух У Цзысюя погнал водяные валы на столицу У, ворота города открылись и вместе с водой в город хлынули стаи рыб. Позднее У Цзысюй являлся путешественникам, переправлявшимся через реку. Однажды он заставил отступить прилив, грозивший городу Ханчжоу. Колесница У Цзысюя, запряженная белым конем, появлялась из вод вместе с приливом.

Хэ-бо — дух реки Хуанхэ

Духа реки Хуанхэ звали Хэ-бо* («дядюшка реки»). По одному из преданий, это был человек, некогда утонувший при переправе через реку и ставший ее духом. Согласно более поздней версии, в бытность свою человеком Хэ-бо принимал особое снадобье, чтобы свободно плавать в реках. Приняв восемь мер чудодейственного средства, он превратился в водяного духа. Хэ-бо представляли в виде существа с белым человеческим лицом, но с рыбьим туловищем. Он ездил на колеснице, запряженной драконами. Судя по сложным про него легендам, Хэ-бо не был добродетелен и даже отличался разгульным образом жизни, что не могло не огорчать его супругу ФуФэй.

Цзао-шэнь —
дух домашнего очага

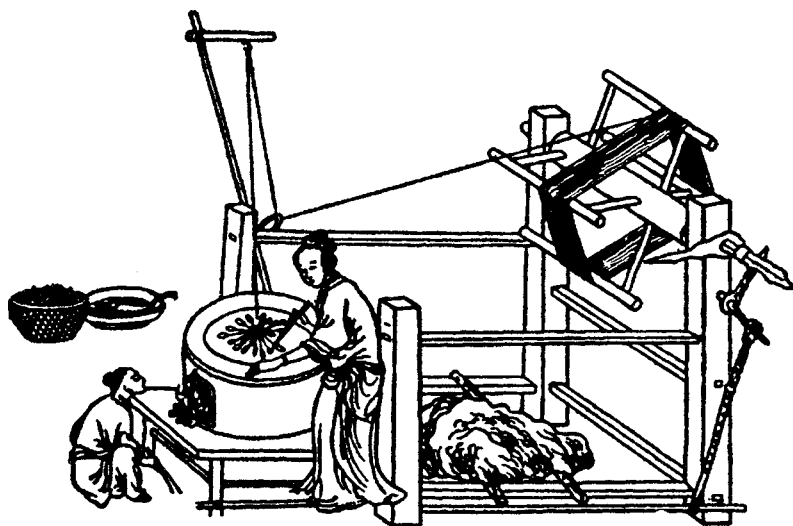
Мэнь-шэнь — хранители
небесных врат. По древней
легенде это братья **Шэньту**
и **Юйлэй**

Небесная фея
Цань-шэнь —
покровительница
шелководства

Размотка шелковых коконов

Дух реки Янцзы

Хэ-бо — дух реки Хуанхэ

Выступление актеров
С рисунка XVII века

Выступление акробатов
С барельефа эпохи Хань

Великие китайские поэты —
подопечные Вэнь Чана:

1. Ду Фу (712—770)

2. Ли Бо (701—762)

3. Тао Юаньмин
(365—437)

2

3

Фу Фэй, дочь древнего владыки Фуси, когда-то утонула при переправе через реку Лошуй и стала богиней этой реки. Рассказывали, что Фу Фэй была ослепительно прекрасна. Красоту ее много раз воспевали поэты. Сопровождавшие богиню девушки-феи обычно весело резвились вместе с рыбами и птицами; но душа самой Фу Фэй была объята печалью: ведь она была женой Хэ-бо — бессердечного и неверного владыки реки Хуанхэ. Однажды Фу Фэй повстречалась со стрелком И, и они полюбили друг друга. Оба они были несчастливы в браке. Хэ-бо отдалял свою супругу вниманием, требуя, чтобы жители окрестных селений каждый год приносили ему в жертву новую девушку-невесту. Чанъэ не могла простить И, своему мужу, изгнания с небес. Стрелок И и Фу Фэй находили утешение в обществе друг друга.

Ревнивый, но трусливый Хэ-бо боялся вступить в открытую битву с соперником. Желая помешать свиданию Фу Фэй и стрелка И, Хэ-бо принял облик белого дракона и стал плавать по реке, отчего поток вышел из берегов и причинил местным жителям много горя. Конечно, такое поведение было недостойно божества. Стрелок И, полный гнева и презрения, выпустил стрелу и угодил Хэ-бо прямо в левый глаз.

Хэ-бо тут же побежал жаловаться Небесному владыке.

— Как могло случиться, что стрелок И выбил тебе глаз? — спросил владыка.

Пришлось Хэ-бо рассказать все как было: ведь от Верховного властителя все равно ничего не скроешь.

— Ты сам виноват, — сказал Небесный владыка речному духу. Незачем было превращаться в дракона, которого всегда может подстрелить человек.

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Вскоре после этого происшествия Фу Фэй рассталась со стрелком И.

Ревнивый Хэ-бо, как уже было сказано, в первую очередь сам не отличался верностью. Однако пришло и ему время проститься со своими земными невестами.

Издавна в местности Е существовал обычай отдавать девушек в жены Хэ-бо, причем старейшины и княжеский управитель беззастенчиво пользовались этим для своего обогащения. Они ежегодно собирали с народа большие деньги, какую-то часть тратили на устройство «свадьбы», а остальные деньги присваивали. По всем домам в округе ходила шаманка, выбирая жену для Хэ-бо. Найдя подходящую девушку, она объявляла ее невестой речного бога. Несчастной избраннице давали деньги в приданое, готовили к свадьбе, красиво наряжали. Родственники в ее честь приносили жертву на берегу реки. Безутешная мать прощалась с дочерью. Наконец невесту Хэ-бо укладывали на узорчатую кровать, устланную циновками, которую несколько человек относили на берег реки и бросали в воду. Некоторое время кровать держалась на поверхности, но волны захлестывали ее, и она постепенно погружалась на дно. Каждый год с приближением дня свадьбы речного божества люди с трепетом ждали, на кого падет выбор шаманки. Многие старались покинуть несчастливую местность. Люди давно бы избавились от этого ужасного обычая, если бы не боялись, что Хэ-бо разгневется и устроит наводнение.

Но вот в местность Е прибыл новый правитель — Симэнь Бао, который задался целью искоренить чудовищный обычай. Правитель созвал старейшин и сказал им, что непременно хочет участвовать в проводах очередной невесты. Не видя подвоха, старейшины с готовностью обещали из-

вестить его, когда придет время. В назначенный день Симэнь Бао пришел пораньше. Вслед за ним пришли старейшины и другие чиновники — устроители церемонии. Явилась и семидесятилетняя шаманка, выбравшая жену для Хэ-бо. За нею стояли с десятков молодых шаманок — ее учениц. Симэнь Бао сказал: «Пусть приведут новую невесту Хэ-бо. Посмотрим, красива ли она». Шаманки вывели из шатра рыдающую девушку. Симэнь Бао посмотрел на нее, покачал головой и сказал: «Она некрасива». Он приказал главной шаманке идти к Хэ-бо и просить его немного подождать, пока не найдут девушку покрасивее. Как шаманка ни упиралась, ее притащили к реке и бросили в воду.

Через некоторое время Симэнь Бао сказал: «Прошло уже полдня, а шаманка все не возвращается. Надо послать за ней ее учениц. И люди бросили в воду четырех молодых шаманок. Немного погодя Симэнь Бао сказал: «Как видно, женщины что-нибудь перепутали. Надо послать старейшин. Уж они-то сумеют там все объяснить». Бросили в воду старейшин. Все, кто стоял на берегу реки, оцепенели. Симэнь Бао стоял неподвижно, склонившись перед рекой в почтительном поклоне. Распорядители церемонии тряслись от страха, не зная, дойдет ли очередь и до них. Музыка давно смолкла, установилась зловещая тишина. И вот Симэнь Бао сказал: «Шаманки и старейшины не возвращаются. Пусть распорядители и начальники узнают, что их задерживает». Чиновники побледнели, упали на колени перед правителем. Симэнь Бао, подумав, разрешил им прекратить церемонию и возвращаться по домам. С того дня никто и заикнуться не смел о том, чтобы искать невесту для Хэ-бо. Хэ-бо разгневался и поднял страшные волны. Но Симэнь Бао уже успел распорядиться, чтобы люди выкопали двенадцать канав от реки к крестья-

яньским полям. Поэтому разлившаяся вода вместо вреда принесла пользу.

Хэ-бо и ученик Конфуция Таньтай Цзыюй

Однажды Таньтай Цзыюй, ученик Конфуция, переправлялся через Хуанхэ. При нем была драгоценная регалия из белой яшмы. Хэ-бо, дух реки Хуанхэ, решил завладеть регалией. Когда лодка доплыла до середины реки, Хэ-бо приказал божеству волн Ян-хоу поднять огромные волны. Двум драконам Хэ-бо велел сжать с двух сторон лодку, опрокинуть ее и отнять регалию. Таньтай Цзыюй быстро понял, что происходит. Нисколько не испугавшись, он встал на борту лодки и громко прокричал: «Чтобы получить мою регалию, надо как следует попросить меня об этом. А силой захватить ее никому не удастся». Он выхватил из-за пояса свой меч и в мгновение ока убил обоих драконов. Ян-хоу поспешил скрыться, уняв ветер и волны. Лодка спокойно пересекла Хуанхэ. Оказавшись на берегу, Таньтай Цзыюй вытащил драгоценную регалию и презрительным жестом бросил ее в реку. «Бери!» — крикнул он речному духу. Регалия, коснувшись поверхности воды, отскочила обратно в руки Таньтай Цзыюя. Он снова крикнул: «Бери!» — и кинул регалию в реку. Но она снова вернулась к нему. И в третий раз Хэ-бо не принял подачки — видимо, ему стало стыдно. Тогда Таньтай Цзыюй положил регалию на камень и разбил ее на мелкие кусочки, которые разбросал в знак того, что вовсе не драгоценность была причиной борьбы.

Легенда о Ван-ди

Божества вод часто проявляли враждебность по отношению к людям, которым приходилось жестоко страдать от наводнений. И тогда находи-

лись герои, которые, подобно стрелку И или умирителью потопа Юю, вставали на защиту человечества.

В древние времена маленькой страной Шу правил государь по имени Ван-ди. Во время своего царствования он проявлял постоянную заботу о народе. Он научил людей вовремя сеять злаки, строго придерживаясь сезонов. В то время в стране Шу часто случались наводнения. Ван-ди очень жалел людей, страдавших от разливов, но не знал, как помочь им. Однажды люди увидели в реке тело мужчины. Всем показалось странным, что тело плывет не по течению, а против него. Его выловили, и, ко всеобщему удивлению, мужчина ожил. Он назвался Белином и сказал, что, оступившись, упал в воду и, вероятно, родные и друзья уже ищут его. Ван-ди услышал, что река принесла необычного человека, и приказал привести его к себе. Они понравились друг другу. Ван-ди понял, что Белин очень умный человек, знающий природу воды, и назначил его советником. Вскоре после назначения Белин проявил свой талант. Ущелье в горе Ушань было слишком узким, и разлившиеся воды реки Янцзы вызвали в стране Шу большое наводнение. По приказу Белина люди расширили проход в горе, после чего наводнения прекратились. Пока Белин умирал наводнение, Ван-ди вступил в тайную связь с его женой. Когда Белин вернулся победителем, Ван-ди почувствовал угрызения совести. Он решил уступить свой престол Белину, а сам удалился в горы и жил там в уединении. После смерти Ван-ди его душа превратилась в кукушку. Он был хорошим правителем, любившим народ. Поэтому люди, слышав кукование, с грустью вспоминают о Ван-ди. И после смерти его душа продолжала беспокоиться о народе. Каждый раз, когда наступает время земле-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

дельческих работ, кукушка летает среди полей и кукует, напоминая людям о необходимости приниматься за труд.

Ли Бин и дух реки Янцзы

Прошло много лет, и правителем Шу стал человек по имени Ли Бин. Как и Ван-ди, он очень заботился о народе и сразу же после прибытия в Шу сделал много полезного. Самым значительным его делом была борьба с наводнением. Ли Бин использовал речную воду для орошения крестьянской земли. Предание гласит о том, что, когда Ли Бин вступил в управление областью Шу, дух реки Янцзы каждый год требовал себе в жены двух молодых девушек. Людям жилось очень тяжело. Каждый год, согласно обычаю, приходилось давать деньги на устройство свадьбы и выбирать девушек для речного божества. Он был сладострастен и жаден. Если ему что-нибудь приходилось не по вкусу, он поднимал громадные, до неба, волны, вызывая наводнение. Ли Бин, узнав про этот обычай, сказал, что в этом году сам пошлет дочерей духу реки Янцзы. В день свадьбы Ли Бин пышно нарядил двух своих дочерей.

На берегу Янцзы воздвигли трон для духа реки; перед тронем установили алтарь, на который поставили курильницы с благовониями, чашу для вина и фрукты. Толпа музыкантов, наряженных в разноцветные одежды, била в барабаны и играла на флейтах. Ли Бин подошел к трону и, обращаясь к невидимому божеству, сказал, что считает большой честью для себя ближе познакомиться с ним, попросил духа показать свой лик, чтобы иметь возможность вместе выпить чашу вина. Ответом было безмолвие.

Ли Бин повторил просьбу, поднял свою чашу и опустошил ее одним глотком. Чаша с вином перед

троном оставалась полной. Ли Бин рассердился и громко закричал, что, если хозяин реки презирает людей, он хочет драться с ним не на жизнь, а на смерть. После этих слов Ли Бин вытащил из-за пояса меч и неожиданно исчез. Собравшиеся были испуганы, а музыканты перестали играть. Через мгновение все увидели, что на горном обрыве яростно дерутся два быка. Вскоре они исчезли, и опять появился Ли Бин, по лицу которого струился пот. Тяжело дыша, он подошел к подчиненным и сказал, что бился с божеством, очень устал и ему нужна их помощь, чтобы победить. Но они должны быть внимательны и не перепутать быков: он, Ли Бин, — это бык с белой лентой, повернувшийся к югу. Затем Ли Бин опять превратился в быка и вступил на обрыве в смертельный бой с речным богом, тоже превратившимся в быка. Люди побежали на обрыв и мечами и копьями начали наносить удары быку без белой ленты. Наконец, дух реки в образе быка был убит. Так народ избавился от угрозы наводнений.

Как были обожествлены духи колодца

Как-то Чжан Дао-лин, первый патриарх даосизма, почитавшийся также как укротитель злых духов, заметил группу из 12 женщин возле ярко освещенной горы. Узнав в них демонов, Чжан поинтересовался, откуда исходит такой сильный свет. Женщины-демоны ответили, что из пещеры дракона. С помощью своих чар Чжан одолел дракона, и тогда все 12 женщин протянули ему нефритовые кольца и попросили взять их замуж. Втиснув все 12 колец в одно толстое, Чжан бросил его в вырытый им здесь же глубокий колодец и сказал, что возьмет в жены ту, которая достанет кольцо. Все 12 прыгнули в колодец, а хитрый Чжан закрыл его

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

крышкой и объявил, что отныне они будут духами-покровителями колодцев.

О том, как коварную богиню вод Шуй-му постигло справедливое возмездие

Нередко случается так, что злых духов, приносящих страдания людям, постигает заслуженная кара. Так случилось с коварной богиней вод Шуй-му, которая устроила разлив вод озера Хунцзэ и потопила целый город Сычжоу. Когда весть о страшной катастрофе достигла Юйхуана, Небесного владыки, он в справедливом возмущении потребовал схватить виновницу зла. Однако коварная богиня долгое время водила его посланцев за нос — до тех пор, пока в дело поимки не включилась сама Гуаньинь, богиня сострадания, спасительница, хранительница и подательница потомства. Гуаньинь приготовила много вермишели и, воспользовавшись тем, что Шуй-му набегалась и проголодалась, накормила ее этим блюдом. Едва богиня проглотила половину вермишели, как вермишель превратилась в ее желудке в металлическую цепь. Затем посланец Юйхуана схватил другой конец цепи и, потащив за собой виновную богиню**, бросил ее в глубокий колодец в горном ущелье, где она, по легенде, пребывает и поныне — когда воды в колодце мало, то на его дне можно увидеть конец той самой цепи.

Легенды о встречах с водными божествами

1

Цзяо Цю-инь был отправлен своим государем в качестве посланника в другое княжество. На пути ему предстояло переправиться через реку. Спешившись возле переправы, Цзяо Цю-инь хотел

дать своей лошади напиться. Но тут лодочник сказал ему: «Господин, в водах этой реки обитает божество, которое наносит вред всякой лошади, пьющей здесь воду. Не позволяйте своей лошади здесь пить». «Отважный воин не станет уклоняться от опасности, — ответил Цзяо Цю-инь. — Какие божества осмелятся напасть на меня?» Он дал лошади напиться, и тут появился демон, схватил лошадь и уволок ее в воду. Цзяо Цю-инь схватил меч и бросился в воду, чтобы найти божество и сразиться с ним. Лишь через несколько дней он возвратился к своим людям, которые заметили, что их господин ослеп на один глаз.

Человеку по имени Оу Мин несколько раз случилось по торговым делам переплывать озеро Пэнцзэху, и каждый раз он приносил в жертву озерному божеству часть своего имущества. Бросая ценные предметы в озеро, Оу Мин произносил: «Это поклонение от меня». Так повторялось в течение нескольких лет. В очередной раз проплывая по озеру, Оу Мин вдруг увидел, как на поверхности воды образовалась большая дорога, на которой появились несколько чиновников верхом и в повозках. «Нас послал за вами Владыка Темного Разлива», — сказали они и проводили Оу Мина к воротам, возле которых стояли другие чиновники и стража. Оу Мин испытывал некоторое смятение. Но один из сопровождавших его чиновников разъяснил: «Вам нечего бояться. Владыка Темного Разлива растроган вашими подношениями и поэтому пожелал вас увидеть. Он непременно предложит вам ценные подарки. Не берите их, просите только дать вам «чего пожелаешь». Представ перед Владыкой Темного Разлива, Оу Мин поступил согласно полученному совету. Ока-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

залось, что «Чего Пожелаешь» — это имя служанки Владыки Темного Разлива. Она последовала вслед за Оу Мином в его дом, и с тех пор он сразу получал все, чего бы ни пожелал, богатство его многократно умножилось.

3

Рассказывают еще и о демонах, устрашающих моряков. Их называют хай хэшан, т. е. «морской монах». Такой демон похож на рыбу, но голова его напоминает гладко выбритую голову буддийского священнослужителя*. Когда море неспокойно, он хватается джонки и опрокидывает их или же утягивает на дно вместе с командой. Матросы борются с демоном, совершая ритуальные танцы в специальном облачении и с палкой в руках. Кроме того, на палубе сжигают несколько пригоршней перьев: зловоние после их сожжения настолько велико, что заставляет повернуть вспять даже морского дьявола. Каждый благоразумный капитан перед выходом в море заботится о том, чтобы на его корабле был запас из одного-двух небольших мешков с перьями. Легенды повествуют о десятках случаев поимки в сети маленьких морских монахов, которые смотрели на рыбаков с видом погруженного в молитву буддийского священнослужителя и словно взывали о сострадании.

О том, насколько велики опасности, поджидающие моряков со стороны морских дьяволов, рассказывает следующая история. Некто Чэн Чжичжан плыл из Чаочжоу через Хуанган. Когда корабль был на середине пути, поднялся сильный ветер. Внезапно повалил черный дым, и в его клубах все увидели человека — черного, но с губами и глазами белыми, как мука. Он уселся на носу корабля и принялся дуть на моряков. Тотчас у

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

десяти из тринадцати моряков лица почернели и стали такого же цвета, как и сам демон. Через несколько мгновений дым рассеялся и видение исчезло. Корабль продолжил путь среди жестокого ветра и бушующего моря. Однако прошло совсем немного времени — и корабль перевернулся. Те десять человек, у кого лица стали черными, утонули. И только те трое, у кого цвет лица не изменился, спаслись.

Тигр, пожирающий человека.
Сосуд дня жертвенного вина.

Бронза. Вторая половина II тысячелетия до н. э.

НЕБЕСНЫЕ ВОИТЕЛИ

Небесными воителями называли тех людей, которые проявили удивительное мужество и явили свои воинские доблести в борьбе со злыми демонами, коварными духами или осмеливались перечесть богам, когда те бывали несправедливы к людям.

Вэнь-юаньшуай — победитель дракона

Некогда жил один небогатый ученый со своей женой. И не было у них детей. Пошли они однажды в храм молить богов о потомстве. И так усердны были их мольбы, что в ту же ночь жене во сне явился небесный дух в золотых доспехах с топором в одной руке и с жемчужиной в другой. Он сказал, что хотел бы родиться на земле, и спросил, хочет ли она стать его матерью. Женщина согласилась. Дух поместил жемчужину в ее чрево, и она проснулась.

Когда родился ребенок и его стали обмывать, то увидели на его теле какие-то магические знаки. Но все знаки тут же исчезли. Матери младенца вновь приснился сон, в котором небесный дух держал в руках малыша. Его назвали Вэнь-юаньшуай.

Хотя мальчик еще в детстве изучил всех конфуцианских классиков, ему так и не удалось сдать экзамены, чтобы получить чин. Тогда он решил стать отшельником, но в этот момент в небе появился дракон и бросил жемчужину к его ногам. Вэнь-юаньшуай подобрал ее и проглотил. Дракон начал танцевать перед ним. Тогда юноша схватил дракона, скрутил его и намотал его хвост себе на руку. Тотчас же лицо Вэнь-юаньшуая стало серым, волосы красными, тело синим, а весь его вид — устрашающим.

Когда земное воплощение Вэнь-юаньшуая подошло к концу, он стал ближайшим помощником бога горы Тайшань — главы одной из судебных палат подземного царства, вершителя человеческих судеб. Вэнь-юаньшуай получил право свободного входа на небеса с петициями в особых случаях и возвращения на землю.

В храмах, где поклонялись божеству горы Тайшань, Вэнь-юаньшуая изображали с драгоценным браслетом в левой руке и железной булавой в правой.

Ма-юаньшуай — покоритель злых духов

Другой небесный воин, Ма-юаньшуай, проявивший излишнюю жестокость в истреблении злых духов, был в наказание приговорен к перерождению на земле. В этом воплощении он отличился тем, что уже в трехдневном возрасте одолел царя драконов и впоследствии подчинил себе много других драконов и духов. Он овладел магическим искусством, мог повелевать стихиями и превращать свой чудесный талисман — треугольный камешек — в любой другой предмет. В итоге Ма-юаньшуай был назначен одним из главнокомандующих над духами.

**Синь Сингоу-юаньшуай —
громоборец**

Один из могущественнейших небесных воителей, Синь Сингоу-юаньшуай, был некогда бедным дровосеком. Однажды он собирал в горах хворост и на дне глубокого ущелья увидел пять петухов. Он принес их домой и отдал матери. Когда мать хотела зарезать одного петуха, тот вдруг заговорил человеческим голосом. Петух сказал, что он воплощает в себе небесный гром, и просил не лишать его жизни. Однако мать дровосека не обратила внимания на его слова. Тут раздался удар грома, и старая женщина от страха умерла. Когда Синь Сингоу вошел в дом и увидел бездыханное тело матери, он обнял ее и зарыдал. Громового петуха, который уже собирался убить дровосека, Синь Сингоу загнал в комнату и запер. В конце концов дух грома, оценив сыновье благочестие Синь Сингоу, принял облик даоса, дал дровосеку дюжину огненных пилюль и велел проглотить их. И сразу же внешний вид Синь Сингоу стал меняться: его голова вытянулась и на ней образовался клюв, за плечами выросли крылья, а на ногах — когти, в левой руке появилось зубило, а в правой — молоток. Под ногами у него оказались пять барабанов. Превратившись в одно из божеств грома, Синь Сингоу стал по поручению Верховного Небесного владыки надзирать за действиями злых духов.

**Цыцзи Чжэньжэнь
и зеленый дракон Цинлун**

Согласно преданию, были времена, когда зеленый дракон Цинлун, символ Востока, вредил людям, а бессмертный даос Цыцзи Чжэньжэнь боролся с ним. Преследуя бежавшего дракона, Цыцзи в поле настиг его жену — красавицу Пан. Своим вол-

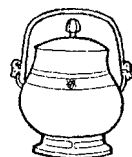
шебным мечом даос вызвал неистовый гром и яростный дождь, во время которого Пан, ждавшая ребенка, разрешилась от бремени. У новорожденного тело было человеческое, а голова дракона. Родившись в поле во время сильного дождя, он получил имя Тяньюй (тянь — «поле», юй — «дождь»).

В возрасте шести лет Тяньюй стал учеником бессмертного Чжан Чжэньжэня, который научил его вызывать гром и молнию. Впоследствии, узнав о своем происхождении, Тяньюй вознамерился отомстить врагам своего отца. Он сделал себе боевое знамя и два года рыскал по небесам. Развевавшееся на ветру знамя гроыхало, словно гром, а из слюны воинственного богатыря образовывались облака. Однако сам Верховный Небесный владыка посоветовал Тяньюю отказаться от мести, ведь Дыцзи в свое время преследовал зеленого дракона ради блага людей. Такова история Тяньюй-юаньшуая — еще одного главнокомандующего небесным воинством.

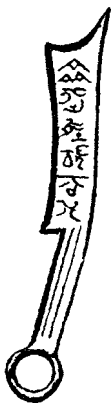
Ночжа, сын Ли-тяньвана — божества-хранителя Севера

Однако среди небесных воинов встречались богатыри куда менее покладистые. Необыкновенной дерзостью и своеволием отличался Ночжа, сын Ли-тяньвана — божества, которого буддисты почитали в качестве хранителя Севера. Ночжа родился в виде круглого куска мяса, из которого вышел младенец трех с половиной лет, наделенный волшебными талисманами: на правой руке у него был золотой браслет, а на поясе — полоска красного шелка. С помощью этих талисманов Ночжа мог побеждать своих противников.

Забросив в море волшебный шелк, Ночжа взбаламутил воды и нарушил покой царя драконов Лун-вана. Тот послал своих слуг усмирить его, но

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

упрямый богатырь не оставил своего занятия. Тогда Лун-ван явился отцу героя, Ли-тяньвану, и потребовал смерти Ночжа. Чтобы искупить свою вину, Ночжа покончил с собой. Его дух вселился в глиняную статую в храме, а когда его отец разбил статую, на помощь Ночжа пришел даосский святой по имени Тайи Чжэньжэнь. При помощи магических средств он создал из лотоса нового Ночжа. Воскресший сын хотел отомстить своему отцу за вынужденное самоубийство, но у Ли-тяньвана тоже нашелся могущественный покровитель, бодхисатва Вэньшу. Вэньшу создал еще один талисман — волшебную пагоду, с помощью которой умирил неистового Ночжа, а потом подарил пагоду Ли-тяньвану, чтобы тот в любой момент мог утихомирить дерзкого сына.

Мэнь-шэнь — божества-хранители небесных врат

Что касается самого Ли-тяньвана, то он почитался как один из четырех Великих Небесных Царей (тянь — «небо», ван — «князь, царь»). Они носили имена Ли, Ма, Чжао и Вэнь. Это были стражи, охранявшие небесные врата, расположенные по четырем сторонам света. Их изображали в виде четырех воинов устрашающего вида в полном вооружении, чтобы отпугивать нечистые силы и низшие существа, пытающиеся проникнуть на небо.

Хранители ворот и дверей — не только небесных, но и земных — занимали заметное место в китайском пантеоне. Их общее наименование было мэнь-шэнь (мэнь — «ворота», шэнь — «божество»).

Древние сказания повествуют о братьях Шэньту и Юйлэй, охранявших врата, ведущие в царство духов. По вечерам многочисленные бесы покидали свою обитель, устремляясь в мир людей. Возвраща-

лись они, не дожидаясь первого крика петухов, причем Шэньту и Юйлэй проверяли каждого из духов: Ре обидел ли он добрых людей, не совершил ли безрассудно жестоких поступков. Провинившегося связывали тростниковой веревкой и отправляли на съедение огромному тигру. Шэньту и Юйлэй держали бесов в страхе, и те не осмеливались вести себя слишком зловредно.

С образами этих небесных стражей была связана традиция — дарить человеку, которому исполнялось тридцать лет, деревянные изображения Шэньту и Юйлэя с тростниковой веревкой в руках. Фигурки ставились по обе стороны от ворот, а на воротах рисовали огромного тигра, который должен был охранять дом от нечисти, пожирая ее. Иногда поступали проще: рисовали Шэньту и Юйлэя на дверях или даже писали только их имена, одно начертание которых приводило в трепет злых бесов.

В более поздние времена в качестве духов дверей были обожествлены двое полководцев: Цинь Шубао и Ху Цзиндэ. По преданию, один из китайских императоров, будучи болен, увидел в своих покоех беса. Тогда государь позвал Цинь Шубао и Ху Цзиндэ и приказал им охранять вход в спальню. Бесы больше не появлялись. Спокойно проведя остаток ночи, император приказал живописцам нарисовать портреты обоих сановников и вывесить их на дверях во дворце.

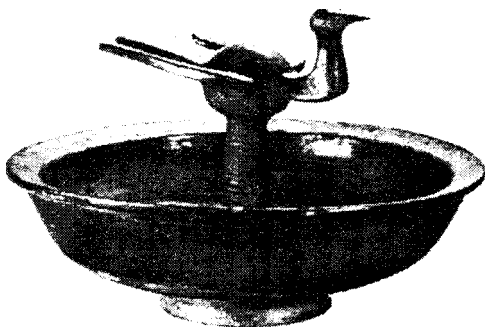
Впоследствии эти полководцы стали духами дверей в аристократических домах, постепенно их изображения стали вывешивать на дверях общественных зданий, храмов (кроме буддийских), частных домов. Цинь Шубао и Ху Цзиндэ стали популярными персонажами новогодних народных картин (лубков), на которых духи-полководцы с алебардами в руках имели весьма грозный вид.

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Своих особых хранителей имели буддийские монастыри и храмы. Двери этих зданий охраняли статуи целань-шэнь (целань — «обитель, монастырь», шэнь — «дух»). Они изображались в виде вооруженных воинов устрашающего вида, попиравших ногами демонов.

В этой роли нередко выступали также четыре Небесных Царя или небесный воитель Вэйто, про которого рассказывали, что ему сам Будда Шакьямуни перед уходом в нирвану велел хранить закон. Вэйто описывали как военачальника, изгоняющего бесов и бесовок и вливающего в монахов новые силы, освобождая их от сомнений. Особо подчеркивали его стремительность при преследовании злых духов. Вэйто обычно изображается в латах и шлеме, сложенные вместе руки прижимают к плечам горизонтально расположенный меч.

ДУХИ, БЕСЫ И ОБОРОТНИ

Небесный владыка Хуан-ди и волшебный зверь Байцзэ

Как видно из предыдущей главы, основной задачей небесных воинов было укрощение злых духов, которые отличались невероятной многочисленностью. В мире было так много разных духов и бесов, что даже сам Небесный владыка Хуан-ди не смог бы их перечислить. Однажды Хуан-ди отправился в путешествие и неожиданно на берегу моря встретил волшебного зверя по имени Байцзэ. Байцзэ внешне походил на рогатого льва, был необычайно умен и умел говорить по-человечески. Этому чудесному зверю были известны все бесы и духи на свете, небесные и земные. Он знал всех оборотней, в которых превратились бродячие души. О любой горе, о любой реке в Поднебесной он мог безошибочно рассказать, какие там водятся духи, чудовища и прочие сверхъестественные существа.

Хуан-ди внимательно выслушал Байцзэ, и впоследствии по приказу Небесного владыки были выполнены изображения всех названных им духов,

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

с подписями и пояснениями — своеобразный каталог. Всего насчитали одиннадцать тысяч пятьсот двадцать разновидностей нечистой силы.

В народе бытовало представление о богине-бесовке по имени Гуй-му («мать бесов»). Облик ее, согласно описаниям, был удивительно причудлив: ноги — как у дракона, голова — как у тигра, причем глаза на тигриной голове тоже были драконьи. Утром она рожала тысячу бесов, а вечером поедала их.

Горы, реки, леса и болота были населены многочисленными духами. Встреча с ними хоть и не всегда кончалась бедой, но, как правило, повергала человека в трепет. Чего стоил, например, внешний вид водяного духа Тяньбу: туловище тигра, шкура зеленая с желтыми подпалинами, восемь ног, десять хвостов и восемь голов с человеческими лицами. Это чудище обитало в долине Чаоян.

Духа по имени Товэй встречали те, кто приближался к омутам рек Суйшуй и Чжаншуй. Товэй обликом походил на человека с рогами барана и когтями тигра. Когда он появлялся, тело его излучало яркий блеск.

Дух Цзяочун обладал человеческим телом, но имел две головы, которые служили гнездами, где пчелы могли откладывать мед. Его считали царем всех жалящих насекомых.

Двуглавая змея Вэйшэ

Рассказывали о двуглавой змее Вэйшэ, которая появлялась из-под земли в фиолетовом одеянии и красных шапках. Однажды правитель княжества Ци по имени Хуань-гун увидел во время охоты двуглавую змею в халате и красных шапках. Когда охотничья колесница с грохотом проезжала мимо змеи, она подняла обе свои головы. Хуань-гун решил, что это оборотень, и испугался.

Он спросил первого министра Гуань Чжуна, правившего колесницей, не заметил ли тот что-нибудь необычное. Гуань Чжун, следивший за упряжкой и не смотревший по сторонам, ответил, что ничего не видел. Вернувшись во дворец, Хуань-гун начал размышлять о происшедшем. Чем больше он думал, тем больше овладевал им испуг. В конце концов князь заболел от страха. Через некоторое время ему нанес визит некий мудрец. Разговор зашел о злых духах, и мудрец упомянул про Вэйшэ. Князь попросил гостя поподробнее записать это чудовище. Мудрец описал ему двуглавую змею, точь-в-точь такую же, как тот видел, и затем добавил, что если такую змею увидит князь, то он станет правителем всей Поднебесной. Мгновенно успокоившись, Хуань-гун улыбнулся и сказал: «Значит, это ее я видел на охоте!» Настроение у него сразу улучшилось, и болезнь прошла сама собой.

О двуглавой змее Вэйшэ рассказывали и нечто прямо противоположное. Бытовало поверье, согласно которому тот, кто увидит Вэйшэ, скоро умрет. Однажды мальчик по имени Сунь Шуао встретил двуглавую змею. А он уже слышал рассказы о том, что человек, увидевший такую змею, должен непременно умереть. Мальчик подумал, что раз уж эн сам все равно обречен, то хотя бы может избавиться от беды других людей. Отважный Сунь Шуао поднял с земли камень и стал колотить им змею. Чудовище издохло. Мальчик вырыл яму и закопал шею в землю, чтобы никто ее больше не видел. Однако Сунь Шуао не только не умер после этого случая, а стал впоследствии, когда вырос, первым министром. На этом посту он скоро заслужил любовь народа. Очевидно, настоящему храбрецу и благозодному человеку это чудовище не могло причинить никакого вреда.

**Цзи — девочка,
победившая змея**

Не меньшим, если не большим, мужеством и благородством отличалась девочка, бросившая вызов чудовищному змею и победившая его. Рассказывали, что некий чудовищный змей длиной в семь или восемь чжанов (то есть двадцать — двадцать пять метров) и толщиной в десяток обхватов держал в страхе живших в окрестностях его логова людей, навлекая гибель на высших уездных чиновников: на военных наместников и на их ближайших подчиненных. Чтобы избежать бед, ему приносили в жертву волов и баранов. Однако бедствия не прекращались. Тогда при помощи шаманок и путем толкования вещих снов удалось установить, что страшный змей желает получать на съедение девочек лет двенадцати-тринадцати. Военный наместник велел разыскивать по всем селениям девочек низкого происхождения, и таким образом в течение нескольких лет в специально установленные дни чудовищу было принесено девять жертв. Пришла пора очередного жертвоприношения — и посланцы не смогли найти подходящей девочки. Люди были страшно напуганы и ожидали неминуемой кары со стороны чудовища. Тогда Цзи, младшая дочь почтенных родителей, объявила, что готова добровольно пойти к змею. Но ее отец и мать даже слышать об этом не хотели. Однако девочка проявила чрезвычайную настойчивость. «У вас шесть дочерей и ни одного сына, — уговаривала она своих родителей. — Одной дочерью больше, одной меньше — все равно. Позвольте мне принести себя в жертву и так выказать вам свою преданность: ведь за меня вы получите вознаграждение».

Отец и мать, любя и жалея ее, никак не соглашались. Но Цзи тайно ускользнула из дому и яви-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

лась к местным властям. Там она заявила, что ей нужен хороший меч и собака-змееед. Настало утро жертвоприношения. Девочка отправилась в храм и села там, спрятав за пазухой меч. Собака сидела рядом. Еще раньше Цзи приготовила рисовые оладьи, политые медовым соусом, и теперь сложила их у входа в логово. Привлеченный запахом лепешек, огромный змей выполз наружу и принялся их пожирать. Тогда Цзи спустила собаку. Собака впилась в змея, а Цзи, выхватив меч, нанесла ему несколько сокрушительных ударов. Вскоре змей издох, а храбрая девочка вернулась домой. Весть о случившемся дошла до местного князя, и он, пораженный таким чудом, взял Цзи в жены. Отца ее назначили начальником уезда. А нечистые твари в тех краях больше не появлялись.

Добрые духи Тайфэн и Ди-тай

Как правило, духи вызывали у людей испуг и чувство опасности, однако были и такие духи, которые отличались красотой и добронравием.

На небольшой горе Цинъяошань стоял скрытый от всех дворец, где временами останавливался, путешествуя по земле, Небесный владыка Хуан-ди. Управляла дворцом прекрасная женщина-дух по имени Уло, с человеческим лицом, пятнистой, как у барса, шкурой и жемчужно-белыми зубами. Уши ее украшали золотые серьги, голос ее звучал мелодично, как звон нефритовых подвесок.

На горе Согласия обитал добрый дух Тайфэн с человеческим лицом, телом дикой кошки и лисьим хвостом. Он появлялся перед людьми, окруженный ярким сиянием. Встреча с Тайфэном сулила счастье.

В одной из горных местностей люди почитали доброго небесного духа по имени Ди-тай. Для жите-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

лей окрестных селений он был божеством — хранителем, покровителем и защитником. Когда им случалось находить в горах необычайные, покрытые разноцветными узорами камни, круглые и блестящие, люди приносили их домой, варили из них похлебку и ели ее, после чего могли не опасаться бесовского наваждения и нечистой силы. Эти волшебные камни назывались «шашки Ди-тая». Один из горных ручьев, прозрачный и холодный, получил название Живительная Влага Ди-тая. Если человек выпивал этой студеной воды, то он мог не опасаться сердечных недугов. Одна из окрестных гор называлась гора Барабана и Колокола. Рассказывали, что Ди-тай, ударяя в колокол и барабан, зазывал к себе духов всех стран света.

Изгнание бесов

Поскольку большинство духов, в отличие от Ди-тая и Тайфэна, отличались зловредностью и постоянным намерением причинить вред человеку, люди всегда искали средства защиты от них.

Изгнанию бесов посвящались специальные церемонии. Например, в императорском дворце в строго определенный день года совершался торжественный обряд, главной фигурой в котором был маг, наряженный грозным царем бесов, на голове — большая маска, четыре золотые сверкающие пластинки изображали глаза, спину прикрывала медвежья шкура. Одетый в черную куртку и красную юбку, он шествовал впереди своей свиты, держа в правой руке копьё, а в левой — щит. За ним следовали двенадцать ряженных, волосатых, с рогами, напоминавших каких-то необыкновенных зверей. В процессии участвовали сто двадцать мальчиков в возрасте от десяти до двенадцати лет, которых отбирали из семей чиновников. Головы им повязывали красными платками, а одежда на них

была из тонкого черного шелка. В руках они держали большие бубны и, громко ударяя в них, следовали за магом. Участники ритуала совершали шествие по императорскому двору, исполняя особые песни и танцы, устрашавшие нечисть. Шествие трижды обходило двор. Затем зажигали факелы, чтобы выпроводить прочь духа моровых поветрий к главным воротам, где тысяча стражников, держа факелы, выгоняла его за ворота императорского дворца. Там же стояло и пять отрядов всадников, каждый в тысячу человек, которые в свою очередь принимали у стражников факелы и гнали духа до берега реки Лошуй, где и бросали факелы в реку. Считалось, что злые духи вместе с факелами пошли ко дну.

Повелитель демонов Чжун Куй

Защиту от бесовских козней можно было найти у повелителя демонов по имени Чжун Куй. Начало этого культа связано с происшествием, случившимся некогда в императорском дворце.

Государь, страдавший от жестокой лихорадки, впал в забытие, и ему привиделся маленький бес в темно-красном платье и коротких штанах. Одна нога у него была в сандалии, другая — босая. Бес схватил мешочек-амулет с ароматными травами и нефритовую флейту и хотел убежать. Император намеревался уже вызвать стражу, как вдруг появился огромный демон в синем халате, в шапке, на ногах у него была пара коротких сапог. Большой бес погнался за маленьким, схватил его, вырвал у него глаза и тут же проглотил маленького беса целиком.

Император спросил демона-гиганта, кто он такой. Тот назвался Чжун Куем и рассказал, что при жизни он был врачом, потом пытался сдать придворный экзамен на высшую степень, но

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

потерпел неудачу и покончил с собой на ступенях дворца. Государь тогда пожалел его и приказал похоронить с почестями. В потустороннем мире Чжун Куй сделался главой демонов и поклялся защищать всех императоров от проделок злых духов.

Потом видение исчезло, император очнулся и почувствовал, что его болезнь прошла. Он повелел своему придворному живописцу написать по его рассказу картину «Чжун Куй хватает беса». Художник изобразил повелителя демонов весьма искусно, как будто видел его своими глазами. С тех пор вошло в обычай рисовать киноварью (эта краска, по поверью, отгоняет бесов) Чжун Куя, хватающего бесов, и вывешивать его изображение с «магическими» целями.

Лубки с изображением Чжун Куя в костюме чиновника, в воинственной позе, угрожающего бесам, часто наклеивались на обе створки двери. На Новый год его изображение вешали в доме, чтобы отгонять нечистую силу.

Чун-ван — князь насекомых

К нечистой силе, помимо духов и бесов, причисляли всех вредных насекомых, а также гадов, земноводных и червей. Всеми этими существами повелевало особое божество — Чун-ван («князь насекомых»). Его изображали в виде сановника с вазой в руках, в которой содержались насекомые и гады. Его неизменными спутниками были старик и старуха, имевшие отношение к вазе Чун-вана. Старик всегда старался выпустить из этого сосуда находившихся там вредителей. Старуха, напротив, собирала всех этих вредных насекомых, пряча их обратно в волшебный сосуд. Фигура Чун-вана создавала между ними некое равновесие: князь насекомых позволял обоим своим спутникам действовать,

удерживая их, однако, от крайностей. Жертвы и ритуалы, совершаемые в честь Чун-вана, должны были склонить его к обузданию старика и поощрению старухи.

Легенды о встречах с оборотнями

1

Как-то ночью молодой человек по имени Сун Динбо шел по дороге и повстречался с незнакомцем.

— Кто ты? — спросил Сун Динбо.

— Я — дух умершего, — ответил тот. — А ты кто?

— Я тоже дух умершего, — сказал путник, намереваясь заморочить призрака.

Оборотень осведомился, куда Сун Динбо направляется, и тот ответил, что идет на рынок.

— И я туда же, — заявил оборотень.

Пошли дальше вместе. Через некоторое время призрак предложил попеременно нести друг друга, и Сун Динбо согласился. Оборотень первым взвалил Сун Динбо на плечи.

— Что-то ты больно тяжел, — заметил призрак. — Ты, наверное, не дух.

— Я умер совсем недавно, — сказал Сун Динбо, — и поэтому еще тяжел. Скажи мне, кстати, чего мы, призраки, должны более всего опасаться. Ведь я еще ничего не знаю.

— Скверно, если в тебя кто-нибудь плюнет, — ответил оборотень.

Когда наступила очередь Сун Динбо нести на себе оборотня, тот оказался почти невесомым. Еще несколько раз Сун Динбо нес оборотня, а тот его — по очереди, пока они не подошли к реке. Оборотень, переходивший реку первым, даже не потревожил воду: ни всплеска, ни шороха. Сун Динбо, естест-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

венно, бесшумно это сделать не удалось. Призрак насторожился, но Сун Динбо снова сослался на то, что умер совсем недавно и не успел полегчать. Когда они подходили к рынку, Сун Динбо, несший оборотня на своих плечах, внезапно крепко его схватил. Оборотень громким голосом требовал отпустить его, но, лишь оказавшись на самом рынке, Сун Динбо спустил оборотня на землю, и тот превратился в барана. Сун Динбо плюнул в него, чтобы оборотень не принял другого облика, а потом продал как обычного барана, и нигде более не задерживаясь, покинул рынок.

Многочисленные предания повествуют о столкновении людей с оборотнями — животными (чаще всего лисами), а иногда даже с оборотнями — неодушевленными предметами.

Дин Чу служил смотрителем дамбы, построенной на озере, и каждый раз после сильного дождя обходил плотину. Как-то весной почти непрерывно лили дожди. В один из вечеров, когда солнце клонилось к закату, Дин Чу, как обычно, вышел дома и пошел вдоль пруда. Он заметил, что за ним идет женщина в сине-зеленой одежде; в руках она держала зонтик такого же цвета. Женщина крикнула ему вслед: «Господин смотритель, подождите меня!» Дин Чу почувствовал ее притягательную силу и хотел было остановиться, но потом подумал, что незнакомая женщина, гуляющая в такое время и в такую погоду, скорее всего, не человек, а бесовка-оборотень. И Дин Чу ускорил шаги. Оглянулся — женщина тоже ускорила шаги, стараясь догнать его. Тогда он бросился бежать. Вновь оглянулся — а женщина бросилась в пруд, раздался громкий всплеск, одежда ее и зонт разлетелись в разные стороны. На самом деле они оказались

листьями водяной лилии, а сама женщина — большой выдрой.

3

Один человек, ехавший верхом, увидел на дороге какую-то тварь величиной с зайца; глаза у чудища сверкали, как бронзовые зеркала. Оно прыгало перед конем, мешая ему продвигаться вперед. Человек с перепугу свалился с коня и потерял сознание. Однако через некоторое время он пришел в себя и увидел, что оборотень куда-то исчез. Вновь вскочив на коня, человек поехал дальше. Проехав какое-то расстояние без происшествий, он поравнялся с другим путешественником, Расспросив его о новостях, всадник рассказал о том, что с ним только что приключилось.

— Как я рад, что теперь нашел себе попутчика, — сказал он.

— Я тоже путешествую один, — отозвался незнакомец, — и не знаю, как выразить свою радость от того, что встретил вас. Вы поезжайте вперед — ведь ваш конь движется быстрее — а я последую за вами.

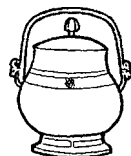
И они продолжили путь вместе.

— А как выглядел этот зверь, который так напугал вас? — спросил незнакомец, ехавший сзади.

— Обликом он походил на зайца, а глаза у него были словно зеркала; вообще, вид уж очень мерзкий, — ответил всадник.

— Оглянись-ка, — сказал попутчик, — взгляни на меня.

Тот обернулся, посмотрел и увидел того же самого призрака. Оборотень прыгнул на его лошадь — и всадник рухнул без чувств на землю. Лошадь вернулась домой одна. Домочадцы побежали на поиски и нашли своего родственника на обочине дороги.

Через некоторое время он очнулся и рассказал о своем страшном приключении.

Крысы-оборотни

1

В китайском фольклоре о животных-оборотнях немало места уделено крысам. Легенды повествуют о том, как крысы в облике людей либо других животных целыми полчищами обрушивались на дома и жилища людей. Такие появления крыс считаются, по китайским поверьям, неблагоприятными знаменами*.

Область Вэйчжоу в то время, когда пост губернатора занимал Би Хан, попала под власть мятежника Ань Лу-шаня. Би Хан стал составлять план, который бы позволил расправиться с разбойником. Он как раз собирался выступить с войском, когда вдруг увидел у себя во дворе несколько сот карликов ростом в пять-шесть цуней. Они прыгали, скакали и слонялись без дела. Поняв, что это оборотни, Би Хан вместе с членами своей семьи перебил их всех. На следующее утро большая толпа карликов в белых траурных одеждах с плачем и стенаниями положила тела погибших накануне в гробы, водрузила их на повозки и отправилась к могиле, которую вырыли прямо во дворе. Вся траурная церемония проходила точно так же, как у благородных людей. После похорон карлики исчезли в дыре, которая зияла в южной стене дома. Преодолев изумление и страх, Би Хан вскрыл могилу (в которую карлики только что поместили своих погибших сородичей) и обнаружил в ней старую крысу. Тогда он взял ведро кипящей воды и вылил ее в могилу. Раскопав ее некоторое время спустя, он нашел в ней уже несколько сот мертвых крыс. А через десять дней он потерпел пора-

жение в битве с вторгшимися в пределы области врагами, и вся его семья погибла.

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Другая легенда рассказывает о том, как крысы в облике хорошо вооруженных людей бесчинствуют на дорогах. Некогда на дорогах, ведущих в Чанъань, свирепствовала шайка разбойников. Днем грабители прятались, а под покровом ночи вершили свои темные дела. Шло время, путников убивали, но выйти на след преступников никак не удавалось. Люди были напуганы до такой степени, что боялись отходить далеко от дома. Когда обо всем этом узнал один лекарь-даос, остановившийся в придорожном кабачке, он сказал собравшимся: «Определенно, это не люди; они наверняка призраки». Глубокой ночью, взяв с собой старинное зеркало, он вышел на дорогу и стал ждать. Вдруг откуда ни возьмись появился отряд, состоявший из молодых воинов, хорошо экипированных и вооруженных. «Кто это стоит там у дороги? — закричали они в один голос даосу. — Или ты не боишься за свою жизнь?» Но лекарь направил на них зеркало, и все они побросали оружие и щиты и убежали. Пять или семь ли лекарь преследовал их, все время повторяя заклинания и заговоры, пока все они не спрятались в одну большую нору. До самого утра лекарь наблюдал за норой, а потом вернулся на постоялый двор и позвал людей, чтобы раскопать нору. В ней оказалось свыше сотни огромных крыс, которых перебили всех до единой.

Существует поверье, что в жилище человека крысы могут проникать в обличий других животных. Ли Линь-фу (высокопоставленный сановник, живший в восьмом веке) однажды вечером зане-

мог. Наутро он поднялся, умылся, облачился в официальные одежды и, намереваясь отправиться ко двору, приказал слугам принести ему сумку для писем, с которой он обычно ходил на службу. Ли Линь-фу почувствовал, что сумка тяжелее, чем обычно, и открыл ее. Оттуда тотчас выскочили две крысы, которые, едва оказавшись на полу, превратились в серых собак. Злобно сверкая глазами и скаля зубы, собаки неотрывно смотрели на него. Недолго думая, Ли Линь-фу схватил лук и выстрелил в собак. Те сразу исчезли. Случай этот, однако, не остался без последствий. Не прошло и месяца, как Ли Линь-фу умер.

Лисы-оборотни

1

Пожалуй, больше всего народных суеверий связано в Китае с лисицей. Ей приписывались чудесные свойства. Считалось, что лисица могла вызывать пожар, отравить пищу и вообще причинить человеку множество бед. Чтобы умиловить лисицу, ей приносили жертвы. Крестьяне, дабы уберечься от ее гнева, рисовали большие белые круги на стенах домов и оградах. Народные поверья утверждают, что лисица умеет превращаться в кого угодно, но чаще всего принимает облик человека. Если лисице исполнилось 50 лет, она приобретает способность превращаться в женщину. В возрасте 100 лет она может принимать облик прекрасной молодой девушки или кудесника, владеющего всеми тайнами колдовства. А когда лисица достигнет тысячелетнего возраста, то может быть допущена на небо и тогда превратится в «небесную лисицу». Чаще всего лисицы-волшебницы (лисы-оборотни) старались, приняв образ красивой женщины, выйти замуж за обыкновенного человека. Разумному

мужу, не пытающемуся проникнуть в тайны жены, лисица могла принести счастье, но стремление узнать ее прошлое могло привести к большим неприятностям. Самым легким способом узнать в женщине лисицу считался такой: следовало рассмотреть ее тень при лунном свете, так как тень даже самой красивой женщины в этом случае давала точное изображение вытянутой лисьей морды с острыми ушами.

Лисица чрезвычайно осторожна и недоверчива, но часто идет на самые хитрые проделки, чтобы войти в доверие к смертным. Если человек нравственно испорчен и склонен к разврату, то лисица может причинить ему особенно много бед. Если же человек честен, лисица страшится его прямоты и избегает общения с ним. Нравственно слабая и лживая, она приобрела свое могущество от темного, холодного начала — инь*. Честный же человек получил знания и добродетели от своего животворящего начала — ян.

2

День за днем крестьянин Хуан Шэнь, когда пахал на своем поле, видел одну и ту же женщину, которая в сопровождении служанки проходила мимо его пашни. Она поднималась по меже вверх, затем с другой стороны спускалась вниз, а потом возвращалась обратно. Бесконечное и бессмысленное перемещение женщины навело Хуан Шэня на мысль, что это проделки нечистой силы. Он подошел к женщине и спросил у нее: «Откуда вы все время приходите?» Женщина приостановилась, засмеялась, но ничего не ответила и пошла дальше. Хуан Шэнь все меньше сомневался, что женщина и ее служанка — бесовки или оборотни. Он приготовил длинную косу и подстерег их на обратном пути. Только он замахнулся косой на служанку, как женщина тут же

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

превратилась в лису и убежала. А вместо служанки на земле остался лисий хвост. Хуан Шэнь кинулся вслед лисице, но не сумел ее догнать. Впоследствии люди, раскопав лисью нору, обнаружили там бесхвостую лисицу.

3

В давние времена знаменитый гадатель и прорицатель Хань Ю взялся за лечение девушки, которая была околдована демоном и в течение многих лет страдала от тяжких приступов болезни. Многочисленные колдуны не смогли совладать с нечистью, похищавшей жизненные силы девушки. Когда за дело взялся Хань Ю, он прежде всего совершил гадание на стеблях тысячелистника. Затем он приказал сделать полотняную сумку, которую, когда девушку вновь одолел приступ, вывесил над окном. Потом Хань Ю закрыл дверь и стал усиленно дуть, и вскоре сумка разбухла, как будто ее наполнили воздухом. В итоге сумка лопнула, и у девушки случился еще один сильный приступ. Затем Хань Ю сделал две кожаные сумки, которые он повесил рядом на то же самое место, что и первую. Когда обе сумки раздулись до предела, Хань Ю быстро затянул их веревками и повесил на дерево, где они оставались в течение двадцати с лишним дней. Все это время сумки постепенно уменьшались в размере. Когда же их открыли, то обнаружили внутри лисью шерсть. А девушка выздоровела.

4

У господина Пэй, помощника окружного начальника, был сын лет десяти, которого внезапно поразила тяжелая болезнь. Лекарства не помогали, и в течение десяти дней мальчику ни разу не полегчало, а только становилось все хуже и хуже.

Тогда отец решил пригласить даосского мага, чтобы тот изгнал демона болезни. Только господин Пэй подумал об этом, как вдруг в ворота дома постучали. Пришедший объявил, что его зовут Гао и что он умеет обращаться с магическими амулетами. Господин Пэй тут же пригласил его войти и попросил взглянуть на ребенка. «Эту болезнь на вашего сына наслала лисица-оборотень, — сказал лекарь. — Но я знаю, как спасти его». Согретый надеждой отец стал умолять врачевателя помочь его сыну. Гао стал при помощи амулетов заговаривать демона, и тут же мальчик внезапно поднялся и сказал: «Я здоров». Обрадованный отец принялся благодарить Гао и превозносить его искусство. Господин Пэй угостил лекаря самой лучшей едой и вином, щедро одарил деньгами и шелком, а прощаясь, проводил до самых ворот. Гао сказал, что мальчик еще нуждается в лечении и поэтому он будет приходить каждый день.

И действительно, хотя ребенку стало значительно лучше, он был еще не вполне здоров: часто бормотал бессвязные речи, испытывал внезапные приступы смеха или плача, с которыми никак не удавалось справиться. Гао приходил ежедневно, и отец обращал его внимание на состояние мальчика, но лекарь отвечал, что часть жизненных сил ребенка временно удерживается призраком и для полного выздоровления потребуется еще дней десять, не больше. Гао утверждал, что причин для беспокойства нет, и господин Пэй верил ему.

Через несколько дней к господину Пэй пришел другой врачеватель, который назвал себя Ван и сказал, что обладает чудодейственными амулетами, с помощью которых может разрушать козни демонов и изгонять насылаемые ими болезни.

— Я слышал, что ваш сын болен и еще не выздоровел, — сказал Ван. — Позвольте мне взгля-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

нуть на него. — Господин Пэй провел его к мальчику, и врачеватель в ужасе воскликнул: — Молодого господина околдовала лисица-оборотень! Лечение надо начать немедленно, пока еще не поздно.

Тогда Пэй рассказал ему о лекаре Гао. Ван, улыбнувшись, заметил:

— Откуда вы знаете, что господин Гао сам не является лисой?

Не успел Ван приготовить свои амулеты, чтобы изгонять демона, как вдруг появился лекарь Гао. Прямо с порога он обрушился на господина Пэй:

— Как же так! Мальчик только что пошел на поправку, а вы привели к нему ту самую лисицу — виновницу его болезни!

Ван, увидев Гао, в свою очередь закричал:

— Вот она — лисица-оборотень, которая насладала на ребенка болезнь да еще прикидывается врачевателем!

Пока оба лекаря кричали друг на друга, а господин Пэй в испуге и изумлении не знал, что предпринять, к воротам подошел даос.

— Я слышал, — обратился он к слуге, — что сын господина Пэй страдает от лисьей болезни. Я могу распознать демона и исцелить мальчика. Сообщите обо мне своему господину.

Слуга поспешил в дом, откуда вскоре вышел господин Пэй и рассказал даосу о том, что происходит. Пообещав разобраться, кто есть кто, даос вошел в дом, и оба лекаря при виде его закричали:

— Он тоже лиса, которая обманывает и губит людей!

Даос, захлопнув за собой дверь комнаты больного, обрушился на первых двух врачевателей, называя их лисами-оборотнями и приказывая им убираться восвояси. Теперь уже трое лекарей продолжали браниться, перекрикивая друг друга. Дошло дело и до драки. Господин Пэй и все его слуги стоя-

ли перед закрытой дверью в бездействии, охваченные страхом и смятением.

С наступлением сумерек шум внезапно стих. Хозяин открыл дверь комнаты и увидел трех лисиц, которые, тяжело и часто дыша, неподвижно лежали на полу. Господин Пэй схватил плетень и принялся хлестать лисиц. Он бил их до тех пор, пока они не издохли. Через десять дней мальчик поправился.

Как-то раз двое мальчиков-братьев работали в поле. Внезапно появился отец и набросился на них с ругательствами и кулаками. Мальчики пожаловались матери. Мать расспросила отца. Отец перепугался: он понял, что это бес-оборотень. Он велел своим сыновьям убить его, если тот появится еще раз, но призрак затаился и больше не приходил. Отец, опасаясь, что призрак так или иначе изведет его сыновей, отправился присмотреть за ними. Мальчики же, приняв его за беса, убили его и закопали. Тогда призрак поспешил к их дому, принял облик отца и сказал, что сыновья убили оборотня. Вечером мальчики вернулись домой, все их поздравляли, и несколько лет никто не догадывался, в чем дело. Как-то раз мимо их дома проходил даосский наставник. Он сказал братьям: «Ваш отец окружен весьма неблагоприятной аурой». Сыновья сообщили об этом отцу, и тот пришел в неопределимую ярость. Мальчики поспешили обратно к священнослужителю и посоветовали ему поскорее убраться. Но наставник с громкими возгласами вошел в дом, и отец, вмиг превратившись в старого лиса, скрылся под кроватью. Его тут же поймали и прикончили. Тут и выяснилось, что тот, которого мальчики убили прежде, оказывается, был их настоящий отец. Его перезахоронили и соблюдали по нему траур, как

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

положено. Вскоре один из сыновей от отчаяния покончил с собой, а другой так горевал, что вскоре тоже умер.

Порой народная молва наделяла лисиц-оборотней колдовскими способностями на том основании, что они якобы владеют таинственной жемчужиной, которая на самом деле является их душой. Лю Цюань-бо, живший при династии Тан, пишет, что Чжун-ай (т. е. «любимый всеми»), сын его кормилицы, в юности забавлялся тем, что ставил ночью на дороге сеть для того, чтобы поймать кабана, лисицу или еще какого-нибудь зверя. Как-то вечером Чжун-ай расставил сети неподалеку от деревушки, а сам спрятался, желая посмотреть; что будет дальше. Вдруг он услышал в темноте звук шагов, а чуть позже крадущегося зверя. Заметив сеть, зверь встал на дыбы и превратился в женщину, одетую в красную юбку. Обойдя сеть, женщина подошла к повозке, что стояла перед Чжун-аем, поймала крысу и съела ее. При виде такого зрелища Чжун-ай закричал, женщина бросилась прочь и попала в сеть. Чжун-ай стал колотить ее дубиной и, как ему показалось, забил ее до смерти. Но поскольку женщина не изменила своего облика, как полагалось оборотню после смерти, Чжун-ай усомнился, что перед ним оборотень и испугался. «А вдруг она человек?» — подумал он и бросил тело, сеть и все остальное в водоем, в котором вымачивали пеньку. Вернувшись домой глубокой ночью, он рассказал о произошедшем родителям. Родители испугались, что их сына обвинят в убийстве, и семья решила наутро бежать. Однако Чжун-аем снова овладели сомнения. «Видано ли это, чтобы женщины пожирали живых крыс? — сказал он самому себе. — Наверное, это все же

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

была лисица». Он снова пошел к водоему и увидел, что женщина ожила. В страхе он ударил ее большим топором прямо по пояснице — и женщина тут же превратилась в старую лисицу. Обрадованный Чжун-ай отнес зверя в деревню. Лисица была еще жива, и один буддийский монах посоветовал Чжун-аю сохранить ей жизнь. «Во рту у лисицы спрятана колдовская жемчужина, если сможешь завладеть ею, тебя полюбит вся Поднебесная», — сказал он. Связав лисице лапы, монах положил ее в корзину и сверху накрыл крышкой. Когда через несколько дней лисица уже могла есть, он закопал в землю сосуд с узким горлышком — так, чтобы горлышко находилось на уровне поверхности земли. Потом он бросил в сосуд два куска жареной свинины. Лисица, желая получить мясо, но будучи не в силах добраться до него, положила морду на горлышко сосуда. Когда мясо остыло, монах бросил в сосуд еще два куска. Постепенно рот у лисицы наполнился слюной. А монах все бросал и бросал мясо — до тех пор, пока лисица наконец не изрыгнула жемчужину и не умерла. Формой жемчужина напоминала игральную шашку: она была идеально круглой и изумительно красивой. Чжун-ай часто носил ее в своем поясе, и люди любили и высоко ценили его.

7

Во время Хань уроженец округа Пэйго по имени Чэнь Сянь был военным наместником в Сихае. В один из дней выяснилось, что воин из его личной охраны Ван Линсяо по неизвестной причине сбежал. Через некоторое время его нашли, и разъяренный Сянь даже хотел его казнить, однако в конце концов сменил гнев на милость. Однако через некоторое время Сяо сбежал вторично. Сянь его долго не мог отыскать и потому посадил в тюрьму его жену. Но

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

когда жена ответила без утайки на все вопросы, Сянь понял, что Сяо увела нечистая сила. Решив разыскать пропавшего во что бы то ни стало, наместник с несколькими десятками слуг и охотничьими собаками стал рыскать за стенами города. Через некоторое время Сяо был обнаружен в пустом могильном склепе. Оборотень же, услышав голоса людей и лай собак, скрылся. Люди, посланные Сянем, вывели Сяо наружу. Обликом он совершенно уподобился лисицам, человеческого в нем почти ничего не осталось. Он не разговаривал, а только бормотал: «А-Цзы!» (А-Цзы была кличка лисы.) Лишь дней через десять он постепенно начал приходить в себя и тогда рассказал: «Однажды в дальнем углу дома между куриных насестов появилась прекрасная женщина. Назвавшись А-Цзы*, она стала манить меня к себе. И так было до тех пор, пока я, сам того не желая, не пошел за ней, повинувшись ее призыву. Тут же она стала моей женой, и в тот же вечер мы оказались в ее доме... Дальше ничего не помню. И лишь когда меня нашли собаки, почувствовал радость». «Это горная нечисть», — определил приглашенный по такому случаю даос-гадатель.

Тигры-оборотни

Множество китайских легенд посвящено тигру. В Китае, как и в большинстве других стран, в которых обитают королевские тигры, наиболее жестоких и коварных представителей этого типа млекопитающих причисляют к людоедам. Однако китайцы объясняют подобные суеверия не тем, что человек являет собой легкую добычу или что якобы, попробовав однажды человеческую плоть, хищник уже не может избавиться от пристрастия к ней, а тем, что к поиску очередной новой жертвы тигра-людоеда побуждает дух последней съеденной им жертвы, который называется чангуй. Таким

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

образом, был создан целый класс злых демонов, не обладающих обликом зверя и не являющихся зверем-оборотнем. Эти демоны — призраки людей, служащие животным или населяющие их тела. Главное преимущество, которое дает тигру-людоеду чангуй, состоит в том, что душа погибшего позволяет хищнику выходить на след новой человеческой жертвы, ведь она жаждет освободиться от рабства, а сделать это она может только в том случае, если отыщет «замену»*. Эти души китайцы относят к числу наиболее опасных духов, поскольку они постоянно побуждают зверей к людоедству. Однако души ненавидят свое подневольное состояние и иногда освобождаются от власти своего полосатого властелина, заманивая его в ямы и ловушки, расставленные его врагами.

Вот несколько легенд о подобных демонах.

/

В Синьяне, в провинции Цзянси, один охотник зарабатывал на жизнь ловлей тигров. Он устанавливал рядом с какой-нибудь тропинкой арбалет и каждый день проверял это место. Он постоянно обнаруживал следы лап тигра и спущенную тетиву арбалета, однако стрела не попадала в зверя. Вспомнив старое поверье, что человек, съеденный тигром, становится его чангуй, охотник взобрался на дерево неподалеку и стал ждать. После второй стражи он увидел маленького лохматого призрака в голубой одежде. Призрак осторожно приблизился к арбалету, выпустил стрелу и удалился. Вскоре появился тигр, потоптался рядом с арбалетом и пошел дальше. Теперь охотник понял, в чем дело; он вложил в арбалет еще одну стрелу и спрятался. Призрак все сделал точно так же, как и в первый раз. Тогда охотник быстро спрыгнул с дерева, опять вложил стрелу и укрылся на дереве. Почти

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

сразу же появился тигр. Когда он задел за шнур, арбалет выстрелил. Стрела попала тигру прямо под ребра, и тот испустил дух. На этот раз призрак появился лишь спустя долгое время. Увидев, что тигр мертв, он начал прыгать и хлопать в ладоши от радости, после чего исчез.

Нередко призрак не только помогает тигру, но даже умудряется забрать власть над ним и стать сильнее его. Это делает чангуи вдвойне опасным, о чем свидетельствует следующая легенда.

В Цинчжоу, в провинции Хэнань, один человек, проходя как-то через горы, столкнулся с чангуй, который набросил на него шкуру тигра и тем самым превратил его в зверя. В течение трех или четырех лет ставший тигром человек находился под безраздельной властью призрака. Он убил и пожрал огромное множество людей, домашнего скота и диких животных. Однако хотя он и находился в обличий тигра, душа его противилась подобным деяниям. Как-то раз чангуй завел тигра за ворота буддийского монастыря. Зверь воспользовался предоставившейся возможностью и убежал в амбар, где спрятался под кроватью монаха — хранителя амбара. Перепуганная братия помчалась к настоятелю, чтобы сообщить ему о случившемся, и тогда один чаньский учитель, находившийся в ту пору в монастыре и умевший приручать диких зверей, отправился к тому месту, где спрятался тигр. «Мой дорогой ученик, — сказал он, положив на тигра свой посох, — что ты хочешь от нас? Ты хочешь съесть нас или ты просто прячешься под личиной зверя?» Тут тигр опустил уши, и из глаз его полились слезы. Чаньский учитель обвязал вокруг шеи зверя полотенце и отвел его в свою келью, где стал кормить обычной пи-

шей, которую едят люди и животные. Через полгода у тигра выпала шерсть, он вновь принял человеческий облик и подробно рассказал свою историю. В течение двух лет он не покидал монастыря, но по прошествии этого срока начал выходить за ворота и однажды столкнулся с призраком. Призрак вновь набросил на него тигровую шкуру, и он помчался обратно в монастырь. На этот раз тигровая шкура коснулась его только ниже талии, поэтому тигринные формы приобрела лишь нижняя половина тела. Тогда он засел за сутры и в течение года с лишним ревностно повторял их, в итоге он опять стал человеком. Более он не осмеливался переступать ворота монастыря и умер там.

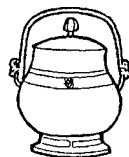
Практически все распространенные в Китае представления о чангуи подробно описаны в одной из легенд, которая повествует о том, как призрак вошел в телесную оболочку своей матери и ее устами поведал о своих злоключениях во время пребывания в плену у тигра.

В деревне, расположенной у подножия гор Цзиншань, в провинции Чжэцзян, жила одна семья, у которой был ребенок пятнадцати или шестнадцати лет, погибший в лапах тигра. Его мать, не в силах вынести горя, тяжело заболела. В один из дней, с наступлением ночи, она вдруг села в кровати и голосом своего давно исчезнувшего сына протяжно запричитала:

— О мать, о отец! Не печальтесь слишком сильно, таково было небесное предназначение для вашего сына.

— Кто ты? — в испуге воскликнул отец.

— Отец, вы не узнаете своего сына? — был ответ. — У меня не было более сил выносить беспредельную печаль матери по мне, поэтому, когда Ве-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

ликий (т. е. тигр) удалился, я выкроил время, чтобы прийти домой и дать ей утешение.

Тогда отец упросил сына рассказать свою историю.

— Как только я получил первые раны, — ответил сын, — все мое тело пронзила нестерпимая боль, но тут тотчас же появился второй слуга.

— Какой слуга? — не понял отец.

— Каждому вновь прибывающему слуге велено нести с первым большую сеть. С приходом нового слуги первый слуга получает облегчение, вот почему, когда старый слуга видит вновь прибывшего, он преисполнен радости. Ведь сеть очень тяжела.

— И что же они делают с нею? — спросил отец.

— Сетью мы ловим людей, которых затем съедают. Никто из пойманных сетью не избежал этой участи; все они попали под власть тигров. Когда тигры уходят в другую область, мы сопровождаем их до границы, а когда они возвращаются, мы встречаем их, и тогда чангуй опять не ведают ни отдыха, ни покоя. Для тех, кто был убит тигром, не полагается гробов, их следует сжигать, потому что иначе они должны будут нести гробы с собой. А это лишь усилит их страдания, поскольку увеличит тяжесть и без того тяжелой ноши. — В конце сын устами своей матери сказал: — Со мной здесь и другие духи, они жаждут увидеть своих родственников. Прошу вас, отец, позовите их сюда.

Отец взял факел и обошел всю деревню, и родственники всех тех, кого, начиная с годов Цзяцзин, утащили тигры, числом более пятидесяти, собрались в его доме. Мать говорила голосом каждого из погибших, и рассказы ее сопровождались слезами. Она говорила на протяжении всего дня и пришла в себя только с наступлением ночи. С того самого времени она поправилась, и еще много лет прожила в родном селении.

В последнем году Кайюань (741 г.) в Юйчжоу, в провинции Сычуань, свирепствовал тигр. Чтобы поймать его, приготовили западню, но обмануть тигра не удавалось. Во время новолуния один человек взобрался на дерево, чтобы посмотреть на ловушку, и увидел внизу чангуя в облике ребенка семи-восьми лет. Он был без одежды, проворно двигался, и тело его отливало цветом яшмы. Он освободил пружину капкана и прошел дальше. Наблюдатель слез с дерева и вновь натянул пружину. Спустя некоторое время появился тигр. Как и следовало ожидать, он угодил в капкан и погиб. Вскоре опять показался ребенок. С громкими стенаниями он влез в пасть к тигру. Когда занялся день, человек раскрыл тигру пасть и увидел у него в горле огромную яшму величиной с куриное яйцо.

В Синьчжоу, в провинции Цзянси, один человек по имени Лю Лао по поручению мирян занимал должность настоятеля в монастыре, затерявшемся среди горных ручьев. Его односельчанин, имевший около двухсот гусей, пожелал вступить на монашеское поприще и в связи с этим попросил Лю Лао оставить птиц у себя и держать до тех пор, пока они не умрут своей смертью. Лю Лао регулярно навещался к птицам, кормил их и следил за ними. Однако по прошествии нескольких месяцев птицы вдруг начали пропадать — не проходило дня, чтобы тигр не утаскивал гуся. Когда пропало более тридцати гусей, жители деревни разгневались. Они вырыли ямы вокруг того места, где содержались птицы, но тигр больше не появлялся. Прошло несколько дней, и к Лю Лао пришел старик с большой головой и длинной бородой и спросил, почему число гусей так

сильно уменьшилось. Лю Лао ответил, что птиц унес тигр.

— Почему же вы не поймаете зверя? — спросил старик.

— Мы расставили ловушки, но тигр не приходит, — ответил Лю Лао.

— Значит, это чангуй предупреждает его, — сказал старец. — Сперва следует справиться с ним, а потом уже можно поймать и тигра.

Когда Лю Лао спросил, как это сделать, старик ответил:

— Чангуй любит кислое. Разложите на дороге белые и черные сливы, а также плоды земляничного дерева: он начнет есть их и забудет обо всем остальном, а вы тем временем поймаете тигра. — С этими словами старик исчез.

Той же ночью жители деревни последовали его совету и разбросали на дороге фрукты. После того как пробили четвертую стражу, они услышали, как тигр свалился в яму. С тех пор гуси больше не пропадали.

6

В одной деревне жил юноша. Однажды ночью ему приснился сон, что явился тигр и съел его. Проснувшись и сочтя, что сон был вещим, юноша созвал своих односельчан. «Люди говорят, что души съеденных тиграми людей становятся их чангуй, — сказал он. — Значит, после своей смерти я буду таким же. Но я решил: когда я окажусь во власти тигра, я поведу его в деревню, где вы сможете его поймать, заранее приготовив западню на главной улице».

Через несколько дней тигр действительно утащил юношу, а вскоре после этого отцу его приснился сон. Сын сказал: «Теперь я — чангуй; завтра я приведу тигра, поторопитесь приготовить яму с за-

ладной стороны». Отец вместе с другими жителями деревни последовал совету, и, когда ловушка была готова, они в тот же день поймали тигра.

7

Обладатель ученой степени второй ступени по фамилии Ли поселился в горах Сюаньчжоу в провинции Аньхуэй. При нем находился слуга, который, однако, был настолько ленив, что Ли приходилось все время подгонять его то плеткой, то палкой. Вследствие этого слуга затаил глухую ненависть против своего хозяина. Как-то раз, находясь во дворе своего дома с двумя друзьями, Ли позвал слугу — тот в это время спал. Ли так разгневался, что ударил слугу плетью несколько десятков раз. В злобе слуга выбежал из дома. «Этот год — високосный, а значит, если верить тому, что говорят люди, в горах должно быть много тигров. Может, они сожрут меня? Лучше стать слугой тигра, чем сносить побои!» С этими словами он вышел за ворота, и уже вскоре раздались страшные крики. Прочие слуги побежали искать его, но не нашли. Тогда они отправились по следу тигра и прошли так более десяти ли. Там, на берегу реки, они нашли половину тела своего товарища, другая половина была съедена. Его одежда, платок и ботинки были туго завязаны в узел, который лежал рядом на траве.

8

Некто Чжан Цзунь гостил в Сюаньчжоу у Юань Тань-чжуана, начальника уезда Лишуй. Желая Чжан Цзуня унес тигр, и он поклялся, что отомстит. Вооружившись луком и стрелами, он отправился в горы, взобрался на высокое дерево, росшее неподалеку от логова тигра, и увидел такую картину: его жена лежит мертвая, и стережет

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

ее тигрица. Вдруг жена поднялась, почтительно поклонилась хищнику, сняла с себя одежду и уже голой вновь упала на землю. Тогда тигрица вывела из логова четверых тигрят, каждый из которых был размером с дикую кошку. Вилия хвостом, она облизала тело; потом подошли тигрята и стали с жадностью пожирать его. Цзунь несколькими стрелами убил тигрицу, а затем и четырех тигрят, отрубил им головы и принес их домой вместе с телом своей жены.

9

Один человек, имя которого предание не сохранило, отправился как-то в горы за хворостом. Когда наступили сумерки, его начали преследовать два тигра. Собрав все свои силы, человек стремительно вскарабкался на дерево. Дерево было не очень высоким; будь тигры немного подлиннее, они легко достали бы свою жертву. Вдруг один тигр сказал другому: «Надо позвать Чжу Ду-ши, тогда мы наверняка достанем того, кто сидит на дереве». Один тигр остался сторожить под деревом, другой куда-то отправился.

Вскоре появился третий тигр. Тело зверя было длинное и худое, он как раз подходил для той работы, ради которой его позвали. При ярком свете луны человеку хорошо было видно, как тигр протягивает свои лапы, чтобы схватить его за одежду. К счастью, у него на поясе висел топор для рубки дров. Он изловчился, нанес удар и отсек тигру переднюю лапу. Хищники взвыли, и все трое умчались прочь.

Человек слез с дерева не раньше чем дождался рассвета. Дома односельчане стали расспрашивать его о том, что произошло ночью. Выслушав его подробный рассказ, один из жителей деревни сказал: «В восточной части уезда живет Чжу Ду-

ши. Давайте пойдем туда и выясним, не он ли по ночам оборачивается тигром. Несколько человек отправились в то селение, и там они узнали, что прошлой ночью Чжу Ду-ши ненадолго вышел из дома и поранил себе руку, так что теперь лежит в постели. Стало совершенно ясно, что именно этот человек был тигром-оборотнем. Доложили обо всем начальнику уезда. Начальник приказал своим людям вооружиться мечами, окружить дом Чжу Ду-ши и поджечь его. Чжу Ду-ши вскочил с постели, выбежал наружу, превратился в тигра, бросился прямо на людей, а потом исчез в неизвестном направлении.

10

Юноша по имени Ши Дао-сюань, повредившись в рассудке, помимо своей воли превратился в тигра и погубил множество людей. Как-то он съел девочку, собиравшую в лесу ягоды, и спрятал ее браслеты и заколки для волос среди камней. Впоследствии, вновь приняв человеческий облик, он вспомнил об этом и нашел тайник.

Через год Ши Дао-сюань вернулся домой, стал жить как человек и даже поступил на государственную службу. Хорошо зарекомендовав себя, он со временем занял пост при дворе. Как-то ему случилось принять участие в разговоре о странных превращениях и удивительных, непостижимых происшествиях. Увлечшись, Ши Дао-сюань проговорился: «Много лет назад мое здоровье расстроилось, рассудок помутился, и я превратился в тигра-людоеда». Тут он перечислил имена всех своих жертв. Среди участников беседы оказались родственники погубленных им людей. Они схватили его и доставили властям. Ши Дао-сюань попал в тюрьму, где впоследствии умер от голода.

Рассказывают, что в краях, расположенных между реками Цзян и Хань, водятся люди-чу, т.е. оборотни. Их родоначальник — потомок государя Линя. Они умеют превращаться в тигров. Как-то раз народ, живущий высоко в горах (на востоке уезда Маньсянь), изготовил брус для поимки тигров. Брус был поднят, а на следующий день, когда люди толпой отправились проверять его, они обнаружили под ним начальника почтовой станции. Тот был в большой шапке из красной ткани.

— Зачем вы сюда влезли? — спросили у него.

— Вчера меня неожиданно вызвали в уезд, — сердито ответил начальник станции, — ночью был большой дождь, вот я и угодил сюда по ошибке. Скорее выпустите меня!

— Покажите ваш вызов, — сказали люди.

Начальник станции вынул из-за пазухи документ с вызовом. Тогда его выпустили. В ту же секунду он превратился в тигра и убежал в горы. Предание гласит: что тигр-чу (т. е. оборотень), превращаясь в человека, любит надевать лиловую одежду из рогажи. Лапы его лишены пяток. Тигры, у которых на лапах пять пальцев, — это тоже чу.

В годы Цзяньян (1127-1130) в Цзиннани, провинция Хубэй, развелось столько тигров, что все население окрестных деревень бежало в город, чтобы спастись от них. Некто Чжан Сы еще не успел уйти, как вдруг появился тигр. Чжан Сы поспешил спрятаться меж балок, поддерживавших крышу. Чудище вошло в главный зал дома, сбросило шкуру и превратилось в человека. Затем в поисках хозяина вышло за ворота. Тогда Чжан слез вниз и взял тигровую шкуру. Не успел он забраться обратно и по-

ложить шкуру на балку, как человек вернулся. Не обнаружив шкуры, он стоял в оцепенении, затем достал из-за пазухи запечатанное послание, развернул его на полу и сказал:

— Я получил это повеление покончить с членами клана Жо и других от Неба, но я стер с него все имена, за исключением Чжан Сы. Верни мне мою шкуру, и я оставлю людей Жо в покое.

На что Чжан ответил:

— Я не отдам ее тебе до тех пор, пока ты не вычеркнешь и мое имя.

Человек-тигр достал из одежды кисть и вычеркнул последнее имя. Чжан сбросил шкуру вниз. Оборотень набросил ее на себя, тут же принял прежний облик и издал такой страшный рев, что Чжан затрясся от страха и чуть не упал вниз, но тут тигр убежал прочь. На следующий день тигра убило молнией в шестидесяти ли от этого места.

13

Из всех демонов-тигров самыми страшными и опасными считались те, что принимали облик женщины и склоняли мужчин к браку, но в конце концов пожирали и своих мужей, и детей, что успели появиться на свет. Одной из жертв такого чудовищного вероломства стал Цуй Тао, человек из Пучжоу.

Отправившись как-то раз на рассвете из Лиiana в Чучжоу, в провинции Аньхуэй, он вскоре добрался до постоялого двора, называвшегося «Гуманность и справедливость». Цуй Тао решил остаться там на ночлег.

— Этот постоялый двор пользуется дурной славой, — сказал ему хозяин. — Прошу вас не оставаться здесь.

Но Тао не послушался совета и, закинув за спину дорожную сумку, отправился в главные по-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

кои. Хозяин дал ему лампу и свечу. После второй стражи Тао разложил одеяло и уже собрался было лечь спать, как вдруг увидел, что в ворота просунулась огромная звериная лапа. Внезапно ворота распахнулись, и во двор вошел тигр. В испуге Тао забился в самый темный угол и оттуда наблюдал, как чудище сбросило шкуру и обратилось в девушку необычайной красоты. На девушке была великолепная одежда и украшения. Она поднялась в главный зал и улеглась на его одеяло. Тао вышел из своего укрытия.

— Почему вы лежите на моем одеяле? — спросил он. — Только что я видел, как вы вошли сюда в обликий зверя, что все это значит?

Девушка встала и сказала:

— Думаю, что смогу успокоить вас. Дело в том, что мой отец и старший брат — охотники, а семья наша так бедна, что все их попытки найти для меня жениха ни к чему не привели. Тогда я стала тайком набрасывать на себя тигровую шкуру и по ночам приходить сюда. Зная, что здесь останавливаются на ночлег благородные люди, я решила отдать себя одному из них, чтобы чистить и убирать его дом. Но все гости и путешественники поочередно прогоняли меня из страха. И лишь сегодня мне посчастливилось встретить доброго человека, который, надеюсь, откликнется на мои чувства.

— Если это действительно правда, — сказал Тао, — я не вижу ничего лучшего, как жить с тобой в счастье и согласии.

Покидая на следующее утро постоялый двор, он взял девушку с собой, предварительно бросив тигровую шкуру в высохший колодец позади дома. Впоследствии за успехи в изучении канонов Тао получил ученую степень, и его назначили начальником Сюаньчэна. Направляясь к месту назначения со своей женой и сыновьями, он вновь остановился на

ночлег на постоялом дворе «Гуманность и справедливость».

— Здесь я впервые встретил тебя, — с улыбкой произнес Тао и направился к старому колодцу. Заглянув в него, он увидел, что тигровая шкура по-прежнему лежит там. Это заставило его рассмеяться. — И одежда, которая тогда была на тебе, до сих пор здесь, — сказал он своей жене.

— Достань ее, — попросила она. Увидев шкуру в его руках, она сказала со смехом: — Позволь мне примерить ее еще раз.

Едва облачившись в шкуру, она тут же превратилась в свирепого тигра, который сожрал Тао вместе с детьми и бесследно исчез.

Злокозненные духи

1

Даос Се Фэй как-то пустился в неблизкий путь, чтобы купить котел. По дороге домой он увидел в горах храм над ручейком и решил там заночевать. Опасаясь всяких неожиданностей, он при входе в храм громко возгласил: «Я, посланник Небесного владыки, останавливаюсь здесь на ночлег!»

Среди ночи кто-то подошел к дверям храма и позвал:

— Хэ Медный!

Услышав отклик на свой зов, тот же голос спросил:

— Откуда в храме человеческий запах?

— Здесь заночевал человек, который назвал себя посланником Небесного владыки, — ответил Хэ Медный. Через некоторое время вопрошавший ушел, но пришел другой, и Се Фэй услышал тот же вопрос и тот же ответ. Второй посетитель, тяжело вздохнув, удалился.

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Встревоженный Се Фэй не мог заснуть. Он поднялся, окликнул Медного и спросил, кто только что приходил.

— Белый кайман, живущий в норе на берегу ручья, — последовал ответ.

— А сам-то ты кто такой?

— Я — большая черепаха, живу в скалах к северу от храма, — ответил Хэ Медный.

Задав еще несколько вопросов, даос составил ясное представление о храме. На рассвете он объявил местным жителям:

— Никаких божеств в этом храме нет, здесь обитают только разные твари, вроде черепах и кайманов. Незачем совершать здесь моления и приносить жертвы.

Собравшиеся люди раскопали звериные норы и поубивали их обитателей. Потом разрушили храм и прекратили жертвоприношения. После этого в тех краях воцарились мир и покой.

2

Однажды ханьский император У-ди отправился в путешествие на Восток. Когда он выезжал из заставы Ханьгугуань, какая-то тварь преградила ему дорогу. Длинной она была в несколько чжанов, видом походила на вола, у нее были черные глаза с мерцающими зрачками. Четыре ноги настолько твердо стояли, что, казалось, вросли в землю, сдвинуть ее с места было совершенно невозможно. Все чиновники дрожали от страха. Тогда Дунфан Шо посоветовал окропить эту тварь вином. Вылили на нее несколько десятков ху — и тварь рассеялась. Император потребовал объяснений. И Дунфан Шо сказал: «Тварь эта зовется Невзгода. Она порождение духа печали, а возникла из беззаконий во время Цинь. Иногда ее появление связывают и с другими преступными

беззакониями. Однако всем хорошо известно, что печали забываются за вином. Потому-то вино и заставило эту тварь рассеяться». — «Да! — сказал император. — Вот чего может достигнуть муж, проникший в суть вещей».

3

Во время династии У в западном предместье уезда Цзясин жил некий Ни Яньсы. И появилось привидение, которое входило в его дом, разговаривало с людьми, ело и пило как человек, но никому не показывалось. Одна служанка в семье Яньсы, случалось, поругивала хозяев в их отсутствие. Привидение доложило хозяину, что именно она говорила. Яньсы наказал служанку, и с тех пор она не осмеливалась бранить его. У Яньсы была младшая жена, и привидение стало неотступно ее домогаться. Увидев, какой оборот принимает дело, Яньсы пригласил даоса для изгнания беса. Приготовил для священнослужителя вино и закуску, но привидение, достав нечистот из отхожего места, забросало этим угощение. Даос принялся не переставая бить в барабан, призывая на помощь духов. Но привидение схватило ночной горшок, носивший название «лежащий тигр», уселось на возвышении для духов и принялось издавать звуки, напоминающие гудение рога. Внезапно даос почувствовал холодок на спине, вскочил, расстегнул одежду — а там содержимое «лежащего тигра». Тогда даос бросил все и ушел. Ночью в кровати Яньсы тайком беседовал со своей старшей женой, и они вместе сетовали на привидение. А привидение вдруг оказалось на потолочной балке и обратилось к Яньсы: «Вы тут с женой судачите обо мне, а я у вас балку перепилю!» И в тот же миг послышались звуки: вжик-вжик. Яньсы, боясь, что балка переломится, осветил было ее огнем, но привиде-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

ние сразу же огонь загасило, а звуки распиливаемой балки участились. Яньсы, опасаясь, что дом рухнет, выслал вон всех от мала до велика, еще раз взял огонь и увидел, что балка в полном порядке. Привидение же хохотало и спрашивало у Яньсы: «Ну что? Будете еще судачить обо мне?»

Об этих проказах прослышал дяньнун округа. «Не иначе этот дух — лис-оборотень», — решил он. Привидение тотчас же явилось к нему и завопило: «Ты присвоил несколько ху казенного зерна и спрятал в таком-то месте! Опозорил свою должность — и еще смеешь судить обо мне? Сегодня же доложу в управление, пусть пришлют людей отобрать у тебя украденное».

Дяньнун перепугался и попросил помиловать его. С тех пор никто уже не осмеливался сказать что-то против привидения. А через три года привидение ушло само. И куда девалось — неизвестно.

4

Во время Хань в округе Дунцзюнь в доме одного простолюдина творились всяческие чудеса. Без видимой причины, сам собой, большой жбан вдруг стал издавать громоподобные звуки, словно кто-то колотил по нему. Таз, стоявший на столике, внезапно куда-то исчез. Курица вывела цыплят — и они тоже пропали. Так продолжалось несколько лет. Наконец людям все это надоело. Они приготовили побольше хорошей пищи, накрыли ее крышкой и поставили в доме, а сами тайно спрятались за дверь, желая подсмотреть, кто все это творит. Ждали довольно долго, наконец, раздались знакомые звуки. Услыхав их, люди быстро заперли дверь, обыскали все помещение, но так ничего и не нашли. Тогда они схватили палку и стали бить ею куда попало. Через некоторое время в одном из углов помещения после ударов послышался стон и ясноразличимые

слова: «Ох! Ох! Помираю!» Люди тщательно осмотрели комнату и обнаружили столетнего старика, бормотавшего что-то несуразное. Видом он очень походил на зверя. Тут же учинили дознание и в результате всего в нескольких ли от своего дома отыскали семью старика, которая заявила: «А мы его уже лет десять как потеряли!»

Родные и радовались, что старик нашелся, и печалились оттого, что тот был не совсем в своем уме. Но прошло около года, и старик опять пропал. Только слышно было, что в пределах владения Чэньлю возобновились чудеса на прежний лад. «Не иначе это проделки неугомонного старика», — решили односельчане.

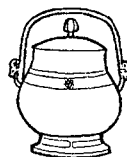
5

Во время Хань, в правление императора Линди, матушка семейства Хуан, проживавшего в округе Цзянся, мылась в лохани, долго из нее не вылезала и в итоге превратилась в черепаху-юань. Перепуганная служанка побежала и сообщила об этом домашним. Когда же они пришли туда, юань покатила колесом и скрылась в глубоком омуте. Впоследствии она время от времени вылезала наружу, и ее видели. Когда она мылась, волосы у нее были заколоты серебряной шпилькой — шпилька так и оставалась в ее голове. Вот почему люди из рода Хуан уже много поколений не отваживаются есть мясо черепахи-юань*.

Злокозненные духи вещей

1

В доме Ван Чэня творились странные вещи. Время от времени кто-то невидимый хлопал в ладоши или издавал странные крики. Домочадцы, как ни

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

старались, не могли ничего разглядеть. Однажды ночью мать хозяина дома сквозь дрему ясно услышала голос, доносившийся из-под очага:

— Вэнь Юэ! Где же ты? Почему не идешь?

Ответ прозвучал из-под изголовья, на которое пожилая женщина положила голову.

— Мне изголовье мешает, — так же ясно произнес другой голос, — не могу прийти! Приходи сам ко мне, выпьем вместе.

Утром люди заглянули под изголовье и нашли там две толкуши для каши, которые, как видно, и переговаривались среди ночи. Толкуши сожгли, после чего все странности в доме прекратились.

2

Случилось так, что в семью Ши Цзун-у, помощника командующего Гуйлиня, с юности отличавшегося хорошим искусством стрельбы из лука, пришла тяжелая заразная болезнь, которой заболели все старшие и младшие члены семьи. Каждый день глубокой ночью в дом входил человек, от тела которого исходил свет. С его появлением больные начинали кричать и стонать еще сильнее. Ни один лекарь не мог справиться с болезнью. Тогда Цзун-у в один из вечеров взял свой лук и встал на страже у ворот, ожидая призрака. Когда призрак появился, Цзун-у прицелился и выстрелил. Первая же стрела достигла цели — сияющее пламя призрака разлетелось мелкими искорками. Тогда Цзун-у приказал принести факелы, чтобы осмотреть место. Вскоре был найден перевернутый подсвечник из камфорного дерева, которым в семье пользовались уже много лет. Подсвечник разрубили на мелкие кусочки, сожгли их, а пепел выбросили в реку. После этого все больные поправились.

Цзян Вэй-юэ не боялся ни демонов, ни духов. Как-то он спал в одиночестве под окном и услышал снаружи человеческие голоса. «Это вы, проклятые призраки? — гневно воскликнул он. — Если да, то входите, поглядим друг на друга! Но если у вас здесь нет никакого дела, то незачем пугать меня». Не успел он произнести эти слова, как призраки ворвались в дверь. Они хотели уже было залезть на его постель, но тут увидели, что Вэй-юэ их совсем не боится, и отошли к стене. Всего их было семь. Вэй-юэ спросил их, зачем они встали у стены, а когда не получил ответа, набросился на них с подушкой. Один за другим призраки убежали из комнаты. Вэй-юэ бросился за ними, но увидел только, как они исчезли во дворе. На следующий день он перекопал землю и нашел семь сломанных спиц от колеса.

У одного богача вдруг ни с того ни с сего пришли в упадок дела. Потеряв почти все свое имущество, он продал свой дом. После переселения всех членов семьи нового хозяина дома поразили болезни. Тогда он продал дом человеку по имени Хэ Вэнь.

Хэ Вэнь в первый же вечер на новом месте вооружился большим ножом, забрался на балку в северном зале дома, притаился там и дождался очередного появления трех призраков, которые имели человеческий облик, только ростом они были очень высоки. На первом одежда была желтого цвета, на втором — синего, на третьем — белого. Каждый из призраков, войдя в зал, обращался к кому-то, кого называл Тонкий Стан, с одним и тем же вопросом:

— Почему в этом доме слышен живой человеческий дух?

И все три раза Тонкий Стан отвечал:

— Ничего не чувствую.

Перед самым рассветом Хэ Вэнь выбрался из своего укрытия и, окликнув Тонкий Стан, спросил у него, кто были те трое в одежде разного цвета. Тонкий Стан ответил, что человек в желтой одежде — это золото, спрятанное под стеной зала с западной стороны. В синей одежде являлись медные монеты, зарытые недалеко от колодца. А в белой одежде приходило серебро, лежащее под столбом в северо-восточном углу ограды.

— А сам-то ты кто? — спросил напоследок Хэ Вэнь.

— Я — пест, — отозвался Тонкий Стан. — Я лежу под очагом.

Когда наступило утро, Хэ Вэнь откопал по порядку золото, серебро и медные монеты. Потом он отыскал пест и сжег его. Так Хэ Вэнь обрел богатство, а в доме вновь стало тихо.

Деревья-оборотни

1

Существуют легенды не только о животных-оборотнях, но даже и об оборотнях-деревьях. Вот одна из них.

На северо-западе страны стоял буддийский монастырь. Монах по имени Чжи-гун каждый вечер удалялся в тихую прохладную рощу, где его никто не мог потревожить, и погружался в медитацию. Так прошло несколько лет. Но в одну из ночей в монастыре появился какой-то человек. До самого рассвета бродил он по монастырю, выкрикивая имя монаха. Это продолжалось и на следующую, и на тре-

тью ночь. Когда на третью ночь его голос вновь достиг кельи монаха, Чжи-тун спросил: «Зачем ты зовешь меня? Войди и спроси, что тебе нужно». Тогда на пороге появилось существо в шесть с лишним чи ростом, в черной одежде, с синим лицом, широкими глазами и толстыми губами. Увидев монаха, оно смиренно сложило руки перед собой. Чжи-тун, пристально посмотрев на незнакомца, спросил: «Замерз? — и предложил: — Двигайся ближе к огню». Незнакомец сел, а Чжи-тун продолжил нараспев читать сутры. Ближе к пятой страже незнакомец разомлел у огня, и, закрыв глаза и открыв рот, громко захрапел. Увидев это, Чжи-тун взял ложку для ладана и бросил ему в рот несколько горящих угольков. Существо вскочило и со страшным воем бросилось к воротам. Затем со стороны холма, что располагался за монастырем, донесся звук, словно кто-то споткнулся. На следующее утро Чжи-тун осмотрел место и нашел там кусок коры. В поисках неведомого существа он взобрался на холм и увидел в нескольких ли от себя большое зеленое дерево-тун с зелеными ветвями, а выбоина на корнях дерева, казалось, была сделана совсем недавно. Он приставил к выбоине кусок коры и обнаружил, что они совершенно совпадают по размерам. После этого Чжи-тун взглянул на ствол дерева. Примерно посередине ствола дровосек вырубил дупло глубиной в шесть цуней. Это был рот призрака, поскольку в нем до сих пор тлели и мерцали огоньки. Тогда Чжи-тун поджег дерево, и призрак более никогда не появлялся в монастыре.

2

Вредоносная природа деревьев-призраков ярче всего проявляется тогда, когда они становятся причиной болезни и смерти людей. В десяти ли к югу от уездного города Цзяо-чэн по ночам часто появля-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

лись призраки, пугавшие людей, вызывавшие недуги и даже приводившие к смерти. Долгое время они причиняли большое беспокойство тамошним жителям, пока один из них, проходя как-то ночью мимо южной оконечности города с луком и стрелами, не заметил вдруг призрака, похожего на человека-великана, одетого в красное, с черным платком на голове. Сгорбившись, призрак медленно приблизился к нему, словно пьяный. Тем временем перепугавшийся человек пришел в себя, натянул до отказа тетиву и выпустил стрелу. Стрела попала в призрака, и он исчез. А крестьянин со всех ног бросился в город и, добравшись до трактира, рассказал о том, что с ним произошло. На следующий день к западу от рва, окружавшего город, он увидел красное коричневое дерево с торчащей из ствола стрелой, которую он опознал как свою собственную. Он вытащил ее, отнес домой и обнаружил кровь на ее острие. Уездные власти, которым донесли об этом случае, распорядились сжечь дерево, и с тех пор явление призрака прекратилось.

Деревья-призраки могут принимать и облик огромных черных чудовищ. В годы Тайхэ (согласно преданию, 827— 836) жил некто по имени Цзян Ся, мелкий чиновник, в чьем доме происходили странные и таинственные вещи. Каждую ночь появлялся великан, черный, как уголь, распространявший вокруг себя свет. Все, кто видел его, пугались, заболели и умирали. Потом появился колдун и прорицатель Сюй Юань-чан, которому чиновник приказал с помощью магических амулетов и заклинаний покачать призрака. Вечером Юань-чан уселся под западным балконом зала и стал ждать. Неожиданно появился великан. Юань-чан достал амулет и бросил его в чудовище. Амулет попал великану в руку, раз-

дался такой звук, словно руку отрубили, и она упала на землю. Великан исчез, и Юань-чан увидел, что упавшая на землю рука на самом деле не рука, а сухая ветка. На следующее утро слуга сказал ему: «Ваш амулет прилип к дереву, что растет в северо-восточном углу». Они немедленно отправились туда: у дерева была отрублена ветка, а на ее месте находился амулет. Юань-чан со слугой срубили дерево, и с тех пор призрак больше не беспокоил обитателей дома.

4

Шу Гао служил правителем округа Гуйян, потом он уехал в Яньлин, поселился там с семьей и купил себе поле. На поле росло дерево в десять обхватов. Его густая крона закрывала большой участок земли — так, что на ней не родился хлеб. Хозяин послал слугу срубить дерево. После нескольких ударов топором из ствола начал сочиться красный сок. Слуга перепугался и, вернувшись, рассказал об этом Шу Гао. «Дерево большое, — рассердился Шу Гао, — вот и сока много, нашел чему удивляться!»

Тем не менее он сам отправился на поле. Когда принялись рубить снова, кровь хлынула потоком. Тогда Шу Гао велел сначала обрубить у дерева ветви. После этого в верхней части дерева стало видно дупло, а в нем — белоголовый старец ростом в четыре-пять чи. Он стремглав выскочил наружу и бросился на Шу Гао. Гао же сразил его своим мечом. Так он срубил четыре или пять голов и перебил всех сидевших в дуплах. Все слуги, сопровождающие своего хозяина, в страхе попадали на землю ничком, и только Шу Гао, как и прежде, сохранял полное присутствие духа. Он рассмотрел существ внимательно, но так и не смог понять, кто перед ним — звери или люди. После этого дерево срубили.

Воскресшие мертвецы

1

Существуют в Китае и легенды о мертвецах, встающих из своих могил и в виде призраков приходящих к людям.

Чжун Яо из Иньчуани по несколько месяцев не появлялся при дворе, выказывая при этом необычайную строптивость. Кто-то спросил его: в чем дело? На что он ответил:

— Все мое время занимает женщина необыкновенной красоты.

— Так это, верно, оборотень, — заявил вопрошавший, — ее надо уничтожить.

Подумав, Яо согласился. Когда женщина пришла в очередной раз, то в дом не вошла, а остановилась перед дверьми.

— Что случилось? — спросил Яо.

— Вы задумали убить меня, — ответила она.

— Да нет же! — стал уверять ее Яо. Он упорно зазывал ее, и она вошла к нему в дом. Но Яо, подозревая с ее стороны недоброе, ударил ее секирой и поранил ей бедро. Женщина выскочила наружу, приложила к ране чистую хлопковую вату, и кровь перестала течь. На следующий день послали людей выследить, где она. Следы привели к большому могильному склепу. В гробу лежала красавица, обликом совершенно как живая, одетая в белую шелковую рубашку и красную вышитую безрукавку. На левом бедре у нее зияла рана, а кровь была вытерта ватой.

2

В Ханьское время гуанчуаньский ван имел обыкновение вскрывать могилы. Он разорил могилу Луань Шу. Все знаки достоинства, украшавшие

гроб, перегнили без остатка. В склепе оказалась только белая лиса. Увидав людей, она испугалась и убежала. Слуги, сопровождавшие вана, ее преследовали, но не поймали, лишь поранили ей левую ногу. В ту же ночь вану приснился мужчина с совершенно белыми усами и бровями. Войдя в дом, он спросил вана: «Ты зачем поранил мне левую ногу?» И ударил вана своим посохом тоже по левой ноге. Ван ощутил острую боль. На *его* ноге вздулся такой нарыв, что он едва не умер.

Злокозненные духи самоубийц

Особое внимание китайцы уделяли в своих легендах злокозненным духам, которые могут настолько завладеть волей человека, что доведут его до самоубийства. В народе существовало поверье, что большинство случаев самоубийства не обходятся без участия злых духов. Считалось, что веревка, при помощи которой самоубийца свел счеты с жизнью, потом переходит к его призраку, блуждающему с ней в поисках «жертвы-замены», и что если с помощью этой веревки покончил с собой один человек, то это же может случиться и со вторым, и с третьим.

Интересны взгляды китайцев на то, из чего состоит злокозненный дух самоубийцы, каким образом он выходит из духа умершего. Считается, что замену себе ищет не «шэнь» самоубийцы (т. е. душа), т. к. шэнь человека, согласно поверьям, поднимается к небу и соединяется с высшей силой ян, из которой он ранее и зародился. Потому не в его природе нести вред. Вред несет «по» (или «гуй» — еще одна сущность человека), которая спускается на землю и возвращается на то самое место, где человек покончил с собой. Согласно поверьям, по человеку — это нечто похожее на сожженные пшенич-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

ные отруби, находящиеся под повешенным. Если эту сущность немедленно выкопать, то ее можно разрушить, но если этим пренебречь, она погружается все глубже в землю, и, пока не будет уничтожена, самоубийства будут повторяться. При рождении человек получает два начала — инь и ян, которые составляют его тело, его хунь и по; до тех пор пока оба начала пребывают в гармонии, человек живет, но как только они расходятся, человек умирает. Тогда его хунь поднимается на небо, а его по проникает в землю. Поскольку по принадлежит к инь, она впитывается землей и превращается в вышеупомянутую субстанцию.

1

Некто Чэнь Гун-пэн находился в дружеских отношениях со своим соседом Ли Фу. Осенним лунным вечером Чэнь отправился к дому Ли, намереваясь поболтать со старым приятелем. «Я только собирался выпить вместе с женой вина, — сказал ему Ли, — но обнаружил, что оно закончилось. Посиди немного, я схожу и куплю вина, тогда мы сможем вместе полюбоваться луной». Чэнь сел, держа в руках свиток со стихами, и стал ждать возвращения друга. Вскоре за воротами появилась женщина в голубом платье и с растрепанными волосами. Она открыла ворота, вошла внутрь, но, заметив Чэня, тут же исчезла. Чэнь предположил, что это женщина из семьи Ли и что она, увидев незнакомого человека, решила, что ей не следует с ним встречаться. Поэтому он пересел в сторону, чтобы дать ей пройти. Вскоре женщина появилась снова, вытащила что-то из рукава, спрятала под оградой и поспешила в дом. Чэнь, стгорая от любопытства и желая узнать, что она спрятала, подошел к ограде и увидел окропленную кровью веревку, от которой исходил неприятный

запах. Он догадался, что эта женщина — призрак повесившегося человека. Тогда он спрятал веревку в сапог и, как ни в чем не бывало, уселся на прежнее место. Вскоре женщина с распущенными волосами вышла из дома и направилась к тому месту, где оставила веревку. Не обнаружив ее, она страшно рассердилась и подбежала к тому месту, где сидел Чэнь.

— Отдай мне мою вещь! — вскричала она.

— Какую вещь? — спросил Чэнь. Но женщина ничего не ответила. Выпрямившись, она широко открыла рот и обожгла Чэня ледяным дыханием — так, что волосы у него встали дыбом, а зубы застучали от холода. Лампа зашипела, приобрела зловещий зеленый оттенок, и казалось, вот-вот погаснет. «У призрака есть ци*, — подумал про себя Чэнь, — а у меня неужели нет?» И он тоже изо всех сил дунул на женщину. И — о чудо! — в том месте, где воздушный поток попал в женщину, образовалась дыра. Вначале исчез ее живот, затем грудь и, наконец, голова. Через мгновение она превратилась в легкий дым, который рассеялся и больше не появлялся.

Спустя какое-то время прибежал Ли и закричал, что его жена повесилась на кровати. Но Чэнь лишь улыбнулся в ответ:

— С ней ничего не могло случиться, поскольку веревка призрака все еще у меня в сапоге.

Пока он рассказывал обо всем, что произошло, они вместе вошли в дом и освободили жену Ли из петли. Потом они влили ей в рот имбирного напитка, а когда она пришла в себя, спросили, почему она решила умереть. Женщина ответила:

— Хотя мы очень бедны, мой муж любит приветать гостей. Чтобы купить вина, он взял последнюю заколку для волос, что осталась у меня. Но, как бы ни велика была моя печаль, плакать я не могла, поскольку во дворе находился гость.

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Тут позади меня появилась женщина с распущенными волосами. Она сказала, что живет по соседству с нами и что муж забрал заколку вовсе не для того, чтобы попотчевать гостя, а для того, чтобы отправиться в игорный дом. Услышав это, я была вне себя от гнева и печали. Женщина с распущенными волосами в это время собственными руками сделала петлю. «С помощью этого вы сможете вступить в беспредельную радость царства Будды», — сказала она. Я просунула голову в петлю, но женщине никак не удавалось крепко затянуть ее; петля все время ослабевала. Тогда со словами «я принесу для вас собственный пояс Будды, с помощью которого вы сами станете Буддой» она выбежала из дома и довольно долго отсутствовала. Я же все это время спала, а потом пришли вы и спасли меня.

Потом они поспрашивали людей и выяснили, что за несколько месяцев до того в их деревне повесилась одна женщина.

2

Один полицейский из Цзюйжуна, что находится в провинции Аньхуэй, по имени Инь Цянь славился умением ловить грабителей. Каждую ночь он нес дозор в каком-нибудь темном, редко посещаемом месте. Однажды он направлялся в одну деревню, как вдруг его обогнал какой-то человек с веревкой в руке. Человек явно куда-то спешил, так как бежал изо всех сил. «Должно быть, это грабитель», — сказал про себя Инь и стал преследовать его, пока тот не добрался до одного из домов и не перелез через стену. Инь решил, что лучше пока его не ловить, а понаблюдать за ним, ведь если он доставит в управу невиновного, то не получит никакой награды. Внезапно до него донесся еле сдерживаемый плач женщины. Подозрения

Иня усилились, он перебрался через стену и увидел замужнюю женщину, расчесывающую перед зеркалом свои волосы, в то время как существо с распущенными волосами, притаившееся на стропилах крыши, пыталось поймать ее веревкой. Теперь Инь понял, что это призрак повесившегося ищет себе замену. С громким криком Инь ворвался в дом через окно. Сбежались перепуганные соседи, Инь рассказал им, в чем дело, и тогда они увидели женщину, повесившуюся на балке. Люди подняли ее и тем самым спасли, а свекор и свекровь сердечно поблагодарили Иня и поднесли ему вина. Когда все разошлись, Инь отправился той же дорогой домой. Солнце еще не взошло. Услышав позади себя какой-то шорох, Инь обернулся и увидел призрака с веревкой.

— Какое тебе дело до того, что я поймал ту женщину? — зло спросил призрак. — Почему ты нарушаешь наши обычаи? — И с этими словами призрак набросился на Иня с кулаками.

Но Иня было не так просто напугать, он тоже стал бить призрака, и кулаки его ударяли во что-то холодное и отвратительное. Начинался рассвет, и силы призрака убывали тем быстрее, чем светлее становилось вокруг, в то время как ловкость и сила Иня только возрастали. Он крепко схватил призрака, но тут проходивший мимо человек увидел, что на самом деле Инь сжимает кусок сгнившего дерева и страшно ругается. Приблизившись, прохожий увидел, что Инь словно спит, но тут Инь пришел в себя, и кусок сгнившего дерева упал на землю.

— Это дерево — единственное место, где призрак может найти себе пристанище! — гневно воскликнул Инь. — Но я не пощажу его. — Он отнес дерево домой и прибил гвоздями к столбу, что стоял у него во дворе. После этого каждую ночь оно

стонало и плакало, словно страдало от нестерпимой боли и горя. Через несколько ночей стали раздаваться жалобные, похожие на детские, голоса, разговаривавшие с этим существом и успокаивавшие его. Они просили от его имени милости, но Инь не обращал на них внимания. Внезапно один из голосов сказал: «Радуйся, что хозяин дома просто пригвоздил тебя, если бы он связал тебя веревкой, страдания твои были бы несравненно страшнее». «Попридержи язык», — в один голос зашипели на него остальные призраки. На следующий день Инь заменил гвоздь веревкой. Ночью он не слышал завывания призрака, а наутро он обнаружил, что кусок сгнившего дерева исчез.

Злокозненные водные духи — шуй гуй

Во многих районах Китая распространено убеждение, что шуй гуй, т. е. водные духи, — это души утонувших людей. Проведя какое-то время в водных глубинах в рабстве у божеств, они могут освободиться от рабства только в том случае, если предоставят замену. Поэтому они затаиваются и ловят удобный случай, чтобы поймать несчастную жертву и отдать ее в рабство вместо себя. Души утопленников называются чан. Точно так же именуются жертвы тигров, которые, согласно народной молве, заставляют чудовищ выискивать и пожирать новых жертв. Водные духи представляют собой постоянную опасность для всех, кто оказывается рядом с водой — рыбаков, лодочников и даже женщин, стирающих белье. Они сбрасывают с людей шапки, опрокидывают в воду выстиранное белье и прочие вещи, а когда владелец пытается вернуть себе свою вещь, они намеренно уводят его подальше, так что в конце концов он теряет равновесие и тонет. Если в иле случается

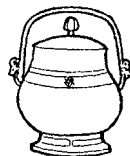
найти труп, руки и ноги которого увязли в грязи, то никто не сомневается, что человек стал жертвой водного демона, утянувшего его в воду силой. Проискам духов приписываются и судороги, парализующие пловца. Если человек вдруг исчезает, а потом его находят мертвым в воде, все уверены — это дух воды выманил его чем-то из дома и утопил. В таких случаях говорят: «Водный дух нашел себе замену».

1

Неподалеку от Ханчжоу, в провинции Чжэцзян, на плотине у Западного озера, жила семья, в которой был старый слуга. Как-то после захода солнца он пошел за водой и увидел плывущий по течению винный кувшин. Решив, что кувшин может оказаться полезным в хозяйстве, слуга решил во что бы то ни стало достать его. И тут, как по волшебству, кувшин понесло течением прямо к нему, но едва слуга схватил кувшин, его рука против его воли вдруг оказалась в горлышке, которое тут же сжалось вокруг нее, и кувшин потянул старика в воду. На его крики о помощи бежали люди, которые и освободили его.

2

В годы Ваньли (1573—1620) на западе, в бухте, где чинили лодки, жил рыбак. Однажды ночью он услышал голос призрака: «Целый год я вел полную страданий жизнь, и вот сейчас я могу поймать себе замену, но она ждет ребенка, а я не в силах забрать сразу две жизни». На следующий день в воду упала женщина, но ее вытащили живой и невредимой — она на самом деле была на седьмом месяце. Прошел еще год, и лодочник вновь услышал тот же голос: «Человек, который должен занять мое место, очень беден, кроме того, на нем

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

лежит большая ответственность: если он умрет, целая семья лишится дома и рассеется; лучше я подожду еще год». На следующее утро один человек упал в воду с моста, но также сумел спастись. В тот же вечер призрак попросил у рыбака немного еды. «Дважды, — сказал он, — из сострадания я отказывался от замены, и божества сообщили об этом Верховному владыке, который повелел сделать так, чтобы мне не давали здесь больше пищи». Рыбак дал ему поесть, и на следующий день призрак явился, чтобы проститься с ним, и сообщил, что назначен земельным управляющим в Мао-цяо. Когда рыбак рассказал об этом случае знакомым, один торговец рисом поведал такую историю. В молодости он жил в Цзясине. Как-то ему пришлось переезжать верхом на буйволе глубокий канал с мутной желтой водой. Когда он находился на середине канала, из воды вдруг высунулась рука и попыталась ухватить его за ногу. Но торговец поджал ноги, и тогда рука схватила за ногу буйвола, не давая животному двигаться. Испугавшись, торговец рисом позвал на помощь прохожих. Они все вместе попытались толкнуть буйвола вперед, но безрезультатно. Тогда они подпалили животному хвост. Буйвол, не в силах стерпеть боли, напряг все свои силы и вырвался из трясины. Под брюхом у него обнаружили старую метлу, привязанную так крепко, что ее невозможно было оторвать. К ней нелегко было подойти, настолько отвратительной и гадкой она была. Люди с силой били по ней палками, в ответ слышались звуки, напоминающие стоны, и из нее сочилась жидкость — как оказалось, черная кровь. Когда ее в конце концов отрезали ножами и сожгли, зловоние не прекращалось еще целый месяц. С тех пор в этом желтом мутном канале не было никаких происшествий.

Это произошло в Хуэйцзи. Некий портной по имени Ван Эр проходил после заката по холмам Хоу с женскими платьями в руках. Вдруг он увидел, как из воды выпрыгнули два голых человека с черными лицами. Они потащили его в реку. Будучи не в силах сопротивляться, он последовал за ними. Но не успели они сделать и нескольких шагов, как вдруг с сосен, что росли на холме, слетело еще одно существо, с нависшими над глазами бровями и высунутым языком. В руках оно держало длинную веревку, которой обвязало Ван Эра вокруг пояса с тем, чтобы тащить его к реке. Но призраки с черными лицами не хотели отдавать его.

— Он должен заменить нас, — кричали они, — почему ты забираешь его?

На это существо с веревкой возразило:

— Ван Эр — хороший портной, вы же — речные демоны, сидите в своей воде с голым задом. Вы ведь не носите одежды, так зачем он вам? Лучше отложите его мне.

В полузабытьи Ван Эр чувствовал, как его перетягивают то в одну, то в другую сторону. Придя в себя, он первым делом вспомнил: «Если я потеряю эти женские платья, то уже никогда не смогу расплатиться за них». И повесил их на дерево. В это время его дядя возвращался другой дорогой домой. Увидев при свете луны висящие на дереве женские платья красного и зеленого цвета, он весьма удивился. Когда он приблизился, трое призраков бросились врассыпную, оставив Ван Эра лежать с забытыми голубой грязью ушами и ртом. Дядя отнес его домой и тем самым спас племянника от смерти.

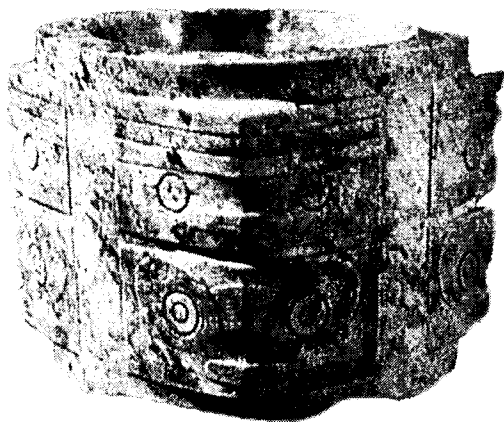
Понятие о злых духах в Китае тесно связано с существованием сверхъестественной силы фэн-шуй (ветер и вода). Эта сила могла действовать совместно с душами умерших, и тогда ее влияние становилось еще более опасным. Однако это влияние можно было приостановить, призвав на помощь другую, высшую силу. В качестве защиты от злых сил в старину избирались какие-либо предметы неживой природы — скала, холм и т. п. Если же местность не имела естественного защитника, люди создавали его искусственно. После прихода в Китай буддизма таким защитником чаще всего являлась пагода — многоэтажная башня с небольшими выступами и карнизами с загнутыми краями, увешанными колокольчиками или металлическими пластинками. Изогнутая кровля, согласно представлениям китайцев, мешает злым духам проникать в дома. Вот почему крыши на старых китайских домах также приподняты к краям.

Такие представления распространялись не только на жилища. Извилистые реки, мягко округленные контуры холмов, как считалось, обеспечивали благосостояние, тогда как крутые повороты русла, отвесные скалы представляли особую опасность. Везде, где можно было, следовало избегать прямых линий, которые считались излюбленным путем движения злых духов. Поскольку злые духи предпочитали прямой путь, проселочные дороги почти всегда были извилистыми. Длинные прямые каналы в городах также считались удобными для передвижения темных сил, поэтому они то и дело прерывались искусственными островками или перекинутыми через них бесчисленными мостиками разной высоты. В каждом дворе против входных ворот воздвигали небольшую каменную стену инби — она мешала злым

духам проникнуть во двор. Внутри, напротив входной двери, ставили ширму — так, что входя в дом, приходилось огибать ее. Это тоже служило надежным препятствием для проникновения темных сил. Считалось, что злые духи приходят с северными ветрами, а добрые — с южными. Немаловажную роль в борьбе со злыми духами играли амулеты. Обычно их вырезали из ивового дерева в форме тыквенной бутылки или меча. Тыквенной бутылке приписывались лечебные свойства, а меч был призван повергать в страх демонов.

До сих пор в Китае существует своеобразная наука фэн-шуй — искусство жить в гармонии с окружающей средой. Фэн-шуй учит избегать вредного влияния воздушных и водных потоков, естественных или искусственных изъёмов жилых помещений. Традиционно перед началом всякого строительства полагается вызывать гадателя, чтобы он произвел обследование местности и дал соответствующие указания.

Предмет ритуального назначения.
Нефрит. Вторая половина II тысячелетия до н. э.

ЗАГРОБНЫЙ МИР

Юду — обитель душ умерших

В глубокой древности китайцы считали местом обитания душ умерших Юду — «столицу мрака». Врата, ведущие в подземный мир, находились в большой черной горе, на которой жили черные люди. В тех же краях водились черные птицы, черные змеи, черные барсы, черные тигры и черные лисы с пушистыми хвостами.

Правителем подземного царства считалось божество земли Хоу-ту. Стражами адских врат были подчиненные ему великаны Ту-бо. Вид их был устрашающий: трехглазые, с головой тигра, увенчанной блестящими, крепкими и острыми рогами. Их огромные воловьи тела изгибались, словно змеиные. Ту-бо передвигались очень быстро, преследуя приближавшихся к вратам Юду людей и кропя их кровью своих ладоней.

Позднее представления о загробном мире получили дальнейшее развитие и обогатились множеством деталей. Подземные силы, согласно китайской мифологии, не были врагами небесных сил. Божества и духи ада составляли неотъемлемую часть общего целого, подчинялись верховной влас-

ти Небесного владыки (Юйхуана шанди) и отнюдь не олицетворяли собой зло. Хотя в китайском аду (Диюй) имели место изощренные муки, уготованные грешникам, вечного наказания там не существовало. Подземное царство было чем-то вроде чистилища. Попад в ад и проведя там столько времени, сколько он заслуживал, каждый грешник рано или поздно покидал его, чтобы затем возродиться к новой жизни.

Ад

Ад был устроен подобно судебному учреждению. Спустившись под землю, душа попадала в первую судебную палату ада, и там решали, куда ее направить в зависимости от заслуг, прегрешений и прочих обстоятельств. Все эти сведения были уже заранее представлены в подземное царство многочисленными духами — покровителями городов, деревень, домашних очагов и индивидуальных судеб. Из оставшихся девяти судебных палат восемь предназначались для мук и наказаний, а в последней, десятой, определялось следующее перерождение души. Из первой палаты сразу в десятую попадали лишь редкие избранники. Большинству приходилось пройти сначала через одну, несколько или даже через все восемь промежуточных палат и расплатиться там за все прегрешения, совершенные при жизни. Палаты имели определенную специализацию, в каждой из них было по несколько залов для исполнения различных наказаний, предусмотренных за те или иные виды прегрешений.

Но прежде всего грешные души оказывались перед Зеркалом Зла, которое находилось в первой палате на террасе, обращенной к востоку. В Зеркале Зла они видели отражение своих дурных дел. На раме зеркала можно было прочесть надпись «На

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

террасе перед зеркалом зла нет хороших людей». После этого адские духи увлекали души грешников в места, предназначенные для мучений.

Во вторую палату отправлялись души мужчин и женщин, вступавших в недозволенную связь, души воров, дурных лекарей, обманщиков. Там грешников содержали в нечистотах, их кололи вилами.

Третья палата была предназначена, в частности, для тех, кто думал, что император не заботится о подданных, для чиновников, пренебрегавших своими обязанностями, для жен, обманывавших своих мужей. Им перевязывали пеньковой веревкой горло, руки и ноги, кололи бока, клещами сжимали сердце.

В четвертую палату поступали грешники, не уплатившие налогов, продавцы, обвешивавшие и обсчитывавшие покупателей, продававшие поддельные лекарства или рис, смоченный водой. Здесь же страдали жулики, расплачивавшиеся при жизни фальшивым серебром, а также те, кто обманывал покупателей при отмере материи, крал камни из мостовой и масло из уличных фонарей, а то и просто завидовал чужому богатству. Их ожидала река Нечистот, мост через которую стерегли ядовитая змея и злой пес. Там же, в четвертой палате, находился Кровавый пруд, в который духи ада загоняли души грешников-убийц и не разрешали высовывать голову.

В пятой палате находилась терраса, к которой вела лестница из 63 ступеней-ножей. С террасы грешники видели свой дом, слышали речь близких. Это было наказание для тех, кто не исполнил последней воли родителей, не соблюдал государственных законов, не помогал деньгами, имея их, а также те, кто при живом супруге мечтал о другом.

В шестую палату попадали люди, совершившие святотатство: непочтительно называвшие бо-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

гов или укравшие позолоту и драгоценности с изображений божеств. Кроме того, здесь подвергались наказанию те, кто непочтительно обращался с исписанной бумагой и книгами. В этом судилище у грешников вырезали сердца и бросали на съедение псам.

В седьмой палате вырывали языки клеветникам. Там же томились те, кто грабил, кто бросил новорожденного, кто играл на деньги.

В восьмую палату попадали те, кто был непочтителен к родителям. Таким грешникам укорачивалась жизнь в следующем рождении, причем часто свою короткую жизнь они должны были провести в образе животного. Однако за время пребывания в восьмом судилище некоторые успевали исправиться и заслужить прощение, о чем делалась соответствующая запись у них на лбу.

Девятая палата, обнесенная железной сетью, ожидала грешников, совершавших поджоги, изгавливавших яды, писавших дурные книги и картины, а также изгонявших плод с помощью снадобий. Им отсекали голову, разрезали на мелкие части или удавливали веревкой.

В десятой палате оказывались души, которым вот-вот предстояло родиться вновь, и поэтому с миром живых ее соединяли шесть мостов: золотой, серебряный, нефритовый, каменный и два деревянных. Здесь находился павильон богини Мэн-по («тетушка Мэн»), где душам перед новым воплощением давали выпить напиток забвения.

Видов перерождения было шесть. Высшим из них было перерождение на небе (что соответствовало раю или нирване). Второй возможностью было перерождение на земле в человеческом облике: те, кто творили только добро, рождались вновь в облике князей, полководцев и сановников; менее добродетельные — в облике купцов, ученых, ре-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

месленников и земледельцев либо вдовцов, бездетных, сирот. Третий путь — перерождение в мире подводных демонов. Эти три возможности считались в большей или меньшей степени желательными.

Остальные три перерождения были нежелательными и воспринимались как наказание за грехи в прошлой жизни. Четвертым видом было перерождение в мире подземных демонов, слугителей ада, пятым — в мире остальных демонов (что соответствовало буддистскому миру голодных духов, летавших по миру неприкаянными и приносявших людям несчастья), шестым — в мире животных, включая насекомых и даже растения.

Из шести перерождений только одно было вечным — пребывание на небесах. Все остальные переродившиеся существа по истечении определенного срока вновь умирали и опять попадали в первую палату ада, где все начиналось сначала.

Существовали также определенные представления, связанные с посмертной участью самоубийц. Самоубийство не осуждалось лишь в некоторых случаях: когда причиной такого поступка была верность долгу, сыновняя почтительность или стремление сохранить целомудрие. Остальные самоубийцы возвращались обратно на землю в облике голодных демонов. По истечении срока жизни, отпущенного им Небом, они попадали в город Напрасно Умерших, откуда не было пути к иному рождению. Существовало поверье, что они могут вернуться на землю и возродиться вновь, если им удастся вселиться в чужое тело, поэтому такие души якобы преследовали живых, стараясь извести их до смерти.

Глава подземного царства — Дицзан-ван

МИФЫ
ДРЕВНЕГО
КИТАЯ

В качестве главы подземного царства чаще всего выступал бодхисатва Дицзан-ван, которого иногда отождествляли с божеством Земли.

Согласно одной из легенд, в качестве Дицзан-вана был обожествлен буддийский монах, прибывший в Китай из Индии и поселившийся на горе Цаюхуашань в провинции Аньхой. В 99 лет он собрал учеников, простился, сел в гроб, скрестил ноги и умер, превратившись в Дицзан-вана.

Дицзан-вана изображали стоящим, реже сидящим, в одеянии индийского или чаще китайского буддийского монаха, с бритой головой. В правой руке он держал металлический посох с надетыми на него шестью оловянными кольцами, которые звенят при ходьбе. Посох служил для открывания дверей ада. В левой руке у Дицзан-вана была жемчужина, свет которой освещал дорогу в подземном мире. В тех случаях, когда Дицзан-вана изображали сидящим или стоящим на троне или на льве, к одеянию монаха добавлялся церемониальный головной убор государя. Иногда его сопровождали двое святых: один держал посох, другой — жемчужину. Проходя по судилищам, Дицзан-ван мог вызвать оттуда грешные души, позволяя им родиться вновь.

В день рождения Дицзан-вана устраивались празднества, зажигались свечи и ароматные курения, а дети строили пагоды из кирпичей и черепицы. В день, когда начинался праздник поминовения голодных духов, к Дицзан-вану обращались родственники усопших с молитвами о спасении из Преисподней томящихся там душ предков и родителей.

Согласно буддийским представлениям, Дицзан-ван являлся в подземное царство, чтобы перене-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

сти души праведников на небо, в нирвану, к великим Будде и Амитабе. И для того, чтобы все это происходило быстро и беспрепятственно, сразу же после смерти человека буддийский монах составлял стереотипную молитву, многодневное чтение которой над гробом означало просьбу к Дицзан-вану проявить свое обычное милосердие и сострадание и открыть покойнику путь на небо.

Божества похоронных обрядов

В таком важном деле, как похоронный обряд, огромное значение придавалось каждой детали. Существовало, например, божество Кайлу-шэнь, очищавшее от нечисти могилы перед захоронением. Его изображение, сделанное из бумаги, несли впереди гроба. Кайлу-шэнь был огромного роста, с синим лицом и красными усами. Он одевался в красный боевой халат, в левой руке держал нефритовую печать, а в правой — короткое копье. В качестве Кайлу-шэня был обожествлен древний маг Фан Сян, отвращавший нечисть. К нему обращались за покровительством путники, и Кайлу-шэнь очищал дорогу от демонических сил и парализовывал их влияние. Со временем он превратился в покровителя пути во время погребальной процессии, от дома до могилы.

Янь-ван и судьи загробного мира

Другим свидетельством огромного внимания китайцев к соблюдению похоронного обряда была Камера Восполнения Священных Текстов в одной из палат подземного судилища: в нее попадали монахи, взимавшие плату за прочтение молитв по покойникам и не договаривавшие их до конца.

Каждая из десяти палат ада имела своего главу, но наиболее влиятельным и известным среди них

был начальник пятой палаты Янь-ван. Видимо, значение его культа было вызвано тем, что именно в пятой палате отбывали наказание за наиболее обычные, распространенные грехи. За каждый грех следовало соответствующее искупление, однако можно было заблаговременно облегчить свою участь. Для этого лишь следовало в день рождения Янь-вана поклясться избегать грехов.

В подчинении у Янь-вана находились, в частности, судьи загробного мира, среди которых наибольшей известностью пользовался справедливый судья Бао-гун. Существовала даже пословица «Взяткой не подкупишь только Янь-вана и почтенного Бао». Реальный прототип Бао-гуна — сановник по имени Бао Чжан — прославился расследованием запутанных преступлений и своей неподкупностью; он наказывал всех невзирая на лица и даже на родство с императором. В одной из легенд рассказывалось о разрешении Бао Чжаном дела о мышах-оборотнях. Некий студент по дороге в столицу встретил пять мышей-оборотней и рассказал им о своих домашних. Тогда пятая мышь приняла облик студента и явилась к его жене. Вернувшись, студент увидел двойника и подал жалобу, которая дошла до первого министра. Но облик первого министра приняла четвертая мышь, и дело еще более запуталось. Об этом узнали при дворе, но оказалось, что во дворце находятся два государя и две государыни. Двойник оказался и у самого Бао Чжана, призванного на помощь принцем-наследником. Тогда настоящий Бао Чжан, погрузившись в чудесный сон, явился к Верховному Небесному владыке Юй-ди и доложил ему о случившемся. Юй-ди послал на землю Нефритового Кота, и тот изловил мышей-оборотней. Став после смерти судьей в загробном мире, Бао-гун остался верен себе: он обнаружил исправления в Книге судеб, которые за взятку сделал один из судей за-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

гробного мира, добился у Янь-вана выдачи судьи и казнил его. Бао-гун всегда изображался с черным лицом — это был символ неподкупности.

Путь души после смерти

Со времен глубокой древности считалось, что каждый китаец обладал двумя душами: одна из них после его смерти уходила в землю вместе с трупом или рассеивалась, другая воплощалась в табличку и находилась в храме предков. Позднее возникло понятие и о третьей душе, которая после смерти человека попадала в подземное царство. Хотя представления об устройстве загробного мира, о роли и значении божеств подземного царства менялись в зависимости от местных обычаев, повсюду в Китае о покойниках и их посмертной судьбе всегда тщательно заботились, чтобы все три души оказались как следует устроены там, где им надлежало пребывать после кончины хозяина.

Предполагали, в частности, что с помощью особой церемонии можно заставить душу своего умершего предка покинуть загробный мир, выйти из мира мрака и подняться в сияющее небо во дворец Южной вершины, чтобы стать бессмертным. В этом своеобразном раю посреди дворца бьет источник жидкого огня, в котором купаются души. Их плоть там растворяется, и, когда они выходят из источника, Верховный владыка создает для них «новое жизненное тело».

Легенды о столкновениях людей с царством мертвых

1

Многочисленные предания рассказывают об удивительных случаях подобных столкновений. Так во время циньского Шихуана жили юноша по

Триграммы ба гуа —
неотъемлемая
принадлежность
магических манипуляций
С гравюры XVII века

Обряд изгнания бесов
С бареньефа эпохи Хань

Встреча с лисой-оборотнем

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

имени Ван Даопин и девушка по имени Тан Шусе, давшие друг другу клятву стать мужем и женой. Но случилось так, что Даопина взяли в солдаты и отправили в поход. Девять лет не было от него известий. Отец и мать, видя, что дочь выросла, нашли ей другого жениха — Лю Сяна. Девушка долго не соглашалась изменить прежней клятве, но в конце концов вынуждена была подчиниться родительской воле. Прожив три года замужем за Лю Сяном, Тан Шусе умерла от тоски. Еще через три года Ван Даопин вернулся домой и стал разыскивать свою давнюю возлюбленную. Соседи отвели его на ее могилу. Не в силах сдержать свое горе, Ван Даопин произнес заклинание: «Живые и мертвые расстанутся навсегда, но, если у тебя есть бессмертная душа, дай мне увидеть твое лицо, как при жизни». И тут свершилось чудо: он услышал голос своей невесты: «Пусть скорее откроют склеп и выпустят меня — я оживу». Ван Даопин открыл двери склепа, и Тан Шусе вышла ему навстречу. Муж ее, Лю Сян, услышав об этом, изумился и подал жалобу уездным властям, предъявляя свои права на жену. Это было неслыханное происшествие, и доклад о нем подали самому государю, который повелел отдать воскресшую женщину в жены Даопину. Преданные друг другу супруги дожили до ста тридцати лет.

2

У богача Ли Чэнсы были жена и сын десяти лет, оба тяжело больные. Ли Чэнсы ненавидел их. Он взял в дом четырех наложниц и все время проводил с ними в увеселениях.

Подстрекаемый наложницами, Ли Чэнсы потребовал у жены развода, но та не согласилась. Тогда они отравили несчастную женщину и ее сына. Через десять дней после похорон появились две во-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

роны. Птицы стали прилетать каждый день около полудня и клевать Ли Чэнсы сердце, доставляя ему нестерпимые муки. Спасть от них ему никак не удавалось. Так продолжалось целый год.

Но вот однажды оказался в тех краях Ло Гунъюань, лекарь-даос. Ли Чэнсы пригласил даоса в свой дом и попросил совета и помощи. «Это несправедливо обиженные души, — ответил лекарь. — Они пожаловались Небесному владыке, и тот дал им право на месть. Единственный путь заслужить прощение — воздвигнуть алтарь, украсить его талисманами желтого цвета и с почтением возносить перед ним молитвы к Небу». Ли Чэнсы последовал совету даоса. На второй день черные птицы перестали прилетать, а во сне ему явились жена и сын. «Благодаря волшебному действию желтых амулетов, — сказали они, — мы теперь можем возродиться на небесах. Поэтому мы навсегда теряем узы мести, привязывавшие нас к тебе».

У высокопоставленного чиновника Цзян Цзи был сын, который умер молодым. И вот однажды жена Цзян Цзи увидела покойного сына во сне. Он рассказал матери, что в подземном царстве занимает положение, весьма отличное от того, которое занимал при жизни как потомок важных сановников. Должность его самая низкая, а служба самая тяжелая. Однако теперь как раз выпал случай улучшить свое положение. В подземном царстве только что получен указ о назначении нового правителя горы Тайшань. Это одна из высших должностей в потустороннем мире, и займет ее человек, который, сам того не зная, доживал на земле свои последние дни. «Новым правителем горы Тайшань станет после своей смерти сановник Сунь Э, ныне

занимающий в столице должность западного смотрителя Высочайшего храма. — сказал сын матери. — Если мой отец замолвит перед ним словечко, пока Сунь Э еще жив, то меня переместят на более легкую службу».

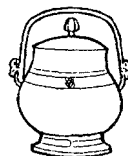
Узнав о том, какой сон видела его жена, Цзян Цзи не поверил в истинность видения, сочтя его пустой фантазией. На следующую ночь сын снова явился матери во сне со словами: «Новый правитель прибудет завтра в полдень. Пусть мой отец хотя бы проверит справедливость сказанного мною». И сын подробно описал внешность Сунь Э. Наутро мать уговорила отца послать человека к Высочайшему храму расспросить о Сунь Э. Внешность его оказалась точно такой, какой ее описал сын. Раскаившись в своей неверии, Цзян Цзи спешно отправился к Сунь Э и поведал ему о случившемся. Сунь Э ничуть не испугался близкой смерти, он лишь обрадовался, что станет правителем Тайшань, хотя и несколько сомневался в достоверности слов Цзян Цзи.

— Если все произойдет так, как вы говорите, — сказал Сунь Э, — то какую должность желал бы получить ваш сын?

— Дайте ему то, от чего в подземном мире можно получить радость, — ответил Цзян Цзи.

Сунь Э пообещал выполнить эту просьбу и щедро одарил гостя при прощании. Желая поскорее убедиться в истинности сказанного, Цзян Цзи выстроил из своих людей эстафету между Высочайшим храмом и своим домом для немедленной передачи новостей. Так он узнал, что незадолго до полудня у Сунь Э заболело сердце, а ровно в полдень смотритель храма скончался.

Примерно через месяц сын снова явился матери во сне и сообщил, что получил назначение на должность письмоводителя.

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Однажды человек по имени Бань оказал услугу владыке горы Тайшань и был приглашен в его подземный дворец. Под землей Бань увидел среди душ умерших своего отца, надрывавшегося на тяжелой работе, в колодках. Бань подошел к отцу, поклонился ему, и тот поведал сыну, что после своей смерти, попав в загробный мир, был осужден на три года каторжных работ. «Муки мои непереносимы. — сказал отец. — Слышал я, что ты удостоен знакомства со здешним повелителем. Можешь ли ты похлопотать перед ним, чтобы меня освободили от этой повинности? И еще я хотел бы сделаться духом-покровителем нашего семейного алтаря».

Бань долго умолял подземного владыку выполнить просьбу отца, и тот наконец согласился. Бань возвратился домой, а примерно через год у него умерли почти все дети. В ужасе Бань снова отправился к горе Тайшань и попросил свидания с владыкой. «Я ведь предупреждал, что пути живых и мертвых различны и что их опасно приближать друг к другу», — промолвил повелитель и приказал привести отца Баня. Отец признался, что, став духом-покровителем семейного алтаря и получая вдоволь жертвенной пищи и вина, он почувствовал еще большую привязанность к родным и все призывал к себе своих внуков. Владыка отрешил неразумного отца от должности, а у Баня, вернувшегося на землю, родились еще дети, и никаких несчастий с его семьей больше не случилось.

Человек по имени Чжоу Ши как-то плыл в лодке по реке. В пути повстречался ему чиновник, который попросил подвезти его. Чжоу Ши согласился. Когда проплыли с десяток ли, сделали остановку.

Чиновник, решив немного пройтись, оставил в лодке свою книгу-свиток, а сам сошел на берег. Но перед тем он строжайше запретил Чжоу Ши разворачивать свиток. Но тот не утерпел и заглянул в книгу. Это оказались «Записи о мертвых». И в последней графе Чжоу Ши увидел свое имя. Возвратившийся чиновник застал его за чтением. Гневно отчитав Чжоу Ши, чиновник тем не менее решил отблагодарить его — ведь Чжоу Ши так долго вез его в своей лодке — и указал способ, как избежать скорой смерти. Чиновник приказал ему поспешить к себе домой и три года не выходить из дверей. Тогда ему, возможно, удастся пережить роковой момент. Кроме того, Чжоу Ши должен был держать их встречу в секрете.

Около двух лет Чжоу Ши не покидал своего дома, удивляя всех своим поведением. Но тут вдруг умер сосед, и отец Ши строго приказал ему идти на оплакивание. Вынужденный подчиниться, он вышел из ворот и тут же столкнулся с тем самым чиновником, который сказал: «За то, что я вмешался в твою судьбу, меня уже не раз били палками и плетью. А теперь ты нарушил мой запрет, и я больше ничем не могу тебе помочь. Тебя должны теперь забрать через три дня в полдень». Обливаясь слезами, Ши вернулся в дом и рассказал родителям обо всем, что с ним произошло. Отец ему не поверил, а мать стала сторожить сына днем и ночью. На третий день, ровно в полдень, Чжоу Ши умер.

6

Ши Сюй был еще совсем молод, когда его поразила смертельная болезнь. Умирая, он предчувствовал, что, быть может, возвратится в мир живых. Он попросил свою мать поставить на его могиле бамбуковую жердь. Если жердь переломится, это будет

знак того, что он ожил. Сделали, как он просил. Через семь дней после похорон обнаружили, что жердь и вправду переломилась. Тогда его выкопали и увидели, что Ши Сюй жив. Воскресший подошел к колодцу, умылся и стал таким, как прежде.

Прошло какое-то время. Ши Сюй отправился вместе со своим соседом в очень отдаленный уезд — продавать мотыги. Едва товар был распродан, как Ши Сюй вдруг сказал соседу:

— Нам пора возвращаться.

Тот стал возражать:

— Стоило ехать так далеко, чтобы сразу спешить обратно?

— Переночуем и уедем, — твердо сказал Ши Сюй. — Скоро будет получено письменное сообщение, которое подтвердит, что мы должны торопиться домой.

Наутро они пустились в обратный путь, и только день или два спустя, когда они уже уехали, в самом деле пришло сообщение, что жена соседа тяжело заболела. Дорога была дальняя, но Ши Сюй и его товарищ приехали так быстро, что родственники, отправлявшие письмо, были несказанно удивлены.

7

Искусный гадатель Дай Ян, когда был еще двенадцатилетним мальчиком, внезапно заболел и умер. Но через пять дней он ожил и рассказал родным, что видел и что делал, пока все считали его мертвым. Как только душа Дай Яна покинула тело, явился посланец Неба — слуга-виночерпий, чтобы вручить ему магический талисман. Кроме того, к Дай Яну был приставлен служка, чтобы сопровождать его в путешествиях. С помощью талисмана Дай Ян побывал на священных горах, а потом был отослан обратно.

Впоследствии он отличался умением предвидеть будущее. Зная, например, о приближающемся падении царства У, Дай Ян оставил государственную службу под предлогом нездоровья и поспешил из столицы в родные места. Путь его пролегал мимо кумирни Лао-цзы, которую прежде Дай Ян видел только раз, лет двадцать назад, когда он был мертв, а душа его путешествовала по священным горам. Все здесь было так же, как тогда. А если кое-что и изменилось, то, расспросив служителей, Дай Ян получил подтверждение, что прежде все было так, как он запомнил. И события, свидетелем которых была его душа во время того чудесного путешествия, местные жители тоже помнили.

8

В период Хань в уезде Инлин, округ Бэйхай, жил один даос, который мог устраивать людям свидания с умершими. Некий человек, несколько лет назад потерявший жену, услышал о его искусстве и отправился к нему.

— Умоляю, — сказал этот человек, — устройте мне свидание с моей усопшей женой, я этого до смерти не забуду.

— Вы сможете пойти к ней на свидание, — ответил даос, — но, едва услышите удар барабана, уходите, не оставайтесь ни на миг. — После чего открыл ему, в чем искусство встреч с умершими.

И этот человек без промедления увиделся со своей женой. Он беседовал с ней, радовался и печалился, исполненный любви, как при жизни. Через некоторое время послышались удары барабана. Выходя из дверей, человек защемил створками полу своей одежды, оборвал ее и ушел. Потом, по прошествии примерно года, этот человек и сам умер. Когда домашние, погребая его, вскрыли семейный

склеп, то обнаружили оборванный край одежды, прижатый крышкой гроба жены.

9

Хэ Чан, уроженец Цзюцзяна, был назначен наместником в область Цзяочжоу. По дороге к месту назначения он остановился на ночлег на почтовой станции. Было около полуночи, когда из соседней комнаты вдруг вышла женщина и окликнула его, затем рассказала следующее:

— Меня зовут Су Э. Я жила раньше в деревне Сюли уезда Гуансинь. Рано потеряла отца и мать, братьев у меня тоже не было. Замуж пошла в семью Ши в том же уезде. Но несчастлива моя судьба: муж мой умер, оставив мне сто двадцать штук разных шелковых тканей и служанку по имени Чжифу. Осталась я одинокой и беззащитной. Решила я отправиться в соседний уезд, чтобы продать там часть шелка. Заняла у соседей вола и повозку, села в нее, а править ею велела Чжифу. Так мы в десятый день четвертой луны прошедшего года добрались до этой станции. В это время солнце клонилось к закату, и на дороге уже не встречалось путников. Вдруг у Чжифу начались острые боли в животе. Я нашла дом начальника станции и попросила отвара и огня. Начальник станции Гун Шоу, вооружившись копьем и пикой, подошел к нашей повозке и спросил меня: «Откуда ты приехала, женщина? Чем у тебя нагружена повозка? Где твой муж? Почему ты едешь одна?» «Зачем ты спрашиваешь меня об этом?» — возразила я ему. «Молодые люди любят красавиц, — сказал он, схватив меня за руку, — я желаю насладиться тобой». Я перепугалась, но не поддалась ему. Тогда он вынул нож и убил меня первым же ударом. Потом он заколол и Чжифу. Гун Шоу закопал нас под этим строением, меня положил снизу, а служанку

сверху, и ушел, забрав наше имущество. Вола он убил, повозку сжег, а остов повозки и кости вола свалил в пустом колодце, что находится с восточной стороны от станции. Моя безвинная смерть растрогала Небо, но рассказать мне о моей обиде некому — и я пришла сюда, чтобы вручить ее мудрости наместника.

— Если я найду твое тело, — спросил Чан, — по каким признакам я его опознаю?

— На мне и сверху и снизу белые одежды, — отвечала женщина, — туфли из темно-синего шелка. Все это еще не истлело. Я бы хотела, чтобы мои останки вернулись в родные края и были похоронены вместе с мужем.

По приказу наместника раскопали землю в указанном месте — все и в самом деле сошлось. Тогда Чан послал чиновника, чтобы он схватил виновного, предъявил обвинение и допросил его. Чиновник учинил дознание — все оказалось точно так, как рассказала Су Э. Тогда Гун Шоу, его отца, мать и братьев связали и бросили в темницу. Чан подал государю доклад о Шоу, гласивший: «По обычным законам за убийство человека семья убийцы казни не подлежит. Однако они все несколько лет держали в тайне дела столь крупного злодея, как Шоу, и по императорским законам не могут избежать кары. То, что ныне было сообщено духом убитой, случается лишь раз в тысячу лет, да и то не всегда. Прошу казнить всю семью и сообщить об этом духам, чтобы помочь разобраться в этом деле властям Преисподней». Государь благосклонно выслушал его доклад.

10

В царстве У жил некий Лю Жун. С войском усюго советника по имени Чжан Ти он добрался до Янчжоу, там заболел и умер. Два дня он оставался в лодке, потому что все воины сошли на бе-

рег и хоронить его было некому. Внезапно из лодки раздался громкий крик: «...Вязать предводителя нашего войска!» Голос звучал весьма сердито. А вскоре Лю Жун ожил и, когда люди стали его расспрашивать, ответил: «Я поднялся по небу к управлению Северного Ковша, как вдруг увидел людей, вязавших Чжан Ти, и был этим столь обескуражен, что, сам не знаю как, начал орать: «Зачем вам вязать предводителя нашего войска?» Но я так перепугался, что из уст моих вылетали только последние слова. Люди в управлении на меня, Жуна, разгневались, принялись ругать и выгнали вон».

Как раз в этот день Ти погиб в бою. А Жун оставался в живых еще в правление цзиньского императора Юань-ди.

11

В Сичане, провинция Цзянсу, жил человек по фамилии Гу. Как-то на закате дня он оказался за городом и попросился на ночлег в старый храм. Настоятель сказал ему:

— Сегодня я должен совершить погребальный обряд в одной семье, мои ученики уже отправились туда, так что в храме никого не будет. Прошу вас, присмотрите за храмом.

Гу согласился. Когда настоятель ушел, он запер ворота, потушил лампу и лег спать. Во время третьей стражи кто-то начал неистово стучать в ворота храма.

— Кто там? — закричал Гу, а голос снаружи ответил:

— Шэнь Дин-лань.

Шэнь Дин-лань когда-то был товарищем Гу, но уже минуло более десяти лет с тех пор, как он умер. Перепуганный Гу отказался открыть ворота, но человек закричал:

— Не бойся меня, я должен поведать тебе одну тайну. Если ты не откроешь, я превращусь в призрак. Тогда я смогу выломать дверь и войти без твоей помощи!

Гу ничего не оставалось, как впустить его. Замок издал глухой стук, а затем донесся звук, словно на землю рухнуло тело человека. Руки у Гу дрожали от страха, глаза беспрестанно мигали. Он хотел зажечь свечу, как вдруг с земли послышался громкий голос:

— Я не Шэнь Дин-лань, я только что умер в доме к востоку отсюда, отравленный женой, которая мне изменила. Я сказал тебе, что я Шэнь Дин-лань, чтобы ты открыл дверь. Я хочу просить тебя отплатить за то зло, что мне причинили.

— Но я не чиновник, — возразил Гу. — Как я могу отплатить?

На что призрак ответил:

— Раны на моем трупе могут об этом свидетельствовать.

— Где же ваше тело? — спросил Гу.

— Иди сюда с лампой и посмотри, но учти, когда я вижу свет, я теряю способность говорить.

В этот момент послышались голоса людей и раздался стук в ворота. Гу открыл. Это действительно и его ученики возвратились в храм. Все они были перепуганы, потому что, по их рассказу, «в то время, когда мы, совершая погребальный обряд, читали сутры, тело таинственным образом исчезло, так что нам ничего не оставалось делать, как закончить и идти домой». Гу поведал им, что произошло в их отсутствие. Они осветили тело факелами и увидели, что из всех семи отверстий сочится кровь, обогряя землю вокруг тела. На следующий день они донесли о случившемся властям, которые покарали виновных.

Во время Хань жил некто Вэнь Ин, которого назначили начальником управления округа Ганьлин. По пути туда он, пересекши границу округа, остановился на ночлег. Ночью, во время третьего сигнала барабана, ему во сне явился человек, который сказал, стоя на коленях: «Некогда предки моего рода похоронили меня здесь. Вода затопила могилу, дерево гроба размокает. Сырость все время рядом, согреться мне совершенно нечем. Услыхав, что вы остановились поблизости, я пришел просить у вас защиты. Низко склонившись, прошу завтра утром немного задержаться и осчастливить меня — перенести на высокое и сухое место». Дух расстелил перед Ином свои одежды — они были совершенно мокрые. Сердце Ина наполнилось жалостью. Однако, проснувшись, он сказал людям в своей свите: «Сон — дело пустое, удивляться тут нечему», — и снова заснул. И снова ему привиделся сон: тот же самый человек укорял Ина:

— Я рассказал вам о своих мучениях. Почему же мои слова не вызвали в вас милосердия?

— А кто вы такой? — спросил Ин.

— Я человек из владения Чжао, — ответил тот, — сейчас я причислен к духам рода Ванман.

— Где сейчас ваш гроб? — продолжал спрашивать Ин.

— Неподалеку, — сообщил дух, — под сухим тополем на берегу реки. Когда небо совсем осветится, тополь на берегу станет не виден. Вы должны помнить об этом.

— Ладно, — ответил Ин и проснулся. В небе едва занималась заря. Он сказал:

— Хотя и говорят, что во сне не стоит ничему удивляться, но уж очень все сходится.

— Надо, не теряя ни мгновения, приняться за проверку! — решила свита.

Ин поднялся с постели и во главе десятка человек пошел вверх по течению реки. Скоро они и в самом деле обнаружили сухой тополь.

— Это здесь, — сказал Ин, и они стали рыть под тополем. Вскоре и вправду нашли гроб. Гроб порядком подгнил и был наполовину погружен в воду. — А я-то думал, — заявил свите Ин, — что сны — дело пустое. Выходит, все, что слышишь, пусть даже во сне, необходимо проверять.

Они перенесли гроб в сухое место, захоронили его том месте и отправились в дальнейший путь.

13

Во время Хань жил студент по фамилии Тань. В сорок лет он не был еще женат, и всегдашним его счастьем и отрадой было чтение «Книги песен». Как-то в полночь перед ним появилась девушка лет пятнадцати-шестнадцати. Ни по прелести лица, ни по изукрашенности одежд равной ей не найти в Поднебесной. Они разговорились. Вскоре так увлеклись друг другом, что порешили стать мужем и женой.

— Но только я не как все люди, — предупредила она, — меня нельзя освещать огнем. Можно будет осветить, только когда пройдет три года.

После этого они стали мужем и женой, и у них родился сын. На исходе двух лет студент не утерпел и ночью, дождавшись, пока жена уснет, осветил ее и увидел, что выше пояса у нее живая плоть, как у всех людей, а ниже пояса — одни сухие кости. Женщина проснулась.

— Вы провинились передо мной, — сказала она ему. — Раз уж я снизошла до вас, почему бы вам не потерпеть еще год — а там, пожалуйста, освещайте!

Студент, проливая слезы, вымолил у нее прощение, но удержать ее было уже нельзя.

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

— Я родила вам сына, но боюсь, что по бедности вы не сможете его прокормить! Пойдемте со мной, я вам кое-что оставляю.

Студент пошел следом. Они вошли в узорные покои, и жена дала ему халат жемчужного цвета со словами: «Этим вы сможете обеспечить себя». Затем оторвала полу одежды студента, спрятала ее и удалилась. Через несколько дней студент понес халат на рынок. Купил его человек из дома цзюйянского вана и уплатил за него тысячу раз по десять тысяч монет. Дело в том, что ван узнал халат: «Это же халат моей дочери. Как он попал на рынок? Ясное дело, кто-то вскрыл могилу!» Студента схватили и стали допрашивать. Студент рассказал все как было, но ван не поверил и пошел, чтобы осмотреть могилу дочери. Могила оставалась нетронутой. Когда ее вскрыли, то под крышкой гроба обнаружили полу одежды студента. Ван велел студенту позвать его сына — и увидел мальчика, очень похожего на его дочь. Только тут ван всему поверил и признал студента Таня своим зятем. Мальчик же был представлен к должности ланчжуна.

СКАЗАНИЯ О НЕБЕСНЫХ ФЕЯХ

Цань-шэнь

Согласно преданию, один человек когда-то был насильно увезен с родины иноплеменниками. Дома остались у него жена и дочь. Был у него также конь, ухаживать за которым помогала ему его красавица дочь. Жена этого человека, тяжело переживавшая исчезновение мужа, как-то поклялась, что отдаст свою дочь замуж за того, кто вернет ей супруга.

Услышал конь эти слова, встрепнулся, порвал веревку и, выскочив из конюшни, поскакал галопом со двора. Он мчался несколько дней и ночей, пока не добрался до места, где находился хозяин. Удивленный и обрадованный, пленник вскочил на коня, и тот помчал его в родные места. Когда он вернулся домой, его близкие рассказали ему, что часто в присутствии коня они говорили о том, как ждут его возвращения, а конь понял их желание и поскакал на поиски. В благодарность за спасение хозяина коню стали давать самый лучший корм. Однако конь как-то не слишком охотно ел свою роскошную пищу, а вскоре и совсем перестал пить и есть. Каждый раз, когда он видел в воротах двора девушку, он начинал беспрерывно ржать и вставал на дыбы. Отец девушки не мог понять при-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

чины такого поведения коня, и жене пришлось рассказать ему о своей клятве. Узнав обо всем, мужчина помрачнел: он любил коня, но не мог допустить, чтобы конь стал его зятем.

Чтобы прекратить страдания животного, он убил его стрелой из лука, содрал с него шкуру, положил сушить на дворе и отправился куда-то по делам. Когда его дочь с подругами проходила мимо, шкура вдруг подскочила к девушке, обернулась вокруг нее и вихрем унеслась в степь. Подружки, увидев это, перепугались насмерть и не знали, что предпринять, чтобы спасти ее. Ждали возвращения отца, чтобы рассказать ему о случившемся. Отец обыскал все окрестности, но не нашел даже следа дочери.

Через несколько дней на северной равнине, у трех тутовых деревьев, появилось странное существо, похожее на большого червя с лошадиной головой, исторгающего изо рта длинную, блестящую и тонкую шелковую нить. Люди назвали это существо цань — «шелкопряд», потому что оно прядет шелковые нити, дерево назвали сан — «тутовник», а всю местность — равниной Шелковых Нитей. Этим необычным существом и была пропавшая девушка. После того как она была унесена из дома шкурой убитого коня, она опустилась на ветви тутового дерева и превратилась в шелкового червя, который ел листья и выплевывал шелковую нить.

А потом девушка превратилась в богиню шелководства, но конская шкура так и осталась на ней навеки, приросла к ней, и невозможно было снять ее. Когда Цань-шэнь (шэнь — «дух, божество») тянула шкуру за края и заворачивала в нее все свое тело, то тотчас превращалась в шелкового червя с головой, похожей лошадиную. Через некоторое время родители увидели свою дочь, плывущую

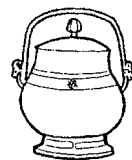

по небу в сопровождении свиты. Спустившись на землю, она сообщила отцу и матери, что возведена в ранг небесной феи и оставлена жить на небесах. Когда Верховный Небесный владыка Хуан-ди победил Чию, Цань-шэнь поздравила его, преподнеся два мотка шелковых нитей, из которых один цветом и блеском был похож на золото, а другой — на серебро. Владыка, увидев красивые нити, похвалил их и велел соткать из них ткань, которая получилась легкой и прозрачной, совсем не похожей на простое полотно. По приказу Хуан-ди для него были сшиты парадные одежды и шапка. Лэй-цзу — Небесная государыня, самая уважаемая женщина как в мире людей, так и среди богов, — стала разводить шелкопрядов, чтобы соткать много прекрасной материи. Люди повсюду стали подражать ей, и скоро на земле Древнего Китая не осталось места, где бы люди не занимались шелководством, оно стало традиционным ремеслом жительниц страны.

Чжи-нуй

Небесная фея Чжи-нуй жила на берегу Серебряной реки — Млечного Пути, один из берегов которого в те времена был земным, а другой небесным, — и ткала на своем станке прекрасные облака из волшебного шелка. Эти облака постоянно меняли свой цвет, и их называли небесными одеждами, потому что они прикрывали небо. Кроме Чжи-нуй, небесные одежды ткали еще шесть молоденьких фей, но Чжи-нуй была самой усердной и трудолюбивой из них.

А по другую сторону от прозрачной и блестящей Серебряной реки находился мир людей. И жил в нем пастух Нью-лан. Он рано остался сиротой и жил со старшим братом и его женой, которая относилась к Нью-лану крайне плохо, а потом потребова-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

ла выделить его, отдав лишь старого вола. Из всех сил трудился юноша, да и старый вол помогал ему. Нью-лан распахал кусок пустыря, засеял его, построил домик. Одиноко и невесело жилось юноше в холодном доме. Но вот однажды старый вол вдруг заговорил человеческим голосом и поведал своему хозяину, что Чжи-ньюй вместе с другими феями пойдут к Серебряной реке купаться, и велел в это время подкрасться и унести ее одежду. Тогда он сможет сделать ее своей женой. Нью-лан послушался совета, отправился в нужное время к берегу Серебряной реки и, переплыв ее, спрятался в зарослях. Там он дождался, когда небесные феи пришли купаться к Серебряной реке. Сбросив свои легкие одежды, прыгнули они в реку. Нью-лан выскочил из тростника и выхватил из кучи платьев, сложенных на траве, одежду Чжи-ньюй. Испуганные феи выскочили из реки, набросили свои одежды и убежали. На берегу Серебряной реки осталась только Чжи-ньюй. Нью-лан пообещал, что он вернет платье, если она согласится стать его женой. Чжи-ньюй дала согласие, потому что у нее уже давно родилась любовь к этому хотя и немного грубоватому, но мужественному юноше.

После женитьбы Нью-лан продолжал пахать землю, а жена ткать. Жили они в любви и согласии. Вскоре у них родились сын и дочь. Небесный правитель, узнав об их женитьбе, пришел в ярость и послал одного из богов вернуть Чжи-ньюй в небесный дворец. Горько было расставаться Чжи-ньюй с мужем и детьми, да пришлось подчиниться и отправиться во дворец в сопровождении небесного посланца. Ночью Нью-лан посадил детей в корзины и отправился догонять жену. Он собирался перебраться через Серебряную реку и достичь небесного дворца. Но там, где прежде была Серебряная река, уже и следов от нее не осталось. Подняв голо-

ву. Ню-лан увидел в ночном небе сверкающую Серебряную реку. Теперь уже простому смертному нельзя было достичь Млечного Пути. Ню-лан вернулся домой вместе с сыном и дочерью, причитая и плача. Но старый вол, собравшись умирать, велел Ню-лану снять с него шкуру и завернуться в нее вместе с детьми, чтобы подняться на небо. Когда вол испустил дух, Ню-лан накинул на себя его шкуру, посадил детей в корзины и помчался на небо. А чтобы одна корзина не перевешивала другую, взял попавшийся под руку черпак для навоза и бросил в одну из корзин. Поднялся Ню-лан с детьми в небо, вихрем пронесся среди сияющих звезд. Но как только они приблизились к Серебряной реке и хотели перейти ее, спокойная водная гладь тотчас же превратилась в неистово бурлящую реку... Ню-лан только горько плакал, а его маленькая дочка сквозь слезы предлагала отцу вычерпать Небесную реку черпаком для навоза. Ню-лан без колебаний согласился. Он взял черпак и стал настойчиво вычерпывать воду из Небесной реки. Мальчик и девочка помогали отцу.

Их стойкость и любовь к родителям тронули в конце концов холодное сердце сурового Небесного владыки. Он позволил супругам встречаться один раз в год вечером седьмого числа седьмой луны на мосту, который построили сороки из своих хвостов. Чжи-ньюй, видя Ню-лана, не может сдерживать слез печали, и в это время на земле часто моросит мелкий дождь. Ню-лан с детьми так и живет с тех пор на небе, и смотрят муж с женой издали друг на друга через Небесную реку. Они могут писать и передавать письма друг другу, обмениваясь новостями. Чжи-ньюй привязывает письма к ткацкому челноку, а Ню-лан — к воловьему кнуту. В ночном осеннем небе можно увидеть две большие сверкающие звезды — Волопаса и Ткачихи (в за-

падной астрономии это Волопас в созвездии Орла и Вега в созвездии Лиры). Прямо за Волопасом сверкают две маленькие звездочки — это их дети, сын и дочь, еще дальше — четыре, образующие параллелограмм, говорят, что это ткацкий челнок, который Чжи-ньюй бросила своему мужу. А неподалеку от Чжи-ньюй расположились три небольшие звезды, составляющие равнобедренный треугольник, — это воловий кнут, который Нью-лан бросил жене.

Ци-сяньньюй

Ци-сяньньюй была небесной ткачихой, самой младшей среди сестер Чжи-ньюй. Однажды она тайком спустилась с небес в мир людей и по дороге встретила Дун Юна — бедного юношу, который нанялся на три года работником в дом богача Фу, чтобы получить деньги, необходимые для похорон отца. Фея полюбила юношу и стала его женой. Пришли они вдвоем работать в дом богача Фу. Но в бумаге о найме было записано, что работник не имеет семьи, и когда Дун Юн неожиданно явился в дом хозяина с женой, Фу не согласился оставить ее.

Молодожены долго упрашивали хозяина и наконец договорились: если они соткут за одну ночь десять кусков прекрасной парчи с узором из облаков, трехлетнюю работу Фу заменит ста днями, а не смогут — к трем годам прибавит еще три. Вечером того же дня Ци-сяньньюй уговорила мужа пораньше лечь спать, а сама зажгла курительную свечу, которую получила в подарок от сестер при расставании. Как только аромат свечи донесся до небесного дворца, сестры услышали мольбу Ци-сяньньюй. Они принялись за работу и соткали за одну ночь десять кусков узорной блестящей парчи, расшитой облаками. На другой день супруги отдали парчу хозяину. Через сто дней они с радостью рас-

прощались с хозяином, который, согласно уговору, не мог больше их задерживать. Они мечтали о семье, о счастливой жизни.

Однако Небесный владыка, узнав, что Ци-сяньной спустилась в мир людей, рассердился и велел передать дочери, чтобы она к полудню вернулась в небесный дворец, а если ослушается, то он вернет ее силой, а Дун Юна прикажет изрубить на тысячи кусков. Ци-сяньной испугалась за жизнь мужа и решила вернуться в небесный дворец. Она ждала ребенка и пообещала мужу передать ему его, как только тот родится. Дун Юн не выдержал разлуки с любимой и умер. После смерти его душа поселилась на небе.

Три дочери бога Янь-ди

Три дочери древнего солнечного бога Янь-ди — Цзинвэй, Яо-цзи и Шао-ной — жили на земле среди людей. Вот что рассказывают легенды об удивительных судьбах этих дев.

Однажды Цзинвэй купалась в море, когда разразилась ужасная буря. Дочь Янь-ди утонула, и душа ее превратилась в птицу, несколько напоминавшую по своему облику ворона, но с пестрой головой, белым клювом, красными лапами. Горюя о том, что ее молодая жизнь так безжалостно загублена морской пучиной, она стала без устали приносить маленькие камешки и веточки и бросать их в воду, надеясь засыпать огромное море.

Другая дочь Янь-ди, по имени Яо-цзи, умерла, едва достигнув совершеннолетия. Став после смерти феей, она по утрам превращалась в красивое утреннее облако, которое свободно и беззаботно блуждало над горными хребтами и ущельями, а с наступлением сумерек становилась порывистым вечерним дождем, изливая свою печаль горам и рекам. Многие годы спустя путникам, оказавшимся в

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

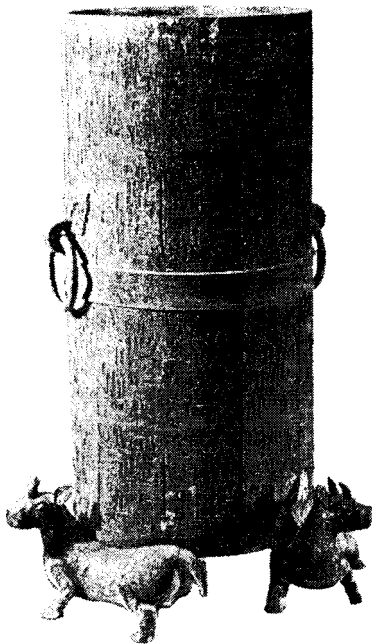

тех краях, где обитала душа Яо-цзи, навевала она грустные и прекрасные сны о любви.

Третья дочь Янь-ди, Шао-ньюй, стремилась овладеть наукой бессмертия. Образцом для подражания был для нее знаменитый бессмертный по имени Чисун-цзы, который долго закалял свое тело, после чего обрел способность не гореть в огне и летать вместе с ветром. Достигнув совершенства, Чисун-цзы отправился на гору Куньлунь и поселился в каменном доме, в котором некогда жила Си-ванму. Шао-ньюй, вдохновленная его примером, также обрела бессмертие и удалилась от мира.

356

Сосуд на трех ножках в виде носорогов.
Бронза. IV в. до н. э.

РАССКАЗЫ О ЧУДЕСАХ,
ЗНАМЕНИЯХ
И ПРЕДСКАЗАНИЯХ

1

Дай Вэнь готовился стать отшельником и поселиться в горах. Однажды, принимая пищу в комнате для гостей, Дай Вэнь вдруг услышал голос какого-то духа:

— Я, посланец Небесного владыки, намереваюсь сойти на землю и довериться вам. Согласны ли вы принять меня?

Дай Вэня охватил испуг.

— Вы сомневаетесь во мне? — спросил дух.

Дай Вэнь, опустившись на колени, сказал:

— Не знаю, подойдет ли для этого мое бедное жилище.

Он навел в доме чистоту и порядок и обустроил в нем алтарь, где дважды в день, утром и вечером, почтительно предлагал духу угощение. Но спустя какое-то время он поделился своими сомнениями с женой. Та тоже заподозрила, что это были проделки нечистой силы. Когда настало время в очередной раз ставить на алтарь угощение, Дай Вэнь услышал голос духа:

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

— Я уже готовился вознаградить вас, но теперь должен покинуть вас из-за ваших сомнений.

Тут Вэнь услышал шум над крышей своего дома. Он вышел посмотреть и увидел большую пятицветную птицу в сопровождении множества белых горлиц. Птицы полетели на северо-восток и там исчезли из виду, слившись с тучей.

2

Шел сильный, затяжной дождь. Хэ Бигань оставался дома и в полдень, задремав, увидел сон, будто бы множество почтенных гостей, верхом и в повозках, заполнили его двор. Проснувшись, он рассказал свой сон жене. Едва Хэ Бигань закончил свой рассказ, как в воротах показалась женщина лет восьмидесяти. Она искала убежища от дождя. Однако хозяева заметили, что одежда на ней была совсем сухая. Когда дождь прекратился, гостью проводили до самых ворот. Старая женщина сказала Хэ Биганю: «Вы наделены скрытыми добродетелями, и поэтому я хочу сделать вам подарок». Она вынула из-за пазухи связку дощечек, всего девятьсот девяти, и, вручая их Хэ Биганю, предрекла, что столько же будет у него потомков, носящих на поясе печати со шнурами, то есть занимающих высокое положение.

3

Ми Чжу, богатый торговец, однажды возвращался домой из чужих краев. По дороге встретила ему молодая женщина, которая попросила подвезти ее. Невдалеке от дома Ми Чжу она стала прощаться. «Я посланница Неба, — сказала она, — мне поручено ровно в полдень поджечь ваш дом. Но вы оказали мне добрую услугу, и поэтому я сообщаю вам об этом». Ми Чжу стал умолять ее пощадить его дом. Женщина отвечала, что не сжечь дом никак

невозможно, но посоветовала ему поспешить и сделать то, что можно успеть до полудня. Чжу перенес все свое имущество в другое место. А ровно в полдень вспыхнул сильный пожар.

4

Когда-то в округе Хэнъян неведомо откуда появился большой плот, перегородивший реку. Видя в этом происки каких-то духов, местные жители установили на берегу храм. Прежде чем отправиться в путешествие по реке, люди возносили здесь молитвы, и плот уходил в глубь реки, открывая им путь. Если же люди пренебрегали молениями, то их лодки разбивались о плот.

Окружной правитель Гэ Цзу, собираясь оставить службу, решил напоследок избавить людей от этой помехи. Приготовив с вечера большой топор, он намеревался утром идти к реке, чтобы разрубить плот.

Наступила ночь, и люди слышали необычные звуки, доносившиеся с реки. Утром обнаружилось, что за ночь плот переместился вниз по течению, остановившись в небольшом заливе, где он никому не мешал. Видимо, дух плота почувствовал, что не сможет справиться с добродетельным и решительным Гэ Цзу. Местные жители, отправляясь путешествовать по реке, больше не тревожились за свою жизнь и воздвигли стелу в честь Гэ Цзу.

5

Окружной наместник Чжан Пу ехал вместе с семьей и домочадцами к новому месту службы. Путь его пролегал через гору Лушань. Дочь Чжан Пу, молодая девушка, посетила храм духа горы, и сопровождавшая ее служанка, шутя, указала на статую духа со словами: «Вот за него и отдадим те-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

бя замуж», В эту же ночь жена Чжан Пу увидела во сне владыку горы Лушань, который пришел свататься к ее дочери. Он выражал благодарность, что выбор знатных родителей пал на него. Проснувшись, мать рассказала свой удивительный сон домочадцам. Тогда служанка призналась, какие слова она произнесла перед статуей духа. Это привело мать в ужас. Она стала торопить мужа с отъездом из этих мест.

Надо было переправляться через реку. Посредине реки их большая лодка вдруг остановилась. Перепуганные люди стали бросать в воду вещи, но лодка все не трогалась с места. Кто-то сказал:

— Надо бросить девочку. — И при этих словах лодка слегка шевельнулась.

— Теперь ясно, чего хочет от нас здешнее божество, — заговорили люди. — Лучше пожертвовать одной девочкой, чем погибнуть всей семье.

— Я не в силах смотреть на это, — промолвил отец и удалился в жилую надстройку на палубе лодки. Утопить девочку в реке он поручил жене. Но с ними плыла еще племянница, дочь покойного старшего брата Чжан Пу, и женщина решила пожертвовать ею вместо дочери. На воду положили циновку, девочка села на нее, и лодка получила возможность плыть дальше.

Когда Чжан Пу увидел, какую подмену совершила его жена, он разгневался и воскликнул: «Какое бесчестие!» Отец своими руками сбросил дочь в реку.

Наконец они достигли противоположного берега. Там их ожидали обе девочки, а внизу, под берегом, стоял чиновник, который представился как письмоводитель владыки горы Лушань. «Владыка благодарит вас, — сказал он, — и возвращает обеих девочек в знак уважения к верности данному слову». Впоследствии девочки рассказали,

что даже не почувствовали погружения в воду. Они видели только красивый дом, чиновников и стражу.

В доме Бао Юаня часто случались разные неприятности, да и сам хозяин болел и вообще был очень беден и несчастлив. Желая найти причину своих неудач, Бао Юань обратился к гадателю, и тот сказал, что дом стоит на несчастливом месте, но дело можно поправить. По совету гадала Бао Юань отправился на рынок и купил новую плетъ для верховой езды, которую повесил на большое шелковичное дерево, росшее к северо-востоку от его дома. Гадатель предсказал, что через три года ему достанется неожиданное богатство. И действительно, три года спустя, когда Бао Юань углублял колодец, он обнаружил в земле клад: несколько сотен тысяч монет, а еще много разных изделий, медных и железных. После этого дела Бао Юаня пошли в гору, а беды и болезни обходили его дом стороной.

В годы, когда царство У клонилось к своему закату и государь больше не надеялся на верность своих подданных, все начальники пограничных укреплений должны были оставлять своих жен и детей при дворе «охранителями доверия», то есть заложниками.

Мальчикам — сыновьям военачальников — позволяли играть вместе, согласно рангам их родителей. Однажды среди играющих детей появился никому не знакомый мальчик лет шести-семи, одетый в синюю одежду. Дети стали спрашивать его, откуда он появился. «Увидел, как вы тут играете, вот и пришел», — отвечал мальчик.

Приглядевшись к незнакомцу, дети обнаружили, что его глаза испускают лучи мерцающего света. Заметив вокруг себя испуганные и растерянные взгляды, необычный мальчик сказал: «Не надо меня бояться. Я дух Звезды Мерцающих Огней и явился предупредить вас, что Три Повелителя покорятся дому Сыма».

Некоторые из мальчиков поспешили сообщить взрослым о том, что происходит. Но прежде чем появились взрослые, звездный мальчик сжался, подпрыгнул и исчез. От того места, где он стоял, в небо взвилась белая полоса. На глазах у подросших взрослых она плавно поднялась ввысь и исчезла.

Никто не посмел доложить о происшедшем государю.

Слова звездного духа сбылись: в ближайшие годы Сыма Янь подчинил одно за другим царства Шу, Вэй, У и основал новую императорскую династию.

8

В уезде Луншу на берегу реки росло огромное дерево, которое было как бы окутано желтым маревом из-за несметного количества желтых птиц, гнездившихся на ветвях.

Во время великой засухи местные старейшины, полагая, что необычное дерево может быть наделено чудесными силами, решили обратиться к нему свои моления о дожде.

Неподалеку от желтого дерева стоял дом почтенной вдовы по имени Ли Сянь. Накануне дня, назначенного для жертвоприношений духу дерева, Ли Сянь, проснувшись среди ночи, увидела в доме незнакомую женщину, облаченную в вышитые одежды. Таинственная гостья назвалась Бабкой Желтых и объяснила, что она — дух дерева и может вызывать дождь. Зная добрый нрав Ли Сянь,

Бабка Желтых пожелала избрать ее своей вестницей. «Утром сюда придут старейшины, чтобы совершить моление, — сказала она. — Я уже испросила дождь у Небесного владыки. Завтра в полдень хлынет ливень».

Утром Ли Сянь сообщила собравшимся у дерева старейшинам, что их моление будет услышано Небом, и ровно в полдень действительно пролился долгожданный дождь. В честь этого события был установлен жертвенник.

Но на этом чудеса не кончились. Когда Ли Сянь собралась угостить старейшин парой речных карпов, ко всеобщему изумлению, неведомо откуда появилось огромное множество этих рыб.

Прошло больше года, и Бабка Желтых снова явилась Ли Сянь. «Пришла мне пора проститься с тобой, — промолвил дух дерева. — Скоро будет большая война, но я дарю тебе яшмовое кольцо, которое оберегает от бед».

И действительно, начавшаяся вскоре война обошла стороной деревню, где жила Ли Сянь.

9

Окружному правителю Лю Бо-цзу с некоторых пор стал являться невидимый дух, который время от времени вступал с ним в беседу. Этому духу всегда было заранее известно, на какую очередную должность Лю Бо-цзу предстояло получить назначение. Прежде чем из столицы приходил указ, дух заранее сообщал о нем Лю Бо-цзу.

Когда Лю Бо-цзу, получив очень высокое назначение, отправился к новому месту службы, дух последовал за сановником под его походным балдахином и стал рассказывать ему, как идут дела в управлении, которое тот должен был возглавить. Тогда Лю Бо-цзу сказал своему невидимому собеседнику: «Хорошо ли будет, если знатные люди из моей сви-

ты заметишь, что я общаюсь с духами?» Дух выразил полное понимание его опасений и больше никогда не появлялся.

10

Однажды человек по имени Вэй Шу, совершая поездку, остановился в доме, где у хозяев только что родился ребенок. Ночью, непонятно откуда, раздалось ржание коней и стук повозки. И тут же Вэй Шу услышал разговор двух духов, один из которых задал вопрос:

— Кто родился — мальчик или девочка?

Второй ответил: .

— Мальчик.

Тогда первый приказал:

— Запишите: в пятнадцать лет он погибнет от орудия, — и снова спросил: — Кто здесь ночует?

— Господин Вэй в ранге гуна, — ответил второй дух.

Прошло пятнадцать лет. Вэй Шу вновь оказался в тех местах и поинтересовался судьбой мальчика, будущее которого некогда предсказали духи. Оказалось, что мальчик в тот год, обрубая ветки дерева, поранил себя топором и от этого умер. Узнав, что первое предсказание сбылось, Вэй Шу понял, что ему суждено получить титул гуна.

11

В окрестностях одной крепости дети часто распевали стишок: «Кровь на воротах крепости — скоро всю ее скроют озерные воды». Некая старушка обратила на это внимание и каждое утро ходила и проверяла, на месте ли крепость. Начальник стражи приказал было ее связать. Но старая женщина объяснила, в чем дело, и ее отпустили. Некоторое время спустя начальник стражи убил собаку, и ее кровь случайно попала на ворота крепости. Старуш-

ка, увидав кровь, поспешила прочь из города. И вдруг действительно началось наводнение, такое сильное, что грозило вскоре затопить весь уезд. Когда один из подчиненных доложил начальнику уезда о стихийном бедствии, тот недооценил опасность и, усмехнувшись, сказал:

— Бойтесь, как бы вдруг не стать рыбами?

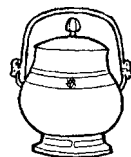
— Боимся, что завтра все в управлении станут рыбами, — ответил подчиненный.

И действительно, вскоре там, где стояло здание управления, возник водоворот и образовалось озеро.

12

Однажды воды реки Цзян бурно разлились, но вскоре вновь вернулись в свое русло. В одном из переулков осталась громадная рыба. Она стала добычей местных жителей. И вот все собрались, чтобы ее съесть. Не ела только одна старушка, и скоро ей было видение: явился старец, вероятно, речной дух. Он сказал, что огромная рыба, выброшенная на берег, была его сыном, который попал в беду. Дух пожелал отблагодарить старушку за то, что она не притронулась к рыбе. Он открыл ей смысл предстоящего знамения: если у каменной черепахи возле восточных ворот глаза покраснеют, значит, город скоро провалится.

После этого старушка каждый день ходила туда и смотрела на изваяние черепахи. Один мальчишка заметил это и все время дразнил ее. Старушка рассказала ему всю правду. Тогда сорванец решил над ней подшутить и покрыл глаза черепахи красной краской. Старушка увидела это и поспешила прочь из города. По дороге ей явился отрок в синих одеждах, посланец духа. Он отвел старушку на гору. А город провалился, и на его месте образовалось озеро.

Девушка из семьи Дин шестнадцати лет была выдана замуж в семью Се. Свекровь обращалась с ней жестоко, безжалостно избивая невестку, если та не успевала выполнить в срок заданную ей работу. Наконец терпению молодой женщины пришел конец, и в девятый день девятой луны она покончила с собой.

После смерти она превратилась в духа и через шаманку обратилась к людям, призывая их помнить, что молодые женщины и девушки должны иметь отдых от неустанных трудов. Она повелела, чтобы в девятый день девятой луны никто не заставлял их работать. После этого Матушку Дин стали почитать как покровительницу молодых женщин и девушек.

Однажды она появилась в телесном облике у речной переправы и стала искать, кто бы перевез ее на тот берег. Увидев лодку с двумя юношами, ловившими рыбу, Матушка Дин попросила их об услуге. Юноши повели себя непочтительно, стали, смеясь, заигрывать с ней. «Согласись стать моей женой, — наперебой предлагали они, — тогда перевезу». Назвав юношей невежами, Матушка Дин предрекла им скорую гибель и скрылась в зарослях травы.

Через некоторое время появилась другая лодка, принадлежавшая старику, который перевозил в ней тростник. Матушка попросила старика переправить ее через реку. Старик засомневался, достаточно ли крепка его лодка для такого груза. Но Матушка стала уверять, что беды не будет. Тогда старик снял с лодки часть тростника, и они спокойно переправились на тот берег.

Перед тем как уйти, Матушка Дин поведала старику, что на самом деле она бесплотный дух и

могла бы сама переправиться через реку. «Я лишь хотела напомнить людям о себе, — сказала она, — вы же глубоко растрогали меня тем, что не пожалели свой тростник, чтобы оказать мне услугу».

Старик поплыл обратно, и вдруг рыбы в большом количестве стали выпрыгивать из воды прямо к нему в лодку, в то время как ветер подгонял ее к берегу. Тогда старик выбросил остатки тростника и вернулся домой с богатым уловом.

Что же касается тех юношей, которые выказали непочтительность Матушке Дин, то в тот же день они утонули.

14

Ван Сян рано остался без матери, и отец его женился во второй раз.

Будучи от природы почтителен к старшим, Ван Сян не только повиновался во всем отцу и мачехе, но и проявлял чрезвычайную заботу о них. Несмотря на это, мачеха невзлюбила пасынка и всячески оговаривала его перед отцом. И тот, под влиянием жены, стал пренебрегать сыном и поручал ему самую грязную работу.

Однажды отец и мачеха Ван Сяна тяжело заболели. Мачеха все просила свежей рыбы. Ван Сян не знал как быть: зима выдалась морозная, и река была покрыта толстым слоем льда. Тем не менее он отправился на реку и попытался растопить лед теплом собственного тела. Внезапно лед сам собою раздвинулся, и из воды выпрыгнули два карпа.

В другой раз мачехе захотелось жареных воробьев. Ван Сян задумался, как бы выполнить ее желание. Тотчас же несколько десятков воробьев влетели в дом.

Односельчане, пораженные тем, что даже небеса помогают столь почтителенному сыну, стали относиться к Ван Сяну с большим уважением.

Ян Боюн искренне почитал своих родителей. Когда отец и мать умерли, он похоронил их на горе и сам поселился там.

Подъем на гору был очень высок, и наверху не было воды. Ян Боюн таскал воду вверх по склону, чтобы любой прохожий мог ее испить. Прошло три года с тех пор, как он поселился на горе, и вот один из напоенных им людей дал Ян Боюну ведро каменных зерен и велел посеять их на высокой горе. Из зерен должна была прорасти драгоценная яшма. «После этого, — добавил путник, обращаясь к Ян Боюну, — вы найдете себе хорошую жену». Сказав это, он исчез.

Посеяв камешки, как было велено, Ян Боюн несколько лет ожидал всходов и наконец увидел яшмовые ростки.

Жила в тех краях красавица Сюй, дочь знатных родителей. Многим женихам она уже отказала. Когда посватался к ней Ян Боюн, то Сюй засмеялась и, шутя, сказала: «Соглашусь выйти за тебя, если принесешь мне пару дисков из белой яшмы». Ян Боюн отправился на свое яшмовое поле и набрал целых пять пар таких дисков. Он принес их Сюй как свадебный подарок. Все ее родные пришли в изумление, и девушку отдали в жены Ян Боюну.

В то время как Ван Ман, родственник императорского дома, замыслил государственный переворот, окружной правитель Чжай И готовился подняться против узурпатора верные трону войска. Тогда же в доме Чжай Сюаня, старшего брата Чжай И, случилось происшествие, ставшее предзнаменованием будущих событий.

Чжай Сюань держал у себя довольно большое стадо гусей. И вот во внутренний двор пробралась собака, которая передушила всех гусей. Потом собака выбежала за ворота, и ее не могли найти, как ни старались. Чжай Сюань очень горевал о случившемся.

Через несколько дней Ван Май, захвативший власть в стране, истребил весь род Чжай.

17

При Хуань-ди, в годы его правления под девизом Юань-цзя, столичные женщины подрисовывали себе «нахмуренные брови» и «плачущий вид», делали прическу «падение с лошади», изображали походку «надломленная поясница» и улыбку «дурные зубы». «Нахмуренные брови» — это тонкие брови с изломом. «Плачущий вид» — легкие подводки под глазами, словно бы следы от слез. В прическе «падение с лошади» волосы укладываются в одну сторону. При походке «надломленная поясница» ноги словно бы воткнуты в туловище. При улыбке «дурные зубы» в выражении лица нет радости, как при зубной боли. Мода эта возникла из подражания Сунь Шоу, жене Лян Цзи. В столице все женщины хотели быть такими же, как она, и в провинциях тоже всё перенимали у нее. Этим Небо словно бы предупреждало: «Ожидается грабежи и захваты со стороны войск. Женщинам это принесет много горя, надломленные в печали брови и горькие слезы. Чиновники, усердствуя в поклонах, надломают свои спины, и прически их собьются на один бок. Хотя они и будут натужно улыбаться, но искренность в их улыбках исчезнет». Когда пришел второй год под девизом Янь-си, вся семья и весь род Лян Цзи подверглись карам.

В старые времена в войсках царства Вэй вдруг ни с того ни с сего стали изготавливать белые шапочки. А ведь чисто-белый цвет считается признаком глубокого траура! Сначала на передней части шапочки делали поперечный шов, чтобы отличать, где перед, где зад. Такие шапочки, называемые «шапочки с лицом», были широко распространены повсюду. Но вот наступили годы под девизом Юн-цзя. С навершия шапочек шов удалили — и стали называть их «шапочками, потерявшими лицо». А женщины, стремясь уложить волосы как можно более пышно, вкладывали в прическу твердый каркас, так как сама по себе такая прическа держаться не могла. Волосы закрывали весь лоб, так что видны были только глаза. «Потерявший лицо» — говорят про опозорившегося человека. Лоб закрывают, если на нем есть что-то постыдное. Чересчур пышные прически свидетельствуют об утрате чувства приличия и долга, а нравы в Поднебесной стали разнузданными, вплоть до полного бесстыдства. Через два года после этого начались смуты годов Юн-цзя, а низкий люд страдал от разных бед. Порождено же это было «потерей лица».

При Ай-ди, в годы Цзянь-пин, произошел такой случай: в Юйчжане некий юноша превратился в девуцу, вышел замуж и родил сына. Гадатель Чэнь Фэн по этому поводу сказал: «Когда мужское начало Ян превращается в женское начало Инь, это означает, что вскоре произойдет перерыв в преемственности власти». И еще он сказал: «Поскольку этот молодой человек вышел замуж и родил ребенка, я заключаю, что предстоит перерыв в

императорской родословной на одно поколение». И вправду, когда вскоре почил император Ай-ди и погиб император Пин-ди, трон был узурпирован Ван Маном.

20

В царстве Вэй начальником уезда Сянъи стал некто Ван Чжоунань. Вдруг из норы вылезла крыса, взобралась на деловой стол в гостиной и говорит: «Ван Чжоунань! Ты должен умереть в такую-то луну, такой-то день». Чжоунань, ничего не ответив, бросился к ней, но крыса скрылась в норе. Потом, когда пришел названный срок, она появилась вновь — в чиновничьей головной повязке и черном одеянии. «Чжоунань, — заявила она, — в полдень придет твоя смерть». Он опять промолчал, а крыса снова ушла в нору. Через некоторое время она показалась еще раз, потом скрылась, на ходу повторив те же слова. Время приближалось к полудню. Крыса вновь говорит: «Раз ты, Чжоунань, ничего не отвечаешь, мне больше деваться некуда». Сказавши это, она перевернулась вверх лапами и издохла. Ее одеяние и головной убор пропали. Рассмотрели ее — это была обыкновенная крыса, ничем от других не отличавшаяся*.

ЛЕГЕНДЫ О ДРЕВНЕЙШИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ДИНАСТИЯХ: СЯ, ИНЬ И ЧЖОУ

Ци, сын великого Юя

Усмиритель Великого потопа Юй, сын Гуня, получивший власть над всей Поднебесной империей из рук государя Шуня, стал основателем династии Ся.

Трон Юя наследовал его сын Ци. Подобно своему отцу, он был героем с божественными способностями. По преданию, три раза он поднимался в небо на летающих драконах в гости к Небесному владыке. На небесах император Ци услышал и украдкой записал дивные мелодии, на основе которых он потом создал музыку для представлений с песнями и танцами. Никогда прежде простым смертным не приходилось исполнять столь сложную и прекрасную музыку.

Правление Ци было также отмечено деятельностью сановника Мэн Ту, который при отправлении правосудия произносил заклятие и внимательно смотрел на судившихся. От его взгляда на одежде виновного проступали кровавые пятна. Мэн Ту приказывал схватить преступника и устанавливал,

в чем его вина. Приговоры отличались высокой справедливостью, и после его смерти в память о его заслугах был воздвигнут храм, названный храмом Мэн Ту.

Веселый император Кун Цзя

1

После Ци престолом в течение более десяти поколений владели его потомки, и, в конце концов, престол перешел в руки Кун Цзя.

Кун Цзя почти не занимался государственными делами, предпочитая им всякого рода развлечения и поклонение божествам и бесам. Это привело к тому, что могущество династии Ся с каждым днем ослабевало, а вассальные князья стали проявлять неповиновение.

Больше всего Кун Цзя любил охоту. Однажды он в сопровождении всадников и колесниц отправился охотиться к горе Согласия. Обитавшее в окрестностях доброе божество Тайфэн невзлюбило глупого правителя за его беспорядочную жизнь. Оно вызвало бурю: сильный ветер поднял в воздух песок и камни. В наступившей темноте Кун Цзя и его свита сбились с дороги и потеряли друг друга из виду. Правителю с несколькими слугами удалось добежать до хижины, расположенной у горного ручья.

В хижине только что родился мальчик. Родственники и соседи, которые пришли поздравить хозяина, увидев среди входящих правителя Кун Цзя, почтительно приветствовали его. Кто-то сказал, что ребенок родился в счастливый день и приход правителя сулит новорожденному в будущем счастье и удачу во всех делах. Ему возразили, что хотя день и счастливый, но охранить ребенка от бед, подстерегающих любого человека, вряд ли возможно. Кун

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Цзя, услышав эти слова, рассердился и громко сказал, что если ребенка отдадут ему, никто не осмелится причинить ему вред. Наконец ветер прекратился, и Кун Цзя со свитой и охраной вернулся во дворец. Вскоре он забрал ребенка на воспитание. Когда мальчик вырос и стал взрослым, Кун Цзя решил назначить его чиновником, показав этим, что в его власти дать человеку счастье или принести горе. Но чрезвычайное событие разрушило планы Кун Цзя. Однажды, когда юноша забавлялся в оружейном зале дворца, неожиданно поднялся сильный ветер. Балки здания, служившие опорой тяжелому полу, с грохотом обрушились на подставку для оружия. Падающий топор ударил юношу по лодыжке и отрубил ему ногу, сделав калекой. Кун Цзя, считая, что одноногий чиновник не может иметь внушительного вида в глазах народа, назначил его привратником. Вздыхая, Кун Цзя говорил: «Никак не ожидал, что произойдет такая беда, поистине такая судьба!»

2

Кун Цзя очень любил кормить драконов. Драконы обладали божественными качествами. По преданию, Юй — основатель династии Ся — был драконом и с помощью драконов умирал потоп. После усмирения потопа с неба спустились два священных дракона, чтобы поздравить его. Кун Цзя чудесным образом удалось достать пару драконов — самца и самку. Он удобно устроил их, кормил досыта, но, не зная их привычек, решил найти людей для ухода за ними, но это оказалось непростым делом. Спустя много времени во дворце появился некто Лю Лэй, обучавшийся у смотрителя драконов его искусству, но владевший им далеко не в совершенстве. Его предок Хуаньлун-ши занимал при императоре Шуне должность смотрителя

драконов. Несмотря на то что Лю Лэй знал совсем немного, он смог войти в доверие к Кун Цзя, и тот пожаловал ему титул императорского управителя драконов. Отсутствие у Лю Лэя знаний и опыта привело к тому, что вскоре самка дракона издохла. Не испугавшись, Лю Лэй приказал вытащить из пруда мертвого дракона и, очистив тушу от кожи и внутренностей, изрубить на мелкие куски и сварить в огромных котлах-треножниках на пару. Приготовленное кушанье он преподнес Кун Цзя, говоря, что оно изготовлено из убитого им дикого зверя. Кун Цзя, отведав блюдо, похвалил его вкус. После трапезы он велел показать ему драконов, чтобы позабавиться с ними. Но увидел всего одного чуть живого дракона-самца. На вопрос о том, почему не привели самку, Кун Цзя получил уклончивый ответ. И так повторялось много раз. В конце концов, Кун Цзя, разгневавшись, потребовал, чтобы ему немедленно показали самку. Лю Лэй, поняв, что нельзя больше морочить голову правителю, ночью вместе с семьей бежал в Лусянь, в отдаленную провинцию.

Для ухода за больным и слабым драконом-самцом надо было найти смотрителя, и Кун Цзя снова начал поиски. Наконец он нашел человека по имени Ши-мэнь, который был учеником чародея. Вскоре после того, как Ши-мэнь приступил к своим обязанностям, больной дракон ожил и опять стал радовать Кун Цзя своей резвостью и веселостью. Кун Цзя был очень доволен Ши-мэнем, находя в нем много достоинств. Но у Ши-мэня был крутой и вспыльчивый характер, и он требовал, чтобы все его распоряжения по уходу за драконом беспрекословно выполнялись. Поэтому у нового надзирателя постоянно происходили стычки с Кун Цзя из-за дракона. Ши-мэнь отказывался выполнять глупые приказы, даже если они исходили от правителя, что вызывало

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

крайнее недовольство самолюбивого тирана, не терпевшего возражений. При Лю Лэе кормление драконов было развлечением для Кун Цзя, но теперь из-за строгости и придирчивости нового смотрителя этот процесс перестал доставлять ему удовольствие. Однажды, когда Ши-мэнь стал беспощадно высмеивать его нелепые рассуждения, правитель не сдержался и в гневе приказал слугам схватить Ши-мэня и отрубить ему голову. Тот, смеясь, сказал, что Кун Цзя волен отрубить ему голову, но в этом случае правитель только проиграет. После этого Ши-мэнь с гордым видом вышел вслед за стражниками. Кун Цзя, боясь, что душа Ши-мэня может превратиться в привидение и поселиться во дворце, приказал унести его труп подальше от столицы и закопать в пустынном месте. Как только тело было погребено, поднялся сильный ветер и хлынул дождь. Едва ветер и дождь стихли, загорелись окрестные леса. Пламя пожара освещало небо. Люди бросились тушить огонь, но он не унимался. Не зная, какие еще чудеса совершит безвинно убиенный чародей, испуганный Кун Цзя сел в колесницу и отправился за город, чтобы обратиться к его духу с молитвой. Правитель просил Ши-мэня больше не творить чудес. После молитвы огонь понемногу стал утихать, и Кун Цзя с легким сердцем, сопровождаемый свитой, отправился в обратный путь. Когда прибывшие остановились перед дворцом и начальник охраны открыл дверцу колесницы, он обнаружил, что Кун Цзя сидит не шевелясь и глаза его неподвижно смотрят в одну точку. Правитель был мертв.

Рождение династии Инь

Могущество легендарной династии Ся постепенно ослабевало, и со временем престол Поднебесной империи занял Тан-ван — правитель страны Инь. Как и все другие народности Древнего Ки-

Парадное одеяние
императора династии Мин

Сцена охоты
*Рельеф на керамических
пинтах*

Парадное одеяние императора династии Цин
(маньчжурской)

Парадное одеяние императрицы династии Цин
(маньчжурской)

Судебное расследование
Со старинной гравюры

тая, иныцы поклонялись своим предкам и первым государям, передавая из поколения в поколение легенды о них.

Согласно преданию, Цзяньди, мать первого предка иньцев Се, жила вместе с сестрой в девятиярусной башне. Однажды Верховный правитель неба приказал ласточке полететь и посмотреть на них. Птица понравилась сестрам, и те, поймав ее, посадили в нефритовую клетку. Спустя некоторое время ласточка улетела, но оставила два яйца. Сестры загрустили и стали петь: «Ласточка, ласточка улетела! Ласточка, ласточка улетела!» Яйца, снесенные ласточкой, проглотила Цзяньди. После этого она зачала и родила основателя иньского народа Се.

Существует другое сказание, согласно которому Цзяньди вместе с двумя девушками купалась в реке и увидела черную птицу — ласточку, которая оставила яйцо. Цзяньди проглотила яйцо и родила Се.

Смысл обоих преданий одинаков. В них говорится, что прародитель иньцев произошел от черной птицы, которую прислал с небес Верховный правитель. Поэтому потомки почтительно называли Се Черным князем.

Правитель Ван Хай и его брат Ван Хэн

За шесть-семь поколений до правителя Тан-вана иныцы кочевали по восточной степи и занимались скотоводством. В то время у них был знаменитый правитель по имени Хай. Ван Хай был умелым скотоводом, сам любил ходить за коровами и овцами, скот у него был всегда здоровым и крепким. Люди учились у него. Вскоре после начала его правления многочисленные стада заполнили горы и долины. Жизнь народа стала лучше. Ван Хай на-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

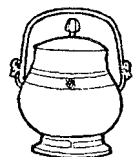

думал отогнать часть скота пастись на север и начать обмен с народом Юи, у которого скота было мало. Часть стад можно было обменять на изделия из бронзы, зерно, красивые шелка. Ван Хай обратился за советом к своему младшему брату Ван Хэну, который одобрил этот план. Народ тоже был согласен. С большим стадом племенных быков и отборных овец братья отправились на север к стране Юи.

Правитель Юи по имени Мяннь-чэнь, услышав, что с востока прибыли знатные гости с большими стадами, вышел их встречать, сопровождаемый толпой народа. Прежде чем начать разговоры о торговле, гости решили отдохнуть после дальней дороги. Братья провели в Юи много месяцев. Они наслаждались изысканной едой и винами, беззаботной жизнью. Обладая хорошим аппетитом, Ван Хай поглощал все съедобное и на загородных пирушках, и на торжественных пирах. Ван Хэн тоже любил поесть, но у него были и другие пристрастия. Он с большим интересом рассматривал красивых женщин. Решив, что самая красивая из всех — жена Мяннь-чэня, распутный Ван Хэн пустил в ход все средства обольщения. Жена Мяннь-чэня была довольно легкомысленна, да и не очень любила своего старого мужа, поэтому заигрывания Ван Хэна пришлись ей по душе, и вскоре оба уже начали встречаться в сумерках. Но женщина скоро раскусила непостоянного Ван Хэна, и он ей надоел. В то же время немногословный Ван Хай вызывал у нее живое любопытство. Женщина стала отдаляться от Ван Хэна и добиваться внимания Ван Хая. Простой и искренний, Ван Хай попал в искусно расставленные ею сети. Вскоре все окружение, кроме старого правителя Мяннь-чэня, узнало об их связи. Когда слухи об этом достигли Ван Хэна, в нем пробудилась бешен-

ная ревность. Он и не предполагал, что брат сможет украсть его возлюбленную. Однако Ван Хэн боялся брата, и ему приходилось притворно улыбаться, хотя в душе он возненавидел его.

У правителя Юи был молодой телохранитель, у которого еще до приезда чужеземцев были определенного рода отношения с правительницей. Молодой воин, отвергнутый ею, решил донести старому правителю о связи его жены с Ван Хаем, но у него не было никаких доказательств. Тогда он стал тайно следить за любовниками. Надеясь найти подходящий случай для отмщения, Ван Хэн и молодой телохранитель объединили свои усилия. Они решили действовать сообща и договорились избавиться от общего соперника. Юный телохранитель задумал застигнуть любовников врасплох. Однажды лунной ночью Ван Хэн послал слугу за юношей и сообщил ему, что Ван Хай со свитой только что вернулся с охоты и прошел в задние ворота дворца. Юноша, не теряя зря времени, спрятал под одежду остро отточенный топор и прошел в задние ворота. Этот путь был ему хорошо знаком, он легко перелез через стены дворца и направился прямо к спальне правительницы. Оттуда доносился громкий храп. Заглянув в окно, телохранитель увидел, что Ван Хай лежит на кровати, даже не сняв одежды и не сбросив туфли, и спит крепким сном. Юноша толкнул незапертую дверь, вошел в покои и, схватив обеими руками топор, ударил лежащего по толстой шее. Кровь хлынула рекой. Ослепленный ревностью юноша ударил еще два раза и отделил голову от туловища. Затем убийца топорливо стер покрывалом следы крови с рук и топора и выбежал из спальни с намерением скрыться из дворца. Но не успел он выскочить из покоев, как на крики перепуганной служанки из парка выбежало несколько вооруженных стражников. Они

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

схватили юношу и повели его к старому Мянью-чэню в его спальню, где вместе с ним находилась успешная ускользнуть из своих покоев жена правителя. Мянью-чэнь вскочил с брачного ложа вместе с женой и принялся выяснять все обстоятельства дела. Как и следовало ожидать, правитель разгневался, приказал забрать стада Ван Хая вместе с пастухами и выслать Ван Хэна за пределы страны. Отчаянному мстителю следовало бы отрубить голову, но ему удалось убедить господина в своей верности, и тот освободил его от наказания. Правительница несколько дней плакала, оправдывалась и умоляла, и старый правитель пришел к выводу, что во всем виноваты чужеземцы, а не его жена, и гнев его постепенно утих.

Изгнанный Ван Хэн в одиночестве вернулся в родные места. Он рассказал народу о происшедших событиях, разумеется, не в полном соответствии с истиной. Люди, услышав его рассказ, возмутились. Убийство правителя было оскорблением для всех, не говоря уже о потере стад. Ван Хэн использовал народный гнев для того, чтобы получить престол. Подданные избрали его правителем, назначили военачальников и привели в порядок войска для отмщения. Все было готово, но Ван Хэн не хотел идти в поход, боясь, что раскроется его участие в убийстве брата и он потеряет не только престол, но и жизнь. Чтобы успокоить людей, он заверил их, что сначала сам поведет переговоры с правителем Юи о возвращении стад. Народ не одобрял его решение, но был вынужден повиноваться новому правителю, который стоял на своем. Ван Хэн с несколькими приближенными отправился в Юи. Правитель Юи боялся разгневать могущественных соседей, и едва Ван Хэн потребовал возвращения стад, как весь скот с пастухами был ему возвращен. Ван Хэн с тоской думал,

что скот общий и его придется раздать людям. Поэтому он не спешил с возвращением домой и решил совершить увеселительную поездку по всей стране. Правитель Юи не знал, что и делать с этим бездельником.

Прошло несколько лет. Иныцы, видя, что Ван Хэн долго не возвращается, решили, что случилось несчастье, и во избежание беспорядков в стране избрали правителем его сына — Шан Цзявэя. Шан Цзявэй, несмотря на молодость, был талантлив и мудр. Он решил идти в Юи со всем войском, чтобы покончить с обидчиками. Огромная армия подошла к берегам Хуанхэ. Услышав, что Шан Цзявэй вместе с большой армией явился мстить, правитель Юи пришел в смятение. Думая, что этот приход вызван длительным отсутствием Ван Хэна, он поспешил отправить послов, чтобы те все объяснили. Шан Цзявэй, слыша объяснения, верил и не верил сказанному, а тем временем его войско стремительно продвигалось вперед. Иныцы начали захватывать пограничные земли и трофеи. Поэтому вскоре Шан Цзявэй приказал казнить прибывших посланцев и продолжал двигаться вперед. Беспомощный правитель Юи совсем не был готов к войне. Только после приближения врага он начал готовиться к обороне. Его необученное войско не могло сравниться с отважными наездниками иныцев и после нескольких сражений было наголову разбито, столица захвачена, а старый правитель убит. Как только войско вошло в столицу, Шан Цзявэй послал людей разыскать своего отца, но найти его не удалось. Вероятно, он был убит разгневанными жителями Юи. Шан Цзявэй поверил, что его отец был действительно пленен, и попустительствовал убийствам, насилию и грабежам. Маленькая страна была полностью разорена. Молодой правитель Шан Цзявэй, упоенный победой, вернулся домой.

После победы над Юи страна Инь стала усиливаться и процветать.

Тан-ван

Через шесть-семь поколений после Шан Цзя-взя иньским правителем стал Тан-ван. Он основал столицу в Во, и при нем страна Инь стала могущественным государством на востоке. Тан-ван был высок ростом и отличался величественной осанкой. Кроме того, Тан-ван был красив, добр и милосерден. Однажды во время охоты он увидел человека, расставившего многочисленные силки для птиц и желавшего, чтобы все птицы, спускающиеся с неба, попадали в его силки. Тан-ван приказал этому человеку убрать большую часть ловушек. Жители сорока с лишним земель, прослышав о милосердии Тан-вана, с радостью ему подчинились.

Безумный правитель Цзе-ван

1

В то время как могущество иньского государя крепло, императорская династия Ся клонилась к закату.

Вскоре после смерти Кун Цзя на престол Поднебесной империи взошел Цзе-ван. Он обладал крепким телосложением, величественной осанкой и огромной силой. Цзе-ван с легкостью мог одной рукой сломать олений рог и разогнуть железный крюк. Он храбро сражался с драконами, мог голыми руками драться с волками, шакалами, барсами и тиграми. Но под этим героическим обликом скрывалась гнилая душа. По преданию, он думал только о своем удовольствии, ни во что не ставя жизнь и благополучие своих подданных. Не считаясь с деньгами, он возвел великолепный дворец Яотай («яшмовая

башня»), в котором были собраны редкие вещи. Он окружил себя красавицами со всей Поднебесной, а также танцорами, актерами, шутами и карликами. Во дворце у него был пруд, наполненный вином. При ударе барабана три тысячи человек подползали к пруду на четвереньках и, вытянув шеи, начинали пить вино. Некоторые, выпив слишком много, падали в пруд и тонули. Сам Цзе-ван вместе со своей любимой наложницей Мэй-си, глядя на это зрелище, смеялся до слез.

Кроме знаменитой Яшмовой башни, у Цзе-вана были другие дворцы и парки. По преданию, у него был Дворец вечной ночи, построенный в темном, уединенном ущелье. Цзе-ван часто проводил там дни и ночи напролет, предаваясь бесстыдному разврату, иногда не покидая его в течение многих месяцев и совершенно не занимаясь государственными делами. Однажды ночью в ущелье неожиданно подул свирепый ветер, заглушавший звуки музыки. За короткое время тучи песка засыпали все ущелье вместе с дворцом, но Цзе-вана, на его счастье, там не оказалось. Вероятно, это было предупреждение, ниспосланное ему Небом. Но он и не думал раскаиваться и продолжал вести беспутную жизнь. Наложница Мэй-си любила слушать треск разрываемого шелка. По приказу Цзе-вана из сокровищницы приносили множество прекрасных тканей и разрывали их кусок за куском, чтобы доставить ей удовольствие. Одна из наложниц Цзе-вана обладала способностью превращаться в дракона, к которому было страшно даже приблизиться, и внезапно снова становиться очаровательной женщиной. Все боялись ее, но Цзе-ван очень ее любил. Девица-оборотень каждый день требовала себе на обед человека, и Цзе-ван выполнял ее просьбу. Он велел звать ее Цзяо-це, что значит Наложница-дракон. По преданию, она могла предсказывать ему будущее.

У Цзе-вана был мудрый сановник по имени Гуань Лунфэн. Он часто упрекал Цзе-вана за его безнравственное поведение. Однажды сановник вызвал гнев своего безрассудного правителя. Тот приказал схватить его и убить.

На службе у Цзе-вана состоял также И Инь, который впоследствии прославился своей мудростью. Сначала он служил у иньского князя Тан-вана, но Тан-ван не давал ему важного поста, и тогда И Инь стал главным поваром у Цзе-вана. Однажды, когда в Яшмовой башне собралась компания, чтобы предаться разнузданным увеселениям, И Инь поднял кубок и, увещевая Цзе-вана, сказал, что при таком управлении страна рано или поздно придет к гибели, равно как и сам император. Цзе-ван в гневе ударил кулаком по столу и воскликнул, что государя можно будет уничтожить лишь тогда, когда будет уничтожено солнце. Между тем Цзе-ван даже не подозревал, как ненавидел его народ, сохранявший верность императору лишь из страха.

И Инь видел, что безрассудный правитель не исправим, и вынужден был признать, что, оставив Тан-вана, он совершил большую ошибку. И Инь обдумал все это и решился. Он всю ночь собирал вещи и, как только рассвело, приказал подать тележку,пряженную мулами, и отправился обратно в столицу Тан-вана — город Бо.

У Цзе-вана был приближенный по имени Фэй Чан. Однажды он прогуливался по берегу Хуанхэ и увидел, что на небе одновременно появились два солнца. Солнце на восточном берегу излучало яркое сияние. Чем выше поднималось солнце в небе, тем больше становилось его сияние. Солнце на западе, красное и тусклое, было окружено пепельными облаками. Вскоре оно совсем закатилось. В тот же миг

раздался удар грома. Фэй Чан, увидев это чудо, вспомнил старинную поговорку «На небе не бывает двух солнц, на земле не бывает двух правителей». Он спросил речного бога Хэ-бо, какое из этих солнц олицетворяло Инь и какое Ся. «Западное солнце — это Ся, — ответил ему Хэ-бо, — а восточное — Инь». Фэй Чан понял, что мощь династии Ся сходит на нет и страна погибнет. Собрав домочадцев, он тоже убежал к Тан-вану.

3

Цзе-ван не чувствовал нависшей над ним серьезной угрозы и по-прежнему предавался гнусным забавам и развлечениям, совершая при этом самые невероятные поступки. Он выпустил из дворцового парка тигров прямо на рыночную площадь, заполненную народом, и, глядя, как люди в панике разбегаются, весело хохотал. Если подданные осмеливались упрекать его за самодурство, он жестоко наказывал их, вплоть до того, что отрубал головы.

Тан-ван, слыша об этом, очень горевал. Мудрый правитель послал своих подданных выразить сочувствие страдающим людям Цзе-вана. Цзе-ван разгневался на Тан-вана за этот поступок, считая, что тот нарочно привлекает симпатии народа на свою сторону, намереваясь свергнуть его. Коварный сановник Чжао Лян предложил Цзе-вану пригласить Тан-вана к себе в столицу. Как только Тан-ван прибыл, Цзе-ван сразу же посадил его в залитое водой подземелье башни Сятай, которая была построена правителями Ся для содержания особо важных преступников. Вполне возможно, что Тан-ван вскоре бы умер там. Однако, как только распространилась весть о подлом поступке Цзе-вана, посланцы из страны Инь привезли с собой много дорогих вещей и драгоценностей для подкупа сановников. Сам Цзе-ван тоже любил драгоценности и деньги. Недолго

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

думая, он выпустил Тан-вана из тюрьмы. Вскоре после освобождения Тан-вана Цзе-ван приказал своему полководцу Бяню напасть на маленькую страну Миньшань на юго-западе. Миньшань потерпела поражение и вместе с просьбой принять капитуляцию послала победителю двух красивых девушек. Одну из них звали Юань, а другую Янь. Цзе-ван очень их полюбил и приказал вырезать имена девушек на самых красивых кусках нефрита, которые он всегда носил на поясе. Его бывшая любимая наложница Мэй-си к тому времени постарела и была уже не так красива, как раньше. Цзе-ван переселил ее во дворец покинутых наложниц на берегу реки Лошуй. Мэй-си, оскорбленная такой жестокостью, вспомнила время, когда И Инь, будучи главным поваром, питал к ней нежные чувства, и решила воспользоваться этим, чтобы отомстить обидчику. Она тайком послала человека к И Иню и предложила сообщать ему добытые ею из разных мест важные сведения и государственные тайны. И Инь в то время исполнял в государстве Инь должность первого министра. У него была честолюбивая мечта помочь Тан-вану захватить всю Поднебесную. Поэтому он с радостью принял предложение Мэй-си, постоянно посылал к ней людей с богатыми подарками, и связь между ними не прекращалась.

Тан-ван разбивает армию Цзе-вана и становится правителем

Дождавшись времени жатвы, Тан-ван собрал большое войско и сам повел его против Цзе-вана, сидя в колеснице со стягом в одной руке и боевым топором в другой. Колесницей правил Фэй Чан, решивший на его сторону. Вслед за ним ехал в колеснице И Инь. В то время союзниками Цзе-вана были три его вассала: Вэй, Гу и Кунью. И Инь и Тан-ван составили план, согласно которому предпола-

лось сначала уничтожить одного за другим союзников Цзе-вана, а затем объединенными силами напасть на него самого. Цзе-ван был в полной растерянности. Собрав немногочисленное войско, он начал совершать жертвоприношения, надеясь с помощью богов защитить страну. Но после двух-трех сражений в ущелье, которое служило воротами в страну, пал его главнокомандующий Гэн: Тан-ван одним взмахом меча отрубил ему голову. Войско Тан-вана, не встречая сопротивления, быстро подошло к столице сяского Цзе-вана. Ночью к Тан-вану явился бог огня Чжужун, имевший человеческое лицо и туловище дикого зверя, и объявил ему волю небесного правителя: ему, Тан-вану, предстояло лично повести армию на город и одержать победу, наступление следовало начать при виде большого огня в северо-западной части города. Сказав это, божество в мгновение ока исчезло. Пока Тан-ван раздумывал и сомневался, к нему прибежали люди с сообщением, что в северо-западной части столицы Ся вспыхнул пожар. Тан-ван вышел из шатра. Увидев, что пламя за высокой городской стеной озаряет ночной небосвод, он поспешил отдать приказ атаковать город всеми имеющимися силами. К тому времени многие воины Цзе-вана перешли на сторону инцев и тоже участвовали в штурме его столицы. Вскоре считавшиеся неприступными стены и рвы города были преодолены воинами Тан-вана. Цзе-ван в спешке покинул охваченную паникой столицу и бежал в Минтяо. Тан-ван с семьюдесятью военными колесницами и шестью тысячами воинов быстрым маршем устремился вперед, преследуя Цзе-вана. Произошло сражение, армия Цзе-вана не выдержала напора и была разбита. Силы постаревшего Цзе-вана иссякли, и вскоре он умер. Перед смертью он в гневе высказал сожаление, что в свое время не убил Тан-вана в башне Сятай. Лишь

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

из-за этого, по словам поверженного правителя, он оказался в таком печальном положении. Ему и в голову не пришло, что его собственный народ, терпевший от него множество мучений, пожелал свести с ним счеты.

Тан-ван, уничтожив Ся, получил власть над всей Поднебесной. Однако вскоре после того, как он взошел на трон Сына Неба, началась ужасная засуха, длившаяся семь лет подряд. Вода в реках иссякла, народ испытывал страшные мучения. Все молились о дожде. Прорицатели, совершив гадание, объявили, что нужно принести в жертву человека, и только тогда появится надежда, что пойдет дождь. Для спасения своего народа Тан-ван решил пожертвовать собой. Он надел одежду из грубого полотна и с пучком легко воспламеняющегося белого камыша в руках, в белой колеснице, которую везли белые кони, направился к священному алтарю иньского народа, расположенному в Тутовом лесу. Люди тащили треножник, несли знамена, играли на музыкальных инструментах. Колесница Тан-вана медленно ехала вслед за ними. Шаманы громкими голосами возносили моления о дожде. В Тутовом лесу Тан-ван увидел множество людей. Перед алтарем заранее была приготовлена большая куча хвороста, в жертвенном чане пылал яркий огонь, несколько шаманов совершали ритуал перед алтарем. Он слез с колесницы, молча подошел к алтарю, опустился на колени и стал страстно молиться: «Если виноват во всем я, то народ не должен страдать за мои грехи. Если виноват народ, то пусть его вина ляжет на меня». После моления главный жрец вытащил из рукава ножницы, срезал у правителя волосы и ногти и кинул их в жертвенный огонь. Потом двое шаманов подхватили Тан-вана и втащили на высоченную кучу хвороста. Тан-ван низко наклонил голову, слегка прикрыл глаза и стал ждать, когда наступит время и

шаманы подожгут хворост со всех сторон. Это было тяжелое и томительное ожидание. В небе над головой стояло красное солнце и не было ни облачка. Но вот протрубил рог, и шаманы зажгли факелы от огня в жертвенном блюде; они совершили несколько кругов вокруг костра и бросили факелы к его подножию. Языки пламени лизнули сухой хворост и охватили всю кучу. Казалось, что пучок белого тростника, привязанный к Тан-вану, вот-вот вспыхнет. Но самопожертвование государя тронуло Верховного Небесного владыку, и свершилось чудо. Порыв бешеного ветра пригнал с северо-востока тучи, они вмиг затянули все небо, засверкали молнии, раздался гром и хлынул дождь. Казалось, что тучи всех четырех морей собрались в небе. От семилетней засухи не осталось и следа. Дождь затушил и огонь в жертвенном чане, и загоревшийся хворост. Обрадованные люди от всей души пели хвалебные песни, а шаманы сняли с костра мужественного и смелого правителя Тан-вана, который без колебаний готов был отдать свою жизнь за людей.

Люди чжоу и их предок Хоу-цзы

Воцарение благородного Тан-вана положило начало династии Инь, однако владычество этого дома закончилось много поколений спустя столь же бесславно, как и правление династии Ся. Государи, которым суждено было сменить иньских правителей на престоле Поднебесной, были князьями страны Чжоу. Люди чжоу, почитавшие своего предка Хоу-цзы, рассказывали о его рождении следующую историю.

Девушка по имени Цзянь Юань мечтала о материнстве. Приносила она богам различные жертвы, чтобы родить. Но это не помогало. Тогда она вступила в след Верховного Предка без его согласия и зачала. Прогремел гром. Забрезжило утро. И родила

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Цзянь Юань сына, крошечного, как росток. Не принял его Верховный Предок, и юной матери пришлось положить ребенка на узкую тропу. Шли буйволы на водопой и услышали пронзительный крик. Видят они, лежит младенец, такой прекрасный, какого свет еще не видывал. И подошла одна из буйволиц, и поднесла ему вымя. Когда сосал он, то не плакал, и так кормили его они по очереди все лето. Осенью стадо должно было покинуть эти места. Младенец остался на берегу. Не могли буйволы взять его с собой: у них не было рук.

Оставшись один, младенец стал кричать еще громче, чем прежде, потому что пока не мог добывать пищу сам. На крик прибежали волки. Беззащитный человеческий детеныш был для них желанной добычей. Волки уже подходили к нему, как вдруг с неба спустились две большие птицы на длинных ногах. Они подхватили младенца и унесли из-под носа разъяренных зверей. И стал чудесный младенец жить в большом гнезде. Птицы приносили ему с лугов зернышки трав, и вскоре он привык к этой пище. Однажды птицы полетели за кормом, а когда вернулись, обнаружили, что гнездо пусто. Кружась над лесом, они увидели малыша то поднимающимся на ноги, то ползущим, и поняли птицы, что человеческий детеныш уже не нуждается в их помощи. Помахав ему на прощанье белыми крыльями, они полетели на юг, где зимовала их стая.

Малыш тем временем приполз на луг, где нашли его буйволицы и накормили молоком. Был он еще совсем мал, но наделен разумом мудреца. Подбрав себе по силам палку с сучком, он стал царапать ею влажную землю. В образовавшиеся борозды он сыпал зерна, какими кормили его птицы. Прошло несколько месяцев. На луг в поисках пищи забрели люди и остановились в изумлении. По краям, словно зеленые стяги, тянулись к небу бобы. Крупные

тыквы желтели поодаль. Ровным строем густели золотые колосья пшеницы. Зеленела конопля. Но особенно пышно раскинулось просо. Знали люди и раньше эти вкусные плоды и злаки. Но тогда тонули они в травах, от которых не было проку. Не могли понять люди, почему побежденными оказались сорняки, покрывающие землю.

Вдруг раздвинулись колосья проса, и перед ними появился чудесный младенец. Ликующие люди дали ему имя Хоу-цзи — «владеющему над просом».

Последние годы династии Инь

Последние годы существования династии Инь были омрачены правлением жестокого Чжоу Синя. Заносчивость и самодовольство его дошли до того, что он провозгласил себя небесным правителем. Чжоу наслаждался всеми благами жизни. Безжалостный, он заставлял людей работать на себя без отдыха и сна; десятки тысяч рабов трудились на него. Семь лет они строили в его столице Чаогэ башню Лутай — «оленью башню», поднявшуюся выше туч и облаков. Два отделанных нефритом дворца, построенные по приказу Чжоу Синя, были еще больших размеров. В этих дворцах Чжоу поселил красивых женщин, которых по его приказу насильно забирали из простых семей. Отовсюду привозили туда скакунов и породистых собак. Затем Чжоу разбил сады, воздвиг огромные павильоны и беседки со множеством дорогих птиц и редких диких зверей. Чжоу вместе с порочной, бесстыжей и лстивой знатью предавался в этих дворцах и парках необузданному разврату. Вся компания с утра до ночи пила, ела и развлекалась, ни о чем не заботясь.

Чжоу боялся, что люди будут осуждать его. Поэтому он специально ввел жестокое наказание, которому подвергались все, кто осмеливался роптать

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

или перечить ему. Наказание состояло в том, что бронзовый столб мазали маслом и клали на раскаленные угли, после чего велели осужденному шагать по нему босыми ногами. Столб был горячий и скользкий, и человек, не пройдя и нескольких шагов, падал и сгорал на раскаленных углях, а Чжоу, его фавориты и любимая наложница смотрели на эту жестокую казнь и смеялись, это забавляло их.

У вассального князя Цзю-хоу была красивая и добродетельная дочь. Чжоу потребовал, чтобы она стала его наложницей. Но девушка не захотела быть игрушкой правителя, к которому питала отвращение, и Чжоу в порыве гнева приказал казнить отца и дочь. Сподвижник Цзю-хоу — Ао-хоу, честный и храбрый воин, явился к Чжоу Синю и потребовал, чтобы тот помиловал невинных. Гнев тирана был страшен, и он убил Ао-хоу.

Чжоуский князь Вэнь-ван осуждал императора за его жестокость. О настроениях Вэнь-вана узнал сановник Чун-хоу Ху, который донес о них Чжоу Синю. Тот приказал немедленно схватить Вэнь-вана и заточить его в тюрьму Юли, вырытую глубоко в земле, с окнами на крыше.

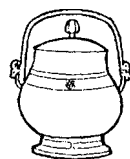
Когда Вэнь-вана заточили в тюрьму, четверо его преданных сановников немедленно поехали в Юли повидать своего повелителя. Преодолев много трудностей, они наконец достигли того мрачного места. Но так как присутствовавшие при свидании тюремщики ни на минуту не сводили с них глаз, они не смогли поговорить о деле, ради которого прибыли. Мудрый Вэнь-ван, увидев, что время свидания уже подходит к концу, а они так ни о чем и не договорились, подал несколько условных знаков своим друзьям. Сначала он подмигнул им правым глазом, намекая, что Чжоу Синь большой любитель женщин, надо найти красавицу и подарить ему. Потом он взял лук и постучал им по животу, давая понять, что Чжоу

мечтает о сокровищах и надо поднести ему несколько драгоценностей. В заключение Вэнь-ван быстро потопал по полу ногами, прося друзей поторопиться. Друзья Вэнь-вана поняли тайные знаки, успокоенные вернулись домой и принялись за дело. После того как Хунъяо, Сань Ишэн и другие друзья Вэнь-вана возвратились на родину, они быстро собрали много денег и нашли красавицу. А еще они добыли необыкновенного коня пятицветной масти; его глаза сверкали, как золото, а грива переливалась, как яркий петушиный хвост. Кроме того, они поймали необыкновенно редкого зверя, похожего на тигра, только хвост его был в три раза длиннее тела, а шерсть — пяти ярких цветов. Друзья Вэнь-вана привезли также множество необыкновенных зверей из разных мест, черную яшму, огромные раковины, шкуры и все это поднесли Чжоу. У Чжоу был любимец — сановник по имени Фэй Чжун. Когда все дары были доставлены в столицу, заговорщики сначала подкупили Фэй Чжуна, чтобы он склонил Чжоу к принятию даров, и только после этого отправились с подарками ко двору. Чжоу был очень жаден, но больше всего он любил женщин. Сидя посреди большого зала, он с радостью смотрел на дары, разложенные перед ним, но пристальнее всего — на бесподобную красавицу.

Вэнь-ван был освобожден из подземной тюрьмы, и ему разрешили вернуться на родину. Вернувшись домой, Вэнь-ван решил прежде всего навести порядок в своем уделе, тайно объединиться с остальными князьями и, собрав большое войско, призвать к ответу Чжоу за все его преступления.

Вэнь-ван и его наставник

Однажды Вэнь-вану явился во сне Верховный Небесный правитель, за спиной которого Вэнь-ван увидел старика с седыми усами и бровями. Небесный правитель объяснил Вэнь-вану, что этот чело-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

век, по имени Ван, будет его учителем и помощником. Вэнь-ван поспешно поклонился старику, старик поклонился в ответ. И в этот же момент он проснулся.

После такого странного сна, отправляясь со своей свитой на охоту, Вэнь-ван каждый раз втайне надеялся встретить мудреца. Однажды перед охотой Вэнь-ван приказал своему летописцу Бяню совершить гадание и таким путем получил совет — ехать охотиться к реке Вэйшуй: там Небо подарит ему помощника. Вэнь-ван очень обрадовался и последовал указаниям летописца. В дремучем лесу у зеленого омута он увидел старика с серебристыми усами и бородой, одетого в синее. Старик сидел на охапке белого тростника и спокойно удил рыбу. Ни ржание лошадей, ни скрип повозки, ни крики людей его нисколько, казалось, не испугали, как будто он находился в другом мире. Это был тот самый старик, который явился князю во сне. Вэнь-ван поспешно выпрыгнул из колесницы и, почтительно приблизившись к старцу, заговорил с ним. Беседа была недолгой, но Вэнь-ван окончательно убедился, что мудрец превосходит всех своими талантами и глубокой ученостью. Вэнь-ван оказал старику великую честь: усадил в специально для него приготовленную колесницу, сам занял место кучера, и они вместе вернулись в столицу Цишань.

Вэнь-ван просил старика стать его учителем и пожаловал ему титул «тайгун ван» — «долгожданный министр». Фамилия старика была Цзян, поэтому его часто называли Цзян-тайгун. Прежде он занимался простыми, мало достойными его мудрости делами, был беден и неудачлив. Когда пришла старость, он удалился на берег реки Вэйшуй, построил хижину и стал жить рыбной ловлей. В глубине души нищий мудрец предчувствовал, что когда-нибудь получит возможность проявить свои таланты. Однако

шли годы, и старик, утратив всякую надежду, был готов смириться с несправедливой судьбой. И как раз в это время, когда жизнь его, казалось, уже клонилась к закату, настал звездный час мудреца. Однако Вэнь-ван недолго пользовался советами Цзян-тайгуна, так как скоро умер, и власть унаследовал его сын У-ван.

Цзян-тайгун остался наставником при молодом государе.

У-ван побеждает Чжоу Синя. Конец династии Инь

Вскоре после того как У-ван стал князем, он собрал войско для похода против тирана Чжоу Синя. Цзян-тайгун одобрил его решение. Перед самым выступлением У-ван приказал главному придворному летописцу совершить гадание. Было получено следующее предсказание: «Свершится большое зло». И военачальники, и чиновники заколебались. Вдруг отважный Цзян-тайгун вышел из толпы, смахнул с жертвенного стола черепаший панцирь и гадательную траву тысячелистник и в гневе стал топтать их ногами. Старый мудрец громовым голосом прокричал, что прорицание мертвых костей и высохшей травы не может помешать успеху правого дела. Решимость главного советника вдохновила У-вана.

К тому времени его отец Вэнь-ван был уже мертв, но еще не был похоронен. И вот У-ван отдал приказ сделать чучело и, нарядив его в одежды отца, усадить в боевую колесницу. От имени Вэнь-вана молодой правитель созвал князей, чтобы пойти войной на Чжоу Синя. Все князья в Поднебесной поддержали предложение У-вана, и только братья Бо-и и Шу-ци, сыновья покойного правителя маленького княжества Гучжу, были несогласны. Эти двое стариков славились своей добродетелью, но они не смогли удержать доставшуюся "им от отца.

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

власть, потому что все время уступали ее друг другу, а тем временем люди куда менее добродетельные не дремали. В царстве благочестивого Вэнь-вана Бои и Шу-ци надеялись найти приют, но, едва прибыв в царство Чжоу, они узнали, что Вэнь-ван умер и У-ван, не дожидаясь похорон отца, во главе всех войск хочет идти войной против иньского тирана Чжоу. Старики не одобрили такого нарушения традиций. В день, когда У-ван отправлялся в поход, они преградили путь, схватив лошадей под уздцы, и стали его публично обвинять в непочтительности к памяти отца. Телохранители У-вана, услышав эти дерзкие речи, хотели схватить Бо-и и Шу-ци. Однако Цзян-тайгун остановил стражников и велел лишь придержать благородных стариков, пока армия пройдет мимо.

Так начался поход. Войско У-вана направилось на восток и, почти не встречая сопротивления, быстро достигло Лои. Когда армия уже готова была начать переправу через Мунцзинь, погода внезапно испортилась. Солнце скрылось, стало холодно, пошел снег с дождем. Продвигаться дальше было невозможно, пришлось разбить лагерь под Лои. Сильный снег шел непрерывно десять дней. Все кругом стало белым, как серебро.

Однажды утром неизвестно откуда прибыли пять колесниц, в каждой из которых сидел сановник в полном облачении. Вслед за колесницами ехали на крупных конях два всадника. Колесницы остановились у ворот лагеря. Сановники выразили желание повидаться с У-ваном. Князь не торопился принять их, так как думал, что это посланцы Бо-и и Шу-ци. Но Цзян-тайгун выглянул за ворота и воскликнул: «Посмотрите, кругом снег такой глубокий, они прибыли на лошадях и в колесницах, а следов нигде не видно. Боюсь, что это не обычные люди». У-ван понял, что это духи, но, не зная, откуда

они явились, боялся допустить какую-нибудь оплошность в обращении с ними и находился в нерешительности. Тогда Цзян-тайгун придумал хитроумный план. Он тотчас выслал за ворота слугу, приказав ему поднести гостям по чашке горячего рисового отвара, но прежде обратиться к ним с просьбой пояснить, кто из них знатнее и кому следует первому подавать чашу. Всадники, сопровождавшие колесницы, назвали слуге всех гостей по именам. В колесницах прибыли владыки Южного, Восточного, Западного и Северного морей, а также дух Желтой реки Хэ-бо; верхом — дух ветра Фэн-бо и повелитель дождя Юй-ши. Подав всем по очереди горячий отвар, слуга вернулся в лагерь и доложил обо всем Цзян-тайгуну. Тот велел телохранителям называть имена гостей и приглашать их по очереди. Духи, услышав, что их называют по именам, удивленно переглянулись и пришли в восхищение от мудрости князя. Божественные гости и чжоуский правитель почтительно поклонились друг другу. После соответствующих церемоний божества повели князю, что дух реки Хуанхэ и повелитель дождя станут помощниками У-вана в сражениях. У-ван и Цзян-тайгун были очень довольны. Они устроили чудесных помощников в лагере и использовали для выполнения различных поручений.

Когда наступила ясная погода, У-ван повел свои войска дальше. Ночью они начали переправу через брод Мунцзинь. Вода в реке была спокойна, светила луна, и было ясно, как днем. Войска восьмисот удельных князей были размещены по лодкам. Когда лодки достигли середины реки, откуда-то появился рой крупных пчел, похожих на красных птиц. Пчелы опустились на лодку У-вана. У-ван очень обрадовался, ведь это была хорошая примета, и приказал нарисовать этих пчел на своем боевом знамени. (Впоследствии, уже после того как победа

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

была одержана, лодку, в которой сидел в тот вечер У-ван, стали называть в честь этого события «пчелиная лодка»). Переправа окончилась, и вскоре армия подошла к Чаогэ, столице тирана Чжоу Синя, и в тридцати ли (пятнадцати километрах) южнее столицы был разбит лагерь. На рассвете следующего дня У-ван в присутствии всех восьмисот удельных князей привел войска к присяге. Когда Чжоу Синь услышал, что армия У-вана уже близка, он сам возглавил свои войска, и тени двинулись навстречу неприятелю. И вот воины обеих сторон и колесницы расставлены в боевом порядке. Все предвещало жестокую битву.

Армия У-вана боролась за правое дело, за то, чтобы уничтожить тирана и обеспечить мир и покой народу. Воины его, готовые пожертвовать жизнью, не ведали страха. Настроение воинов Чжоу Синя было совсем иным, в основном это были рабы, потому что Чжоу не хватало настоящих воинов. У рабов не было, да и не могло быть желания отдавать свою жизнь за тирана. Воины Чжоу Синя видели, что наступили последние дни их жестокого и неразумного господина. Как только войска У-вана пришли в движение, армия тирана распалась. Чжоу Синь изо всех сил бил в барабан, но не мог остановить бегущих рабов, которые к тому же начали поворачивать копыя против него самого, понимая, что, когда их мучитель будет убит, они станут свободными. В этой битве У-вану не пришлось даже прибегнуть к помощи духов. Было ясно, что победа уже на его стороне. Чжоу Синь, убедившись в своей бессилии, поспешно бежал в столицу, поднялся на Оленью башню, надел платье, украшенное драгоценными камнями (оно было приготовлено заранее), зажег огонь и в нем погиб. Среди драгоценностей, нашитых на его одежду, было пять нефритов «небесная мудрость». Они не только не сгорели в огне, но и со-

хранили труп Чжоу Синя. Когда его нашли, он был мертв, но на теле его не было ожогов. У-ван приказал отрубить ему голову и, насадив ее на древко знамени, выставить напоказ.

Так пресеклась династия Инь и воцарился дом Чжоу.

Что же касается чрезмерно добродетельных стариков Бо-и и Шу-ци, осудивших военный поход У-вана, не успевшего похоронить отца, то оба они отказались есть хлеб У-вана и бежали в горы, где стали жить в уединении, питаясь папоротником. Но однажды кто-то упрекнул их в непоследовательности: ведь папоротник тоже принадлежит императору. У стариков не было иного выхода, как отказаться и от папоротника. Так они и умерли голодной смертью.

Бесславный конец императора Чжао-вана

Чжоуский У-ван победил Чжоу Синя и стал править всей Поднебесной. Его власть перешла по наследству к его сыновьям и внукам. К тому времени, когда она была в руках его правнука Чжао-вана, могущество и слава династии заметно поубавились. В то время на юге существовала страна Юэшан, зависевшая от Поднебесной. Рассказывают, что там было приготовлено несколько белых фазанов для отправки Чжао-вану в качестве дани. Чжао-ван, любивший путешествовать, решил сам отправиться на юг и получить фазанов. Там, где проезжал правитель вместе со свитой, народ терпел большие неудобства и притеснения из-за знатных гостей. Больше всего пострадали чусцы, они-то и придумали план, как отомстить незванным гостям. Когда Чжао-ван и его свита, возвращаясь домой с фазанами и зайцами, подъехали к реке Ханьшуй, их уже ждали чусцы с заранее приготовленными лодками. Погода

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

неожиданно резко изменилась, небо потемнело. Опасаясь, что вот-вот пойдет дождь, путешественники поспешно расселись по лодкам и укрылись под их навесами. По-прежнему было пасмурно, но дождь не начинался. Лодки отчалили. Но как только они достигли стремнины на середине реки, раздался страшный треск, сопровождаемый криками ужаса: лодки Чжао-вана и его приближенных одна за другой развалились на части. Люди, роскошные колесницы, кони, фазаны и зайцы — все это очутилось в воде и было подхвачено течением. Хитрость чусцев состояла в том, что они приготовили для Чжао-вана и его свиты клеенные лодки, и, когда они достигли середины реки, клей растворился в воде. Возница Чжао-вана Синь Юйми был длиннорукий и обладал необычайной силой. Рискую жизнью, он отыскал своего захлебнувшегося полумертвого хозяина. Одной рукой поддерживая Чжао-вана, а другой рассекая волны, он переплыл Ханьшуй, но, выбравшись на берег, увидел, что глаза Чжао-вана закатились и он уже окоченел. За верность своему господину Синь Юйми впоследствии получил награду от удельных князей. Из-за того, что Чжао-ван погиб, попав в ловушку, и говорить об этом считали неприличным, не рассылали даже извещений о его смерти и тайно похоронили его.

Му-ван

1

После смерти Чжао-вана на престол взошел его сын Му-ван, такой же любитель путешествий и развлечений, как и его отец. Однажды к нему с крайнего запада прибыл чародей по имени Хуажэнь. Он был настолько искусен в превращениях, что мог прыгать в огонь и при этом не опалить ни одного во-

лоска, висеть в воздухе и не упасть и даже мог пройти сквозь стену и перенести город с востока на запад. Му-ван принял чародея с величайшим уважением, отвел ему роскошные покои, предложил изысканные угощения под звуки прекрасной музыки и окружил красивыми женщинами. Однако этот удивительный человек не проявлял ни малейшей благодарности по отношению к Му-вану, который дал ему еду, музыку, красавиц. Он считал, что все это слишком низменно для него.

Однажды Хуажэнь пригласил Му-вана к себе и велел держаться за свой рукав. Держась за рукав Хуажэня, Му-ван вместе с ним взвился вверх прямо к облаку, которое стояло как раз посреди неба. Они поднялись на это облако, и Хуажэнь ввел Му-вана в свой дворец, сверкавший золотом, яшмой и жемчугами. Все было необыкновенным, не таким, к чему привыкли люди. Когда Му-ван посмотрел вниз на свой дворец, тот показался ему кучей бревен и глины. Скоро от переливающихся красок и разноцветных бликов в глазах у него поплыли разноцветные круги. Му-ван попросил вернуть его на землю, и в тот же миг он очнулся, открыл глаза и огляделся. Оказалось, что он сидит в дворцовом зале, окруженный своей свитой, за столом с едой, не успевшей даже остыть. Му-ван спросил своих приближенных, не отлучался ли он только что куда-нибудь. Ему ответили, что он не вставал с места, а лишь был в забытьи. Хуажэнь, сидевший рядом с Му-ваном, заметил, что это их души странствовали, тела же не двигались с места.

2

Было у Му-вана восемь скакунов. Знаменитый кучер Цзао-фу добыл их в горах Куафушань, сам объездил и подарил Му-вану. Эти дикие кони происходили от боевых коней, которых У-ван отпустил в

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

горы Куафушапъ после разгрома Чжоу Синя, и даже на свободе сохранили воинственный дух своих предков. Звучные имена этих скакунов подчеркивали их особенности и достоинства: Рыжий черногривый, Зеленое ухо, Рыжий быстроногий, Белая жертва, Огромный буланный, Превосходящий колесо, Быстроногий вороной и Сын гор. Рассказывают, что они, едва касаясь ногами земли, мчались быстрее птицы и за одну ночь могли проскакать десять тысяч ли (то есть около пяти тысяч километров). У некоторых на спине росли крылья, и они могли летать. Му-ван приказал поместить скакунов на острове Восточного моря, где росла «драконова трава», один пучок которой даже обыкновенную лошадь превращал в волшебного скакуна.

Искусству править лошадьми Цзао-фу научился у своего учителя Тайдоу. Тайдоу устанавливал на земле несколько шестов на очень близком расстоянии друг от друга, и Цзао-фу должен был пробегать между ними так, чтобы ни одного из них не задеть. За три дня обучения Цзао-фу овладел этим искусством и даже удостоился похвалы учителя. Затем, получая наставления Тайдоу и прилежно упражняясь в приемах управления колесницей, Цзао-фу стал самым лучшим колесничим. Му-ван, собираясь объехать Поднебесную, приказал Цзао-фу запрячь для него в колесницу восьмерку чудесных скакунов и отправился в путь в сопровождении многочисленной свиты. В горах он встретил речного духа Хэ-бо, на священной горе Куньлунь осмотрел дворец Хуанди. В конце концов он очутился на крайнем западе, в горах Яньцзышань, в месте, куда заходит солнце. Там он встретился с владычицей Си-ванму. Му-ван почтительно преподнес богине драгоценные подарки, которые она приняла с благодарностью. На второй день Му-ван устроил пир у Яочи — Яшмового пруда — в честь Си-ванму. После пира Му-ван за-

пряг колесницу и поднялся на вершину горы Яньдзышань. Там по его приказу установили каменную плиту и вырезали на ней крупными иероглифами: «гора Си-ванму».

3

Когда Му-ван возвращался с горы Яньдзышань домой, он встретил искусного ремесленника по имени Янь-ши. Му-ван подозвал его и спросил, что он умеет делать. Янь-ши ответил, что у него готова одна интересная и необычная вещь. На следующий день Янь-ши и еще какой-то странно одетый человек явились к Му-вану. Му-ван спросил у Янь-ши, кто это. «Это человек, которого я сам смастерил, — ответил с поклоном Янь-ши, — он умеет петь и разыгрывать сцены». Удивленный Му-ван долго присматривался к незнакомцу, но не смог увидеть в нем ничего такого, что отличало бы его от обыкновенного человека. Му-ван решил сначала понаблюдать, как он будет играть, а потом уже сделать вывод. Он приказал своей любимой наложнице Чэн-цзи и другим приближенным прийти послушать пение и посмотреть на игру удивительного человека-куклы. Этот необычный актер танцевал, ни разу не сбившись с ритма, так что у зрителей создалось впечатление, что это настоящий человек. Му-ван начал сомневаться, а когда заметил, что актер слишком внимательно смотрит на его наложниц и подмигивает им, пришел в страшную ярость. Правитель приказал схватить Янь-ши, который осмелился так одурачить его, и отрубить ему голову. Янь-ши задрожал от страха, оторвал актеру голову, руки и ноги и вскрыл грудную клетку. Все увидели, что тот был сделан из кожи и дерева, раскрашен цветными красками и искусно склеен. Все — даже внутренности — оказалось искусной работой ремесленника. И когда все эти отдельные детали были вновь собраны вместе,

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

получился человек — тот самый актер, который только что выступал перед зрителями. Му-ван был изумлен. Он приказал вынуть у игрушки сердце — чудесный человек перестал петь, потом у него извлекли печень — он ослеп. Когда же вытащили почки, ноги его перестали двигаться. Разобравшись в устройстве диковинной куклы, Му-ван остался чрезвычайно доволен и отдал распоряжение, чтобы изготовили красивую колесницу, и в ней он повез талантливого мастера к себе на родину.

4

Когда Му-ван находился на пути домой, до него дошел слух, что на юге сюйский князь Янь-ван поднял восстание, очевидно, намереваясь напасть на столицу империи. Му-ван поспешно передал управление колесницей искусному Цзао-фу и с небольшим отрядом конницы отправился спасать династию. Едва завидев крылатых коней Му-вана, сюйский Янь-ван укрылся в горах и больше уже не показывался. Му-ван пожаловал Цзао-фу за его заслуги город в удел, и Цзао-фу стал родоначальником будущих князей удела Чжао.

Во время поездки по стране в каждом уделе Му-вану подносили драгоценные подарки. Среди них был кубок из белого нефрита: как только наступал вечер, он весь начинал лучиться. А когда начинало светать, кубок наполнялся ароматной и сладкой росой. Говорили, что тот, кто пил эту росу, мог продлить себе жизнь. Му-ван часто пил эту росу, и ему удалось дожить до глубокой старости.

Мятежник Янь-ван

Что же касается сюйского Янь-вана, поднявшего мятеж, то его история заслуживает отдельного рассказа. Согласно легенде, во дворце правителя страны Сюй забеременела одна женщина. К концу

десятого месяца она родила что-то похожее на яйцо. Обитатели дворца решили, что это дурное предзнаменование, и выкинули плод на берег. Недалеко от этого места жила старая вдова. Ее собака по кличке Хуцан в тот день, прибежав на берег реки, увидела яйцо, взяла его в пасть, принесла домой и стала согревать его своим теплом. Прошел день, другой, и вдруг из яйца вылупился маленький мальчик. Ему дали имя Янь. Женщина, родившая яйцо, узнала о его судьбе и взяла ребенка к себе. Мальчик вырос во дворце, стал умным и добрым. Его сделали наследником престола, и он правил под именем Янь-вана. Государство, которым он управлял, день ото дня становилось сильнее. Народ поддерживал своего князя, а большинство удельных князей в Поднебесной восхваляло его, и он жил в дружбе с соседними государствами. Янь-ван любил собирать необычные вещи. То он приказывал из глубины реки достать ему удивительных рыб, то посылал людей далеко в горы ловить для него редких зверей. Но это пристрастие не мешало ему управлять государством.

Однажды Му-ван уехал на запад и очень долго не возвращался, а дела империи были окончательно запутаны его нерадивыми чиновниками. Янь-вану пришла в голову мысль воспользоваться благоприятным моментом и захватить престол Му-вана. Янь-ван сначала действовал очень осторожно. Под предлогом того, что в стране нет удобных путей сообщения, он приказал прорыть канал, чтобы в будущем воспользоваться им для похода на север. Когда начали рыть канал, из земли выкопали волшебный лук и пучок красных стрел. Находку сочли небесным даром и счастливым предзнаменованием. Многие удельные князья решили, что у Янь-вана достаточно оснований стать Сыном Неба. Видя поддержку, суйский Янь-ван решил с

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

войсками направиться на север и напасть на Чжоу. Но, даже выступив в поход, он не осмеливался действовать открыто. Это и дало возможность Му-вану, с огромной быстротой примчавшемуся с запада, спасти свой престол. Когда Янь-ван понял, что Му-ван еще силен, он решил отступить, т. к. предвидел, что прольется много крови. Человечный от природы, Янь-ван не посмел подвергать свой народ тяжелым испытаниям только из-за того, что он и Му-ван соперничают друг с другом в борьбе за Поднебесную. Он счел за благо удалиться. Отходя с боями, он, в конце концов, скрылся в глухих горах и больше не вступал в сражение с отрядами Му-вана. Вместе с Янь-ваном в горы ушло несколько десятков тысяч человек. Горы, где в неприступной пещере поселился Янь-ван, стали называть Сюйской горой — Сюйшань. После смерти князя в пещере установили его изображение, обладавшее чудодейственной силой, и люди приходили сюда молиться.

Гибель династии Чжоу. Сюань-ван и Ю-ван

1

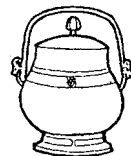
После смерти Му-вана престол перешел к его потомкам и через несколько поколений попал в руки Ли-вана. К этому времени чжоуское государство пришло в еще больший упадок. Ли-ван, жадный и жестокий, в конце концов был изгнан своим народом и умер в глубокой старости на чужбине. Его сын Сюань-ван, унаследовавший Поднебесную, согласно единодушному признанию всех историков, был достаточно разумен и несколько укрепил положение династии. Но процветание длилось недолго. Ошибки Сюань-вана в управлении

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

государством вернули все в прежнее состояние. Сюань-ван совершал также неблагоприятные поступки, подорвавшие его личную репутацию. Согласно преданию, он трагически погиб от руки «мстительного злодея».

История его гибели такова. Рассказывают, что сановником при его дворе был правитель удела Ду. Его называли еще Ду-бо. У Сюань-вана была наложница по имени Нюйхан, которой нравился молодой и красивый Ду. Она захотела вступить с ним в преступную связь, но честный Ду сначала мягко, а потом в очень резкой форме отказал ей. Разгневанная женщина пошла с плачем к Сюань-вану и оклеветала Ду: он якобы осмелился среди бела дня грубо приставать к ней. Когда Сюань-ван услышал об этом, он не стал разбираться, правда ли это, поверил всему, пришел в ярость и приказал посадить Ду в темницу. Ду собирались казнить, хотя проведенное расследование и не доказало его вины. В то время один из его друзей, Цзо Жу, также служивший чиновником при дворе, возмущенный несправедливым обвинением против Ду, смело пошел к Сюань-вану, чтобы опровергнуть клевету. Он долго уговаривал Сюань-вана, однако упрямый правитель обвинил заступника в том, что тот выступает против своего господина и покрывает друга. Цзо Жу ответил, что, если друг поступил правильно, а князь не прав, нужно стать на сторону друга и пойти против князя. Сюань-ван, услышав такие речи, рассердился и пригрозил ему смертью, если он не откажется от своих слов. Цзо Жу в ответ засмеялся и сказал, что в древности благородные воины не искали глупой смерти, но и не изменяли своим убеждениям, чтобы сохранить себе жизнь. Сюань-ван приказал казнить невинного Ду. Цзо Жу понял, что Сюань-ван и впредь намерен злоупотреблять своей властью и не способен выслушать разумные

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

доводы. Вернувшись домой, он покончил жизнь самоубийством. Говорят, что Ду перед смертью гневно заявил, что не пройдет и трех лет после его смерти, как правитель поймет, что он казнил безвинного. Три года прошли незаметно. Люди забыли о предсмертных словах Ду-бо. Однажды Сюань-ван с удельными князьями отправился на охоту в болота Путянь в сопровождении нескольких сотен колесниц и десятков тысяч слуг. Вдруг ровно в полдень появилась необычная белая колесница с запряженными в нее белыми конями. В ней сидел человек, одетый во все красное, в руках у него был красный лук и красные стрелы. Все сразу узнали в нем князя Ду, казненного ровно три года тому назад. Люди в панике бросились в разные стороны. Колесницы и лошади беспорядочно смешались. Быстрая, как молния, колесница Ду обогнала колесницу Сюань-вана. Со свистом вылетела стрела и попала прямо в сердце Сюань-вана. Сюань-ван схватился обеими руками за торчащую стрелу, покачнулся, упал на свой лук и больше уже не двигался. Белая колесница бесследно исчезла.

2

После смерти Сюань-вана правителем стал его сын Ю-ван. В то время вся власть при дворе была в руках рода Инь-ши. В течение нескольких поколений никто из этого могущественного и многочисленного рода не отделялся, чтобы жить самостоятельно. Из-за того, что Инь-ши не занимались управлением, дела в государстве были в плачевном состоянии, народ бедствовал. Появились странные слухи, например, что реки Цзиншуй, Вэйшуй и Лошуй, которые вытекали с горы Цишань, вдруг пересохли и сама гора Цишань, которая была залогом счастья народа Чжоу, рухнула, что несколько быков превратились в огромных ти-

гров, а стадо баранов — в стадо волков. Волков развелось так много, что пришлось построить город Билан на южном берегу реки Лошуй, чтобы можно было укрыться от них. Эти бедствия, по преданию, считались предзнаменованиями скорой гибели государства.

3

В древних хрониках можно прочесть еще одну историю, согласно которой люди приписывали все беды в государстве одинокой безродной женщине по имени Бао Сы. Бао Сы — любимая наложница Ю-вана — была сиротой. Во дворец князя ее в качестве рабыни отдал один человек из княжества Бао, который таким путем откупился от какого-то наказания. Подобно тысячам других женщин-рабынь, Бао Сы прислуживала во дворце. Однажды Ю-ван, прогуливаясь по женским покоям, обратил на нее внимание и приблизил к себе. Но ее нисколько не радовали ни богатство, ни роскошь, ни любовь Ю-вана. Она чувствовала себя очень одинокой и незащищенной в этом мире. У нее не было ни отца, ни матери, и она даже ничего не знала о своем происхождении. Привыкший к лести и угодливости женщин, Ю-ван понял, что Бао Сы не такая, как все, он почувствовал, что в этой красивой, но замкнутой девушке есть что-то необычное, и его любовь стала еще сильнее. Она родила Ю-вану сына по имени Бо-фу. В то время государыней была Шэнь-хоу, дочь князя из удела Шэнь. У нее был взрослый сын по имени Ицзю, давно уже объявленный законным наследником. Когда родился Бо-фу, Ю-ван решил разжаловать Шэнь-хоу, убить наследника и сделать государыней свою любимую наложницу Бао Сы. Рассказывают, что однажды Ю-ван и наследник Ицзю гуляли в парке. Ю-ван как бы нечаянно выпустил из клетки тигра, в на-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

дежде, что он съест Ицзю. Но наследник оказался храбрым: он крепко уперся ногами в землю и, глядя в упор на тигра, громко прикрикнул на него. Этот окрик очень походил на тот, с которым к тигру обращались его укротители. И тигр, который уже было выпустил когти и оскалил зубы, прижал уши, покорно лег на землю и не смел шевельнуться. Через некоторое время после неудавшейся попытки избавиться от наследника Ю-ван все-таки лишил государыню титула и изгнал Ицзю. Государыней он сделал Бао Сы, а наследником объявили Бо-фу.

Император обожал Бао Сы, дал ей высокое положение и большое богатство, обходился с ней внимательно и почтительно, но на ее лице никогда не появлялось и тени улыбки. Государь испробовал тысячу способов, чтобы заставить ее рассмеяться, но все его попытки были тщетны. Как-то раз император, желая рассмешить свою возлюбленную, приказал зажечь на сторожевой башне сигнальный огонь и громко бить в барабаны. Тогда и на всех других таких башнях зажгли огни и забили в барабаны. Настоящее название сторожевой башни — башня сигналов о бедствии. По преданию, дым даже на ветру поднимался прямо вверх, и его можно было видеть на очень большом расстоянии. Вечером зажигали обычный сигнальный огонь: на башне устанавливали «журавль», на «журавль» вешали железную клетку, а в клетку клали хворост. Когда хворост зажигали, получался высокий факел. От столицы и до самых границ — всюду на главных дорогах строили такие сигнальные башни, и на каждой башне сидел наблюдатель. Если на границе становилось беспокойно, то известие об этом передавалось в столицу, а если в столице возникали беспорядки, то об этом сообщалось на окраины. Эту систему передачи сигналов государственной

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

важности Ю-ван превратил в забаву. Когда загорелся сигнал бедствия, князья со своими отрядами выступили из всех областей на помощь правителю. Когда же они прибыли в столицу, то выяснилось, что там ничего не случилось. Увидев все это, Бао Сы, которую Ю-ван, чтобы развеселить ее, взял с собой на сторожевую башню, громко расхохоталась. Влюбленный правитель, увидев долгожданную улыбку красавицы, обрадовался. Потом он применял этот способ неоднократно. Однако с каждым разом одураченных князей прибывало все меньше и меньше, и смех Бао Сы становился менее веселым. Но вот наступил такой день, когда Ю-вана, устроившего эту глупую комедию, постигло жестокое наказание. Влиятельный князь Шэнь-хоу, дядя бывшей жены государя Ю-вана, чрезвычайно разгневанный тем, что Ю-ван без всякой причины выгнал жену и неоднократно замышлял убийство наследника Ицзю, воспользовался всеобщим недовольством, которое возникло, когда Ю-ван назначил известного негодяя первым министром. Дядя опальной императрицы во главе нескольких племен выступил в поход против Ю-вана. Ю-ван приказал зажечь сигнальные огни, чтобы вызвать подкрепление. Но никто не пришел на помощь. Ю-ван бежал вместе с Бао Сы на восток и был убит у подножия горы Лишань, а Бао Сы стала пленницей одного из восставших племен. Шэнь-хоу и другие удельные князья поддержали наследника Ицзю и провозгласили его Сыном Неба.

ЛЕГЕНДЫ О ДРУГИХ ПРАВИТЕЛЯХ И ИХ ПОДДАННЫХ

1

Было время, когда в небольшом княжестве Го правил государь по имени Чоу. Однажды ночью ему приснился странный сон: как будто на ступеньках у западной стороны храма предков стоял святой воинственного вида с лицом человека, когтями тигра, белой шерстью на теле и с большим топором в руках. Правитель Чоу затрепетал от страха и обратился в бегство. Тогда он услышал голос святого: «Стой! Небесный владыка приказал мне открыть твою столицу для войска царства Цзинь!» Правитель Чоу от испуга лишился дара речи и непрерывно отвечивал поклоны. Проснувшись, он призвал к себе астролога по имени Инь и велел ему растолковать, что предвещает этот сон — беду или удачу. Астролог объяснил князю, что тот видел во сне духа, ведающего небесными наказаниями, и посоветовал своему государю более осмотрительно управлять страной, ибо Небо карает нерадивых властителей.

Однако князь не был способен внимать мудрым речам. Глупость правителя была столь велика,

что он, разгневавшись, заключил астролога в тюрьму, а сам приказал собрать всех сановников и чиновников, чтобы те поздравили его с чудесным сном. Незадачливый правитель надеялся таким образом дурное предзнаменование обратить в счастливое. Поведение государя до крайности изумило одного из сановников, Чжоу Чжицяо, который едва мог поверить, что князь ожидает поздравлений со сном, сулящим вторжение чужеземных войск. Чжоу Чжицяо, взяв с собой своих родственников, бежал в царство Цзинь. Спустя шесть лет предсказание сбылось, и цзиньский правитель покорил княжество Го.

2

В княжестве Шу, где правил когда-то усмиритель вод Белин, много поколений спустя воцарился жадный, жестокий и себялюбивый правитель. В то время могущественное государство Цинь задумало подчинить себе страну Шу. Но окружающие горы делали страну Шу неприступной. И коварный циньский князь Хуэй-ван пошел на хитрость. Приказав соорудить пять каменных быков, он велел каждый день класть под них кусочки золота, а затем распустил ложные слухи о том, что эти быки волшебные. Слухи дошли и до ушей князя Шу. Жадный правитель захотел завладеть быками, изпод которых каждый день выгребают кучи золота, и послал чиновника попросить их у Хуэй-вана. Хуэй-ван охотно согласился. Но надо было придумать, как провезти через горы этих огромных тяжелых быков. В то время в Шу жили пять могучих богатырей — Пять молодцев. Правитель Шу приказал им проложить через горы дорогу, по которой они же и перевезли пять каменных быков, думая, что те полны золота. Получив быков и убедившись в обмане, правитель Шу разгневался, но, так как

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

сделать ничего не мог, вернул их обидчикам, сопроводив оскорбительными словами — «восточные пастухи». Но люди Цинь в ответ на это только смеялись. Напасть на Шу все еще было не так просто, несмотря на то что дорога Золотых Быков была проложена. Тогда Хуэй-ван решил еще раз обмануть правителя Шу. Он послал в Шу чиновника с поручением передать правителю, что хочет подарить ему пять девушек, славящихся своей красотой. Правитель, узнав об этом, забыл старую вражду и легко попался в ловушку. Он приказал Пяти молодцам отправиться в Цинь и привезти красавиц. Пять молодцев поехали в Цинь, взяли с собой девушек и отправились в обратный путь. Когда посланцы вместе с девушками возвращались по горной тропе, они увидели громадную змею, вползавшую в пещеру. Один из них схватил змею за хвост и начал изо всех сил ее вытягивать из пещеры, чтобы убить. Но змея оказалась очень сильной, и один человек не мог с ней справиться. Поэтому остальные четверо начали с громкими криками помогать ему. Когда змея постепенно стала вылезать из пещеры, неожиданно раздался ужасающий грохот, земля задрожала, и горы обрушились. И молодцы, и красавицы были задавлены насмерть. Гора раскололась на пять скал, на вершине каждой из которых лежал плоский камень, служивший как бы надгробием каждому молодцу. Правитель Шу, услышав об этом несчастном случае, был чрезвычайно огорчен — не столько смертью храбрецов, сколько потерей красавиц. Он приказал назвать эти пять гор Могилами пяти жен. На вершинах соорудил беседки под названием «Мечты о женах», поднимался на эти горы, горевал об утрате и совсем забыл о Пяти молодцах, которые ему верно служили. Но народ не забыл их и называл горы Могилами Пяти молодцев.

После гибели Пяти молодцев государство Шу уже не внушало Хуэй-вану опасений, и вскоре по Дороге золотых быков двинулась большая армия. Хуэй-ван напал на Шу, ее правитель был убит, а страна покорена.

3

В древние времена в реке Миньцзян жил отвратительный дракон. Каждый год, когда созревали хлеба, он, вызывая наводнение, заставлял людей бежать, а сам пожирал посевы и скот. У дракона была младшая сестра, добрая и отзывчивая. Она не в силах была смотреть на страдания людей и уплыла вниз по течению. Своей волшебной силой она раздвинула сомкнувшиеся горы, и потоки воды смогли пройти. Злой дракон, узнав о поступке сестры, запер ее в железной клетке, находившейся на горе Пяти Тигров. А сам по-прежнему продолжал устраивать бури, причиняя вред людям. По соседству жил молодой охотник по имени Ду Юй. Он видел страдания людей и решил отыскать способ, как помочь им. Как-то в горах ему встретился старик и сказал, что если он хочет утихомирить воды — надо убить сначала злого дракона и освободить его сестру. Только после этого он узнает, что надо делать дальше. Охотник отправился сражаться с драконом. Во время схватки он страшно избил чудовище, и оно осталось лежать на песчаной отмели. Потом Ду Юй отправился к горе Пяти Тигров, освободил сестру дракона, которая стала его женой и с радостью помогала умирять воды и спасать людей. Народ в благодарность за заслуги сделал Ду Юя своим правителем.

У Ду Юя был один коварный сановник, с которым раньше они охотились вместе. Когда Ду Юй получил в жены добрую и красивую сестру дракона и сделался правителем, сановник стал завидовать

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

ему. Он задумал захватить престол и забрать себе его красавицу жену. Как-то этот негодяй отправился в горы на охоту и увидел злого дракона, уползающего в горы залечивать раны. Сговорившись с ним, он вернулся домой и сказал Ду Юю, что злой дракон хочет помириться с ним и со своей сестрой, для чего приглашает их в горы. Сестра дракона, понимая, что брат ее что-то замышляет, всеми силами отговаривала мужа от встречи, но тот, будучи человеком простодушным, не понял подвоха и отправился один в горы. Как только охотник появился в горах, дракон схватил его и запер в железной клетке. А сановник-предатель, как только узнал, что Ду Юй схвачен, тут же завладел престолом и попытался уговорить сестру дракона выйти за него замуж. Но та сказала, что скорее умрет, чем покорится ему, и он заточил ее в мрачное подземелье. А Ду Юй, сидя в железной клетке, беспокоился о своих подданных, вспоминал любимую жену и, в конце концов, умер с горя. Его душа превратилась в птичку, выпорхнула из клетки, прилетела в родную страну, стала кружить возле подземелья, где была заточена жена Ду Юя, и печально звать ее. Женщина подумала и догадалась, что муж ее, погибнув в заточении, мог вернуться к ней в образе птички. Она попросила птичку подать ей знак: если в ней душа Ду Юя, пусть она сядет ей на голову. Птичка подлетела и уселась ей на волосы. Сестра дракона, поняв, что не ошиблась, горько заплакала. Горе ее было столь велико, что она вскоре умерла. Ее душа тоже превратилась в птичку, и обе они улетели вместе.

4

Давным-давно жили муж и жена по фамилии Цзян. Посадили они как-то тыквенное семечко, и из него поднялась тыква-горлянка. Ее ботва перекинулась через изгородь к соседям по фамилии

Мэн. Завязалась большая тыкva. Когда ее сняли и разрежали, увидели сидящую в ней девочку. Ее назвали Мэн Цзян. Из девочки выросла очаровательная девушка с лицом, как персик, и мелодичным голосом.

В то время правил император Цинь Шихуан. Он владел всей землей в Поднебесной, и все города платили ему дань. Даже пастухи, бродившие со своими стадами по пустыне, склонились перед его величием и прислали подарки. Шихуан был самым могущественным из всех Сыновей Неба. По его приказу на западе страны был построен дворец Уфан, на востоке — осушены бескрайние болота; на севере возводилась стена, длиннее которой не было еще в мире. Для строительства стены нужно было особенно много людей. Многие там же умирали, и постоянно требовалась замена.

В то время жил юноша по имени Си-лян. Когда за ним пришли стражники, чтобы угнать на стройку, он перепрыгнул через садовую ограду и спрятался за холмиком, сложенным из камня. На дорожке, ведущей к пруду, он увидел необычайно красивую девушку. Чтобы поймать сидевшую на цветке бабочку, девушка вытащила платочек, но ветер унес его в пруд, а бабочка улетела. Девушка пошла к пруду.

— Что я вижу! Что я вижу! — закричала она вдруг, заметив отражение юноши в воде. Си-лян не знал, как быть: убежать — стражники схватят его, а оставаться наедине с незнакомой девушкой было неприлично. Решившись, он вышел из укрытия, поклонился красавице и попросил девушку спасти его. В это время подбежала служанка, наблюдавшая за прогулкой Мэн Цзян. Си-лян рассказал девушкам, что прячется от стражников. Мэн Цзян приглянулся статный, пригожий незнакомец, и она привела его к отцу. Отцу юноша тоже понравился. Расспро-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

сив его о родных и проверив знания, он решил сделать юношу своим зятем и в тот же день провести свадебную церемонию. Но тут в дом ворвались стражники и увели юношу. Печаль поселилась в доме. С того дня Мэн Цзян не пила, не ела, не спала, тоскуя о Си-ляне. Время шло. Наступил первый день десятого месяца, когда принято женам относить мужьям теплую одежду. Мэн Цзян собрала узелок и, простившись с родителями, ушла. Мэн Цзян шла через леса и горы, и отступали перед ней пропасти, мелели реки, звери не трогали ее, а птицы указывали путь. Любовь помогла ей преодолеть все опасности трудного пути, и наконец она увидела строящуюся стену, которой не было ни конца ни края. Там работало множество людей с лопатами и кирками. Раздавался свист бичей надсмотрщиков. Мэн Цзян объяснила стражнику, что принесла теплую одежду своему мужу Си-ляну. Стражник молча указал ей на груды человеческих костей под стеной. Упала Мэн Цзян на землю и горестно зарыдала. В то же мгновение налетел ветер, черный туман окутал стену, и она обрушилась.

5

Божественные знамения, которыми Небо отмечало правление добродетельных или недостойных государей и местных начальников, не были редкостью в древние времена.

Сунский князь Кан-ван отнял у своего приближенного Хань Пина красавицу жену и хотел сделать ее своей наложницей. Оскорбленный муж высказал князю свою обиду и попал за это в тюрьму.

Хань Пин, зачисленный в каторжники, покончил с собой. А его жена незаметно для всех сгноила свою одежду. Когда князь поднялся вместе с нею на башню, женщина бросилась оттуда вниз. Слуги пытались удержать ее, но одежда рваная, гнилая оста-

лась в их руках, и верная жена погибла. У нее в поясе нашли письмо, в котором были такие слова: «Для князя лучше, если я буду жива; для меня лучше, если я погибну. Схороните меня вместе с моим мужем». Разгневанный князь приказал похоронить супругов не вместе, но так, чтобы от одной могилы можно было видеть другую. «Пусть они сами соединят свои могилы, если смогут», — сказал жестокий правитель.

За одну ночь возле их могил выросли два больших дерева. Прошло десять дней, и деревья, изогнувшись, соединились друг с другом: корни сплелись под землей, ветви сомкнулись сверху. А среди ветвей поселились две птицы, самец и самочка, никогда не разлучавшиеся друг с другом.

6

Одна почтительная сноха, не жалея сил, ухаживала за престарелой свекровью. Свекровь же тяготилась этой заботой о себе, жалела, что сноха тратит на нее свои молодые годы, и в конце концов, чтобы не быть обузой, удавилась. Тогда дочь покойной, подозревавшая, что жена брата убила ее мать, отправилась в окружную управу с жалобой. Начальник округа, недолго думая, приказал схватить и связать сноху. Это было несправедливо. Даже смотрителю тюрем было известно, с каким уважением и заботой сноха относилась к покойной свекрови. Но правитель округа не хотел его слушать. К несчастной женщине применили самые жестокие пытки, во время которых она не выдержала мучений и оговорила себя. Ее казнили, но Небеса знали правду, и после этого в округе случилась засуха, три года не выпадал дождь. Высшие власти страны назначили нового правителя округа, и, когда тот прибыл, смотритель тюрем доложил ему о чудовищной несправедливости, допущенной предшественником. Тогда

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

новый правитель лично отправился на могилу почитательной снохи и совершил покаянную молитву. После этого Небо ниспослало дожди.

7

Сюй Сюй, уездный начальник, прославился своими добродетелями и строжайшим соблюдением законов. В то время как соседние уезды сильно страдали от саранчи, область, вверенная управлению Сюй Сюя, не знала этой беды. Перевалив через границы его уезда, саранча мерла на лету и в тучи не собиралась. Тем не менее управление областного наместника как-то наказало Сюя за нераспорядительность. Сюй ушел с должности — и тут же на уезд навалилась саранча. Наместник одумался и велел ему вернуться на прежнее место. Тогда саранча улетела прочь.

8

Но иногда и простой человек мог своей добродетелью заслужить милость Неба для области или селения, где он жил. В уезде Синьду однажды летом стояла засуха. Во время моления о дожде сам правитель уезда стоял на солнцепеке во дворе, но дождь так и не был ниспослан. Тогда на молитву вышел самый мелкий, никем не уважаемый чиновник по имени Лян Фу. Обращаясь к божествам, он сказал: «Если к полудню не будет дождя, я прошу принять мое тело в качестве возмещения за ошибки, допущенные всеми нами». Приближался полдень. Вдруг небо заволокли тучи, и во всем округе пролился дождь. Все люди, ранее относившиеся к Лян Фу с пренебрежением, стали восхвалять его, потому что Небо оценило искренность его молитвы.

ПРИМЕЧАНИЯ

МИР ВОЗНИКАЕТ ИЗ ХАОСА

Хуньдунь — воплощение первобытного хаоса

*Идея первобытного яйца, или «мешка», проявилась, в частности, в астрономической теории, имевшей хождение при династии Хань. Согласно этой теории, небеса и земля оформлены наподобие яйца, при этом земля покрыта сферой небес так же, как яичный желток покрыт скорлупой. В более поздние времена (династии Чжоу и Хань) тот же самый термин «хуньдунь» употребляется в текстах для обозначения недифференцированного хаоса, бывшего до того, как Вселенная обрела свое существование. В знаменитой «Книге гор и морей» (относится ко времени Хань) Хуньдунь — это одушевленное существо, проживающее на юго-западе от Небесной горы (Тайшань). Внешность его описывается так: цвета огня, ростом в шесть футов, с четырьмя крыльями. У него отсутствует голова, а по форме тела оно напоминает мешочек. Однако наиболее известное сообщение о Хуньдуне (эпоха Чжоу) — это притча из даосского произведения «Чжуан цзы» (III в. до н. э.), которая приводится в основном тексте настоящего издания.

Возможно, с мифом о первозданном хаосе (хуньдуне) связаны более поздние предания, в которых

центральную роль также играет кожаный мешок. Одно предание повествует о царе У-и (правил, согласно общепринятому мнению, в 1198—1195 гг. до н. э.), одном из последних правителей династии Шан. У-и изготовил человеческую фигуру и назвал ее духом Небес (Тайшэнь), потом сыграл с ним партию в шашки и выиграл ее. Будучи человеком злого нрава, У-и, чтобы выказать свое презрение к проигравшему, наполнил кожаный мешок кровью и подвесил его. После этого стал пускать в него стрелы, говоря, что расстреливает Небеса. Вскоре после этого царь был убит молнией на охоте. Похожие события описываются как произошедшие с последним царем государства Сун (спустя почти целое тысячелетие). Этот царь тоже подвесил кожаный мешок, наполненный кровью, и тоже стрелял в него, приговаривая, что расстреливает Небо. Вскоре после этого (282 г. до н. э.) он подвергся нападению со стороны других государств и был убит, а государство уничтожено. Наряду с вышеизложенным, возможна также иная трактовка данных преданий — а именно в связи с темой стрелка И, расстреливающего солнце (см. далее).

****В «Книге о чудесном и необычайном»** говорится, что Хуньдунь — это дикий зверь, похожий одновременно и на собаку, и на бурого медведя, имеющий глаза, но ничего не видящий, имеющий уши, но ничего не слышащий. Глаза его незрячи, и поэтому он передвигается с большим трудом. Но стоит кому-нибудь забрести в его края, как он тотчас же почует это. Причем если он столкнется с добродетельным человеком, то в дикой ярости набрасывается на него, а если встретится со злым, то, низко припадая, кивая головой и махая хвостом, начинает ластиться к нему. Такой подлый характер был у него от природы. Когда ему нечего делать, он, чтобы дать выход злобе, кружится и с удовольствием кусает свой собственный хвост, задирает голову, смотрит на небо и громко хохочет.

*Миф о творении мы находим в сочинении III столетия н. э. «Сань-у ли-цзи» («Записи циклов по третьим и пятым»), ныне известном только по сохранившимся в неполном объеме публикациям в позднейших энциклопедиях. В нем имеется следующая история: «небо и земля были некогда слиты воедино, как куриное яйцо, внутри которого зародился Паньгу» (имя, вероятно, в переводе означающее «свернувшаяся [в кольцо] древность»; примечательно, что образы постепенно разворачивающегося змеи-времени и мирового яйца, как своего рода архетипы, чрезвычайно распространены в мифах разных народов, что, с одной стороны, указывает на поразительную их жизнеспособность и устойчивость, а с другой — на то, что, возможно, у всех подобных мифологических представлений имеется общий древнейший источник). Через 18 тысяч лет изначальная масса разделилась пополам: на светлую, из этой части образовались небеса, и на темную и тяжелую, из нее образовалась земля. После этого в течение еще 18 тысяч лет небеса ежедневно увеличивались на десять футов в высоту, земля — на десять футов в толщину, а Паньгу — на десять футов в длину. Так земля и небо разделились на нынешнее расстояние, составляющее 90 тысяч ли (приблизительно 30 тысяч миль).

В других текстах, по-видимому более поздних, к основному мифу о творении добавляется, что Паньгу умер, а его дыхание превратилось в ветер и облака, голос — в гром, левый и правый глаза соответственно в солнце и луну, четыре конечности и «пять тел» (вероятно, имеются в виду пальцы) — в четыре страны света и пять великих гор, кровь — в реки, мускулы и вены — в слои земли, плоть — в почву, волосы и борода — в созвездия, кожа и волосы на теле — в растения и деревья, зубы и кости — в металлы и камни, костный мозг — в золото и драгоценные камни, а пот — в

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

дождь. Паразиты на его теле, оплодотворенные ветром, стали человеческими существами.

Аналогичные представления о творении мы находим в других культурах. Так, «Ригведа» рассказывает нам, что космические воды изначально были ограничены скорлупой, но создавший Вселенную бог Тваштри сотворил небеса и землю, а потом породил Индру. Напившись сомы (божественный напиток древних индийцев), Индра стал таким сильным, что заставил небеса и землю разделиться, а сам заполнил пространство между ними. Затем он разрезал покрытие, за которым покоились космические воды, и выпустил их наружу. Кроме того, другой, более поздний миф из «Ригведы» рассказывает, как Пуруша был принесен богами в жертву и части его разрубленного тела превратились в солнце, небо, воздух, землю, четыре стороны света, четыре слоя общества (касты) человечества и т. д. Наряду с «Ригведой» мифы Древнего Шумера утверждали, что в начале времен существовало первобытное море, которое породило космическую гору, содержащую в неразделенном виде небеса и землю. Небо и земля произвели на свет бога воздуха Энлиля, который отделил небеса от земли, затем унес землю к себе и, заключив союз со своей матерью-землей, заложил основы устройства мира.

В более поздние времена Паньгу изображался (в том числе графически) как рогатый творец, высекающий Вселенную с помощью молотка и тесла. В этих сочинениях (относящихся к III столетию и к еще более поздним временам) обнаруживается иной миф о творении, который, правда, большинство китайских ученых считают мифом не китайского происхождения: они связывают его с мифом о предках племен мяо и яо, народов Южного Китая (также впервые упоминаемых в III столетии). В соответствии с тотемистической традицией эти племена возводят свое происхождение к собаке, именуемой Паньху. Этот пес был любимцем легендарного китайского правителя Ди-Ку (считается,

что Ди-Ку правил около 2400 г. до н. э.). Особого благорасположения своего хозяина пес добился после того, как принес ему голову варварского полководца, досаждавшего царству своими набегами. За это, согласно предварительной договоренности, Паньху получил в жены дочь своего императора. Пес отнес свою супругу в горные укрепления на юге Китая, где их потомки стали предками современных племен мяо и яо. Вполне вероятно, данная легенда повествует о реально имевшем место событии: подвиге легендарного предка племен мяо и яо, относящегося к тотему Собаки. В архаических воззрениях нередко легендарные, героические личности прошлого отождествлялись с тотемистическим первопредком, отчего происходило наложение друг на друга различных мифологических (и, соответственно, временных) пластов. Как бы то ни было, кроме очевидного фонетического сходства имен Паньгу и Паньху, а также того факта, что оба культа предположительно имели своим центром юг Китая, никакого другого сходства между этими двумя мифами нет.

****Согласно «Книге гор и морей», существует также иная версия о сотворении мира. В соответствии с ней, богом-творцом выступает дух Чжулунь — Дракон со свечой с горы Чжуншань (см. ниже, в разделе об удивительных существах, где рассказывается о драконах).**

НЮЙВА СОЗДАЕТ И ОПЕКАЕТ ЛЮДЕЙ

Богиня Нюйва лепит людей из глины

*Божество-устроительница Нюйва (в более точной транскрипции — Нюй-гуа, что переводится как Женщина Гуа) хотя и достаточно заметна во время династии Хань, в более ранней литературе упоминается лишь дважды. Пол ее (несмотря на имя) определяется только в I столетии н. э. Приблизительно в это же время ее начинают описывать как сестру (или

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

супругу) гораздо более прославленного легендарного персонажа Фуси (что переводится как «Покоритель зверей»), мудреца, согласно преданию, жившего около 2800 г. до н. э. Ему приписывается одна из важнейших заслуг — обучение людей охоте и приготовлению пищи, изготовлению сетей и т. п. На каменных рельефах алтарей при гробнице У Ляна (ок. 150 г. н. э.) Фуси и Нюйва предстают вместе. Человеческие у них только верхние части тела, нижние же переходят в змеиные хвосты, свивающиеся между собой (хтонические образы, довольно часто встречающиеся и в мифологиях других народов, в частности греческой, шумерской, древнеславянской, мифологии месоамерики). Фуси держит в руке плотничий угольник, а Нюйва — компас. Видимо, это символы их созидательной деятельности. Однако в качестве изобретателя и правителя Фуси выступает лишь со времени Хань, относительно же его созидательной деятельности в более ранние времена (а стало быть, и соотношения с образом богини Нюйвы, или Нюй-гу) нет никаких упоминаний.

****В сочинении Ин Шао (жил между 140 и 206 гг.) «Фэн-су тун-и» («Общий смысл обычаев»), не дошедшем до нас и известном только по цитатам из позднейших произведений, Нюйва (Нюй-гуа) лепит людей из глины (см. основной текст): вначале из желтой земли, затем, чтобы ускорить процесс, — при помощи шнура (лианы). Различиями в способе производства людей объясняется их изначальное неравенство (в том числе предопределяется и неравенство социальное): богатые и знатные — это люди, изготовленные из желтой земли, в то время как бедные и ничтожные, т. е. обычные люди, это люди, изготовленные с помощью шнура.**

Является ли миф о Нюйве (Нюй-гуа) как создательнице рода человеческого народным добавлением к первоначальной теме Нюй-гуа, чинившей и приводившей в порядок мир, неизвестно, так как ни-

какого сюжета, предшествующего данному мифу (о сотворении самой Нюйвы) не существует, по крайней мере он не дошел до нашего времени. Нюйва (Нюй-гуа) появляется в уже существующей Вселенной. Логично было бы предположить, что миф о Нюй-гуа — это целиком создание эпохи Хань, но этой версии противоречат упоминания ее имени, обнаруженные в чжоуской литературе (по меньшей мере два).

Нюйва спасает мир от гибели

*Наилучшее описание деятельности богини Нюйвы (Нюй-гуа) приводится в шестой главе произведения «Хуайнань-цзы» (эпоха Хань, II в. до н. э.) — сочинения, богатого мифологическими материалами. «В очень древние времена четыре столба [по четырем странам света] были низвергнуты, девять областей [обитаемого мира] раскололись на части, небеса не покрывали всего [мира], а земля не поддерживала полностью [небеса]. Огонь бушевал — и никто его не тушил, воды разливались — и никто их не сдерживал. Лютые звери пожирали людей, хищные птицы терзали старых и слабых своими когтями. Вот почему Нюй-гуа сплавилась вместе камни пяти цветов и залатала ими лазурное небо. Она отрезала ноги у черепахи и укрепила ими четыре столба. Она заколола черного дракона, чтобы спасти область Цзи [нынешние провинции Хобэн и Шаньси в Северном Китае], и собрала тростниковую золу, чтобы запрудить непокорные воды». Далее в произведении рассказывается, что после означенных действий установилась всеобщая гармония: времена года сменяли друг друга в установленном порядке, животные спрятали когти и зубы, а змеи укрыли в себе свой яд. Люди жили всегда полные сил и не нуждались в том, чтобы восстанавливать их во время сна, т. е. постоянно бодрствовали.

****Упомянутые в этом мифе «четыре столба»** соотносятся с существующими во многих культурах космологических верованиями, что небеса подперты столбами или покоятся на каких-то других основаниях. В Китае (где в соответствии с рельефом местности столбы мыслятся как горы) наиболее ранние упоминания о них встречаются в поэме «Тянь вэнь» (IV в. до н. э.), где, правда, говорится не о четырех, а о восьми столбах. В этом же источнике (и в некоторых других текстах) говорится еще и о «вэй», или о «связях земли». В качестве своего рода технического термина «вэй» означает веревку, которой тент над повозкой крепится к ее корпусу. Отсюда, по аналогии, «вэй» земли (иногда с указанием числа четыре) служит для того, чтобы крепить к земле, лежащей внизу, тент небес. Возможно, в представлениях о «вэй» можно усмотреть отголоски мифа о мировом древе (этот миф есть в большинстве культур) — связующем звене между мирами, уравнивающим мироздание, являющемся своего рода осью, проходящей через все миры (подземный, наземный и небесный). Некоторые писатели эпохи Хань связывают историю Нюй-гуа с космической битвой между легендарным правителем Чжуань-сюем (жил, согласно преданию, в XXV в. до н. э.) и разбойником Гун-гуном (в позднечаньское время он описывается уже не как человек, а как рогатое чудовище с телом змеи). Согласно легендам, когда Гун-гун безуспешно боролся за власть с Чжуань-сюем, он в пылу битвы споткнулся о гору Бучжоу (на северо-западе Китая), отчего в этом месте рухнул небесный столб и порвалась небесная веревка («вэй»). Именно поэтому Нюй-гуа пришлось латать небо сплавленными вместе камнями и отрубать ноги у черпахи, чтобы его подпереть. Однако «следы» этой мировой катастрофы, как утверждает источник, объясняя существующий миропорядок, сохранились и поныне. Небо и земля на северо-западе наклонены друг к другу, а в противоположном конце друг от друга отдалены. Небесные тела до сих пор продолжают двигаться по небу в

северо-западном направлении, в то время как реки (в Китае) текут по земле в океан (т. е. на восток). Несмотря на внешнюю убедительность данного сюжета, в нем тем не менее прослеживаются явные позднейшие наслоения, а также то, что он скомбинирован из различных источников (относящихся к разным культурным и временным пластам).

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ВОЗРОЖДАЕТСЯ ПОСЛЕ ПОТОПА

Нюйва и ее брат Фуси

* В соответствии с некоторыми источниками, дальнейшая судьба Нюйвы была такова. Закончив свою работу для человечества, она решила отдохнуть. Этот отдых называется смертью, но это вовсе не бесследное исчезновение. Подобно Паньгу, она трансформировалась в различные вещи и существа. Так, например, в «Книге гор и морей» (эпоха Хань) говорится о том, что кишки Нюйвы превратились в десять святых, поселившихся на равнине Лигуан; поэтому их называли «Нюйва-чжи чан», (т. е. «Кишки Нюйвы»).

По другим вариантам (судя по всему, более поздним), великая Нюйва вовсе не умерла, а, закончив трудиться для людей, села в колесницу грома, запряженную двумя летающими драконами (фэйлун), и приказала белым безрогим драконам (байчи) прокладывать ей путь. Змеям же велела лететь следом за колесницей. Над колесницей во время пути плыли желтые тучи, а духи вместе с небесными и земными демонами следовали за богиней. На колеснице она поднялась на девятое небо, прошла сквозь небесные ворота и, представ перед Небесным владыкой, рассказала о всех своих свершениях. После этого она тихо и спокойно, подобно отшельнику, ушедшему от мира, жила в небесном

дворце и не кичилась своими заслугами, так как их она приписала великой природе, считая, что все свои деяния совершила, следуя влечению естества.

УДИВИТЕЛЬНЫЕ СУЩЕСТВА, НАСЕЛЯВШИЕ ДРЕВНИЙ МИР

Народы, удивительным образом производящие потомство

*Согласно этой же легенде, все отпрыски лесных существ получают фамилию Ян. Вот почему на юго-западе Шу так много Янов, все они — потомки тех, кто происходит от Цзяго, или Махуа.

Мифы и легенды о драконах

*В облике Чжулуна многое напоминает первотворца. Тем не менее, сохранив явные черты живого существа, он все-таки не смог с течением времени приобрести человеческие черты и окончательно превратиться в космическое божество — творца Вселенной. Несмотря на свою удивительную внешность и необычайную силу, он остался в глазах людей лишь духом одной из многочисленных гор.

Феникс

*Чудесная птица феникс, почитавшаяся уже в древности, появлялась, по преданию, только в период добродетельного правления и была своего рода эмблемой добродетели, верности. Считалось, что самец и самка («фэн» и «хуан» — отсюда китайское наименование феникса — «фэнхуан») нежно привязаны друг к другу, поэтому птица стала со временем символом супружеской любви и верности.

******В облике и функциях единорога-цилиндя прослеживаются явные эротико-фаллические черты, что отражает глубокую архаичность этого образа, восходящего, по-видимому, к тотемистическим представлениям о мужском божестве-прародителе. Согласно традиции, изображение цилиндя, несущего на спине младенца мужского пола, молодые супруги нередко вешали в своей комнате.

*******Эта «способность» вызвала к жизни легенду, казалось бы, прямо противоположную по смыслу: черепахе стали приписывать похотливость, способность превращаться в женщину и соблазнять мужчин. В результате выражение «сын черепахи» стало восприниматься как оскорбление («бастард»), а изображение черепахи на стенах или дверях дома в Китае было равносильно мазанию ворот дегтем в старой России.

Другие удивительные животные

*****Со львом (признанным царем зверей) китайцы познакомились довольно поздно. Культ льва проник в Китай лишь вместе с буддизмом. В какой-то степени лев в Китае всегда оставался символом буддизма (недаром считалось, что Будда до своего последнего перерождения десять раз рождался в облике льва и много меньше — в облике других существ). Каменные изваяния пары львов почти всегда стояли у входа в буддийские храмы: они охраняли его и отгоняли злых духов. Примечательно, что императоры последней, маньчжурской по происхождению, династии Цин, отождествлявшие свой этноним (маньчжу) с буддийским Маньчжушри, который в буддийско-китайской мифологии обычно изображался верхом на льве, питали особую склонность к этим животным. Тибетские ламы нередко присылали китайским императорам именно львов в качестве своей символической дани.

******Культ обезьяны, вероятнее всего, является результатом индо-буддийских влияний.

Лиса

*В соответствии с поверьями, превращаясь в женщин, лисы соблазняли мужчин, а затем нередко убивали их или приносили им большие беды. Подчас женщина-лиса выходила замуж, рожала детей, но и здесь, как правило, дело не кончалось добром.

** Лису даже «наградили» соответствующей биографией, суть которой сводилась к тому, что первоначально она была похотливой женщиной, которую еще в древности за грехи обратили в лису.

ЧУДЕСНЫЕ РАСТЕНИЯ

Чудесные деревья

*Об этом повествуют даосские легенды.

**Среди таких растений можно назвать тысячелистник, по стеблям которого гадали еще в эпоху Чжоу, а также лотос, который стал священным цветком после проникновения в страну буддизма (на нем, по преданию, восседали Будда и Гуань-инь, кроме того, лотос использовался для перемещения душ умерших буддистов в рай). После появления в Китае культуры чая в ряде районов страны воздвигли кумирни в честь божества чая. Несмотря на все многообразие мотивов почитания растений и животных, среди них имеется один общий: большинство животных и растений почиталось за то, что они могли противостоять демонам зла.

Чудесные плоды

*Рассказ о дереве Цзяньму вполне соответствует мифу о мировом древе, типичному для большинства архаичных культур. Такое дерево, расположенное

в центре мира, выполняло функцию соединения миров, обладало охранительной силой и олицетворяло равновесную природу мирового дерева (райский сад вокруг него).

Деревья с драгоценными камнями вместо плодов

*Рассказ о потерянной жемчужине, судя по всему, имеет своими корнями даосскую притчу, т. е. является более поздним, чем архаические мифологические сюжеты. Для даосских притч характерно наряду с использованием образов и сюжетов мифологической древности «приспосабливание» их для своих собственных нужд, т. е. для того, чтобы говорить о внутреннем совершенстве человека, его движении по Пути (дао). В этой связи жемчужина может трактоваться как своего рода энергетический центр, находящийся в человеке, канал, при помощи которого он может познать Вселенную (или дао), поиск жемчужины — это рассказ о способах открытия этого центра, приобщения к энергии Вселенной (не случайно жемчужину находит тот, кто смотрит на берег реки «рассеянным» взглядом, т. е. расфокусированным, что вполне соотносится с даосскими техниками медитации).

НЕБЕСНЫЕ ВЛАДЫКИ

Битва между Хуан-ди и Янь-ди. Восстание медноголового Чию

*В целом сюжет весьма напоминает распространенный во многих культурах миф о битве богов с титанами.

**По другой версии, Чию отступал, терпя поражения, и наконец дошел до Цзичжоу и только там был

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

схвачен Хуан-ди. Ему отрубили голову и бросили ее в одну сторону, а тело — в другую. Поэтому то место и называется Цзе — «разделять», а в нынешней провинции Шаньси и сейчас есть уезд Цзесянь. Поблизости от него расположено соленое озеро в окружности около ста двадцати ли, тоже называемое Цзе, вода в нем красноватого цвета, и в народе говорят, что это кровь казненного Чию. Предание также гласит, что тело Чию и голову, чтобы из них не возродилась нечистая сила, перевезли в Шаньдун и похоронили в разных местах — в уездах Шоучжансянь и Цзюйсянь — и насыпали над ними два могильных кургана. В древности жители этих мест каждый год в десятом месяце приносили жертвы Чию. Рассказывают, что в это время из могилы Чию выбивалась струйка красноватого тумана и поднималась к облакам. Люди называли ее «стяг Чию» и считали знаком того, что герой, потерпевший поражение, не может смириться с позором, что его гнев не утих и с туманом возносится к небу. Рассказывают еще, что при династии Цзинь (III—V вв.) в Цзичжоу нашли отдельные кости огромного скелета, крепкие, словно медь или железо, и все решили, что это кости Чию. Говорят еще, что кто-то нашел зуб Чию, достигавший двух цуней в длину, такой крепкий, что как его только ни колотили, так и не смогли расколоть. К этому интересно добавить, что память о Чию сохранялась в народе очень долго, а игры с «боданием» (созданные в эпоху Хань) позднее (уже при династии Цзинь в III—V вв.) были дополнены так называемыми «играми Чию», суть которых сводилась к следующему: люди по двое или по трое надевали на головы бычьи рога и начинали бодать друг друга, изображая, по-видимому, бой Чию со сторонниками Хуан-ди.

В живописной традиции Чию изображается обычно в виде страшного животного, у которого имеется лишь отвратительная голова и нет туловища. Справа и слева к голове прилеплено по крылу, отда-

ленно напоминающему ухо (вероятно, таким образом с течением времени стали изображать крылья, первоначально росшие у Чию за спиной и благодаря которым он «перелетал через пустоту и переносился через пропасти», являя всем свое могущество).

В более поздние времена голову стали изображать помещенной на треножник (вероятно, в качестве напоминания непокорным сановникам и князьям о судьбе Чию, которому верховный владыка Хуан-ди за подобные прегрешения отрубил голову). Эту голову также часто называли именем Таоте. Правда, в некоторых других источниках рассказывается, что Таоте был волосатый человек со свиным рылом, жадный и злой. Он жил в пустынях юго-запада, любил копить деньги и терпеть не мог тратить их. Еще он не любил трудиться, а кроме того, воровал зерно — плоды человеческого труда; обманывал слабых, но боялся сильных. Увидев толпу людей, он быстро прятался, а встретив одинокого человека, тут же нападал на него. Хотя облик его не напоминает чудовище Таоте, изображенное на древних сосудах и треножниках, но по своему характеру вполне соотносится с ним и, возможно, является одним из народных «воплощений» Чию. В образе Чию, по всей вероятности, вообще слилось несколько сюжетных и мифологических линий (что вполне обычно для китайской мифологии).

Чжуань-суй закрывает людям путь на небо

*Тема разделения земли и неба уже затрагивалась ранее в мифе о Паньгу. Теперь она, правда, в ином контексте всплывает в предании о племени мяо. В сочинении эпохи Чжоу «Шу цзин» («Книга истории», время создания которой относится к X в. до н. э. или на несколько веков позднее) говорится о том, что племя мяо, или союз племен, существовавший во вре-

мя правления Яо и Шуня (живших, согласно преданию, в XXIV—XXIII вв. до н. э.), совершало на страну сокрушительные набеги, которые ввергали народ в пучину беспорядков. Шан-ди, Высочайший Повелитель, обозрел свой народ и нашел, что ему не хватает добродетели. Исполненный жалости к тем, кто страдал невинно, Повелитель истребил племя мяо, а затем «поручил Чжуну и Ли прервать сообщение между небом и землей, чтобы не было больше нисхождений и восхождений [людей и духов друг к другу]». Только после этого порядок был восстановлен и добродетель вернулась к народу.

Второе упоминание, гораздо более подробное, содержится в книге «Го юй», или «Речах царств» (IV в. до н. э.) и, по существу, является толкованием предыдущей записи. В этом тексте Чжао, царь Чу (515—489 гг. до н. э.), затрудняется при истолковании утверждения «Шу цзина» о разделении неба и земли и спрашивает своего советника: «Если бы этого не было, имели бы люди возможность восходить на Небеса?» Советник отвечает отрицательно и добавляет собственное иносказательное разъяснение: в древности люди и духи не смешивались между собой. Однако в те времена некоторые из людей были настолько проникательны, прямодушны и почтительны, что их просветленность позволяла им видеть многие вещи, ныне скрытые от людей, а премудрость освещала им все вдали и в глубине. Поэтому в них нисходили духи. Носители такой силы, если они были мужчинами, звались «си» (шаманы), а если женщинами — то соответственно «у» (шаманки). На церемониях, где духам приносились жертвы или же совершались в их честь другие религиозные отправления, «си» и «у» заменяли этих духов. В результате означенных установлений сферы божественного и мирского были разделены. Духи посылали людям благословения, а в ответ принимали от них пожертвования. Тогда не случалось стихийных бедствий и народ благоденствовал.

Однако во времена упадка при Шаохао (в соответствии с преданием, в XXVI в. до н. э.) Девять Ли (воинственное племя, подобное мяо) привели добродетель в беспорядок. Люди и духи стали смешиваться между собой, каждая семья стала сама для себя совершать беспорядочные религиозные отправления, что раньше было прерогативой шаманов. Вследствие подобных действий из-за того, что люди потеряли уважение к духам, а духи стали нарушать установления людей, — и возникли стихийные бедствия. Так было до тех пор, пока Чжуаньсуй, преемник Шаохао, не поручил правителю Юга Чуну взять в свои руки дела небес, а правителю Огня Ли взять в свои руки дела земли, чтобы определить место, подобающее людям. Именно это означают слова «прервать сообщение между небом и землей».

В более поздние времена, однако, мяо, подобно тому как ранее Девять Ли, ввергли страну в новую смуту и принудили правителя Яо отдать приказ потомкам Чжуна и Ли возобновить деяния предшественников. С той поры представители все тех же двух семейств продолжают наблюдать за должным разделением небес и земли. В соответствии с вышеизложенным не следует понимать процесс отделения неба от земли в буквальном смысле. Кроме того, представление, что небо и земля некогда были соединены и потому было возможно сообщение между людьми и божественными силами, широко распространено в различных культурах. Это миф об «оси мира». Этот космический символ, постоянно встречающийся у азиатских народов, может принимать форму горы, священного храма, дворца или города, дерева (мировое древо) или виноградной лозы. Отличительными его чертами считаются расположение в центре вселенной и связующая роль между небом и землей. В ту отдаленную эпоху, о которой идет речь, люди не знали ни смерти, ни трудов, ни страданий и достаточно обильно были снабжены пищей. Боги нисходили

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

на землю и смешивались с людьми, а люди, со своей стороны, могли свободно восходить на небеса. Вследствие нарушений в ритуале, как уже говорилось, сообщение между небом и землей было прервано, и боги удалились на самое высокое из небес. С той поры люди стали трудиться ради пищи и навсегда утратили бессмертие. В шаманских практиках основной причиной, которая заставляет шамана входить в экстатический транс, является его желание получить возможность восхождения на небеса, чтобы посредством этого возродить в себе контакт между небом и землей, который был вполне обычным делом до «падения» рода человеческого. Тем не менее в приводимом китайском варианте мифа есть свои особенности. Например, в нем с самого начала только одни шаманы, а не весь народ в целом, осуществляют сношения с духами. Присвоение же их прерогатив другими людьми определяется как «нарушение ритуала», и именно оно приводит к нарушению сообщения между небом и землей.

Выше уже говорилось о племени мяо. В «Шах и цзине» они описаны как крылатые человекообразные существа, живущие на краю северо-западного угла мира. В более поздних текстах говорится, что мяо хотя и имеют крылья, летать не могут. Вероятно, это обстоятельство символически обозначает «падение»: некогда мяо имели возможность общаться с Небесами, но потеряли свою мощь после «нарушения ритуала», а Высочайший повелитель сослал их в отдаленную область и повелел шаманам Чжуну и Ли следить за тем, чтобы сношения между небом и землей не возобновлялись.

Эра райской жизни человечества описывается также в даосском источнике «Хуайнань-цзы». Там говорится об эре Великой Чистоты, когда люди были искренними и простыми, умеренными в речах и непосредственными в общении. «Они были слиты с телом небес и земли, объединены с началами инь и

ян и гармонически едины с четырьмя временами года». В те времена ветер и дождь не приносили никаких бедствий, солнце и луна всем поровну дарили свой свет, планеты не отклонялись от своего пути. Люди клали своих детей в птичьи гнезда, а зерно оставляли на полях. Без страха за свою жизнь они могли хватать за хвосты тигров и пантер и наступать на змей. Но потом наступила эра нарушений: люди начали углубляться в недра гор для добычи минералов, добывать огонь при помощи огнива, валить деревья для постройки жилищ, охотиться и рыбачить — и делать многое другое, что разрушило их первоначальную чистоту. Примечательно, что при этом описании даосы не прибегают к мифологическому объяснению «падения» людей: для них это просто неумолимое следствие развития человеческой цивилизации.

Священные горы Кунлунь — обитель богов

*Это один из мифологических сюжетов, который даосы особенно охотно переделывали и «приспосабливали» к своим нуждам. Дело в том, что основной своей задачей даосы считали обретение истинного пути (единение духа с дао, под которым подразумевалось нечто вроде мировой души, лежащей в основе всего во Вселенной), духовное могущество — и, как следствие, достижение полной власти над телом. Даосы всерьез полагали, что при помощи определенных техник человек может достичь физического бессмертия. Одно из главных направлений деятельности даосов на протяжении веков — это как раз поиск секрета бессмертия. Большинство техник (энергетических, дыхательных, медитативных, физических), практикуемых ныне в Китае (и не только в Китае), имеют своей отправной точкой именно даосский поиск физического бессмертия.

ДРЕВНЕЙШИЕ ПРАВИТЕЛИ ПОДНЕБЕСНОЙ ИМПЕРИИ

Чудесный пес Паньху

*Данная легенда являет собой тотемистический миф о животном-первопредке, но в ней весьма ошутимы последующие (исторические) напластования. Приводимая интерпретация архаического мифа, вероятно, относится к достаточно позднему времени, когда тотемистическая космогония уже отмерла, т. е. сделалась неактуальной в народном сознании. Об этом говорит потребность слушателей во «внешнем», дополнительном обосновании действий персонажей и общей канвы мифологического сюжета, потребность вписать его в исторический контекст, т. е. выстроить причинно-следственные взаимосвязи не на основе мистически-магического мироощущения, а на основе рациональной этики (возможно, влияние конфуцианства) и принципах строгой социальной иерархии (безупречное следование своей судьбе в вассальной преданности своему сюзерену).

Император Яо

*Рассказ представляет собой типичное для китайцев представление об идеальном государе, который видит свой священный долг в заботе о своих подданных. В рассказе заметно влияние конфуцианской этики.

Притча о старике, играющем в цзижан

*Данная притча в известной мере противоречит предыдущему рассказу о добродетельном государе, ставит под сомнение конфуцианскую этическую систему, переводя полемику в совершенно иную плос-

кость. Если конфуцианство центром своей системы делало взаимодействие человека и общества, то даосская, идеи которой выражены данной притчей, таким центром делала взаимодействие человека и космоса, человека и Вселенной (дао). Из вышеперечисленного следует, что приведенная притча, скорее всего, отражает полемику между даосами и приверженцами конфуцианства, которая на протяжении столетий имела место в Китае.

Сюй Ю и пастух

*Притча является ярчайшим примером «приспособления» древних мифологических и эпических сюжетов под нужды более поздних философско-этических систем (даосизм). С одной стороны, используется хорошо известная полуполюгендарная история, с другой — на ее основе пропагандируются новые идеи. В притче скрыта все та же полемика между даосизмом и конфуцианством, причем она здесь более явная, чем в предыдущем случае. В ее сюжете можно уловить своего рода пародийное отражение известного предания о Конфуции, который, когда ему предложили важный государственный пост, отказался от него под предлогом, что будучи в себе добродетель и стараясь быть безупречным, он тем самым уже участвует в управлении государством.

Смысл этой конфуцианской легенды (возможно, придуманной в более позднее время последователями учения в целях его пропаганды) состоит в достаточно прозрачной идее, которую, излагая современным языком, можно было бы передать так: «быть, а не казаться». В социально-этическом плане это означало лишь одно — безусловно выполнять свой долг (правила «ли»), понятый в соответствии с традицией и существующей структурой общества. Если каждый член общества начнет безусловно выполнять свой долг, то и

общество неизбежно станет безупречным, считал Конфуций.

Пародийность состоит в том, что конфуцианская притча переводится в реальную плоскость (историческую), а затем осмеивается с точки зрения здравого смысла (продиктованного тем не менее даосскими представлениями о мире). Отказ Сюя Ю (или Конфуция) принять важный государственный пост трактуется с чисто даосской точки зрения (недеяние). Мудрец удаляется на реку Иншуй, чтобы не вмешиваться в социальную жизнь (т. е. происходит подмена мотивов), на что ему другой персонаж, пригнавший на водопой теленка (а Лао-цзы часто изображался верхом на быке), резонно говорит о том, что если не хочешь принимать на себя бремя деяний (т. е. участвовать в социальной жизни, а власть — это социальная жизнь в концентрированном виде), то нечего вообще было ввязываться в дела мира (т. е. «нарочно скитаться повсюду, создавая себе славу»).

Следуя известной пословице, что «умный может выпутываться из трудных ситуаций, а мудрый в них попросту не попадает», Чао-фу отказывает «мудрецу» в мудрости. Примечательна последняя фраза: «"Мой теленок не станет здесь пачкать морду!" — сказал Чао-фу и повел скотину пить воду вверх по течению». Если теленок олицетворяет собой истинный путь, т. е. дао, то смысл этой фразы состоит в том, что любая социальная активность лишь отвращает от истинного пути и затормаживает внутренний духовный рост, поэтому черпать истину следует там, где она не замутнена грязью с ушей подобных «мудрецов».

Легенда о добродетельном Шуне

*Рассказ о Шуне — типичная иллюстрация конфуцианских воззрений. В легенде (по сути являющейся притчей) наглядно демонстрируется, как добродетель

тель, почтение, смирение и прочие достоинства (в полном соответствии с правилами «ли») помогают герою не только выходить из самых сложных ситуаций, но и получать за свои добродетели награду — в конечном итоге получить верховную (божественную) власть в стране, т. е. занять высшую ступень в иерархии конфуцианцев.

СТРЕЛОК И — ПОСЛАННИК И ИЗГНАННИК НЕБЕС

Стрелок И расстреливает из лука девять солнц

*В мифе о стрелке И мы снова встречаемся с рассказом о нарушении мирового порядка с последующим его восстановлением (см. миф о богине Нюйве). Мнения о древности этого мифа расходятся. Одни исследователи полагают, что этот рассказ возник только во времена Хань, другие относят его к более раннему времени. Некоторые чжоуские тексты рассказывают об И как о великом, но высокомерном охотнике, который жил в начальный период династии Ся (на целое столетие позже Яо) и который после узурпации трона кончил скверно. Согласно этой версии, И стреляет в единственное солнце, а не в десять, что являлось просто-напросто «святотатственным действием», свидетельствующим о присущей И гордыне, но не имеющим никакого отношения к угрозе сожжения земли. Описываемые деяния И вполне сопоставимы с тем, как два царя стреляли в кожаный мешок, наполненный кровью, и называли его Небом. Кроме того, следует отметить, что сюжет спасения мира от множественных солнц не является исключительно китайским. Он часто встречается и в других архаичных культурах. К примеру, батаки на Суматре и семанги в Малайе полагают, что солнце было роди-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

телем нескольких детей-солнц, но луна хитростью заставила солнце поглотить их как раз тогда, когда они собирались сжечь землю. У индейцев шаста в Калифорнии девять (как и в китайском мифе!) братьев-солнц были убиты койотом. У гольдов в Восточной Сибири есть национальный герой, который подобно тому, как это делает И в китайском мифе, сбивает два из трех солнц, когда в мире становится невыносимо жарко.

Как бы то ни было, в мифе речь идет, по-видимому, об установлении времен года и упорядочивании движения светила по небосводу — то есть об унификации календаря. В данном контексте под «солнцами» можно подразумевать разные календари, которые, вероятно, до этого имели равное хождение. То, что Яо (посредством стрелка И) устраняет лишние солнца и оставляет только одно, можно трактовать как принятие канонического календаря. Самый ранний источник сведений такого рода — «Шу цзин» («Книга истории»), в которой говорится: «Он [мудрый Яо] велел Си и Хэ, в уважительном согласии с Высочайшим Небом, рассчитать и составить план для солнца, луны, звезд и созвездий и почтительно представить народу [порядок] времен года. Отдельно он повелел младшему Си поселиться среди варваров [в месте], называемом Долина Света (Ян-гу), чтобы там принимать как гостя восходящее солнце и упорядочивать его действия на востоке. Далее он повелел старшему Си поселиться в южном Цзяо, чтобы там упорядочивать склонение к югу. Отдельно он повелел младшему Хэ поселиться на западе [в местности], называемой Долина Тьмы (Мэйгу), чтобы уважительно провожать садящееся солнце и упорядочивать завершение его трудов на западе. Он далее повелел старшему Хэ поселиться в северной стороне (Шофан) [в местности], именуемой Город Сокровенного (Юду), чтобы надзирать за превращениями на севере».

Другие чжоуские тексты свидетельствуют о том, что два назначения братьев (наблюдение движение солнца, а также других небесных тел) есть всего только разделение одного лица по имени Сихэ, причем это разделение продиктовано исключительно желанием представить достаточное количество братьев, заботящихся о всех небесных движениях в четырех сторонах света. Сихэ появляется в чжоуских текстах как древний наставник (неопределенного пола) в культах, который наблюдает небесные тела, создает календарь, занимается предсказаниями по солнцу и контролирует солнце в его движении.

О том, как стрелок И лишился бессмертия

*Лунный заяц — мифологический персонаж, своим существованием обязанный тому, что очертания пятен на Луне по форме напоминают зайца.

Гибель стрелка И

*О магических свойствах персикового дерева смотри выше, гл. «Чудесные растения».

**На первый взгляд может показаться, что в рассказе о стрелке И и о его передаче своих умений ученику присутствуют конфуцианские мотивы (И нарушает законы добродетели, потому оказывается наказан). Однако при более детальном рассмотрении обнаруживается, что данный рассказ пропагандирует, скорее, даосские взгляды. Во-первых, И обучает своего ученика техникам концентрации и овладения своим телом, что практиковали даосы. Во-вторых, источник «наказания» И лежит не в его дурном отношении к слугам, которые затем по наущению ученика его убивают, а в отказе от поиска и обретения бессмертия (т. е. в отказе от единения с

дао). Дурное же отношение к слугам (которого, к слову сказать, сам И не замечал) явилось неизбежным следствием отпадения от пути (т. е. потери дао). Втягиваясь в социальную жизнь, И порождает неизбежные ее следствия — ненависть (слуги) и зависть (ученик). Поэтому, несмотря на то что в первый раз ему удастся при помощи более совершенной техники избежать смерти, в целом если следовать общей логике повествования, его конец предрешен.

Примечателен также в рассказе образ жены стрелка И, предавшей своего мужа и отобравшей у него бессмертие. Выпив эликсир, она обретает бессмертие, но, так сказать, в «иньской» ипостаси — попадает во дворец на луну (символ ночи). Для женщины свет закрыт, у нее свой путь и свой источник силы. Парадокс состоит в том, что, согласно даосской логике, решив выпить эликсир бессмертия вместе с женой, И тем самым лишил себя бессмертия (не случайны здесь свойства эликсира — если его выпивает один, то обретает бессмертие на небесах, если же выпивают вдвоем — то обретают бессмертие на земле, т. к. эликсира — читай энергии — становится уже недостаточно). Помимо того что брак является своего рода матрицей социального бытия (участие в котором даосы считали вредным и ненужным для самосовершенствования), сексуальные взаимоотношения, согласно все той же даосской логике, отбирают у человека множество энергии (энергии «ци», согласно цигуну и другим методикам, содержащейся в жидкостях, и в особенности в сперме). Очевидно, парадокс устраняется, если иметь в виду даосские представления об условиях, необходимых для самосовершенствования на пути обретения дао (отшельническая жизнь, в том числе безбрачие, и полное направление всей своей энергии на «обретение бессмертия»).

ЮЙ — УСМИРИТЕЛЬ ВЕЛИКОГО ПОТОПА

**МИФЫ
ДРЕВНЕГО
КИТАЯ**

Божества и великаны — усмирители водной стихии

*Юй прославился не только как победитель наводнения, но и как основатель первой китайской наследственной династии, именуемой Ся (согласно преданию, в 2205 г. до н. э.).

Великий Гунь-строитель плотины и его сын Юй

*Хотя Юй и его отец изображаются в ортодоксальных описаниях как человеческие существа, но графическая форма иероглифов, обозначающих их имена, выдает их нечеловеческое происхождение: иероглиф Гунь содержит элемент, означающий «рыба», а иероглиф Юй пишется с элементом, часто встречающимся в названиях пресмыкающихся, насекомых и тому подобных тварей.

**Если отбросить мифологическую составляющую и говорить только о предположительных исторических событиях, легших в основу данной легенды, их можно изложить следующим образом. После довольно продолжительного периода, когда царству досаждали наводнения, властитель (в «Шу цзине» он называется просто Ди (Повелитель), некоторые отождествляют его с правителем Яо, другие склонны видеть в этом образе верховное божество Шан-ди, Высочайшего Повелителя) довольно неохотно (потому что имеет сомнения относительно его способностей) приказывает Гуню заняться устранением потопа. В течение девяти лет Гунь безуспешно пытается остановить воду путем строительства дамб. По истечении этого времени Яо (или его преемник Шунь, в текстах говорится по-разному) казнил Гуня на горе Перьев (Юйшань) и велел

его сыну Юю продолжить выполнение задания. Юй, вместо того чтобы запружать воды по способу отца, применил новую технику: прорыл каналы, чтобы отвести воду в море. Таким образом, он наконец покорил поток и сделал землю пригодной для жизни. В награду Шунь передал ему трон, и Юй стал основателем династии Ся.

Усмиритель потопа Юй и прекрасная фея Яо-цзи

*Здесь содержится явный намек на учение даосов. Под чудесными письменами подразумеваются описания даосских техник по достижению полной власти над телом человека и его энергией. Кроме того, по учению даосов, человек, познавший дао, идущий по пути слияния с ним, обретает власть и над окружающим вешным миром, так как все вещи в мире — тоже дао. Описание могущества Яо-цзы и тех превращений, которым она подвергала себя в соответствии с обстоятельствами, может вполне служить наглядным примером совершенного владения даосскими техниками.

Путешествие Юя. Юй и его жена

*Тот факт, что медведь ассоциируется как с Гунем, так и с Юем, многими исследователями считается доказательством существования в Китае древнего культа медведя (по-видимому, тотемистического). Правда, это плохо согласуется с преимущественно водными ассоциациями как Гуня, так и Юя (рыба, черепашка, дракон). Однако это противоречие, как и другие сюжетные несоответствия, скорее всего, свидетельствует о том, что миф о Гуне и Юе (за исключением центральной темы наводнения) не однороден по своему составу, а, скорее всего, является сплавом нескольких культурных компонентов, которые первоначально

чально отличались друг от друга географически, а возможно, и этнически.

******По другой версии, Юй гнался за женой не с такими безобидными намерениями. При этом он восклицал: «Отдай мне моего сына!»

*******Сказание о потопе в китайском варианте и о создании династии Ся смыкается с аналогичными рассказами в других культурах. Это свидетельствует о том, что мотив наводнения никоим образом не является только китайским, он широко распространен среди других народов Восточной и Юго-Восточной Азии, а соответственно вряд ли является отражением воспоминаний об определенном местном конкретном наводнении — на Желтой реке или на какой-нибудь другой. Однако между рассказом о китайском наводнении и сказанием о потопе в Библии или у других ближневосточных народов имеются существенные различия. Главное из них то, что в китайской версии наводнение является не наказанием, наложенным на людей богами за их грехи, а своего рода обобщением условий, существовавших в мире до того, как образовалось организованное человеческое общество. Легенда подчеркивает не наводнение, как таковое. Это, скорее, рассказ об осушении земель с целью сделать их пригодными для человеческого существования. В сущности, китайский миф повествует о происхождении цивилизации. Божественное существо Юй нисходит с высоты, создает мир, пригодный для жизни рода человеческого, и основывает первое государство, ради сохранения которого женится на смертной женщине.

********Есть еще много других рассказов о Юе, например, что он для возведения великих гор Китая использовал все ту же самую «вздувающуюся почву», которая принесла несчастье его отцу. Существует предание о том, что он приказал своим чиновникам (повидимому, когда уже стал правителем) измерить R IL~ гах мир с запада на восток и с севера на юг. Таким спо-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

собом они определили, что Земля представляет собой правильный квадрат, насчитывающий 233500 ли (приблизительно 77833 мили) и еще 75 шагов в каждом из измерений. Впрочем, этот эпизод, как и история с кражей Гунем «вздувающейся почвы», известны только по ханьским сочинениям (в первую очередь по «Хуай-нань-цзы» и «Шань-хай цзину»).

ТРИ РЕЛИГИИ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Даосизм, буддизм, конфуцианство

*Излагая мифологию Китая, невозможно не упомянуть о господствующих в стране религиях по следующим причинам: 1) древность этих религий, их глубочайшее проникновение в мировоззренческую систему китайцев (в том числе «переименование» древних мифологических сюжетов под свои нужды прежде всего для пропаганды собственных идей), так что в ряде случаев бывает крайне трудно разграничить культурные пласты (соответственно, древний и придуманный или трансформированный в более поздние времена сторонниками той или иной религии); 2) предания о жизни самих основателей этих религий относятся к весьма древним временам. Еще до того, как они были записаны, они подверглись изрядной «мифологизации» и могут быть вполне отнесены к разряду легендарных преданий.

Конфуций и его учение

*Во многом благодаря именно тому факту, что Деяния этих правителей были «подняты на щит» конфуцианством, мифы о них (хотя и в «исправленном»

виде) сохранились до наших дней в наиболее полном варианте.

8

После Конфуция многие философы также размышляли о путях спасения мира, о жизни без войн и страданий. Это было нелегким делом, поскольку большинство правителей среднечжоуского периода были развращены и властолюбивы. Однако философы древности не оставляли усилий в поисках справедливого устройства жизни на земле. Большая их часть сохраняла представление о том, что люди должны жить в гармонии с собой и миром, но их учения становились все более практичными для того, чтобы удостоиться внимания правителей. С течением времени представления о небе, богах и ритуалах все больше отходили на второй план; этих философов интересовали почти исключительно социальные и административные вопросы. Так, представители одной из школ — легисты — вообще считали главной задачей упорочение власти правителя путем централизации и совершенствования государственного аппарата. Конфуцианцы, однако, хранили веру в волю Неба (например, великий китайский философ Мо-цзы, живший в V в. до н. э.). К IV в. до н. э. появились философы, первыми сформулировавшие взгляд на мир, основанный на учении, что Вселенная развилась из взаимодействия природных сил: инь, ян и пяти стихий. Один из них — китайский философ Сюнь-цзы, живший на рубеже IV—III вв. до н. э. (ум. в 215 г. до н. э.).

Учение Будды в Китае

3

*Для китайского буддизма и его пантеона было характерно выдвижение на передний план тех будд, бодхисатв и святых, с именами которых обычно связывались наиболее далеко идущие социальные чая-

ния народа. В этом смысле показательно, что культ великого Будды, легендарного основателя буддизма, в Китае никогда так и не занял подобающего ему первого места. В его честь тоже строили храмы, воздвигали памятники, ставили скульптурные изображения, однако роль Будды всегда была второстепенной. Гораздо больше было изображений и славословящих надписей, посвященных некоторым другим буддам. На передний план в буддийском пантеоне Китая вышли те будды и бодхисатвы, с именами которых китайцы охотнее всего связывали свои надежды на светлое будущее, на счастливую жизнь и великие перемены. Все остальные персонажи буддийского пантеона занимали в Китае более чем скромное положение.

4

*Кроме будд и бодхисатв, число которых все же было довольно ограниченным, в буддийский пантеон включалось большое количество божеств и святых более низкого ранга, в первую очередь архатов. Помимо 16 важнейших из них — по традиции они считались сподвижниками самого Будды (в Китае их число достигало иногда 186, причем они, в свою очередь, имели по 500—1500 своих архатов-последователей) — особым почитанием среди китайских буддистов пользовались так называемые 500 архатов, составлявших вторую группу святых этого ранга. По традиции 500 архатов считаются канонизированными историческими деятелями, монахами — участниками IV буддийского собора. Статуи 500 архатов, иногда именуемых «500 буддами», до недавнего времени можно было встретить в некоторых известных буддийских храмах.

В соответствии с этим распределением функций и влияния буддийских божеств-патронов создавались и функционировали храмы. Храмы являли собой основную часть всех центров буддизма в стра-

не. В отличие от монастырей, которые сосредоточивали в себе наивысшие духовные ценности, книги, наиболее ученых монахов и т. п., храмы, культовые сооружения в один, реже несколько залов были посвящены тому или иному конкретному представителю буддийского пантеона. Они обслуживались монахами, которые призваны были следить за порядком и совершать ритуалы и обряды в честь божества, которому посвящен храм. Такого рода храмы охотно посещал народ, особенно в дни буддийских праздников. К божеству-патрону храма возносились тысячи молитв и просьб, сопровождавшихся возжиганием свечей и курений, поднесением подарков. Собственно, институт храмов в наиболее типичном для средневекового Китая виде возник вместе с буддизмом и благодаря ему. Даосские и конфуцианские храмы существовали в стране и прежде (хотя в меньшем количестве), однако тогда эти храмы представляли собой лишь залы с алтарями и курильницами, с ритуальной утварью для жертвоприношений. Храмами в современном виде они стали именно под влиянием буддизма. Главную роль в этой трансформации сыграли те скульптурные изображения и идолы, которые занимали основное место в буддийских храмах. Древние китайцы, как правило, не употребляли в своих ритуальных строениях и при отправлении культов ни писаной, ни скульптурной иконографии, эта форма искусства, оказавшая огромное влияние на дальнейшее развитие всего искусства Китая, появилась лишь вместе с буддизмом и получила развитие в храмовом строительстве.

Свой окончательный вид иконография Китая приняла в результате сплавления буддизма (вкуче с даосизмом и конфуцианством) с более древними языческими верованиями. В китайском буддизме идол был не просто изображением божества, но его воплощением. Согласно китайской традиции, восходящей к древним «мальчикам-мертвецам», воплощавшим в

дни ритуальных празднеств своего умершего деда, этот идол представлялся чем-то вроде конкретного представителя самого божества. Соответственно создавался и ритуал. Нового идола вносили в храм, где имелось изображение того же божества. Затем у божества, воплощенного в старом идоле, просили отдать часть своей субстанции новому идолу. Только после этой церемонии нового идола помещали в построенный для него новый храм. Иногда после этого следовал специальный обряд «отверзания» (известный также и в других религиях), суть которого заключалась в том, что жрец смазывал кровью или красной тушью глаза, рот, нос и уши, а иногда руки и ноги идола. Считалось, что после этого идол уже целиком превращался в воплощение божества, которое могло все видеть, слышать и чувствовать.

Примечательно, что помимо наивысших государственных культов, отправление которых в их полном объеме было исключительной прерогативой императора, в религиозной системе Китая существовала большая группа культов высокого ранга, но имевших несколько более «демократический» статус. Это культы наиболее известных божеств и обожествленных героев, легендарных деятелей и исторических лиц, культ которых имел всеобщее признание, широкое распространение и, как правило, — официальную государственную поддержку. Эта поддержка выражалась в том, что император нередко лично принимал участие в торжествах жертвоприношения в соответствующем храме. Одними из первых в этой группе были культы великих родоначальников трех религий — Конфуция, Лао-цзы и Будды. В больших городах существовали специальные храмы в честь каждого из них, особенно в честь Конфуция. В маленьких городах и сельских кумирнях поклонение всем трем нередко совершалось в одном и том же храме, перед алтарем с табличками или даже бумажным иконописным изображением всей троицы, да еще в сопровождении добрых двух де-

сятков божеств более низкого ранга. Ритуал в честь Конфуция ежегодно в обязательном порядке совершал в столичном храме сам император. Кроме того, император обычно приносил жертвы в столичных храмах древнейших почитаемых легендарных мудрецов и «правителей» Китая — Хуанди, Шэньнуна, Фуси. Наконец, личным императорским благоволением пользовались еще два популярнейших общенародных культа — бодхисатвы Гуань-инь и бога войны Гуань-ди.

Насколько демократическим был процесс «причисления к лику святых» в Китае, можно убедиться на примере обожествления образа придворного полумудреца-полушута Дунфана Шо (правление императора У-ди). Странность и экстравагантность его поведения, столь необычные для Китая в целом, явились причиной ореола таинственности вокруг его личности. Рассказывали, будто лукавый царедворец сумел выкрасть персик бессмертия у самой богини Си-ванму, якобы навестившей императора У-ди. В последний раз его, по слухам, видели оседлавшим дракона и унесшимся в небо. Разумеется, после всего этого Дунфан Шо был без колебаний включен в число божеств-бессмертных.

Были и другие реальные исторические лица, удостоившиеся обожествления. Так, например, основателю даосской церкви Чжан Дао-лину, впоследствии объявленному бессмертным, народная фантазия приписала многие легендарные деяния. Согласно преданиям, он не только сумел вернуть себе молодость, приняв приготовленную им пилюлю бессмертия, но еще укротил злой дух белого тигра, пившего кровь людей, и обуздал огромного змея, отравлявшего прохожих ядовитыми испарениями. Кроме того, магическая сила Чжан Дао-лина якобы передавалась по наследству. Этим объясняются те чудеса, которые творил его внук Чжан Лу. Во время отступления войск он клал перед неприятельской армией на землю дощечку — и на этом месте появлялась река, чуть дальше клал другую — и вырастала высокая гора.

12

В «Книге перемен», или «Книге гаданий» («И цзин»), прослеживается несколько временных наслоений, возникших в разные эпохи. Они раскрывают представления древних китайцев о мире и действующих в нем законах. Самый архаичный уровень «Книги перемен» показывает противопоставление двух начал древнекитайской космогонии — ян и инь. Сначала они, возможно, обозначали самые первые из наблюдаемых противоположностей: отца и мать, небо и землю, свет и тьму, верх и низ. И лишь позже были переосмыслены в более общем плане — как символы всевозможных противоположностей. Ян и инь выражены в «Книге перемен» условными графическими обозначениями: сплошная черта (—), прерывистая черта (- -). Со временем символы приобрели форму триграмм, представляющих собой сочетание трех черточек, расположенных одна над другой. Число возможных сочетаний сплошных и прерывистых линий триграммы равно восьми. Все возможные триграммы воплощали жизненный цикл: возникновение, созревание, угасание, т. е. служили выражением закона движения жизни, свойственного всему космосу, как большому, так и малому, каким является человек. С течением времени триграммы были сведены в парные сочетания и составили гексаграммы. В еще более поздние времена графические символы были снабжены комментариями, которые привязывали их смысл к новым философским понятиям и явлениям социальной жизни. С самого начала система триграмм (а потом и гексаграмм) использовалась в Китае для гаданий. По ней судили о том, насколько данное действие или явление вписывается в общий закономерный ход вещей и что оно сулит — счастье или

несчастье. Особая условная схема позволяла включить любой вопрос в систему графически и численно выраженных координат, получить ответ и расшифровать его с помощью тех же правил.

БОЖЕСТВА — ПОКРОВИТЕЛИ ЛЮДЕЙ

Боги — покровители земледелия и податели культурных благ

*В китайской исторической традиции существует несколько мифов, повествующих о возникновении иероглифической письменности. Одна из них связывает возникновение иероглифической письменности с триграммами мифологического правителя древности Фуси (по легенде, царствовал в XXIX в. до н. э.). Народная молва приписывает Фуси сотворение письменных знаков по образу удивительных рисунков и узоров, которые он увидел однажды на спине крылатого дракона, показавшегося из реки Хуанхэ. По другой версии, на создание письменных знаков Фуси натолкнули следы, оставленные птицами на песке. Изначально Фуси нарисовал восемь триграмм, чтобы с их помощью постигнуть благодатную силу небесных духов и разделить по качествам все сущее (триграммы аналогичны тем, что использовались в «Книге перемен»). Триграммы (как и в «Книге перемен») представляли собой сочетания сплошной горизонтальной черты и черты, прерванной посередине. Сплошная горизонтальная черта есть символ единой изначальной силы света ян, а прерванная черта — символ противоположной силы тьмы инь. Именно во взаимодействии и борьбе этих двух сил древние философы усматривали источник развития и изменения мира.

Есть и иные версии возникновения китайской письменности. Согласно текстам древних философ-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

ских и исторических памятников, в XXV в. до н. э. жил некий Цан Цзе, который создавал иероглифические знаки по образу и подобию наблюдаемых в природе явлений — солнца, луны, деревьев, огня, гор — и изображений — следов на земле, оставленных птицами, прожилок на листьях деревьев. В связи с этим первые иероглифы назывались вяоцзишу, т. е. «знаки птичьих следов». Согласно преданию, у Цан Цзе было четыре глаза, а когда он был занят созданием иероглифов, то «с неба, подобно дождю, сыпались зерна проса, а по ночам завывали духи».

По другим преданиям, иероглифическую письменность передала императору Сюань Юаню появившаяся из реки Хуанхэ черепаха. Есть еще много иных мифов и легенд, касающихся происхождения этих начертаний.

БОЖЕСТВА — ПОКРОВИТЕЛИ СЕМЬИ

*Помимо приводящихся поверий процесс беременности и деторождения сопровождается множеством других установлений и правил поведения, касающихся не только женщин, но и мужчин.

Страх потерять ребенка должен удерживать мужчину от многих поступков, если его жена или наложница беременны. Например, особенно опасно вбивать в стену гвоздь, поскольку можно попасть в живущего в стене духа земли, и тогда ребенок родится калекой или слепым на один глаз; или же дух может парализовать кишки уже родившегося ребенка, у него случится запор, от которого он в конце концов умрет. Опасности, подстерегающие беременную женщину, с приближением родов только возрастают. Уже перед самым разрешением от бремени в доме ни в коем случае нельзя передвигать тяжелые предметы, поскольку хорошо известно, что духи земли любят поселяться в таких вещах, которые по причине их тяжести редко перестав-

ляют. Однако перемещение легких предметов тоже не лишено опасностей. Известны случаи, когда отцы, опасаясь, что ребенок может родиться со «свернутым» ухом, скатывали циновки, прежде в течение долгого времени покрывавшие кровати. Ремонт в доме соседа или своем собственном, шевеление земли вредят духам, формирующим младенца, находящегося в утробе, разрушают его тело и даже угрожают жизни. Насколько эти поверья живучи, свидетельствует тот факт, что в справочнике по акушерству под названием «Гуан шэн бао цзянь» («Драгоценное зеркало для помощи при родах») прямо говорится, что беременная женщина «не может присутствовать при начале любых работ, связанных с ремонтом или сооружением зданий или вскапыванием земли». Все вышеназванное может привести к рождению мертвого ребенка или к выкидышу. Справедливости ради стоит сказать, что преждевременные роды могут быть вызваны не только духами земли. На это способен каждый демон, который может даже оплодотворить женщину: она забеременеет и возрадуется, но беременность ее в конце концов окончится ничем.

Примечательно, что означенные поверья имеются практически во всех культурах, сохранивших в себе архаичные пласты, и основываются на народных преданиях. Восходят они, очевидно, к древнейшим временам, когда, по определению этнографов, основой мировоззрения являлась «симпатическая магия» (вера в то, что подобное порождает подобное).

ПРИРОДНЫЕ БОЖЕСТВА

Хэ-бо — дух реки Хуанхэ

*Култ водной стихии — морей, рек, озер, дождя и т. п. — играл очень большую роль в повседневной жизни китайцев. Дело в том, что в условиях Ки-

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

тая от воды (ее наличия, уровня и поведения) зависело очень многое, и в первую очередь благополучие страны и народа. Среди водных божеств наиболее видное место занимали лун-ваны, драконы-покровители водной стихии. По одной из версий, всего насчитывается четыре лун-вана, каждый из которых был божеством одного из четырех морей (Северного, Западного, Южного и Восточного), окружавших, согласно древнекитайским представлениям, со всех сторон четырехугольную Землю. Однако главным из них считался дракон Восточного моря, именно он почитался под именем Лун-вана, и к его помощи обращались китайцы в случае засухи или наводнения. По другой версии, был всего лишь один великий Лун-ван. Кроме него существовало пять популярных драконов чуть меньшего ранга. Морские драконы считались могущественными владыками, имевшими на морском дне огромные богатые дворцы и несчетное число приближенных и воинов. Кроме них в качестве божеств моря выступали и некоторые другие персоны — Чжао Хун, Ма Сянь, изображавшийся в виде дракона с одним рогом, и даже одна богиня моря, которая, судя по легенде, на протяжении ряда лет являлась по ночам к одному из купцов и в награду за любовные утехы оказывала ему помощь своими ценными советами.

За пресные воды отвечали четыре божества рек — Хуанхэ, Янцзы, Хуайхэ и Цзи. Иногда и их именовали лун-ванами, но чаще они выступали под другими именами. Дух Хуанхэ в древности именовался Хэ-бо, в основном тексте говорится о ежегодных человеческих жертвах, приносимых ему. Позже божеством этой реки стал почитаться дракон Лин Юань (высокопоставленный сановник, после смерти обожествленный). Божеством Янцзы был дракон Гуан Юань — тоже некогда один из чиновников древнего царства Сун. Духом Хуайхэ стал дракон Чжан Юань — один из танских чиновников, Цзи — дракон

Цин, в прошлом один из чиновников царства Чу. Духи остальных рек и озер были рангом ниже, хотя часто пользовались большой популярностью в народе (например, фея реки Ло, притока Хуанхэ, богиня реки Сицзян Лун-му («Мать драконов»), богиня реки Хань, притока Янцзы, Хэ Гу и др.). Кроме того, в число божеств и духов водной стихии входили также те, кто выступал не в качестве патрона отдельной реки, а как божество определенного явления. Например, божества высохших озер именовались Мянью, а сухого русла реки — Вэй. Духи Мянью имели облик двуглавого змея, духи Вэй — одноглавого с двумя туловищами. Духом морских волн был Ян-хоу, речных — У Цзы-суй.

**О том,
как коварную богиню вод Шуй-му
постигло справедливое
возмездие**

*-Речь идет о реальном наводнении, имевшем место в провинции Аньхуэй в 1574 году.

**Данная легенда примечательна тем, что наглядно демонстрирует особенности религиозного мировосприятия китайцев. Божества для них никогда не были мистически непостижимыми и не отвечающими за свои поступки персонами. Напротив, в них, особенно в божествах водной стихии, отвечающих за столь серьезное дело, видели прежде всего тех же чиновников, которым поручено определенное дело. Справляется божество со своим делом — ему воздаются почести и приносятся жертвы, допускает ошибки, ведущие к несчастьям и бедствиям, — ему напоминают о его долге, укоряют или даже наказывают. В этом пункте рационализм китайской религиозной системы достигает своей высшей точки. Иногда глиняное изображение божества даже топили в реке.

**Легенды о встречах
с водными божествами**

3

^Реальными прообразами морских демонов, возможно, были тюлени или морские котики.

ДУХИ, БЕСЫ И ОБОРОТНИ

Крысы-оборотни

1

*Возможно, подобное отношение к крысам кроется в том невероятном вреде, который приносили эти животные сельскому хозяйству. Нашествие крыс, съевших все припасы на своем пути, поэтому прочно ассоциировалось с несчастьем.

Лисы-оборотни

1

*В описываемых чертах лис, по всей вероятности, отобразились отрицательные черты, свойственные женщинам (недаром лиса ассоциируется с началом инь). Подобная символичность явилась причиной того, что данный образ органической частью вошел в китайскую литературу и на протяжении веков служил неисчерпаемым источником сюжетов для новелл и романов. О лисицах и их проделках, в частности, повествуется в рассказах Ляо Чжая, т. е. Пу Сун-лина, знаменитого китайского писателя, жившего в XVII в.

7

*В «Записках о прославленных горах» говорится: «Лиса в глубокой древности была развратной женщиной, и имя ей было А-Цзы. Потом она превратилась в лисицу». Вот почему, гласит легенда, оборотни этого рода по большей части называют себя А-Цзы.

Злокозненные духи

5

*Данный рассказ примечателен тем, что представляет собой тотемистический миф, однако уже в стадии разложения. Представление о звере-первопредке здесь как бы вывернуто наизнанку, рассказ превращается в своеобразную пародию, а табу на поедание тотемистического животного объясняется не причинами сакрального характера, а вполне бытовыми вещами — героиня рассказа слишком долго мылась и в результате превратилась в черепаху.

Злокозненные духи самоубийц

1

*Под ци в Китае подразумевали энергию, которой обладают живые существа. Большинство техник, практикующихся в целях самосовершенствования (дыхательные, физические упражнения, медитация) направлены на то, чтобы накапливать в организме ци и правильно распределять ее. Болезни, согласно этим воззрениям, возникают в результате либо недостатка ци, либо из-за ее неправильной циркуляции по энергетическим меридианам тела. Наука, изучающая техники накопления и распределения живой энергии, получила название цигун.

РАССКАЗЫ О ЧУДЕСАХ, ЗНАМЕНИЯХ И ПРЕДСКАЗАНИЯХ

20

*Данный рассказ имеет явное пародийное содержание и высмеивает основные сюжетные мотивы преданий о различного рода предзнаменованиях.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А

Амитаба — будда, правитель страны Ситянь («Западного рая») 166, 330

Аньхой — китайская провинция. В провинции Аньхой жила женщина, которую после ее смерти стали почитать как покровительницу повивальных бабок Гэ-гу, а также буддийский монах, который, по преданию, превратился после смерти в Дицзан-вана — владыку подземного царства 237, 329

Ао — гигантская черепаха, которая спасла бросившегося в море Куй-сина, ставшего впоследствии одним из помощников бога литературы 228

Ао-хоу — военачальник, потребовавший, чтобы император Чжоу Синь отменил казнь ни в чем не повинных Цзю-хоу и его дочери 394

Б

Ба — дочь Хуан-ди. Будучи демоном засухи, она помогла отцу справиться духами ветра дождя во время битвы с Чию 104

Байцзе — чудесный зверь, похожий на рогатого льва. Байцзе знал всех на свете духов, бесов и оборотней и поведал о них Хуан-ди 267

Бао Сы — любимая наложница Ю-вана 411—413

Бао Чжан — сановник, ставший после смерти судьей загробного мира 331

Бао-гун — судья загробного мира. При жизни — прославившийся своей справедливостью сановник Бао Чжан 331, 332

Баше — огромный удав, обитавший в озере Дунтинху. Баше причинял людям страдания и был убит стрелком И 137

Белин — правитель страны Шу. Белин получил власть из рук Ван-ди, после того как усмирив наводнение 253, 415

Бигань — легендарный герой, почитаемый как один из гражданских Цай-шэней (божеств богатства) 358

Бииняо («птицы, соединившие крылья») — птицы, имевшие по одному крылу, одной ноге и одному глазу. Бииняо могли летать по небу только парами 81

Билан — город, построенный в царствование Ю-вана специально для укрытия от невероятно размножившихся волков 411

Бися Юаньцзюнь («госпожа лазоревой зари») — дочь повелителя горы Тайшань, богиня-чадоподательница 235, 236

Бодхидхарма — буддийский патриарх, пришедший из Индии в Китай и ставший основателем чань-буддизма (дзен-буддизма) 168, 169

Бо-и и Шу-ци — двое стариков, обвинявшие У-вана в непочтительности к памяти отца 397, 398, 401

Бо-фу — сын императора Ю-вана и наложницы Бао Сы 411, 412

Бохай — морской залив на востоке Китая. В заливе Бохай, по преданию, находилась бездонная пропасть Гуйсюй 69, 171

Будда (Сиддхартха Гаутама Шакьямуни) — 1) полубог-полубогосудья, основатель одной из мировых религий, получившей название (по имени своего основателя) буддизм. Жил в V в. до н. э.; 2) общее наименование некоторых буддийских божеств 10, 11, 163—169, 266, 316, 330, 433, 434, 453, 454, 456

Бэйдоу — божество Северного ковша созвездия Большой Медведицы. Бэйдоу ведал смертями людей 192

Бянь — полководец императора Цзе-вана, покоривший страну Миньшань 388

Бянь Хэ — обожествленный покровитель ювелиров, пытавшийся поднести государям драгоценный, но необработанный нефрит. Двое правителей подвергли Бянь Хэ суровому наказанию, и лишь третий оценил его дар по достоинству 230, 231

Бянь Цяо — обожествленный врачеватель, который мог проникать взором во внутренности человека 222

В

- Ван Би** — известный мистик, оставивший суждение об отношении Конфуция и Лао-цзы к понятию «небытие» 162
- Ван Ман** — родственник императорского дома, узурпатор престола 368, 369, 371
- Ван Хай** — один из древних иньских правителей. Будучи в гостях у правителя страны Юи, Ван Хай погиб в результате дворцовой интриги 379—382
- Ван Хэн** — младший брат Ван Хая, интриговавший против него 379—383
- Ван-ди** — древний правитель страны Шу, превратившийся после смерти в кукушку 252—254
- Ванму Шичжэ** («посланницы матушки-владычицы») — служанки богини Си-ванму. Первоначально — чудесные птицы, позднее — прекрасные девушки 112
- Ванцзы** — девушка, которую избрал своей возлюбленной Цзян-хоу — дух-покровитель местности, где она жила 212, 213
- Ванцзы Цяо** — царевич, овладевший искусством даосской магии и обратившийся однажды в цикаду, чтобы испытать своего ученика 188
- Ван-цзюнь** — даосский святой, наставник бессмертного Мао Ина 187
- Верховный Предок** — божество, упоминаемое в качестве прапредка народа Чжоу (присутствует в качестве почитаемого божества во множестве других архаичных религий) 391, 392
- Воцюань** — бессмертный старец, подаривший государю Яо чудодейственные семена сосны 189
- Вэй** — одно из государств на территории древнего Китая. В середине III в. до н. э. — одно из самостоятельных царств, на которые был тогда разделен Китай 362, 370, 371
- Вэй Гу** — один из обожествленных покровителей медицины. При жизни был известен тем, что щедро и бескорыстно раздавал свои снадобья больным 222
- Вэй Шанцзюнь** — один из обожествленных покровителей медицины. При жизни прославился исцелением тяжело больного сановника 223
- Вэй, Гу и Кунью** — три вассала императора Цзе-вана, принявшие его сторону в войне против Тан-вана 388

Вэйто — небесный воитель, про которого рассказывали, что ему сам Будда Шакьямуни перед уходом в нирвану велел хранить закон 266

Вэйшуй — река, на берегу которой Вэнь-ван встретил своего будущего советника Цзян-тайгуна 68, 396, 410

Вэйшэ («извивающийся змей») — двуглавая змея, появлявшаяся из-под земли в фиолетовом одеянии и красных шапках 268, 269

Вэнь Чан (вэнь — «литература», чан — «блестящий») — обожествленный покровитель литературы и ученых. При жизни выделялся блестящими способностями, занимал высокие должности 227, 228

Вэнь-ван — мудрый чжоуский князь, воевавший против тирана Чжоу Синя. После своей победы Вэнь-ван занял трон Поднебесной империи и положил начало императорской династии Чжоу 156, 236, 237, 394—398

Вэнь-тяньван — см. *Тяньван*.

Вэньшу — бодхисатва, часто выступавший в роли защитника праведников. В частности, Вэньшу создал волшебную пагоду — талисман, при помощи которого Ли-тяньван смог держать в повиновении своего неистового сына Ночжа 264

Вэнь-Юаньшуй — небесный воитель, помощник владыки царства мертвых 260, 261

Г

Гаосинь-ван — одно из имен древнего императора Ди Ку 115-117

Го Аи — сын сановника Го Цзыя, женатый на одной из принцесс 226

Го Пу — искусный гадатель, сумевший, в частности, оживить лошадь при помощи волшебного существа, обитавшего в дупле дерева 202, 203

Го Цзый — обожествленный в качестве одного из богов счастья сановник и полководец, дом которого считался образцом семейного благочестия 224, 226

Гоуман — дух дерева, помощник Небесного Владыки Востока 95, 97, 99

Гу, Вэй и Куньу — см. *Вэй, Гу и Куньу*

Гуань Лунфэн — мудрый сановник императора-деспота Цзе-вана, поплатившийся жизнью за свои упреки в адрес государя 386

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Гуань Пин — приемный сын Гуань Юя (Гуань-ди) 220

Гуань Юй — см. *Гуань-ди*

Гуань-ди — один из самых популярных, всенародно чтимых богов-покровителей, историческим прототипом которого был благородный полководец Гуань Юй 217-220, 224

Гуаньинь — бодхисатва сострадания, богиня — спасительница и хранительница, подательница потомства 166, 219, 236, 238, 256

Гуй-му («мать бесов») — богиня-бесовка, утром рождающая тысячу бесов, а вечером поедающая их 268

Гуйсуй — бездна в восточной части залива Бохай. В бездну Гуйсуй стекались воды всех рек, морей, океанов и даже Небесной реки (Млечного Пути). При этом пучина не увеличивалась и не уменьшалась. В Гуйсуй, согласно преданию, плавали горы-острова, населенные бессмертными 171, 172

Гуишуй — река у горы Лишань, на берегу которой поселился Шунь, уйдя из родного дома 121

Гунь — герой, боровшийся с потоком. Чтобы справиться со своей задачей, Гунь похитил у Верховного Владыки саморастущую землю (сижан). За этот проступок Гунь был казнен, и дело его продолжил и успешно завершил сын Гуня — Юй 146, 147

Гу-соу — слепой старик, отец Шуня, ставшего впоследствии зятем и наследником государя Яо 120, 121, 123

Гэ Сюань — волшебник, любивший демонстрировать свое магическое искусство гостям 201, 202

Гэ-гу («тетушка Гэ») — божественная покровительница повивальных бабок 237, 238

Гэн — главнокомандующий войсками императора Цзе-вана 389

Д

Дай Ян — искусный гадатель, который, еще будучи ребенком, пять дней казался мертвым, в то время как его душа в сопровождении небесного посланца совершала путешествие по священным горам 340, 341

Дайюй — один из островов, населенных бессмертными 171

Дамо — китайский перевод имени Бодхидхарма («закон просветления») 168

Данай Фужень («госпожа великая бабушка») — одна из божественных покровительниц деторождения, при жизни оказавшая помощь при родах одной из китайских императриц 238

Даньчжу — непочтительный сын древнего императора Яо. Отец не хотел передать ему власть и поэтому избрал своим наследником Шуня 119

Дафэн («большой ветер») — чудовищная птица, убитая стрелком И 134, 137

Дацзэ — озеро, на полпути к которому умер от истощения великан из племени Куафу, догонявший солнце 68

Дашичжи — бодхисатва, считавшийся (наряду с Гуань-инь) одним из помощников будды Амитабы 166

Ди-Ку — древний верховный правитель, отец государя Яо 114, 115, 118

Дин — молодая женщина, замученная своей свекровью. Покончив с собой, Матушка Дин стала после смерти духом — покровительницей молодых женщин и девушек 366

Динлин — страна, населенная богатырями с человеческим туловищем и лошадиными ногами 71

Ди-тай — добрый дух, обитавший среди гор и оказывавший людям покровительство через посредство волшебных камней и чудотворного источника 271, 272

Дицзан-ван — бодхисатва, глава подземного царства, отождествляемый иногда с божеством земли 329, 330

Ди-цзюнь — древний правитель Поднебесной империи. Есть основания считать его тем же лицом, что и Ди-Ку 114

Диюй — подземное царство мертвых 325

Доу-му («матушка ковша») — богиня созвездия Большой Медведицы, ведавшая жизнью и смертью людей 192

Доу-фу («батюшка ковша») — супруг богини Доу-му 192

Доу-шэнь — богиня, уберегавшая младенцев от оспы 236

Ду-бо — сановник императора Сюань-вана. Оклеветанный Ду-бо был казнен, но три года спустя призрак Ду-бо убил Сюань-вана стрелой из лука 409, 410

Дугуан — равнина, где росло дерево Цзяньму и где, как считалось, находился центр неба и земли 92

Дун Юн — бедный юноша, которому небесная дева Цисяньньюй, ставшая его женой, помогла отработать деньги, потраченные на похороны его отца 354, 355

Дун-вангун — Небесный Владыка Востока, супруг богини Си-ванму 112, 173, 180, 241

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Дунтинху — озеро, в котором обитал чудовишный змей Баше 137

Дунфан Шо — обожествленный покровитель золотых и серебряных дел мастеров. При жизни — даосский святой, с именем которого связано множество чудес 231, 302

Дянь-му («матушка-молния») — богиня, держащая в руках зеркала, из которых возникает молния 243

Ж

Жошуй («слабая вода») — река, которая, согласно преданию, преграждала путь всякому, кто пытался проникнуть в священные места среди гор Куньлунь, где, согласно преданию, находился дворец Небесного Владыки Хуан-ди и жилище богини Си-ванму 112, 133

Жу-шоу — дух металла, помощник Владыки Запада 95, 99

И

И — легендарный стрелок, небожитель, посланный Верховным Владыкой на землю, чтобы избавить людей от бедствий 129—135, 137—144, 249, 250

И Инь — легендарный мудрец, служивший Тан-вану, затем Цзе-вану и вновь вернувшийся к Тан-вану, когда убедился, что правление Цзе-вана приближается к бесславному концу 386, 388

Инлун — могущественный и грозный дракон, выступавший на стороне Хуан-ди в его битве с Чию 103, 104, 106

Инчжоу — один из островов, населенных бессмертными 171

Инь (1) — философское и мифологическое понятие, символизирующее женского начало, север, тьму, смерть, землю. Противоположное понятие — *Ян* (см.) 12, 41, 314, 370, 440, 453, 458, 459, 464

Инь (2) — легендарная императорская династия, вторая в ряду трех древнейших династий (Ся, Инь, Чжоу) 372, 376, 379, 383, 384, 387, 391, 393, 397, 401

Инь (3) — астролог, которого безрассудный князь Чоу отправил в тюрьму, когда тот предостерег государя от ошибок 414

Инь-ши — многочисленный и могущественный род, пользовавшийся большим влиянием в правление императора Ю-вана 410

Ицзю — сын и наследник императора Ю-вана. Ю-ван, хотевший передать престол другому сыну — Бо-фу, безуспешно пытался погубить Ицзю 411—413

К

Кайлу-шэнь — божество, очищавшее от нечисти могилы перед захоронением. Его изображение обычно несли впереди гроба 330

Конфуций (Кун Фу-цзы) — древний мудрец, посвятивший всю свою жизнь проповеди учения, впоследствии названного его именем. Конфуцианство, наряду с даосизмом и буддизмом, явилось одним из «трех учений», легших в основу китайской религиозной системы 8, 9, 23, 24, 36, 37, 77, 152-160, 162, 163, 219, 220, 252, 443, 444, 452, 453, 456, 457

Куафушань — гора, где были пойманы чудесные кони, служившие впоследствии императору Му-вану 403

Куй — одноногий и безрогий бык, отличавшийся необычайно громким и устрашающим голосом. Из шкуры Куя по приказу Хуан-ди был сделан чудесный барабан 104, 105

Куй-син — один из помощников бога литературы Вэнь Чана. При жизни выдержал первым экзамены на ученую степень, но из-за своего безобразного лица не был удостоен аудиенции у государя 228

Кун Цзя — безрассудный и самонадеянный император из династии Ся 373—376, 384

Куньлунь — священные горы на западе Китая. Там, согласно преданию, находились чертоги Верховного Владыки Хуан-ди и Владычицы Запада Си-ванму 53, 93, 94, 112, 138, 356, 404

Кунью, Гу и Вэй — см. *Вэй, Гу и Кунью*

Л

Лангань — чудесное дерево, на котором рос прекрасный драгоценный камень, подобный нефриту и жемчугу 93, 94

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Лань — один из родов, ведших свое происхождение от песьеголового Паньху 117

Лань Цайхэ — даосский бессмертный, отличавшийся странным поведением и напоминавший юродивого 172, 178, 179, 187

Лао-цзы («старый ребенок») — легендарный основатель даосизма, служивший какое-то время хранителем архивов при дворе государя. Перед тем как покинул Китай и отправился на запад, написал книгу «Дао дэ цзин», в которой изложил свое учение 160—163, 175, 180, 187, 221, 233, 341, 444, 456

Лао-цзюнь («господь Лао») — одно из имен Лао-цзы, присвоенное ему в результате обожествления 160

Ли Бин — правитель страны Шу, который избавил свой народ от наводнений, в образе быка сразившись с речным божеством 254, 255

Ли и Чжун — небесные духи, которые по приказу Чжуаньсюя перерезали лестницы, соединявшие небо и землю 106

Ли Саньнян — обожествленная покровительница мельников, жена основателя одной из императорских династий. Когда ее муж был еще неизвестным воином, родственники заставляли Ли Саньнян крутить мельничный жернов 232

Ли Тегуай — даосский бессмертный. В то время как душа Ли Тегуая путешествовала по небу его ученик сжег тело учителя и тот был вынужден вселиться в тело только что умершего хромого нищего 172, 175, 176, 180

Ли-ван — император из династии Чжоу. Жестокий и жадный, он был изгнан собственным народом и скончался на чужбине 408

Линь Шуй-най — одна из богинь, покровительствовавших роженицам 237

Ли-тяньван — отец богатыря Ночжа, см. также *Тяньван* 263, 264

Личжу — трехглавый дух, охранявший дерево *Лангань* 93, 94

Лишань — гора, у подножия которой был убит император Ю-ван. Упоминается также в ряде других мифов и легенд 121, 230, 413

Ло Сюань — божественный глава «управы огня» 242

Лои — город, близ которого У-вану явились божества, вдохновившие его на решающее сражение с Чжоу Си-нем 398

Ло-цзу — даосский святой, покровитель нищих и цирюльников 233

Лошуй — река, божеством которой была Фу Фэй 249, 273, 388, 410, 411

Ло-шэнь — духи, избавляющие от глазных болезней. При жизни это были пять братьев Ло, которые совершили много злых дел, но раскаялись и покончили жизнь самоубийством 223

Лу — княжество, родина Конфуция 8, 152, 155, 158

Лу Бань — бог-покровитель плотников, архитекторов и мастеров по лаку. Согласно преданию, при жизни этого мастера многие изделия его рук обладали волшебными свойствами 229, 230

Лунбо — страна великанов, жители которой были превращены Небесным Владыкой в карликов, после того как один из них выловил несколько черепах, державших на своих спинах острова бессмертных 171

Лун-ван — царь драконов 74, 76, 222, 263, 264

Лунмынь («ворота дракона») — гора, в которой Юй, борющийся с потопом, буравил проход, причем путь ему освещало некое существо со светящейся жемчужиной во рту 147

Лутай («Оленья башня») — роскошный дворец, построенный императором Чжоу Синем для своих развлечений 393

Лэй — один из родов, ведших свое происхождение от песьеголового Паньху 117

Лэй-гун — бог грома 50—52, 242

Лэй-цзу — небесная государыня, супруга Хуан-ди 351

Лэйцзе — Озеро Грома, на берегу которого Хуасюй-ши ступила в след великана. Упоминается также в ряде других мифов и легенд 96, 105, 122

Лэй-шэнь (Лэй-шоу) — дух грома, чудовище с телом дракона и головой человека 97, 104, 105

Лю («ива») — ученик бессмертного Люй Дун-биня. По преданию, Лю был духом старой ивы — оборотнем, которого Люй Дун-бинь наставил на путь 175

Лю Бэй — правитель, которому бесстрашно и верно служил полководец Гуань Юй — прототип божественного Гуань-ди 217

Лю Лэй — неумелый и нерадивый смотритель драконов, служивший какое-то время императору Кун-цзя 374—376

Лю Хай — даосский отшельник, после смерти обожествленный в качестве бога монет 224, 225

Лю Хуань — один из духов огня, изображаемый с желтым лицом, в черном одеянии 242

Люй Дунбинь — даосский бессмертный, ученик Чжунли Цюаня. Согласно легенде, Чжунли Цюань убедил Люй Дун-бина вступить на путь дао, показав ему в сновидении судьбу, ожидавшую его в мире 172, 174, 175, 178, 225

М

Майтрейя — Будда Грядущего 165

Мао — высоко почитаемые в народе бессмертные братья. По преданию, Мао Ин управляет судьбами людей, Мао Гу устанавливает чины в мире бессмертных, а Мао Чжун охраняет человеческую жизнь 187

Ма-тяньван — см. *Тяньван*

Махакашьяпа — первый буддийский патриарх, ученик Будды Шакьямуни, получивший от него бессловесную передачу Учения 168

Ма-юаньыуай — небесных воитель, повелевавший стихиями и умевший превращать свой чудесный талисман — треугольный камешек — в любой другой предмет 261

Милэ — китайское наименование Будды Грядущего Майтрейи. Образ Милэ (смеющееся лицо, большой живот, заплечный мешок) сложился под влиянием легенды, согласно которой Будда Грядущего воплотился однажды в теле монаха по имени Ци Цы. Этим же объясняются прозвания «Смеющийся Будда» и «Толстобрюхий Милэ» 165

Минтяо — место решающей битвы между Тан-ваном и Цзе-ваном 389

Минцзя — чудесное дерево-календарь, на котором в первой половине каждого месяца ежедневно выросло по одному новому стручку, а во второй половине месяца каждый день один стручок отпадал 118

Му-ван — император из династии Чжоу, прославившийся своими чудесными путешествиями 402—408

Мунцзинь — река на берегу которой войско У-вана было остановлено снегопадом 398

Мэй-си — любимая наложница императора Цзе-вана. Когда государь покинул ее, Мэй-си стала интриговать в пользу врагов Цзе-вана 385, 388

Мэн Ту — сановник при дворе императора Ци, праведливый судья, под взглядом которого на одежде преступника проступали кровавые пятна 372, 373

Мэн Тянь — полководец, обожествленный в качестве бога кистей для письма, изобретение которых ему приписывалось 229

Мэн Цзян — невеста Си-ляна, погибшего на строительстве Великой Стены. Горестный плач Мэн Цзян, согласно легенде, вызвал обрушение недостроенной тогда Великой Стены 419, 420

Мэн-по («тетушка Мэн») — одно из божеств подземного мира. В павильоне Мэн-по душам перед новым воплощением давали выпить напиток забвения 327

Мянь-чэнь — правитель страны Юи, принимавший у себя Ван Хая и Ван Хэна — легендарных иньских князей 380, 382

Мяо Чжуан-ван — князь, отец принцессы Мяошань 167

Мяошань — принцесса, дочь князя Мяо Чжуан-вана. Согласно легенде, она была воплощением богини Гуаньинь 167

Н

Наньдоу — божество Южного ковша созвездия Большой Медведицы. Наньдоу ведал рожденьями людей 192

Ночжа — дерзкий и своевольный богатырь. Чтобы усмирить его буйный нрав, потребовался специальный талисман — волшебная пагода 263, 264

Ню-ван («князь волов») — бог-покровитель крупного рогатого скота 234

Нюйва — 1) древняя богиня — создательница и попечительница человечества; 2) сестра Фуси, которая вместе со своим братом избежала гибели во время всемирного потопа, после чего Фуси и Нюйва поженились и стали прародителями нового человечества 16, 45—49, 53, 54, 427—429, 431, 445

Нюйин и **Эхуан** — царевны, которых их отец, государь Яо, отдал в жены добродетельному Шуню 122, 123

Нюйхан — наложница императора Сюань-вана, оклеветавшая перед государем сановника Ду-бо 409

Нюйчоу — колдунья, пытавшаяся вызвать дождь во время небывалой засухи, которая установилась на земле, когда на небо взойшли сразу десять солнц 130, 131

Ню-лан — бедный пастух, который, пользуясь советами своего старого вола, женился на небесной ткачихе Чжи-нуй, а потом, когда высшие силы разлучили их, устремился к ней на небо 351—354

П

Пан — мать Тяньюй-юаньшуа 262, 263

Пань — один из родов, ведших свое происхождение от песьеголового Паньху 117

Паньгу — первопредок человечества, зародившийся в первоначальном, практически бесформенном мире, представлявшем собой нечто вроде огромного куриного яйца 43, 44, 425-427, 431, 437

Паньгуань — божество, ведающее судьбами людей, помощник Чэн-хуана — бога города 215, 216

Паньху — легендарный песьеголовый предок четырех древних родов (Пань, Лань, Лэй и Чжун), зять императора Гаосинь-вана (Ди-Ку) 115-118, 426, 427, 442

Путо — острова, на которых поселилась принцесса Мяо-шань (воплощение богини Гуаньинь) после своего возвращения из царства мертвых 167

Пуфу — великан, который, вместе с женой, по приказу Небесного Владыки должен был усмирить разлившиеся воды. Супруги-великаны не справились с задачей и были наказаны 145

Пэйтэй няннан («матушка, содействующая зачатию») — одна из божественных покровительниц семьи 236

Пэнлай — один из островов, населенных бессмертными 171

Пэн-цзу («старец Пэн») — древний долгожитель, про которого рассказывали, что он якобы преподнес Верховному Небесному Владыке необыкновенно вкусный суп из фазанов и был за это награжден долголетием 192, 193

С

Саньмаошань — гора, названная в честь трех бессмертных братьев Мао 187

Саоцин-нян («матушка, разметающая тучи») — богиня хорошей погоды 243

- Се** — легендарный первопредок иньцев 379
- Си-ванму** — Владычица Запада, обладательница снадобья бессмертия, богиня — покровительница бессмертных ///, *П2, 138, 139, 180, 230, 231, 241, 356, 404, 405*
- Силушань** — внезапно обрушившаяся гора, среди обломков которой стрелок И нашел нефритовый перстень — дар небес 134
- Си-лян** — юноша, угнанный на строительство Великой Стены и разлученный со своей невестой Мэн Цзян 419, 420
- Синсин** — удивительные животные с песьим туловищем и человеческим лицом. Поймать Синсин можно было, используя в качестве приманки вино 70, 71
- Синтянь** — мятежный великан, который, даже будучи обезглавлен, не утратил боевого духа: создал глаза и рот на своем туловище и исполнил воинственный танец 69
- Синь Сингоу-юаньшуай** — небесный воитель, бывший прежде бедным дровосеком, который обрел свое новое положение благодаря покровительству духа грома, принявшего облик петуха 262
- Ситянь** («западное небо», «страна под западным небом») — райская страна, где обретали перерождение люди, совершившие при жизни множество благих деяний. Владыкой Ситянь считался будда Амитаба 166
- Сихэ** — мать десяти солнц, правившая колесницей, в которой они по очереди выезжали на небо 129, 130, 133, 447
- Си-шэнь** — божество радости, входящее в свиту бога богатства 226
- Суйжэнь** («человек, добывший огонь трением») — мудрец, побывавший в стране Суймин, где он догадался, что для получения огня можно использовать трение 206
- Суймин** — страна, которая освещалась не солнцем, а огоньками, возникавшими от трения птичьих клювов о стволы деревьев 206
- Сунцзы няннян** («матушка, приносящая сыновей») — богиня-чадоподательница. При жизни — супруга легендарного Вэнь-вана, основателя династии Чжоу, у которого, согласно преданию, было более ста сыновей 235-237
- Суншань** — священная гора — символ Центра 240
- Сунь Бинь** — бог — покровитель сапожников, чоботарей и шорников. При жизни — военачальник, который

сам изготовил сапоги-протезы, заменившие ему отрубленные ноги 231, 232

Сунь Сымяо — бог — покровитель лекарей, аптекарей и торговцев снадобьями. При жизни — знаменитый медик, автор трактата «Тысяча золотых рецептов с комментариями» 221, 222

Сунь Цюань — первый повелитель царства У и основатель династии Сунь 210, 211

Сунь Чэнь — полководец, руководитель дворцового переворота. Сунь Чэнь казнил волшебника Сюй Гуана, сумевшего предвидеть его судьбу 198, 199

Сунь Э — сановник, смотритель императорского храма, занявший после смерти высокий пост в подземном царстве 336, 337

Сыма Янь — государь, объединивший под своей властью три самостоятельных царства, на которые был разделен Китай в середине III в. до н. э. 362

Сюань-ван — император из династии Чжоу. Сюань-ван погиб при сверхъестественных обстоятельствах: призрак казненного по его приказу сановник Ду-бо смертельно ранил Сюань-вана стрелой из лука 408—410

Сюаньмин — дух Севера, помощник Чжуаньсюя. Иначе назывался *Юйцян* (см.) 95

Сюань-ной — женщина с человеческой головой и туловищем птицы — фея, по совету которой Хуан-ди, боровшийся с Чию, выковал чудесный сияющий меч, которым можно было резать камни, словно глину 105

Сюаньцзун — император, при дворе которого служил даосский бессмертный Чжан Го 174

Сюй Дэн — даосский маг, друг и наставник Чжао Бина 196

Сюй Ю — известный мудрец, не пожелавший принять власть, которую предлагал ему император Яо 119, 120

Сюншуй — река, где свирепствовал Цзюин, зверь о девяти головах, изрыгавший из каждой пасти пламя и воду. Цзюин был убит стрелком И 134

Ся — легендарная императорская династия, основанная Юем - усмирителем потопа. Первая в ряду трех древнейших династий (Ся, Инь, Чжоу) 372, 374, 376, 384, 387, 389-391

Сян («слон») — сводный брат Шуня, будущего государя. Характером Сян был злобный и вредный, так же как и его мать — мачеха Шуня 121, 123, 125—128

Сянван — небесный дух, известный своей беспечностью и рассеянностью, но тем не менее сумевший найти черную жемчужину, которую обронил Хуан-ди 94

- Сяньи** — жена великана Юй-гуна, вознамерившегося передвинуть горы 68
- Сяньчи** («соленое озеро») — водоем, в котором омывалось очередное солнце, перед тем как взойти на небо 129
- Сяоян** — страна, населенная глупыми великанами-людоедами, которых можно было обмануть, подсунув им полые бамбуковые стволы 70
- Сятай** — башня-тюрьма, в подземелье которой был когда-то заточен Тан-ван по приказу Цзе-вана 387, 389

Т

- Тайи Чжэньжэнь** — даосский святой, воскресивший богатыря Ночжа после его вынужденного самоубийства 264
- Тай-суй** («великое божество времени») — бог, управлявший сменой времен года, месяцев и дней 241, 242
- Тайфэн** — доброе божество, обитавшее на Горе Согласия. Тайфэн обладал человеческим лицом, телом дикой кошки и лисьим хвостом; он появлялся перед людьми, окруженный ярким сиянием 271, 272, 373
- Тайхао** — одно из имен Владыки Востока Фуси 95, 97
- Тайшань** — священная гора — символ Востока, наиболее почитаемая из священных гор. Божество горы Тайшань считалось одним из владык подземного царства 236, 240, 241, 261, 336-338, 423
- Тайшань няннян** («матушка горы Тайшань») — прозвание богини-чадоподательницы *Бася Юаньцзюнь* (см.) — дочери повелителя горы Тайшань 236
- Тан-ван** — добродетельный иньский князь, одержавший победу в войне против тирана Цзе-вана и ставший основателем новой императорской династии 376, 379, 384, 386-391
- Тангу** («кипящая долина») место за Восточным морем, где посреди вечно бурлящей воды росли дерево Фусан, на котором обитали братья-солнца 129, 130
- Таньтай Цзыюй** — один из учеников Конфуция. Однажды во время переправы Таньтай Цзыюй не позволил речному духу силой отнять у него драгоценную регалию 252
- Товэй** — водяной дух, похожий на человека с рогами барана и когтями тигра 268
- Ту-бо** («дядюшка земли») — чудовища — древние хранители врат подземного царства 324

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Туди-шэнь («бог земли») — божество-покровитель определенной территории в сельской местности 207—210, 213

Тяньван («небесный князь») — общее наименование стражей, охранявших небесные врата, расположенные по четырем сторонам света. Они носили имена Ли-тяньван, Ма-тяньван, Чжао-тяньван и Вэнь-тяньван 263, 264

Тяньу — водяной дух с туловищем тигра, восемью ногами, десятью хвостами и восемью головами с человеческими лицами 268

Тянь-хоу («небесная императрица») — богиня моря, покровительница моряков. При жизни — девушка, умевшая плавать по морю на циновке и переправляться на острова на облаках 232, 233

Тяньюй-юаньшуай — небесный воитель, сын зеленого дракона, одержимый стремлением отомстить врагам своего отца 263

У

У — одно из государств на территории Древнего Китая. В середине III в. до н. э. — одно из самостоятельных царств, на которые был тогда разделен Китай 361, 362

У Цзысуй — бог приливов. При жизни — сановник, который пал жертвой клеветы и по приказу государя покончил с собой, после чего его тело в мешке из рыбьей кожи бросили в реку 244

У-ван — сын и преемник чжоуского князя Вэнь-вана, одержавший победу над тираном Чжоу Синем и положивший начало новой императорской династии 397—401, 403

Удай-юаньшуай — бог — покровитель музыкантов 233

У-ди — император, при дворе которого служил даосский святой — сановник Дунфан Шо 231, 302

Уло — прекрасная женщина-дух с человеческим лицом, пятнистой, как у барса, шкурой и жемчужно-белыми зубами. Уло жила на горе Цинъяошань и управляла одним из дворцов Небесного Владыки Хуан-ди 271

Утан — человек, стремившийся к бессмертию. За свои проступки Утан был отправлен в лунный дворец, чтобы срубить коричное дерево; но он рубил дерево, а оно

вновь срасталось, и никак ему не удавалось срубить его 140

Уфан — дворец, построенный на западе страны по приказу императора Цинь Шихуана 419

Ф

Фан Сян — древний маг, умевший отвращать нечисть и обожествленный впоследствии в качестве Кайлу-шэ-ня 330

Фан-ван — князь, поднявший мятеж против императора Гаосинь-вана и убитый чудесным псом Паньху 115, 116

Фанчжан — один из островов, населенных бессмертными 171

Фань Ин — мудрый отшельник, сумевший не сходя с места погасить пожар в далеком городе 199

Феникс — см. *Фэнхуан*

Фу Фэй — богиня реки Ло, супруга Хэ-бо — владыки реки Хуанхэ, возлюбленная легендарного стрелка И 244, 249, 250

Фусан («поддерживающее тутовое дерево») — чудесное дерево, на котором в древности обитали десять солнц 129, 149

Фуси — Небесный Владыка Востока, подаривший человечеству много полезных изобретений. В историзованной конфуцианской традиции Фуси (Тайхао) — правитель, бывший у власти с 2852 по 2737 до н. э. 49, 53, 54, 95-99, 205, 206, 249, 428, 431, 457, 459

Фуцун-гун — даос, наставник царевича Ванцзы Цяо 188

Фэй Чан-фан — искусный маг, прославившийся своей властью над демонами и призраками 195, 196

Фэйлянь — одно из божеств ветра — существо с телом оленя, головой птицы, но с рогами, хвостом змеи и пятнами барса 243

Фэн-бо («дядюшка-ветер») — божество ветра 103, 243, 399

Фэнмэн — вероломный ученик легендарного стрелка И, убивший своего учителя из чувства зависти 141—144

Фэнси — чудовище, гигантский кабан, губивший посевы и пожиравший людей и домашних животных. В конце концов Фэнси был убит стрелком И 137

Фэн-хоу — мудрый сановник Хуан-ди, изобретший «колесницу, указывающую на юг», чтобы вывести в, иска своего повелителя из сплошного тумана 102

Фэнхуан — чудесная царь-птица, представление о которой сложилось, вероятно, на основе образа павлина, водившегося на территории Китая в древнейшие времена. Согласно одному из описаний. Фэнхуан — птица с пышным хвостом, огромными глазами и гребнем типа трезубца на длинной ножке на голове 77, 96, 432

Х

Ханчжоу — город, который У Цзысюй, бог приливов, спас от затопления 244, 319

Хань Иньшэн — мальчик-нищий, умевший творить чудеса 197

Хань Сян — даосский бессмертный, получивший известность благодаря своим спорам с дядей-конфуцианцем ХаньЮем/72, 176, 177, 180

Хань Юй — мыслитель и литератор, конфуцианец-рационалист, потерпевший поражение в многолетнем споре со своим племянником, даосским магом Хань Сяно 176, 177

Хаолян — озеро, подле которого вознесся на небеса Лань Цайхэ 179

Хоу-ту — древнее божество — дух земли 95, 324

Хоу-ци («государь просо», «государь зерно») — божественный предок чжоусцев, научивший людей, как возделывать землю, чтобы получать богатый урожай 393

Ху («внезапный») — владыка Северного моря, который вместе с владыкой Южного моря Шу проделал отверстия в Хуньдуне, после чего из хаоса возник мир 42

Ху Цзиндэ и Цинь Шубао — двое полководцев, охранявшие двери императорской спальни от бесов и почитавшиеся впоследствии в качестве духов дверей 265

Хуажэнь — чародей, благодаря которому душа императора Му-вана совершила волшебное путешествие в небесный дворец 402, 403

Хуан-ди («желтый государь») — Небесный Владыка Центра, фактически Верховный Небесный Правитель, стоявший выше Владык Юга, Востока, Севера и Запада. Хуан-ди утвердил свою власть над землей в борьбе с Чию, подарил людям множество полезных изобретений и впоследствии, уступив верховную власть Чжуаньсюю, вознесся в небо на драконе. Последнее обстоя-

ятельство дало основание даосам почитать Хуан-ди как одного из первых бессмертных 69

Хуанхэ («желтая река») — одна из крупнейших рек Китая, божеством которой считался Хэ-бо — персонаж многочисленных преданий 68, 145, 147, 178, 244, 249, 252, 383, 386, 399, 459-463

Хуанъэ — мать Шаохао 97, 98

Хуасюй-ши («рожденная в стране Хуасюй») — мать Фуси 96

Хуашань — священная гора — символ Запада 145, 240

Хужэнь — страна, у жителей которой лица были челове-
чьи, а туловища рыбы 71

Хунань — китайская южная провинция, где находилась
священная гора Хэншань 240

Хуньдунь — некое существо, олицетворявшее собой первоначальный хаос, из которого возник мир, после того как Шу и Ху проделали в Хуньдуне отверстия 42, 43, 423, 424

Хуэй-ван — цинский князь, при помощи хитрости победивший жадного и себялюбивого правителя страны Шу 415-417

Хуэйкэ — ученик и преемник Бодхидхармы, отрубивший себе руку в доказательство своей непреклонной решимости постичь учение 168, 169

Хэ Сяньгу («бессмертная дева Хэ») — девушка, посвятившая жизнь овладению даосским учением и вошедшая в число наиболее популярных бессмертных 172, 179, 180, 187

Хэбин — город, который был обязан своим расцветом тому обстоятельству, что Шунь, еще до женитьбы на императорских дочерях, занимался в тех краях гончарным ремеслом 122

Хэ-бо («дядюшка реки») — дух реки Хуанхэ 147, 244, 249-252, 387, 399, 404, 461, 462

Хэнань — провинция в центре Китая, где находилась священная гора Суншань 240, 290

Хэншань — священная гора — символ Севера 240

Хэ-Хэ («согласие и единение») — божественные двойники, входящие в свиту бога монет Лю Хая 225

Ц

Цай-шэнь («бог богатства», «боги богатства») — божества богатства, особо почитаемые 224—226

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Цань-шэнь («божество шелководства») — девушка, ставшая богиней-шелкопрядом, после того как ее волшебным образом унесла из дома шкура убитого коня 349-351

Цао Гоцзю — даосский бессмертный, который был сыном первого министра и братом императрицы, однако оставил придворную жизнь и пустился на поиски наставника. Ученик Люй Дунбиня 172, 117, 178, 180

Цзао-фу — колесничий императора Му-вана, сопровождавший государя в его чудесных путешествиях 403, 404, 406

Цзао-шэнь — дух домашнего очага 213—215

Цзе-ван — последний император из династии Ся, тиран и деспот, потерпевший поражение от добродетельного иньского князя Тан-вана 384—389

Цзинвэй — небесная дева, которая утонула в море и превратилась в птицу 355

Цзинь-гу («девочка, принесенная богиней») — одно из имен Данай Фужень, мать которой, согласно одной из легенд, была оплодотворена лучом света, исходящим из пальца бодхисатвы Гуаньинь 238

Цзочи — чудовище со звериной головой и человеческим телом, обладавшее громоподобным голосом; из его пасти торчал огромный клык, похожий на бурав. Цзочи был побежден и убит стрелком И 134

Цзунбу — избавляющее от нечисти божество, в которое превратился после смерти стрелок И 144

Цзюин — зверь о девяти головах, изрыгавший из каждой пасти пламя и воду. Цзюин был побежден и убит стрелком И 134

Цзюйбаопэнь («ваза, собирающая сокровища») — волшебная ваза, многократно умножавшая положенные в нее предметы 226

Цзюйлин — древнее могучее божество, способное создавать и перемещать реки и горы 145

Цзян-тайгун — советник Вэнь-вана и наставник (позже советник) У-вана 236, 396—399

Цзян-хоу — один из духов-покровителей местности. При жизни это был человек по имени Цзян Цзы-вэнь, служивший начальником стражи и убитый в горах разбойниками 210—213

Цзянь Юань — мать первопредка чжоусцев Хоу-цзы 391, 392

Цзяньди — мать первопредка иньцев Се 379

Цзяньму — чудесное дерево, росшее на равнине Дугуан, являя собой как бы центр неба и земли 92

Цзяо-це («наложница-дракон») — одна из наложниц Цзевана. Цзяо-це была оборотнем-людоедом, умела превращаться в дракона 385

Цзяочун — дух, имевший человеческое тело и две головы, которые служили гнездами, где пчелы могли откладывать мед 268

Ци — второй император из династии Ся; Ци был сыном и наследником Юя, усмирившего Великий Потоп 151, 372, 373

Ци Цы — монах в теле которого, согласно легенде, воплотился Майтрейя (Будда Грядущего) 165

Цинлун («зеленый дракон») — дух — символ Востока. Фигурирует в сказании о Тяньюй-юаньшуае 262

Цинцю — озеро, близ которого стрелок И сразился с Дафэном 134

Цинъяошань — гора, на которой стоял один из принадлежавших Верховному Владыке Хуан-ди дворцов, управляемый женщиной-духом по имени Уло 271

Цинь — государство, в котором правил князь Хуэй-ван, при помощи хитрости победивший жадного и себялюбивого правителя страны Шу 302, 415, 416

Цинь Шихуан — один из наиболее могущественных китайских императоров, правивший в III в. до н. э. 419

Цинь Шубао и **Ху Цзиндэ** — двое полководцев, охранявшие двери императорской спальни от бесов и почитавшиеся впоследствии в качестве духов дверей 265

Ци-сяньньюй — небесная дева, ставшая женой бедного юноши Дун Юна, которому она помогла отработать деньги, потраченные на похороны его отца 354, 355

Цишань — гора, издревле почитаемая народом Чжоу 410

Цуй Вэньцзы — ученик царевича-мага Ванцзы Цяо. Наставник, желая испытать его, превратился в цикаду 188

Цуйшэньнянь («матушка, ускоряющая роды») — одна из божественных покровительниц деторождения 236, 238

Цыцзи Чжэньжэнь — бессмертный даос, боровшийся против зеленого дракона Цинлуна, вредившего людям 262, 263

Цюйфу — родной город Конфуция 160

Цюнсан — огромное тутовое дерево высотой в десять тысяч чжанов, с листьями, красными, как у клена, и крупными сочными ягодами, которые, согласно мифу, приносили долголетие 97, 98

Цюнсан-ши («рожденный у дерева Цюнсан») — прозвание Владыки Запада Шаохао 98

Чаньэ — жена стрелка И, богиня Луны 132, 138—140, 241, 249

Чаогэ — столица императора Чжоу Синя 393, 400

Чао-фу — друг мудреца Сюй Ю. Когда Сюй Ю демонстративно отказывали принять власть из рук государя Яо, Чао-фу упрекнул Сюй Ю в том, что тот преднамеренно создавал себе славу, от которой теперь хочет укрыться 120

Чжай И — полководец, готовившийся дать отпор узурпатору Ван Ману 368

Чжай Сюань — старший брат Чжай И. Однажды во двор Чжай Сюаня пробралась собака, передувившая всех гусей, что было предзнаменованием гибели рода Чжай 368, 369

Чжан — неисправимый лентяй, ставший, согласно одной из легенд, Цзао-шэнем — духом домашнего очага 214, 215

Чжан Го — даосский бессмертный, совершавший путешествия на осле, которого мог складывать, словно бумажного 172—174, 180

Чжан Сянь — божественный защитник младенцев от козней Небесного Пса, стремящегося их убивать 238, 239

Чжан Чжэньжэнь — бессмертный даос, наставник Тяньюй-юаньшуа 263

Чжао Бин — даосский маг, друг и ученик Сюй Дэна. Совершая чудеса, Чжао Бин был непрочь поозорничать 196, 197

Чжао Лян — коварный сановник императора Цзе-вана, способствовавший заточению Тан-вана в подземелье башни Сятай 387

Чжао-ван — император из династии Чжоу, погибший на обратном пути из страны Юэшан, куда он ездил за фазанами 401, 402

Чжао-тяньван см. *Тяньван*.

Чжи — один из самых умных небесных духов, не сумевший, однако, найти потерянную Хуан-ди жемчужину 94

Чжи-ной («ткачиха») — небесная дева, супруга Нью-лана («волопаса»), разлученная с ним по воле высших сил 351-354

Чжолу — древнее поле брани, на котором состоялась решающая битва между Хуан-ди и Чию 101, 106

- Чжоу** — императорская династия, последняя в ряду трех древнейших династий (Ся, Инь, Чжоу) 153, 156, 230, 236, 372, 391, 408, 410
- Чжоу Синь** — последний император из династии Инь 393, 394, 397, 400, 401, 404
- Чжоу Цан** — военачальник, помощник Гаунь Юя (Гуань-ди) 220
- Чжуан-цзы** (Чжуан Чжоу) — самый известный из последователей Лао-цзы, оставивший книгу рассуждений и притч 161, 221
- Чжуаньсюй** — Небесный Владыка Севера, позднее получивший верховную власть из рук Хуан-ди. По приказу Чжуаньсюя произошло окончательное разделение неба и земли 95, 96, 99, 106
- Чжужун** — божество огня 95, 242, 389
- Чжу-и** («красное платье») — один из помощников бога литературы Вэнь Чана. Заглядывая через плечо экзаменующегося, Чжу-и указывает, что следует писать в сочинении 228
- Чжун** — один из родов, ведших свое происхождение от песьеголового Паньху 117
- Чжун и Ли** — небесные духи, которые по приказу Чжуаньсюя перерезали лестницы, соединявшие небо и землю 106
- Чжун Куй** — повелитель демонов, появившийся в императорском дворце и проглотивший беса, который забрался в покои государя 273, 274
- Чжунли Цюань** — даосский бессмертный, который был известным полководцем, но однажды потерпел сокрушительное поражение и вступил на путь дао 172, 174, 176, 180
- Чжуншань** — гора, где обитал Дракон со свечой 76, 93, 210, 427
- Чигоу** — самый сильный из небесных духов, не сумевший, однако, найти потерянную Хуан-ди жемчужину 94
- Чисун-цзы** — бессмертный даос, чей опыт самосовершенствования вдохновил небесную деву Шао-нью 356
- Чи-цзинцзы** — один из духов огня, изображаемый с красным телом, красными волосами и бородой, в одежде из красных листьев 242
- Чию** — мятежный потомок Янь-ди, развязавший войну против Хуан-ди и потерпевший сокрушительное поражение 99-106, 351
- Чоу-хуа** — пустошь, в которой жило чудовище Цзочи, убитое стрелком И 134

Чуангун и Чуанму (Чуанпо) («господин кровати» и «матушка (тетушка) кровати») — божественная пара, охраняющая супружескую спальню и дарующая потомство 235

Чун-ван («князь насекомых») — божество — повелитель вредных насекомых, гадов, земноводных, червей 274, 275

Чунмин («двойной свет», «двойная ясность») — чудесная птица с двойными зрачками, отгонявшая злых духов 81, 82

Чэн-хуан — божество-покровитель города 207, 208

Чэн-цзи — любимая наложница императора Му-вана 405

Ш

Шан и Шэнь — две звезды, которые никогда одновременно не светили на небе. Управлять ими Ди-Ку поручил двум своим сыновьям — дерзким и своевольным, вечно ссорившимся между собой (см. Янь-бо и Ши-чжэ) 115

Шан Цзявэй — иньский правитель, сын Ван Хэна и племянник Ван Хая 383, 384

Шан-ди — одно из имен Верховного Небесного Владыки 113

Шаньдун — провинция на востоке Китая, где находилась священная гора Тайшань 230, 240

Шаньси — провинция на севере Китая, где находилась священная гора Хэншань 240

Шаолинь — монастырь, в котором благодаря Бодхидхарме зародился дзен-буддизм 168

Шао-ньюй — дочь Янь-ди, овладевшая даосской мудростью и ставшая бессмертной 355, 356

Шаохао (младший безбрежный [как небо]) — древний Небесный Владыка Запада, согласно другим преданиям — повелитель птичьего царства 95—99

Шапу — чудесное дерево, листья которого были похожи на веер; при каждом их движении возникал свежий ветер 119

Ши Сян — наставник, обучавший Конфуция музыке 156

Ши Чун — знаменитый богач, почитаемый в качестве одного из Цай-шэней 224

Шижоу — волшебное животное, представлявшее собой ком мяса, которое нельзя было съесть без остатка, так как на месте съеденного куска вырастал такой же 87', 88

Ши-мэнь — смотритель драконов, казненный императором Кун Цзя 375, 376

Ши-чжэ и **Янь-бо** — двое сыновей Ди-Ку. Они были дерзкие и своевольные, вечно ссорились между собой, так что отец послал их управлять двумя звездами, которые никогда одновременно не светили на небе 114

Шу (1) — владыка Южного моря, который, вместе с владыкой Северного моря Ху, проделал отверстия в Хуньдуне, после чего из хаоса возник мир 42

Шу (2) — одно из государств на территории Древнего Китая. В середине III в. до н. э. — одно из самостоятельных царств, на которые был тогда разделен Китай 66, 362, 415-417, 432

Шунь — один из мудрых идеальных правителей древности, зять и наследник государя Яо 36, 37, 120—127, 151, 154, 189, 372, 374, 438, 444, 449, 450

Шу-ци и **Бо-и** — двое стариков, обвинявшие У-вана в непочтительности к памяти отца 397, 398, 401

Шэнь и **Шан** — две звезды, которые никогда одновременно не светили на небе. Управлять ими Ди-Ку поручил двум своим сыновьям — дерзким и своевольным, вечно ссорившимся между собой (см. Ши-чжэ и Янь-бо) 115

Шэнь-нун («божественный земледelec») — одно из имен древнего солнечного бога Янь-ди. Под этим именем его почитали как покровителя земледелия и медицины 205, 223, 224

Шэньси — провинция на западе Китая, где находилась священная гора Хуашань 240

Шэньту и **Юйлэй** — хранители врат, ведущих в царство духов 264, 265

Шэнь-хоу — супруга императора Ю-вана, мать наследника Инзю 411, 413

Э

Эрфу — небесный дух, пытавшийся убить Яюя 133

Эхуан и **Нюйин** — царевны, которых их отец, государь Яо, отдал в жены добродетельному Шуню 122, 123

Ю

Юаньцзяо — один из островов, населенных бессмертными 171

Ю-ван — император из династии Чжоу, совершавший безрассудные поступки в угоду своей наложнице Бао Сы и лишившийся из-за этого престола 408, 410—413

Юду («столица мрака») — столица подземного мира 324

Юи — княжество, с которым торговали и воевали древние иньские правители 380—384

Юй — сын Гуня, легендарный герой — усмиритель Великого потопа 145—151

Юйгу — долина на самом краю света, где заходит солнце 68

Юй-гун — великан, вознамерившийся передвинуть горы 68, 69

Юй-ди — одно из имен Верховного Небесного Владыки 113, 214, 331

Юйлэй и Шэньту — хранители врат, ведущих в царство духов 264, 265

Юйхуан-шанди — одно из имен Верховного Небесного Владыки 113

Юйцян — божество моря и ветра, с человеческим лицом, но с туловищем рыбы или птицы 95, 99, 243

Юй-ши («повелитель дождей») — бог дождя 103, 243, 399

Юли — подземная тюрьма, в которую Чжоу Синь заточил Вэнь-вана 394

Юхуан — колдунья, предсказавшая великое будущее Чаньэ — жене стрелка И 139

Юэ-Ся Лаожэнь («подлунный старец») — божество бракосочетаний 235

Я

Ян — философское и мифологическое понятие, символизирующее мужское начало, юг, свет, жизнь, небо. Противоположное понятие - **Инь** (см.) 12, 41, 314, 370, 441, 453, 458, 459

Ян Хо — влиятельный и высокопоставленный чиновник, убеждавший Конфуция вступить на государственную службу 155

Ян-хоу — божество волн 252

Янцзы — одна из крупнейших рек Китая 226, 244, 253, 254

Янь Сюйцзы — прототип Янь-гуна, сановник, утонувший во время бури и явившийся в тот же день жителям родного уезда 232

Янь Юань — безвременно скончавшийся ученик Конфуция. На похоронах Янь Юаня Конфуций продемонстрировал понимание ритуала как внутреннего личностного переживания 156

Янь-бо и **Ши-чжэ** — см. *Ши-чже* и *Янь-бо*

Янь-ван (1) — владыка загробного мира (или глава пятого судилища ада) 330—332

Янь-ван (2) — Сюйский князь, поднявший мятеж против императора Му-вана, в то время как последний совершал свои путешествия 406—408

Яньгуан нянян («матушка зрения») — богиня зрения, исцелительница глазных болезней, а также охранительница от них 236

Янь-гун — покровитель моряков, обожествленный Янь Сюйцзы 232, 233

Янь-ди («повелитель пламени») — древний бог солнца, Небесный Владыка Юга. Почитался также под именем Шэньнун — в качестве божества, положившего начало земледелию 26, 28, 72, 95, 99-101, 205, 223, 355, 356, 435

Янь-ши — искусный мастер, создавший «живую куклу», которую император Му-ван принял за настоящего актера 405

Яо (предположительно, «высоченный») — совершенно мудрый государь Поднебесной империи. Согласно традиции, он правил в 2356— 2255 гг. до н. э., а затем уступил престол Шуню, не желая передавать его своему непутому сыну Даньчжу 81, 82, 118-120, 122, 126, 127, 131-133, 154, 189, 438, 439, 442, 445, 446, 449

Яо-ван («князь лекарств», «царь лекарей») — 1) бог — покровитель аптекарей и врачей; 2) почетный титул знаменитых медиков древности 220, 223

Яотай («Яшмовая башня») — роскошный дворец, построенный императором Цзе-ваном для своих развлечений 384

Яо-ци — дочь Янь-ди, небесная фея. Пролетая однажды над горой Ушань, она повстречала Юя, боровшегося с потопом, и поделилась с ним своими магическими знаниями 148, 355, 356

Яочи («Яшмовый пруд») — чудесный пруд возле жилища Си-ванму в горах Куньлунь 404

Яюй — красный бык-людоед с человеческим лицом и лошадиными ногами, издававший пронзительные звуки, похожие на плач ребенка. Яюй был убит стрелком И 133, 134

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Что читать о китайской мифологии

Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 2001.

Гань Бао. Записки о поисках духов. СПб., 2000.

Де Гроот Я. Демонология Древнего Китая. СПб., 2000.

Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2000.

Мифологический словарь. М., 1990.

Немировский А.М. Мифы и легенды Древнего Востока. М., 1994.

Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. Смоленск, 2000.

Энциклопедия для детей. Т. 6. Религии мира. М., 2000.

Юань Кэ. Мифы Древнего Китая. М., 1987.

Яншина Э.М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М., 1984.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Мир возникает из хаоса	41
Нюйва создает и опекает людей	45
Человечество возрождается после потопы	49
Удивительные существа, населявшие древний мир	55
Чудесные растения	90
Небесные владыки	95
Древнейшие правители поднебесной империи	114
Стрелок И — посланник и изгнанник небес	129
Юй — усмиритель великого потопы	145
Три религии Древнего Китая	152
Поиски бессмертия	170
Рассказы о магах и волшебниках	194
Божества — покровители людей	205
Божества — покровители семьи	235
Природные божества	240
Небесные воители	260
Духи, бесы и оборотни	267
Загробный мир	324
Сказания о небесных феях	349
Рассказы о чудесах, знамениях и предсказаниях	357
Легенды о древнейших императорских династиях: Ся, Инь и Чжоу	372
Легенды о других правителях и подданных	414
Примечания	423
Указатель	467

